

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ
САМАРСКАЯ ОБЛАСТНАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

К 150-летию со дня рождения П.А. Столыпина

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В РОССИИ
ЖИЗНЬ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
П.А. СТОЛЫПИНА

Межрегиональная научно-практическая конференция
(Самара, 21 апреля 2011 г.)

Материалы и доклады

Самара
Издательство «Самарский университет»
2011

УДК 947.083.71

ББК 63.3(0)53

В 58

В 58   Власть и общество в России : жизнь и государственная деятельность П. А. Столыпина : материалы и доклады межрегиональной научно-практической конференции (Самара, 21 апреля 2011 г.) / отв. редактор П. С. Кабытов. – Самара : Изд-во «Самарский университет», 2011. – 400 с.

ISBN 978-5-86465-511-5

В сборнике представлены статьи участников межрегиональной научно-практической конференции «Власть и общество в России – жизнь и государственная деятельность П. А. Столыпина», проходившей 21 апреля 2011 г. в Самарской областной универсальной научной библиотеке. Проблематика материалов сборника включает в себя изучение личности и деятельности премьер-министра П. А. Столыпина, его аграрных преобразований, сюжетов взаимодействия власти и общества в Российской империи XVIII – нач. XX вв.

УДК 947.083.71

ББК 63.3(0)53

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. П. С. Кабытов (ответственный редактор);

д-р ист. наук, проф. Э. Л. Дубман;

д-р ист. наук, проф. Ю. Н. Смирнов;

д-р ист. наук, проф. Н. Н. Кабытова;

д-р ист. наук, проф. В. В. Кондрашин;

канд. ист. наук, доц. К. И. Могилевский;

канд. ист. наук, доц. В. А. Тюрин (ответственный секретарь)

Фотографии предоставлены Фондом изучения наследия П. А. Столыпина

ISBN 978-5-86465-511-5

© Авторы, 2011

© Самарский государственный университет, 2011

© Оформление. Издательство «Самарский университет», 2011

© Фонд изучения наследия

П. А. Столыпина (фотоматериалы), 2011

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В РОССИИ – ЖИЗНЬ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ П.А. СТОЛЫПИНА»

21 апреля 2011 г. в Самарской областной универсальной научной библиотеке состоялась межрегиональная научно-практическая конференция «Власть и общество в России – жизнь и государственная деятельность П.А. Столыпина». Конференция была посвящена подготовке к празднованию 150-летия со дня рождения великого русского реформатора П.А. Столыпина (2 апреля 1862 г.) и столетней годовщине его трагической гибели (5 сентября 1911 г., Киев).

Осенью 2010 г. с идеей проведения конференции выступила кафедра российской истории Самарского государственного университета. Эта инициатива нашла всестороннюю поддержку Министерства культуры Самарской области и Самарской областной универсальной научной библиотеки (СОУНБ). В декабре 2010 г. был разработан план совместных действий трех учреждений по подготовке конференции, был сформирован и начал активную работу Оргкомитет. Сопредседателями Оргкомитета были избраны профессор, первый проректор, зав. кафедрой российской истории СамГУ Петр Серафимович Кабытов и директор Самарской областной универсальной научной библиотеки Лидия Алексеевна Анохина. Кроме того, в Оргкомитет вошли исполнительный директор Фонда изучения наследия П.А. Столыпина (г. Москва) Константин Ильич Могилевский, профессор Поволжской государственной социально-гуманитарной академии Александр Иванович Репинецкий, профессор СамГУ Эдуард Лейбович Дубман, профессор СамГУ Юрий Николаевич Смирнов. Координацией текущей подготовительной работы по проведению конференции занимались члены Оргкомитета: зам. директора по науке СОУНБ Наталья Михайловна Малкова, ученый секретарь СОУНБ Людмила Геннадьевна Завальная, доцент кафедры российской истории СамГУ Вадим Александрович Тюрин.

Средства для проведения конференции и издания сборника статей были предоставлены Министерством культуры Самарской области.

В течение декабря 2010 г. – апреля 2011 г. Оргкомитетом распространялась информация о конференции, производился конкурсный отбор заявок и материалов от участников конференции, разрабаты-

вались и изготавливались афиши, приглашения, информационные материалы. На сайтах СОУНБ и кафедры российской истории СамГУ были созданы разделы о данном научном форуме.

В программу конференции были включены 59 докладов научных сотрудников и преподавателей, общественных деятелей, аспирантов, магистрантов, студентов из 20 городов Российской Федерации – Москвы, Екатеринбурга, Казани, Самары, Тольятти, Саратова, Волгограда, Пензы, Липецка, Краснодара, Уфы, Братска и др. Заочное участие приняли украинские историки из Днепропетровска и Черкасс.

Среди участников конференции было 50 научных сотрудников и преподавателей, 5 аспирантов и магистрантов, 4 студента, которые представляли 31 учебное заведение или научный центр.

Всероссийская конференция «Власть и общество в России – жизнь и государственная деятельность П.А. Столыпина» имела очень насыщенную программу. 21 апреля 2011 г. перед началом пленарного заседания состоялась пресс-конференция для телевизионных и печатных СМИ, в которой приняли участие члены Оргкомитета и председатели секций.

Пленарное заседание конференции было открыто выступлением сопредседателя Оргкомитета, директора СОУНБ Л.А. Анохиной, которая обозначила цели и задачи конференции, выразила надежду на плодотворную работу. Затем с приветственной речью к участникам и слушателям обратились руководитель управления профессионального образования и науки министерства образования Самарской области Светлана Джаджа и ведущий специалист министерства культуры Самарской области Александр Голосарский.

В ходе пленарного заседания было заслушано три доклада. Заслуженный деятель науки РФ, проф. П.С. Кабытов в докладе «П.А. Столыпин и программа реформирования России» дал всестороннюю, комплексную оценку деятельности П.А. Столыпина в свете новейших достижений исторической науки. В докладе анализировалась самостоятельная, четкая и продуманная концепция модернизации экономического и общественно-политического строя России.

Огромный интерес вызвало выступление К.И. Могилевского, канд. ист. наук, исполнительного директора Фонда изучения наследия П.А. Столыпина (г. Москва). К.И. Могилевский рассказал о комплексе мероприятий, проводимых Фондом, об огромном внимании к наследию П.А. Столыпина со стороны федеральной власти, о мероприятиях по всероссийскому празднованию 150-летия со дня рождения

П.А. Столыпина, о перспективах изучения личности и деятельности выдающегося реформатора.

Завершал пленарное заседание доклад историков Марийского государственного университета – д-ра ист. наук, проф. А.Г. Иванова и канд. ист. наук, доц. А.А. Иванова «Мобилизация земельной собственности в деревне Среднего Поволжья и Приуралья в годы столыпинской аграрной реформы по данным анкетирования первых лет Советской власти». В докладе прозвучали новейшие оценки и малоизученные сюжеты осуществления столыпинской аграрной реформы в Среднем Поволжье.

Всего в конференц-зале СОУНБ на пленарном заседании присутствовало более 140 слушателей.

Особо стоит отметить активное участие Самарской областной научной библиотеки в проведении конференции. Вниманию участников конференции была представлена литературная экспозиция «П.А. Столыпин: личность и государственный деятель». Куратор выставки М. Сюмина рассказала о 3 разделах выставки: «Петр Аркадьевич Столыпин – реформатор, политик и патриот», «Столыпин – личность государственного деятеля», «Столыпин и Самарский край». Экспонатами явились 60 редких изданий из фондов библиотеки, преподносящих интереснейшие сведения о личности и деятельности П.А. Столыпина. Весь день конференции в малом выставочном зале библиотеки демонстрировались тематические фильмы В. Хотулева «Жизнь и смерть П.А. Столыпина» (2002) и Н.В. Сванидзе «1911» (серия «Исторические хроники (2005–2007)»). Для интернет-пользователей на сайте библиотеки (www.lib.smg.ru) была открыта виртуальная выставка с разнообразными материалами о жизни и деятельности П.А. Столыпина.

Второй частью конференции явилась работа тематических секций (одна из них – стендовая). В состав президиумов секций вошли ведущие профессора и преподаватели вузов Поволжья.

В президиум секции «Петр Аркадьевич Столыпин и аграрные преобразования в России первой трети XX века» вошли д-р ист. наук, проф. СамГУ Н.Н. Кабытова и д-р ист. наук, проф. Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН М.И. Роднов.

В Президиум секции «Петр Аркадьевич Столыпин и российский политический процесс начала XX века» вошли д-р ист. наук, проф. СамГУ П.С. Кабытов, исполнительный директор Фонда изучения наследия П.А. Столыпина К.И. Могилевский, д-р ист. наук, проф. СамГУ О.Б. Леонтьева.

Третья секция «Власть и общество в истории России XVII – середины XX веков» прошла под руководством д-ра ист. наук, проф. СамГУ Э.Л. Дубмана и д-ра ист. наук, проф. СамГУ Ю.Н. Смирнова.

Всего на трех секциях прозвучало 23 доклада историков Самары, Пензы, Уфы, Москвы, Йошкар-Олы, Саранска. Прозвучавшие на конференции доклады обладали актуальностью и исторической новизной, затрагивали дискуссионные проблемы современной исторической науки и вызвали живой отклик у аудитории. Всем участникам конференции были вручены грамоты и подарки.

В четвертой секции были представлены 13 стендовых докладов заочных участников конференции из Днепропетровска, Черкасс, Тамбова, Чебоксар, Братска, Краснодара, Москвы, Липецка, Новочеркасска, Саратова, Рязани и Уфы.

Подведение итогов конференции проходило в форме круглого стола, во время которого было принято единодушное решение считать конференцию состоявшейся. Участники круглого стола отметили высокий научный уровень прозвучавших докладов, безупречную организацию мероприятия, наметили перспективы и возможные направления сотрудничества в рамках научного сообщества историков Среднего Поволжья.

Таким образом, прошедшая 21 апреля 2011 г. в Самаре межрегиональная конференция «Власть и общество в России – жизнь и государственная деятельность П.А. Столыпина» привлекла большое внимание общественности и стала важным событием в научной жизни России. Конференция продемонстрировала неиссякающий интерес в проблематике взаимодействия власти и общества в России XVIII – начала XX вв. В рамках этого направления были поставлены новые вопросы, акцентировано внимание на нерешенных, дискуссионных проблемах.

Активное участие студенчества, наряду с профессорско-преподавательским составом, доказало преемственность и сохранение традиций российской исторической науки. Конференция продемонстрировала огромный интерес и искреннее уважение научного сообщества к личности и деятельности П.А. Столыпина и, надеемся, внесла важный вклад в изучение наследия великого российского реформатора.

П.С. Кабытов, В.А. Тюрин

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

П.А. СТОЛЫПИН И ПРОГРАММА РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИИ

Как ни парадоксально, но многие события в России повторяются. Особо трагичную роль в нашей истории имеют повторяющиеся в каждом столетии очередные смутные эпохи. Уже в XV веке Великое Московское княжество раздирали внутренние противоречия, переросшие в феодальную войну. 30–40-е гг. XVI в. были отмечены ожесточенной борьбой за власть боярских группировок. А опричина, инициированная Иваном IV, и Ливонская война породили хозяйственное разорение центра страны, что и обусловило Великую Смуту начала XVII в. XVII в. оказался щедрым на народные движения, которые охватили середину и 60-е годы и вылились в крупнейшее восстание под руководством С.Т. Разина. А затем началась борьба за власть между Софьей Алексеевной и Петром I, которая завершилась в XVIII в. установлением абсолютизма и чередой восстаний, дворцовых переворотов и восстанием под руководством Е.И. Пугачева. Войны, социальные конфликты приводили к расколу российской государственности и в XIX веке. А в XX столетии пропасть между властью и обществом стала столь велика, что послужила причиной двух русских революций. Вторая русская революция переросла в братоубийственную гражданскую войну. В целом системный кризис, начавшийся на рубеже XIX и XX вв. длился 22 года. Нельзя обойти и системный кризис, начавшийся горбачевской перестройкой и завершившийся крахом советской политической системы и рождением новой российской государственности.

Всматриваясь в глубину веков, отчетливо можно увидеть, что в процессе взаимодействия власти и общества существовали противоречия, которые резко обострялись в период народных волнений и смутных эпох. В силу каких причин возникают эти противоречия? Как правило, российское общество переживает системный кризис вследствие не решения комплекса задач. Что касается конца XIX – начала XX в., то ситуация в России резко ухудшилась в связи с голодом 1901–1902 гг., массовым крестьянским волнением, поражениями русской армии на театре русско-японской войны. В этой связи напомним, что накануне Великих реформ Россия также пере-

живала острый системный кризис, выход из которого был найден правительством императора Александра II, предложившего российскому обществу программу модернизации в рамках традиционной имперской политической системы [5].

Но уже к концу XIX в. программа Великих реформ исчерпала свои потенциальные возможности, а процесс модернизации России встретил открытое сопротивление как в политической сфере, так и в аграрном секторе экономики. А потому власть в условиях кризиса не могла преодолеть такие характерные для российского правительства (того времени, да и эпохи М.С. Горбачева) черты, как апатия, бессилие, нерешительность, некомпетентность, растерянность [7, с. 280]. Само российское общество находилось в неравновесном состоянии. Оно было расколото. Между обществом и властью возникла громадная пропасть. Особое внимание обращаем на характер развития неустойчивых ситуаций в историческом процессе, влияние субъективных факторов на развитие социальной системы [2, с. 67–85]. Вновь на повестку дня был поставлен вопрос о выборе путей общественного развития России, о смене типа модернизации экономической и социально-политической системы. И как всегда было предложено несколько программ обновления России – от радикальных и либеральных до консервативных. Революционный хаос способствовал нарастанию анархии в стране. В этих условиях власть и общество должны были найти новую систему отношений, с тем чтобы начать искать рациональный выход из системного кризиса.

Решение этих задач взял на себя последний реформатор Российской империи Петр Аркадьевич Столыпин [3]. Интересно отметить, что столичная правящая элита не могла выдвинуть из своей среды государственного деятеля, который мог бы взять на себя всю полноту ответственности за умиротворение общества и за подготовку программы реформирования страны. Суть этой программы состояла в ускорении модернизационных процессов и эволюционном реформировании государственного строя страны. Разрабатывая концепцию выхода из системного кризиса и методологию программы реформ, П.А. Столыпин писал: «Реформы во время революции необходимы, так как революцию породили в большей мере недостатки внутреннего уклада. Если заняться исключительно борьбой с революцией, то в лучшем случае устраним последствия, а не при-

чину... Обращать все творчество правительства на полицейские мероприятия – признак бессилия правящей власти» [9, с. 45]. При этом П.А. Столыпин считал необходимым использовать как российский исторический опыт и традиции, так и опыт Пруссии и Австрии, правительства которых, опираясь на силу, сами становились во главе реформ. Опора на силу, по мнению П.А. Столыпина, необходима была для того, чтобы восстановить закон и порядок, защитить мирный труд, жизнь и спокойствие населения страны, а потому эти меры «знаменуют не реакцию, а порядок, необходимый для развития самых широких реформ» [10, с. 41]. Новейший исследователь государственной деятельности П.А. Столыпина П.А. Пожигайло правомерно отмечает, что П.А. Столыпин блестяще справился с задачей умиротворения России и фактически обеспечил 12-летнюю паузу между двумя российскими революциями [5, с. 18].

Говоря о концептуальных составляющих методологии программы реформ П.А. Столыпина, отметим, прежде всего, то, что он предлагал создание в России правового государства. При этом оно должно не только сохранить свои исторические особенности, но и защищать свои традиции, что будет способствовать быстрейшему раскрепощению личности и формированию гражданского общества и в конечном счете ускорит процесс создания Великой России.

Программа построения новой России решалась П.А. Столыпиным с учетом исторического опыта формирования и функционирования российской государственности и традиций русского народа. Подчеркнем, что в его речах, выступлениях, письмах, а также в делопроизводственной переписке можно найти большое число высказываний о его неуклонной приверженности русским историческим началам, русскому национальному пути. Но был ли П.А. Столыпин националистом? Однозначно можно ответить на этот вопрос отрицательно. Скорее он был патриотом, подчеркивающим необходимость сохранения и упрочения «русского ствола», который выступал в качестве стенового хребта, выполнявшего цементирующую роль в истории российской государственности [9, с. 58–60; 5, с. 22].

П.А. Столыпин считал, что умиротворение страны и реализация программы реформ объективно будут способствовать укреплению государственного единства и территориальной целостности России.

Программа реформ П.А. Столыпина включала предоставление гражданских и политических прав личности. В этой связи мы подчеркиваем значение таких законодательных актов, как указ 5 октября 1906 г. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других податных сословий», расширивший крестьян. Значительный интерес представляют законопроекты П.А. Столыпина «О неприкосновенности личности и жилища и тайне корреспонденции», а также «Об изменении законоположений, касающихся перехода из одного исповедания в другое», которые, как и многие другие законопроекты, существенно расширяли права граждан и создавали условия для формирования правового государства.

Значительный интерес представляет законопроект П.А. Столыпина, закрепляющий права рабочих на экономические стачки. Планировалось также постепенно ограничить вмешательство властных структур в отношении между рабочими и предпринимателями, предоставление свобод профсоюзам и создание системы социальной защиты рабочих (страхование рабочих).

П.А. Столыпин отчетливо понимал необходимость проведения преобразований в народном образовании, науке и культуре, реализация которых в совокупности могла существенно ускорить ход модернизационных процессов в стране. П.А. Столыпин предполагал создание единой общедоступной сети (по сути дела, непрерывное образование), которое бы включало начальное, среднее и высшее образование. Первым шагом стал проект «Введение всеобщего начального обучения в России». Было разработано также «Положение о высших начальных училищах», «Правила о частных учебных заведениях, классах и курсах Министерства народного просвещения», «Положения о гимназиях Министерства народного просвещения», «Новый университетский устав» и другие законопроекты, существенно расширявшие образовательное пространство Российской империи.

П.А. Столыпину удалось провести реформу местного суда, которая имела прогрессивное значение, так как устанавливала равенство представителей всех сословий перед законом. Иная судьба была у «Проекта об изменении правил охранительного судопроизводства», который был призван защищать гражданские права личности. Этот проект рассматривался в II, III и IV Думе, но IV Дума не успела завершить его рассмотрение.

Социальную значимость имел законопроект и об учреждении опеки над сельскими обывателями вследствие расточительности», который защищал права семьи из-за пьянства или распутства главы крестьянской семьи.

Ряд столыпинских законопроектов был направлен на упрощение и ускорение судебного производства, на расширение прав обвиняемого во время следствия (введение защиты), на введение права условного осуждения и условного досрочного освобождения. Кроме гуманизации российского судопроизводства был разработан проект «Верховного военно-уголовного суда»; новые подходы содержались и в законопроекте «О судопроизводстве по преступным деяниям по службе», который был принят лишь 11 апреля 1917 г., но не был введен в действие.

Острую полемику в обществе вызвал законопроект «Об учреждении военно-полевых судов», который был введен по 87-й статье основных законов Российской империи. Его принятие было вызвано необходимостью скорейшего умиротворения революции. Он был инициирован для того, чтобы сбить волну терроризма, который усиливал анархию и панику среди населения. Этот указ, как и «Проект исключительного положения», относился к числу экстраординарных мер правительства, которое функционировало в экстремальных условиях революционной эпохи. Столыпин неоднократно подчеркивал, что эти чрезвычайные меры представляют собой «экстренную помощь» и носят краткосрочный характер: народные нравы «должны воспитываться законом» [11, с. 45–46].

Кроме того, по инициативе П.А. Столыпина был подготовлен «Устав полицейский», рассмотрение которого в первом российском парламенте затянулось вплоть до 1917 г.

Либеральный характер носили реформы местного управления и самоуправления. Предложенные П.А. Столыпиным реформы были «направлены на разделение функций местных землевладельцев, причем независимо от сословной принадлежности, и представителей коронной администрации» [5, с. 156]. Причем создавалась вертикаль от уезда до участка. Но эта реформа была торпедирована Государственным советом.

Существенных результатов достиг П.А. Столыпин в разработке аграрного законодательства. Указ 9 ноября 1906 г., Закон 14 мая 1917 г. «Положения о землеустройстве 1911 г. создали правовую основу для реформирования российской деревни» [3].

Реформистская платформа Столыпина органически вобрала в себя ряд программ, предложенных его предшественниками. Однако указ от 9 ноября 1906 года был актом личного мужества П.А. Столыпина, который полагал, что отсутствие «собственности на землю у крестьян создает все наше неустройство». В письме Л.Н. Толстому он отмечал, что «искусственное оскопление нашего крестьянина, уничтожение в нем врожденного чувства собственности ведет ко многому дурному, и главное, к бедности» [12, с. 175].

Современники часто порицали Столыпина за широкое пользование статьей 87, скопированной со знаменитой 14-й статьи австрийской конституции. Сам же Столыпин расценивал внедумское законодательство как действенный инструмент, с помощью которого можно вопреки правой оппозиции провести необходимые законы.

Выступая в II Думе 10 мая 1907 г., П.А. Столыпин отмечал, что нельзя видеть в принудительном отчуждении земли «волшебного средства, какой-то панацеи против всех бед». Он вновь призвал депутатов к созидательной работе. «Пробыв около 10 лет у дела земельного устройства, я пришел к глубокому убеждению, что в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна Великая Россия!» [11, с. 44–45].

Столыпинское аграрное законодательство было ломкой традиционного уклада жизни России. Выражая позицию правительства в своем выступлении в Думе (ноябрь 1907 г.), П.А. Столыпин подчеркивал, что необходима «не беспорядочная раздача земель, не успокоение бунта подачками – бунт погашается силой, а признание неприкосновенности частной собственности и, как следствие, отсюда вытекающее, создание мелкой личной собственности, реальное право выхода из общины».

Обсуждение указа 9 ноября 1906 г. началось в Думе 23 октября 1908 г. и шло около полугода. Правительство рассчитывало, что за это время политика разрушения общины и выделения крестьянина-собственника станет необратимой, пустит глубокие корни в деревне. Столыпин, выступая в Думе при обсуждении этого указа, отмечал, что «правительство ставило ставку не на убо-

гих и пьяных, а на крепких и сильных». «Крепкий личный собственник, – заявлял Столыпин, – нужен для переустройства нашего царства, переустройства на крепких монархических устоях» [8, с. 45–46, 75]. А.Я. Аврех отмечал ожесточенную полемику в ходе думских дебатов по этому вопросу, полагая, что «в основе кадетской критики указа лежал страх перед революцией» [1, с. 74]. Правые депутаты Думы, напротив, поддерживали «введение класса собственников».

Из всей программы П.А. Столыпина поддержку у помещного дворянства нашла только аграрная реформа, так как она была направлена на сохранение помещичьего землевладения, уничтожение общины и создание в деревне слоя крестьян-собственников. Пытаясь ликвидировать условия для новых социальных взрывов в деревне, помещики активно пропагандировали указ 9 ноября 1906 г. Союз земельных собственников разослал его числом свыше 100 тысяч экземпляров, снабдив воззванием к крестьянам. На II съезде уполномоченных дворянских обществ (14–18 ноября 1906 г.) помещики полностью одобрили правительственную аграрную политику. В выступлениях на съезде они подчеркивали, что необходимо «способствовать всеми мерами скорейшему переходу от общинного владения к подворному с устройством хуторов на отрубных участках», так как это «повлечет за собой прекращение аграрных беспорядков» [4, Т. 1, с. 224–225, 227–232].

Дворяне поддерживали и способствовали проведению в жизнь столыпинской аграрной реформы. Только небольшая часть правого консервативного дворянства негативно отнеслась к аграрной реформе.

Реализация реформы сдерживалась тем, что правительство стремилось во что бы то ни стало сохранить помещное землевладение. Несмотря на то что столыпинская реформа частично обновляла и приспособлявала старое землевладение к капиталистическому развитию, велась она в интересах помещиков и хуторян [14]. Это отмечали и сами дворяне: «левые партии смотрят на закон 9 ноября, как на изданный для помещиков, для того, чтобы населить эти местности мелкими помещиками, которые будут защищать свои интересы вкупе с другими крупными помещиками» [4, т. 2, кн. 1, с. 525]. Горячий поклонник Столыпина П.Б. Струве полагал, что его аграрная политика стоит «в кричащем противоречии с его остальной политикой» [6]. С его точки зрения, Столыпин

изменял экономический «фундамент» страны, в то время как вся его остальная политика поддерживала существующий правящий режим.

В 1909–1910 гг. П.А. Столыпин предпринял ряд поездок по стране (Полтава, Рига, Сибирь). Печать по-разному оценивала эти поездки. Например, газета «Земщина» писала, что П.А. Столыпин объезжает крестьянские хутора, места сибирского переселения. Прежде всего, эти поездки носили пропагандистский характер. По итогам поездки была издана записка, в которой показывается положительная роль крестьянского переселения для будущего развития Сибири как хозяйственной единицы, а также для улучшения положения крестьян [13].

В результате реализации столыпинской аграрной реформы число выступлений против власти и помещиков сократилось. Увеличилось количество земельных собственников из числа землеустроенных крестьян. В 1906–1914 гг. была создана инфраструктура сельского хозяйства, что являлось следствием развития земской агрономии, перехода к многопольному севообороту, роста урожайности зерновых и повышения товарности крестьянских хозяйств.

Таким образом, аграрная реформа способствовала более быстрому развитию промышленного потенциала России. В деревне на короткий срок была достигнута стабильность, однако она не смогла снять остроты противоречий между властью и обществом.

Исследование государственной деятельности П.А. Столыпина показало, что он имел самостоятельную, четкую и продуманную концепцию модернизации экономического и общественно-политического строя России. Встав во главе правительства, П.А. Столыпин последовательно проводил свои реформаторские идеи в жизнь. Это позволило ему в отличие от своих предшественников на этом посту – С.Ю. Витте, И.Л. Горемыкина – достаточно долго удерживаться на политическом Олимпе. Часть широкомасштабных преобразований, хотя и не без длительной политической борьбы, П.А. Столыпину удалось претворить в жизнь. Другие же из-за интриг политических партий и придворной бюрократии остались на бумаге. Вынужденный постоянно приспосабливаться к меняющейся расстановке политических сил, П.А. Столыпин не смог до конца реализовать свою программу. Она требовала высокой степени консолидации реформаторов, чего на практике в России никогда не было.

Библиографический список

1. Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991.
2. Бородин Л.И. История и хаос: модели синергетики в дискуссиях историков // Проблемы исторического познания. М., 2002.
3. Кабытов П.С. П.А. Столыпин: последний реформатор Российской империи. М., 2007.
4. Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. М., 2001.
5. Пожигайло П.А. Столыпинская программа преобразования России (1906–1911). М., 2007.
6. Русская мысль. 1909. № 11.
7. Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. М., 1992.
8. Сборник речей П.А. Столыпина. СПб., 1912.
9. Столыпин П.А. Мысли о России. М., 2006.
10. Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия: полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном совете 1906–1911. М., 1991.
11. Столыпин П.А. Программы реформ. М., 2003. Т. 1.
12. Столыпин П.А. Переписка. М., 2004.
13. Столыпин П. А., Кривошеин А.В. Поездка в Сибирь и Поволжье. Записка П.А. Столыпина и А.В. Кривошеина. СПб., 1911.
14. Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001.

К.И. Мозилевский

*Исполнительный директор Фонда
изучения наследия П.А. Столыпина (г. Москва)*

ФОНД ИЗУЧЕНИЯ НАСЛЕДИЯ П.А. СТОЛЫПИНА

Фонд изучения наследия П.А. Столыпина, основанный в 2001 году, на первом этапе своей деятельности поставил перед собой задачу определить, что представляет собой «наследие П.А. Столыпина», т.к. историографические представления о деятельности Столыпина и его реформах были основаны на ограниченном круге источников и явно неполны. Для решения данной задачи в 2001–2007 гг. Фондом была проделана большая работа по выявлению, сбору, изучению и публикации документов и материалов, характеризующих государственную деятельность и личную жизнь Столыпина, позволяющую преодолеть

имеющиеся историографические парадоксы и искажения. На этой основе Фондом издана серия фундаментальных публикаций, содержащих огромный массив источников, многие из которых впервые были введены в научный оборот. Их совокупность проясняет картину преобразований и личность реформатора и позволяет объективно судить о жизни и деятельности П.А. Столыпина.

Основополагающим в данной серии является состоящее из двух томов издание «П.А. Столыпин. Программа реформ. Документы и материалы» (М., 2003). В первом томе этой книги впервые опубликован комплекс законодательных документов и материалов, системно раскрывающий основные направления реформаторского курса Столыпина. В своей совокупности они позволяют понять замысел, содержание и механизмы реализации преобразований, закладывавших основы формирования в России рыночной экономики, выведивших Россию в число ведущих стран мира по темпам экономического развития, обеспечивавших укрепление ее целостности и единства, формирование среднего класса – основы гражданского общества и правового государства, повышение уровня образования и улучшение материального положения народа.

Говоря о принципах отбора документов для публикации, необходимо отметить, что интенсификация процесса модернизации России в начале XX века привела к невиданному ранее всплеску законотворчества. При формировании первого тома в публикацию были включены наиболее значимые, базовые документы, касавшиеся преобразования в ключевых сферах жизнедеятельности страны и затрагивавшие интересы подавляющего большинства ее населения. По преимуществу в томе представлены источники нормативного характера, но вместе с тем в книгу включены и две записки, подготовленные в Министерстве внутренних дел, поскольку они имеют концептуальное значение, раскрывают широкое видение реформы (в сфере местного управления и самоуправления) в контексте других преобразований. В публикацию был включен ряд законодательных актов, формально выходящих за хронологические рамки деятельности П.А. Столыпина на посту министра внутренних дел и главы правительства, но идеологически и содержательно отнесенных к общей программе его реформ. Вошли в публикацию и законопроекты, получившие силу закона уже после трагической кончины П.А. Столыпина, но разработанные в период его премьерства. Также необходимо было считаться с тем фактом, что в фондах Совета министров, отдельных министерств и ведомств, Со-

вета по делам местного хозяйства, а также Государственной думы и Государственного совета сформировались огромные массивы документов, отражающие разные стадии и уровни разработки законопроектов. Составители останавливали свой выбор на апробированных итоговых вариантах. В случае отклонения правительственного законопроекта Государственной думой или Государственным советом для публикации отбирался вариант, представленный правительством в Думу. Публикация документов в первом томе состоит из двух частей. В первую вошли выдержки из речей П.А. Столыпина, раскрывающие основные составляющие его мировоззрения, вторая часть книги состоит из восьми разделов, содержащих пакеты базовых законопроектов: «Права и свободы граждан», «Судебная реформа», «Реформа местного управления и самоуправления», «Земельная реформа», «Реформа социального законодательства», «Экономика и финансы», «Начальное образование», «Военная реформа».

Во второй том включено 144 законопроекта. Принципы выявления и отбора документов и материалов сохранены те же, что и в первом томе. Особенностью второго тома является: во-первых, значительное расширение круга законопроектов, охватывающих практически все стороны жизнедеятельности страны, и, во-вторых, помимо законопроектов концептуального стратегического значения, публикуются документы, которые свидетельствуют об оперативной реакции правительства П.А. Столыпина на уже реализуемые реформы и ставят своей целью их корректировку и совершенствование. Второй том состоит из семи разделов, структура которых в целом соответствует структуре первого тома. В первый раздел – «Реформирование силовых структур и судопроизводства» – вошли документы, раскрывающие сложный процесс формирования правового пространства в России. Если в первом томе основное внимание уделено реформе судебного устройства и судопроизводства, то во второй включены документы, которые характеризуют преобразование институтов и структур силовых органов. Второй раздел – «Местное управление и самоуправление» – продолжает и развивает соответствующий раздел первого тома. В третий раздел – «Переселенческая политика» – вошло 20 проектов, ряд из которых предусматривал принятие системы мер по значительному расширению земельного фонда для нужд переселения. Особую группу документов составляют проекты относительно финансовой поддержки переселенческого дела. К ним относятся проекты об отпуске средств на общепользные надобности переселенцев, на выдачу ссуд

на сельскохозяйственные улучшения, на ссуды и пособия при землеустройстве. Следующую группу составляют документы, раскрывающие механизм реализации землеустроительных мероприятий.

Документы четвертого раздела – «Социальное законодательство» – отражают политику правительства в отношении различных социальных слоев российского общества. В пятом разделе – «Экономика. Финансы. Инфраструктура» – публикуется комплекс законопроектов, касающихся следующих взаимосвязанных проблем: создание оптимальных условий, обеспечивающих высокие темпы экономического роста России, рационализация финансово-кредитной и налоговой системы, создание мобильной и эффективной инфраструктуры. Раздел шестой – «Среднее и высшее образование» – раскрывает основные тенденции в политике правительства в области народного просвещения: формирование единой образовательной системы в России, реорганизация дела подготовки учительских и преподавательских кадров, привлечение различных ресурсов – как государственных, так и общественных и частных. Последний, самый представительный раздел – «Наука и культура» – впервые вводит в научный оборот проекты, характеризующие политику правительства П.А. Столыпина в самых различных областях научной и культурной жизни России. Эта сторона деятельности премьер-министра в отечественной историографии до сегодняшнего дня практически не затрагивалась.

Таким образом, даже краткая характеристика опубликованных в двухтомнике «П.А. Столыпин. Программа реформ» документов и материалов позволяет сделать следующий общий вывод: правительство П.А. Столыпина разработало и предложило обществу масштабную программу системных реформ, реализация которых в полном объеме представляла реальный шанс избежать последующих революционных катаклизмов и направить развитие страны в общецивилизационное русло.

Логическим продолжением издания «П.А. Столыпин. Программа реформ. Документы и материалы» является издание «Законотворчество думских фракций. 1906–1917 гг. Документы и материалы» (М., 2006), подготовленное к 100-летию с начала деятельности Государственной думы в России. В этой книге впервые опубликован комплекс законодательных документов и материалов думских фракций, раскрывающий реформистский потенциал российского общества в начале XX века. В своей совокупности они позволяют понять замысел, содержание и механизмы реализации преобразований, предлагаемых

представителями правоконсервативных, либеральных, социалистических направлений общественной мысли России. Говоря об этой книге, необходимо отметить, что если издание «П.А. Столыпин. Программа реформ» содержит совокупность законопроектов, предложенных обществу исполнительной властью, правительством П.А. Столыпина, то издание «Законотворчество думских фракций 1906–1917 гг. Документы и материалы» – это «ответ» общества правительству, отражающий его конструктивный законотворческий потенциал. В издание включены социально значимые законопроекты, наиболее адекватно отражающие систему представлений того или иного направления общественной мысли и интересы соответствующих им социальных и политических страт, представленных в Думе фракциями.

Публикация состоит из четырех разделов, включающих пакеты законопроектов соответствующих думских фракций. В первый раздел вошел комплекс проектов, раскрывающих законодательную деятельность достаточно широкого и разношерстного спектра социальных и политических сил, оказавшихся на скамьях правого думского сектора. Анализ законодательной деятельности правоконсервативных фракций позволяет сделать следующее наблюдение: в I и II Думах правые силы оказались в дезорганизованном состоянии, что не могло не сказаться на их законотворческой работе, а в III и IV Думах наблюдается тенденция к их активизации, что, в частности, выразилось, и в увеличении числа представленных ими законопроектов. Во второй раздел вошли законопроекты основных думских либеральных фракций: октябристов, прогрессистов и кадетов. Именно эти фракции в целом адекватно отражали ведущие тенденции развития страны на ближайшую историческую перспективу. По целому ряду исходных параметров либеральные законопроекты совпали со столыпинской программой системных преобразований России, способствовали созданию здоровой конкурентной среды в области законотворчества. Третий раздел публикации включает основные законодательные проекты социалистических фракций, настаивавших на революционных методах реализации своей модели преобразования России, четвертый – законопроекты, предложенные национальными фракциями и казачьей группой.

Следующим в серии публикаций исторических источников, связанных с жизнью и деятельностью П.А. Столыпина, является фундаментальное издание «Тайна убийства Столыпина» (М., 2003). В данную публикацию впервые включен комплекс базовых архивных докумен-

тов и материалов, раскрывающих совокупность обстоятельств трагической гибели П.А. Столыпина, установленных в ходе следствия и суда над Д. Г. Богровым, а также расследований трех комиссий – сенаторов М.И. Трусевича, Н.З. Шульгина и Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. В книгу вошли нормативные акты по организации охраны и работе с секретной агентурой, официальная переписка и перлюстрация писем современников событий.

Говоря об этой книге, необходимо отметить, что подлинные причины гибели П.А. Столыпина продолжают оставаться еще до конца не раскрытыми и вызывают жаркие дискуссии среди исследователей. Убийство Столыпина всегда вызывало огромный интерес историков, публицистов и писателей, выдвигавших многочисленные версии произошедшего – это и заговор высших полицейских чинов, и преступная халатность и некомпетентность руководителей сыска, и еврейский заговор, и масоны, и даже причастность к убийству В.И. Ленина. О том, подкреплены ли эти версии документальными свидетельствами, читатель может сделать выводы, ознакомившись с блоком документов, касающихся трагических событий в Киеве 1 сентября 1911 года и составивших данную публикацию.

Следующее издание – «П.А. Столыпин. Переписка» (М., 2004) – является логическим продолжением рассмотренных выше фундаментальных публикаций. В отличие от предшествующих работ, базирующихся по преимуществу на сравнительно компактном комплексе документов и материалов, хранящихся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), работа составителей над данной книгой оказалась более трудоемкой и в плане выявления источников, и в процессе их комментирования. Во-первых, составителями было произведено комплексное обследование личного фонда П.А. Столыпина, хранящегося в РГИА, на предмет выявления материалов переписки П.А. Столыпина. Во-вторых, учитывая огромные масштабы официальных и личных связей Столыпина, составители провели огромную работу в архивах С.-Петербурга и Москвы в поисках его неопубликованных писем. Работа по выявлению велась в РГИА, ГАРФ, Российском государственном военно-историческом архиве, Архиве внешней политики Российской империи, Российском государственном архиве литературы и искусства, Российском государственном архиве древних актов, Архиве Российской Академии наук, Отделе рукописных фондов Государственного литературного музея, Рукописном отделе Института русской

литературы, Центральном историческом архиве г. Москвы, Отделе письменных источников Государственного исторического музея, Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург), Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Общее число писем, телеграмм, записок, включенных в публикацию, составляет 468, из них 36 писем к Николаю II, 254 – к государственным, политическим, общественным и культурным деятелям, 178 – к жене и друзьям. В издание включены все выявленные автографы личного характера, направленные разным адресатам, а также письма, записки и телеграммы официального характера, либо написанные собственноручно П.А. Столыпиным, либо по его личному указанию с четким предварительным определением содержания, текст которого затем правился им самим. В своей совокупности эти источники показывают, что Столыпин был реальным лидером, продемонстрировавшим качества генератора реформаторских идей, способным сформировать собственную команду единомышленников, нацеленных на решение приоритетных стратегических задач, хотя выявляют также и суть разногласий, имевших место в министерском и губернаторском корпусе, прорисовывая позиции отдельных министров и губернаторов, придерживавшихся иных политических позиций. Письма председателям II и III Государственной думы свидетельствуют о постоянном внимании премьер-министра к представительной ветви власти, о его стремлении наладить с ней сотрудничество, а письма общественным деятелям показывают, что Столыпин настойчиво добивался привлечения на свою сторону общественного мнения. Третий раздел составляют письма П.А. Столыпина жене и друзьям. В приложение включены речи П.А. Столыпина в Совете по делам местного хозяйства, являющиеся логическим продолжением и развитием его выступлений в Государственной думе и Государственном совете. Таким образом, можно сделать заключение, что включенные в издание эпистолярные источники отражают наиболее существенные проблемы внутренней и внешней политики и позволяют в совокупности с другими уже введенными в научный оборот источниками лучше понять основной замысел реформ и технологию их реализации.

Следующее рассматриваемое издание – «П.А. Столыпин. Грани таланта политика» (М., 2006) – логически завершает серию публикаций базовых источников, выявленных в федеральных государственных архивах. Название книги обусловлено характером публикуемых документов и материалов, которые в своей совокупности позволяют

раскрыть огромный творческий потенциал П.А. Столыпина, его глубокое и адекватное восприятие и понимание вызовов эпохи и в то же время проанализировать предложенную им российскому обществу реалистическую программу вывода России из системного кризиса, обеспечившую достижение политической стабильности и динамичного экономического роста, улучшение материального положения народа, начало разрешения сложнейших национальных и конфессиональных проблем, укрепление международных позиций России в мире. Публикуемые документы и материалы раскрывают творческую лабораторию П.А. Столыпина, всесторонне характеризуют его мировоззренческую позицию, понимание им роли России в мировой истории, его личную роль в разработке и реализации программы преобразования страны, напряженный поиск разумного компромисса между властью и обществом, попытки установления диалога между исполнительной и представительной ветвями власти, а также между общероссийскими и национальными политическими элитами. В первый раздел включен комплекс ранее вообще не известных или малоизвестных документов и материалов (записки, доклады, отчеты, циркуляры, рапорты, инструкции, телеграммы), раскрывающих различные стороны и аспекты деятельности П.А. Столыпина соответственно на посту губернского предводителя дворянства, губернатора, министра внутренних дел и премьер-министра. Во второй раздел включены письма, записки, а также телеграммы П.А. Столыпина, которые были выявлены в архивах за период с 2004 по 2006 годы. Также сюда вошло более ста писем министрам, главноуправляющим, великим князьям, политическим и общественным деятелям, в которых рассматриваются самые разнообразные вопросы, связанные с реформированием страны и выработкой эффективных мер для ее развития. В третьем разделе публикуются шесть интервью Столыпина, данных зарубежным и российским журналистам, а также уникальная, по мнению составителей, запись разговора П.А. Столыпина с Николаем II в марте 1911 года. В приложение включена «Записка председателя Совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь и Поволжье в 1910 г.», представляющая в настоящее время библиографическую редкость.

Говоря об изданиях Фонда, необходимо упомянуть также и публикацию «П.А. Столыпин. Мысли о России» (М., 2006). Это небольшое издание, рассчитанное на широкий круг читателей, включившее в себя комплекс наиболее ярких и образных крылатых выражений П.А. Сто-

лыпина, которые на протяжении XX века выдержали испытание временем, ибо отразили глубинную суть многовековой исторической судьбы России, непреходящие духовные и культурные ценности ее народов. Наряду с уже введенными в оборот выдержками из речей Столыпина в Государственной думе и Государственном совете, цитатами из его обширной переписки с государственными и общественными деятелями составители включили в книгу выдержки из интервью с корреспондентами отечественных и зарубежных газет.

В процессе работы по изданию рассмотренных выше публикаций документов и материалов, отражающих биографию и деятельность П.А. Столыпина, возникла идея подготовки биохроники его жизни и деятельности, которая позволила бы познакомить читателя с фактами личной биографии Петра Аркадьевича, пошагово показать его весьма интенсивную и многогранную деятельность на постах уездного и губернского предводителя дворянства, губернатора, министра внутренних дел, председателя Совета министров Российской империи, одновременно «вписав» эту деятельность в контекст исторической эпохи. Следует особо подчеркнуть, что «Биохроника» позволяет и исследователям, и широкой общественности не только «приблизиться к пониманию» Столыпина, но и дает богатейший материал для осмысления механизмов функционирования всего государственного аппарата Российской империи начала XX века на всех уровнях (уездном, губернском и имперском). На различных постах Столыпин показал, как и каких результатов можно достичь, если следовать принципу верного и искреннего служения своему Отечеству. Для составления «Биохроники» были использованы делопроизводственные материалы, периодические издания, источники личного происхождения (письма, дневники, воспоминания). Из делопроизводственных материалов это, прежде всего, формулярный список П.А. Столыпина, хранящийся в РГИА, позволяющий проследить движение Столыпина по службе, события семейной жизни, имущественное положение, а также циркуляры, постановления, всеподданнейшие доклады, выступления в Государственной думе и др., отражающие непосредственную деятельность П.А. Столыпина. Значительная по объему, а подчас уникальная информация о жизни Столыпина содержится в периодических изданиях – для составления «Биохроники» были систематически проработаны «Ковенские губернские ведомости» за 1889–1902 годы, «Гродненские губернские ведомости» за 1902–1903 годы, «Саратовские губернские ведомо-

сти» за 1903–1906 годы, «Правительственный вестник» за 1906–1911 годы, «Россия» за 1907–1911 годы, «Новое время» за 1906–1911, и другие периодические издания. Из источников личного происхождения особое значение имеет личная переписка П.А. Столыпина – были использованы письма, хранящиеся в РГИА в фондах Совета министров, Государственной думы, Государственного совета, Канцелярии министра внутренних дел, П.А. Столыпина и других фондах, а также дневники и воспоминания разных лиц. Говоря о «Биохронике», необходимо отметить, что данное издание не претендует на всеобъемлющую полноту, так как различные периоды биографии П.А. Столыпина неравномерно освещены имеющимися в научном обороте источниками; например, составители располагают довольно скудной информацией о детстве, юности Столыпина, годах его пребывания в Ковно. Таким образом, настоящее издание не закрывает тему биографии П.А. Столыпина, а является фундаментом для дальнейших исследований, возможно, дополнительные сведения будут со временем получены от историков и краеведов.

Реализация Фондом изучения наследия П.А. Столыпина крупномасштабного научно-исследовательского публикаторского проекта вызвала необходимость обращения к такому виду источников, как мемуары, позволяющие через «сшибку» мнений и суждений современников П.А. Столыпина дать более объективную оценку его личности. В издание «П.А. Столыпин глазами современников» (М., 2008) включен комплекс ранее неизвестных мемуаров современников П.А. Столыпина, позволяющих в своей совокупности значительно расширить представления о его облике, личных и деловых качествах, роли в подготовке и реализации системных преобразований России начала XX века. В издание также включена небольшая часть ранее опубликованных воспоминаний, уже давно ставших библиографической редкостью и, по сути, оставшихся вне сферы внимания научной общественности. Ядро публикации составляют воспоминания, выявленные в федеральных и региональных архивохранилищах, содержащие новую информацию о жизни и деятельности П.А. Столыпина. В своей совокупности воспоминания, вошедшие в данную книгу, не просто дополняют ранее опубликованные мемуары, а дают качественное приращение знаний о П.А. Столыпине. Всего в книгу вошло более тридцати воспоминаний родственников, сослуживцев, видных общественных и политических деятелей. В приложение включено более двадцати неопубликованных писем П.А. Столыпина.

Наряду с оценками деятельности Столыпина несомненный интерес представляют мнения экспертов о результатах реформ. В 1913 г. французский экономист Э. Тери по заданию своего правительства предпринял поездку в Россию с целью изучить на месте состояние ее экономики. Итогом стала книга «Экономическая модернизация России», вышедшая во Франции. Усилиями Фонда она была переведена на русский язык и издана в России (М., 2008). Книга содержит большой объем статистического материала, дополненного личными наблюдениями Тери. Один из главных его выводов: если дела у европейских народов после 1913 г. пойдут таким же образом, как в 1900–1913 гг., то к середине XX века Россия будет доминировать в Европе как в политическом, так и в экономическом отношении, а численность населения России превысит численность населения всех крупных европейских стран вместе взятых.

В ряде изданных Фондом монографий представлены попытки анализа государственной деятельности П.А. Столыпина. Среди них монографии П.А. Пожигайло и В.В. Шелохаева «Петр Аркадьевич Столыпин. Интеллект и воля» (М., 2005), П.А. Пожигайло «Столыпинская программа преобразования России» (М., 2007), К.И. Могилевского и К.А. Соловьева «П.А. Столыпин: личность и реформы» (Калининград, 2007; М., 2010; М., 2011). В данных монографиях впервые предпринята попытка комплексного анализа столыпинской концепции разрешения системных кризисов, программы его масштабных преобразований, технологий ее реализации, итогов и перспектив реформ для исторических судеб России. Исследования помогают понять исходный замысел, содержание и механизмы перемен, выведивших Россию в число ведущих мировых держав, обеспечивавших укрепление ее целостности и единства, формирование среднего класса, гражданского общества и правового государства, повышение уровня образования и улучшение материального положения народа.

В монографии К.И. Могилевского «Столыпинские реформы и местная элита: Совет по делам местного хозяйства (1908–1910)» (М., 2008) рассматривается опыт взаимодействия правительства П.А. Столыпина с местной элитой – представителями земских собраний и предводителями дворянства в рамках Совета по делам местного хозяйства. Анализируется состав, структура, функции, деятельность и значение Совета как площадки для совместной работы власти и общества над вопросами общегосударственного значения. Особое внимание уделяется ходу и результатам дискуссий по конкретным законопроектам.

Завершая обзор изданий Фонда изучения наследия П.А. Столыпина, можно заключить, что изданная Фондом серия фундаментальных документальных публикаций, содержащая огромный массив источников, дает реальную возможность исследователям начать качественно новый этап изучения деятельности одного из крупнейших российских государственных деятелей – П.А. Столыпина.

Фонд ведет активную работу по организации конференций и круглых столов, посвященных жизни и государственной деятельности П.А. Столыпина; распространяет изданные книги, проводит их презентации; иницирует конкурсы творческих работ школьников и студентов; активно участвует в научных мероприятиях, связанных с изучением деятельности П.А. Столыпина.

В 2010 году по инициативе Фонда был подготовлен Указ Президента Российской Федерации, предусматривающий празднование 150-летия со дня рождения П.А. Столыпина в 2012 году на государственном уровне. Распоряжением Правительства РФ был создан организационный комитет, который возглавил Председатель Правительства В.В. Путин. Президент Фонда П.А. Пожигайло, председатель ученого совета Фонда В.В. Шелохаев, исполнительный директор К.И. Могилевский вошли в состав оргкомитета.

*А.А. Иванов, А.Г. Иванов
Марийский государственный университет*

МОБИЛИЗАЦИЯ ЗЕМЕЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ДЕРЕВНЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ В ГОДЫ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ ПО ДАННЫМ АНКЕТИРОВАНИЯ ПЕРВЫХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В составе материалов делопроизводства государственных учреждений и народнохозяйственных ведомств России, научных и краеведческих учреждений в первые годы после установления Советской власти исключительное место занимают комплексы анкет (опросных листов), посвященных самым различным объектам исследования и обычно рассматриваемым в литературе как наиболее оперативный инструментарий для изучения ситуации в той или иной сфере деятельности или положения на местах. Масса первичных описаний была посвящена аграрным преобразованиям, но информативные

возможности подобных источников применительно к дореволюционному периоду охарактеризованы в меньшей мере [1]. Частично эта работа была проведена по «горячим следам» прошедших событий и в публикациях по отдельным территориям. Речь идет, прежде всего, о наименее изученном разделе документального комплекса «Анкет о формах современного землепользования», разработанных Отделом земельной статистики ЦСУ РСФСР в 1922 году [2; 3; 4].

В фонде ЦСУ Российского государственного архива экономики отложились подлинники опросных листов и первичные расчеты по 34 губерниям и областям европейской части страны. По отдельным губерниям общее количество анкет заметно варьировалось. По Поволжско-Уральскому региону диапазон включал от 12 анкет, поступивших из Симбирской губернии, до 72 по Вятской губернии. В среднем же этот показатель составлял 35–50 первоисточников (Пензенская губерния – 49, Самарская – 33, Уфимская – 40, Марийская АО – 37 и т. д.) [3; 5, д. 481, 485–487].

Каждая анкета была разделена на 21 пункт и 75 приходящихся на них вопросов. Вопросы не были пронумерованы как самостоятельные. Их количество на один пункт колебалось от одного до семи. Большинство вопросов были открытыми, т.е. отдавали инициативу в ответах самим так называемым добровольным корреспондентам (доброкорам), но многие из них сопровождались дополнительными и наводящими подвопросами.

Общая номенклатура тематических блоков опросных листов представляется в следующем виде: размеры населенного пункта, бывшая сословная принадлежность и этнический состав местного населения (п. 1–3); наделное землевладение в количественном отношении и «купчие» земли до 1917 года (4–5); помещичье и прочее «нетрудовое» землевладение до 1917 года (6); перераспределение между крестьянами помещичьих, хуторских и отрубных, купчих земель в послереволюционный период (7–10); характер и способы эксплуатации наделных земель до 1917 года (11); участковое землепользование до 1917 года (12–13); земельные переделы после 1917 года (14–15); отношение крестьян к «современному» порядку землепользования и способам его рационализации (16–17); землепользование и организация сельскохозяйственного производства в послереволюционных хуторах и отрубях (18–19); аренда земли (20); личное мнение о существующих земельных отношениях (21).

Таким образом, информативные ресурсы источника о дореволюционном землевладении, а соответственно, и мобилизации земельной собственности в рассматриваемый период напрямую связаны с возможностями определения специфики последнего в зависимости от прежнего сословно-социального статуса сельского населения и в определенной степени от его этнической принадлежности.

Остановимся на некоторых наиболее существенных моментах этих процессов.

Пункт четвертый опросного листа, посвященный наделному землевладению сельского населения в дореволюционный период, предполагал раскрытие трех показателей: общей площади надела описываемого селения, размера душевого надела и количества «душ». Наиболее оптимальным в источниковедческом плане из перечисленных показателей является определение размера душевого надела. В среднем по европейской части РСФСР эта цифра составила 2,6 десятины, столько же (по классификации Я. Бляхера) в Средневолжском районе и 5 десятин в Приуральском районе (колебания по восьми районам в целом от 1,1 до 5 дес.) [2, с. 133]. Однако средние показатели для рассматриваемых территорий могли существенно различаться в пределах каждого из административно-территориальных образований не только в масштабах губернии, но и уезда и волости. Так, в четырех анкетах по Бирскому уезду Уфимской губернии были зафиксированы следующие размеры душевого надела до революции: село Бураево Бураевской волости (татары, бывшие государственные крестьяне) – 2 дес., деревня Аскино Аскинской волости (переселенцы-белорусы) – 7,5 дес., село Байгузино Байгузинской волости (татары-«крестьяне») – 0,5 дес., дер. Старая Орья той же волости (марийцы-«крестьяне») – 1,0 дес. [3, с. 263–264; 5, д. 487, л. 482–490об.]. В другом уезде названной губернии – Белебеевском (10 опросных листов) – размеры душевого надела колебались от 1 до 173/4 дес. Причем по некоторым селениям сведения даны не были, т.к. земля была распределена ранее «по состоянию домохозяев» на «банковских» землях, т.е. этот показатель различался у каждого двора, как в деревне Островец Нигматуллинской волости. Но и это не все. Душевые наделы могли различаться и внутри населенного пункта. В селе Заитово Заитовской волости у «башкир» один душевой надел включал в себя 15 десятин, а у «тептярей» – 7 десятин [5, д. 487, л. 491–520об.]. Аналогичные процессы можно наблюдать в каждой из обследованных губерний Среднего Поволжья и Приуралья. Невысокая представительность опросных

листов Отдела земельной статистики не позволяет выделить общие закономерности в распределении наделной крестьянской земли, скорее свидетельствует о крайне пестроте этого показателя. Вместе с тем различные нюансы подобных процессов часто не отражены в других источниках, тем более на низовом уровне.

Общеизвестно также, что часть крестьян, не удовлетворенная земельной теснотой, пыталась решить эту проблему путем увеличения собственных наделов, приобретая землю в собственность. Отдел земельной статистики ЦСУ прямо устанавливал зависимость между величиной душевого надела и интенсивностью покупок земли. Если в среднем, по данным анкет, удельный вес селений с купчей землей составлял около 54 %, то в районах с минимальным наделом (Центрально-Земледельческий, Центрально-Промышленный, Приозерный) он поднимался до 60–70 % и, наоборот, в наиболее обеспеченных землей районах опускался едва ли не в два раза по сравнению с общероссийскими показателями. Исключение из этого правила составляли лесные северные и восточные районы. В интересующих нас Среднем Поволжье и Приуралье подмеченная выше тенденция прослеживается вполне отчетливо. В первом случае купчие земли имели 52 % селений (по данным 178 анкет), во втором – 24 % (по 135 анкетам) [2, с. 133–134].

Вопросы пятого пункта опросного листа позволяют не только выявить факты приобретения земли, но и определить соотношение купленных участков единолично или товариществами и удельный вес домохозяев каждого селения, принявших участие в этой процедуре. Как правило, единоличные покупки земли по количеству сделок преобладали над коллективными. Однако однозначные выводы в данном случае могут исказить действительное положение вещей. Анкеты ЦСУ показывают большое многообразие в движении купчих земель даже на уровне отдельного сельского общества. Дополнительные участки могли приобретаться целыми общинами как в виде товарищества, так и единолично, частями селений по обоим названным принципам, при этом в одном населенном пункте могли находиться и индивидуальные, и коллективные собственники или несколько последних. Данное обстоятельство хорошо иллюстрируется данными по Средневолжскому району, где из общего количества селений с купчими землями та их часть, которая располагала единолично купленными участками, составляла 96 %, с товарищеской землей – 35 % [2, с. 133]. В 35 анкетах по Самарской губернии было зафиксировано

23 случая наличия дополнительной земельной собственности, в том числе 17 случаев единолично купленных земель и 11 – приобретенных товариществами [5, д. 486, л. 103–108об., 257–355об.]. В селе Семеновка Вольносолянской волости Бугурусланского уезда названной губернии при наличии фонда купчих земель к индивидуальным владельцам относился всего один двор, а в составе товарищества, расположенного по соседству, значилось 40 дворов или «12 1/2 части» всех дворов. В слободе Ключи той же волости «единоличников» насчитывалось 5 дворов, а коллективных землевладельцев – «3-я часть населения» [5, д. 486, л. 278–286об.]. Можно привести примеры, характеризующие соотношение индивидуально и коллективно приобретенных земель с точностью до наоборот, но они будут находиться в явном меньшинстве. Говоря другими словами, количество крестьянских дворов, принявших участие в покупках дополнительных земельных участков в коллективе доминировало, что объясняется и рациональными факторами, и историческими сложившимися традициями хозяйствования на земле. Эту тенденцию показывают усредненные данные по РСФСР и крупным регионам. В Среднем Поволжье удельный вес селений, в которых индивидуально приобрели землю половина и более домохозяев того или иного населенного пункта, составил, по данным опроса, 9 % всей совокупности этой категории частновладельцев, а аналогичный показатель по товарищеским покупкам равнялся 47 %; в Приуралье соответственно: 24 и 50 % [2, с. 133].

Еще одним вариантом решения земельного вопроса для российского крестьянства в дореволюционный период, также прослеживаемого по сведениям добровольных корреспондентов, был переход к участковому землевладению, активизировавшийся с началом столыпинских аграрных преобразований. Организации и функционированию хуторов и отрубов до 1917 года были посвящены вопросы двух пунктов опросного листа: 12 и 13 [5, д. 487, л. 479–482об.]. Это не случайно, поскольку Отдел земельной статистики интересовало самостоятельное, не в составе общины, владение землей, организованное как на бывших надельных площадях, так и возникшее на «банковских, казенных и т.п. землях».

Как показали анкеты ЦСУ, в районах Среднего Поволжья и Приуралья выход части крестьян на хутор или отруб в начале XX века был обыденным явлением. По некоторым критериальным показателям этот процесс здесь даже опережал темпы по другим регионам Европейской России, но в целом скорее свидетельствовал о тенден-

циях и уровне развития сельскохозяйственного производства и сложившейся хозяйственной отраслевой специфики каждого региона. Так, наличие участкового землевладения на наделных землях, при среднем по стране показателе в 16 %, было отмечено в виде хуторов в 24 % селений Средневолжского района, в виде отрубов – в 23 % (по данным 182 опросных листов). В Приуральском районе эти показатели выражались в 16 и 8 % (по 124 опросным листам) [2, с. 136].

Вместе с тем наличие уточняющих вопросов опросных листов свидетельствует, что успехи аграрной реформы, связываемой с именем П.А. Столыпина, следует оценивать очень осторожно, в совокупности с информацией других источников статистического ряда. И в 12-м и в 13-м пунктах анкеты предлагалось ответить на вопрос о количестве крестьянских хозяйств, покинувших общину. Ответы поступали в разной форме, наряду с цифровыми показателями многие добровольные корреспонденты использовали неопределенные критерии. В итоге, по подсчетам Я. Бляхера, например, удельный вес селений, из которых случаев выделов хуторов (речь идет о наделных землях) было «много» или «мало», определялся: для Среднего Поволжья в 14 и 86 % (по 42 ответам анкет), для Приуралья – в 11 и 89 % (по 18 ответам). При этом не было ни одного случая, когда на хутора выходило все селение, притом что в Центрально-Земледельческом районе таковые составляли 5,2 % их общего количества, в Центрально-Промышленном районе – 13,1 % [2, с. 136]. В то же время совсем не редкостью был выход всей деревни на отруб. Такие факты зафиксированы по большинству изученных нами губерний и областей, в том числе не вошедших в разработку Отдела земельной статистики (деревня Горкино Силинской волости Ардатовского уезда Симбирской губернии, село Подбельское Подбельской волости Бугурусланского уезда Самарской губернии и др. [5, д. 486, л. 109–111об., 272–274об.]). Несколько особняком здесь выступают поселки переселенцев, прибывших из разных районов бывшей Российской империи и сразу же становившихся собственниками личных земельных паев.

Вообще судить о соотношении хуторского и отрубного землевладения по интересующему нас источнику очень сложно, т.к. анкеты ЦСУ дают сведения только о хуторах, образованных на вненаделных землях. В средневолжской деревне они были зафиксированы в 9 % селений, давших ответ на этот вопрос (по 151 первичному показанию), в приуральской – в 7 % (по 112 ответам) [2, с. 136]. Разработ-

чики опросного листа опустили аналогичный вопрос об отрубам. Между тем общеизвестно предпочтение, которое отдавало общинное прежде российское крестьянство в случае индивидуализации землевладения отрубам перед хуторами. Этот казус существенно снижает информативные возможности анкет ЦСУ по данной проблеме.

Последние два блока вопросов листов Отдела земельной статистики, посвященных сбору сведений о земельных отношениях до 1917 года, касались характеристики некрестьянского, по терминологии более позднего времени – «нетрудового», землевладения, а также особенностей дореволюционной внутриселенной передельной практики [5, д. 487, л. 479–482об.]. Каждый из блоков представляет несомненный интерес как сам по себе, так и в особенности в контексте последующей передвижки земельного фонда (в первом случае) или же в комплексном сопоставлении с послереволюционными аналогичными данными (второй случай).

Специальный вопрос был выделен для помещичьего землевладения, причем не в абстрактной форме, а с указанием на его количественные характеристики (размер), правда, в неопределенных показателях, владельцев и характер эксплуатации угодий (ведение собственного хозяйства или сдача в аренду крестьянам). Менее подробно требовалось осветить прочие формы некрестьянского землевладения: казенные, банковские, монастырские, церковные и др.

В завершение отметим тщательность и продуманность пункта 11 анкеты о механизме перераспределения наделной земли между односельчанами. Восемь его вопросов затрагивали буквально все аспекты этого важнейшего регулятора жизнедеятельности традиционных сельских сообществ России: виды, сроки переделов, разверсточные единицы и другие составные компоненты общей картины сложно организованного дореволюционного поземельного устройства и каждого отдельного населенного пункта и более крупных образований вплоть до экономико-географических районов включительно. Все это в совокупности с прочими обозначенными здесь пунктами названного раздела анкеты ЦСУ 1922 года свидетельствует о потенциальных возможностях расширения документальной базы по истории мобилизации земельной собственности в дореволюционной деревне Среднего Поволжья и Приуралья.

Библиографический список

1. Иванов А.А. Аграрные преобразования в России в 1917 – начале 1920-х годов. Источниковедческие очерки (по материалам Среднего Поволжья и Приуралья). Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2010.
2. Бляхер Я. Современное землепользование по данным специальной анкеты ЦСУ 1922 года // Вестник статистики. 1923. Кн. XIII. № 1–3. С. 131–152.
3. Анкеты ЦСУ РСФСР о землепользовании в Марийской автономной области (1922 год). Сборник документов / сост. А.А. Иванов. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2004.
4. Иванов А.А. Опросные листы Отдела земельной статистики ЦСУ РСФСР 1922 года как источник по истории аграрной революции в деревне Марийского края // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований: материалы I Всероссийской (IX межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья 12–13 мая 2006 г. Самара, 2007. С. 319–325.
5. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 9. Д. 479–489.

СЕКЦИЯ I.

**ПЕТР АРКАДЬЕВИЧ СТОЛЫПИН
И АГРАРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА**

АГРАРНАЯ РЕФОРМА П.А. СТОЛЫПИНА КАК ВЫЗОВ КРЕСТЬЯНСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Помимо стремления осуществить модернизацию аграрного сектора и восстановить утраченный в революционную эпоху социально-политический баланс, в качестве одной из целей столыпинской реформы выступала кардинальная ломка крестьянского сознания. Так, по словам О.Г. Вронского, государство вознамерилось изменить сознание мужика, вытеснив из его сознания желание пожить за счет частного владельца и казны и насадив идеал личного предпринимательства, минимализируя «урavnительно-распределительные иллюзии “общинного муравья”» [1, с. 345].

Однако столь модные ныне оценки, произвольно завышающие степень готовности крестьянского сознания к восприятию «ценностей производства и творчества, присущих свободной личности», идеализирующие собственно либеральные ценности, рассматриваемые подчас исключительно как положительный антипод архаичным варварским ценностям патриархального сознания, на наш взгляд, лишены конструктивного начала. И если на одной чаше весов находится суждение о необходимости ликвидации рудиментарных хозяйственных отношений, то на другой – вопрос о соответствии проводимых преобразований «базовым инстинктам народа» (П. Сорокин).

Обобщая результаты современных исследований в сфере изучения столыпинской аграрной реформы, можно вести речь о формировании определенной историографической традиции, закрепившей «оптимистическое» прочтение основных итогов анализа. В частности, Б.Н. Мионов в своей монографии оценивает последствия реформы как положительные и перспективные. Согласно с подсчетами автора, уже к началу столыпинской реформы за 1861–1905 гг. около 3,7 млн дворов, или 39 % всех крестьян – членов передельных общин, разочаровались или не доверяли полностью общинным порядкам. К 1917 г. процентное соотношение недовольных увеличилось до 56 % [2, с. 481–482]. Отнюдь не ставя под сомнения вычисления известного историка, позволим себе не согласиться с тем, что приведенные данные являются безусловным показателем естественного процесса разрушения общинного строя и, соответственно, «общинного» сознания.

Общие выводы В.Г. Тюкавкина относительно итогов преобразований также звучат достаточно жизнеутверждающе. По словам автора, за очень короткий срок – 8 лет – 3373 тыс., или 36,7 %, домохозяев изъявили желание (подали заявление) выйти из общины, а если оценивать этот показатель с учетом заявлений о землеустройстве, то окажется, что более двух третей домохозяев-общинников, или 6,2 млн, пожелали получить землю в личную частную собственность, и только Первая мировая война помешала провести реформу для большинства крестьян [3, с. 196–197].

Данные более чем впечатляющие, однако все же не стоит спешить с констатацией необратимых изменений в ментальной сфере. Во-первых, не следует забывать о «разности потенциалов» отдельных регионов к моменту начала реформационных преобразований, о возможном своеобразии «картин мира» крестьянских сообществ в Центре России и на окраинах империи. А во-вторых, признание тезиса об определенной статичности ментальных установок крестьянства не позволяет констатировать столь стремительную динамику ценностных ориентаций, нравственного идеала данной социальной общности: замену традиционного патриархального сознания либеральным, хотя бы в сфере производственно-хозяйственных отношений. К тому же глубинные преобразования производственного уклада в сельском хозяйстве вряд ли могут считаться успешными при ориентации только на экономическую эффективность. Не менее важной целью, спроецированной на жизненный строй сельского сообщества, призвано стать оптимальное решение проблем социальной справедливости [4, с. 121].

Обращение к традиционным каналам социальной коммуникации позволяет воссоздать основные реактивные зоны крестьянского менталитета. В частности, появление в структуре социальных представлений крестьянства категорий, связанных с идеей частной собственности, не могло не «читаться» как серьезная угроза существованию общинного микрокосма. И пока в общественном сознании будет доминировать идея равенства как гарантия выживания социальной общности в целом, подобные угрозы будут вызывать естественные проявления негативных речевых и поведенческих реакций.

Но, пожалуй, самыми убедительными аргументами в пользу существования в крестьянском сознании устойчивого коллективного представления о неприятии этических императивов насаждения частнособственнических устремлений в деревенской повседневности выступают многочисленные факты возвращения укрепивших землю вновь к общинному землепользованию, причем не на условиях продажи либо отказа от прав

собственности, оформленных нотариально (путем продажи обществу земли и вступления затем в общину по приемному приговору общества), а традиционным, закрепленным обычным правом, порядком. Так, в Пензенской губернии местные власти зафиксировали неоднократные случаи «самовольного возврата» в общину в 1909 г., когда выделенцы стали предоставлять свои участки «...в распоряжение общества и получали взамен их другие по жребию, т.е. участвовали в переделах на одинаковых основаниях с общинниками, без изменения, однако, площади земли, показанной в укрепительных документах» [5, л. 2].

В социально-психологическом аспекте движение за возвращение в общину детерминировалось ростом тревожности, опосредованным различными факторами, но так или иначе фокусировавшимся на перспективе возможного нарушения принципа равенства в праве получения земельных наделов соразмерно качеству почвы, а также численности крестьянской семьи при последующих переделах, что воспринималось в качестве основной угрозы стабильности бытия. В ответ на запрос министерства внутренних дел относительно таких «возвращенцев» от 4 августа 1909 г. земский начальник 4 участка Мокшанского уезда сообщал: «Что же касается самовольного возвращения в общину, то таких случаев очень много, так как при существующих в здешней местности ежегодных переделах укрепившие за собой землю пускают в дележ и свою землю наравне с прочими. Точного количества представить не имею возможности, но во всяком случае это большинство из 538 домохозяев, укрепленных мною» [5, л. 52].

Крестьяне демонстрировали стойкое неприятие насаждаемых форм земельной собственности в виде отрубного и хуторского хозяйства. Приоритеты общинников, равно как и выделенцев, достаточно очевидны. В Тепловском обществе того же уезда половина домохозяев укрепила свои участки, но в 1909 г., тем не менее, разделило землю на равное количество паев согласно прежним нормам жизнедеятельности. И хотя укрепившиеся протестовали и даже жаловались в волостной суд, однако отводить землю к одному месту категорически не соглашались, подчеркивая, что «...они укрепляли землю на равных с обществом условиях, т.е. выравнивая качество земли ежегодным трясением жеребьев» [5, л. 55]. В том же уезде в Соловцовской волости все крестьяне Маровского общества к весне 1908 г. укрепили свои наделы в личную собственность, но, тем не менее, ежегодно «выходили в поле и трясли жребий» и т. д. [5, л. 55об.].

По сути дела, «укрепление» воспринималось крестьянами только как право на возможность продажи и желание обезопасить себя от «снятия душ при прибавке таковых молодым», и только этим достигалась остано-

ка дальнейшего «прибавления разверсточных паев». Однако этот мотив можно рассматривать скорее как проявление крестьянского прагматизма, возможно, как основу для последующей модернизации сознания, но, никоим образом как свидетельство уже состоявшейся переоценки ценностей.

В своем стремлении сохранить принципиальные основания организации повседневности крестьяне проявляли особую солидарность и упорство. Чиновники, имевшие непосредственные контакты с крестьянами, эту сторону деревенской действительности определяли как «стадность», коей объяснялось в том числе и большое количество укреплений и появление столь же массовых случаев возвращения в общину. Боязнь разрыва соседских и родственных связей также блокировала устремления властей в деле организации отрубного хозяйства [5, л. 74об.]. В отчетной документации земских начальников Пензенской губернии за 1909 г. содержится крамольный, но выражающий объективное положение дел вывод относительно правительственного курса: «...частные ежегодные переделы пустили настолько глубокие корни, что сразу их не прекратить и закон 9 ноября при этих условиях не может иметь то значение, которое хочет ему придать законодательство» [5, л. 56].

Внутринадельное землеустройство также оказалось для крестьян делом «совершенно новым и малопонятным». Этот факт открыто признавался и чиновниками местных землеустроительных комиссий [6, л. 7]. Поэтому совершенно естественной реакцией общинников на попытки форсировать ход землеустройства будет пассивное противодействие реформе, выражавшееся в обыденных формах сопротивления, в бездействии или саботаже правительственных мероприятий. Проиллюстрируем данный факт на примере Горловского общества с. Кологривовки Мокшанского уезда Пензенской губ. В начале 1909 г. семь домохозяев общества изъявили желание укрепить в собственность свои наделы. Добровольного согласия мира в ходе переговоров достигнуто не было, однако вскоре после безуспешных переговоров горловцы принимают на сходе решение о разверстании всей надельной земли на отруба с отводом каждому домохозяину земли в двух местах, не считая усадьбы [6, л. 12об.]. Губернская комиссия признала такое разверстание «не отвечающим целям землеустройства», предложив крестьянам укрепить землю в один отруб для каждого. Этот вариант, в свою очередь, не устроил горловцев, и сход категорически отказался от проведения землеустроительных работ. Тем временем уездный съезд утвердил проект выделения четырех домохозяев данного общества (остальные под влиянием вышеописанных событий от выделения отказались), и 1 октября 1909 г. непрременный член уездной землеустроительной комиссии при-

ступил к проведению межевания. Тогда горловцы отказались выбирать уполномоченных «для присутствия при размещении укрепленных полос выделявшихся», а когда были задействованы «сторонние понятия», вновь заявили о своем желании всем обществом выйти на отруб. Соответствующий приговор общество через земского начальника передает в землеустроительную комиссию, и, не дожидаясь рассмотрения дела, землемер Козлов 12 октября уже выехал в Кологривовку для производства жеребьевки по распределению участков. Однако сельский сход вновь «уклонился» от участия в землеустройстве, заявив о своем нежелании разверстки по отрубам и отказавшись предоставить рабочих для межевых работ [6, л. 12об.].

Ситуация в Кологривовке рассматривалась на заседании губернской землеустроительной комиссии 16 ноября того же года, так как уездные чиновники потребовали от горловцев возмещения ущерба из-за нарушения прежних договоренностей. Необходимо отметить, что в этом вопросе губернская комиссия под председательством губернатора И.Ф. Кошко выступила на стороне крестьян, признав, что требование возместить убытки несостоятельно, так как общество решилось на выдел «не под влиянием искреннего желания перейти к отрубному хозяйству, а в результате уговоров неприменного члена Мокшанской землеустроительной комиссии», который «сознательно ускорил» процесс из-за опасения, что общество «одумается» [6, л. 6об.]. Характерно, что, по словам представителя уездной комиссии А.А. Попова, непостоянство крестьян в своем отношении к выделению было интерпретировано только как «форма протеста». Как отмечалось в материалах заседания губернской землеустроительной комиссии: «...крестьяне по своей личной инициативе от разверстки не отказались из боязни платить штраф, но, в душе не желая производить таковую, старались косвенными путями если не прямо воспрепятствовать межевой работе, то, во всяком случае, затруднить и даже затормозить». На сходе горловцы заявили представителю губернской комиссии, что никакой разверстки общество не желает и не желало, а если «под влиянием уговора неприменного члена уездной комиссии составило приговор, то только потому, что ему было жаль отдавать под отдельные выделы ту местность, где таковые были намечены» [6, л. 7]. Мы сознательно допустили описание довольно значительного фрагмента из материалов одного из региональных архивов с той целью, чтобы продемонстрировать практически полное отсутствие у жителей с. Кологривовки общего представления о целях и причинах землеустройства и о необходимости и соответствия преобразований их интересам.

Кроме того, следует отметить, что реализация законопроектов, направленных на разрушение общины, привела к нескольким неожиданным результатам, самым серьезным образом расходившимся с идеальным вариантом реформы. Столыпинские выделы из общины провоцировали новые переделы, т.е. объективно стимулировали оживление распределительной функции общины и, соответственно, вызывали новый виток консолидации остающихся в общине крестьян [7, с. 65]. По данным П.Н. Зырянова, после снижения количества переделов в голодном 1911 г., в 1913 и 1914 гг. произошло соответственно 73 и 130 переделов, тогда как в 1912 г. – всего 9 [8, с. 179]), что также может рассматриваться в качестве одной из форм обыденного сопротивления. Побудительной причиной подобной поведенческой практики следует рассматривать архаизацию общественного сознания, детерминированную ростом социально-психологической напряженности и страхом неизвестности. Объединенные общностью переживаний в своем поведении крестьяне будут руководствоваться представлениями, объективно имевшими характер мифологем «общинного архетипа», отраженных в сознании, возможно, только на уровне эмоционального восприятия действительности. Линия раскола, проходя через повседневную жизнь средневолжской деревни, не минует ни одно село, ведь общин, не затронутых процессом укрепления, почти не было.

Библиографический список

1. Вронский О. Г. Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905–1917). М., 2000. (Приводя подобное сравнение, О.Г. Вронский обозначил период 1911–1913 гг. как начальный в длительном процессе обретения деревней новых идеалов, хотя общее направление динамики сомнений у автора не вызывает.)
2. Миронов Б.Н. Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. Т. I. СПб., 1999.
3. Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001.
4. Коновалов В. С. Крестьянство и реформы: (Российская деревня в начале XX в.): аналитический обзор. М., 2000.
5. ГАПО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1715.
6. Там же. Ф. 45. Оп. 1. Д. 102.
7. Анфимов А.М. Неоконченные споры // Вопросы истории. 1997. № 6.
8. Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М., 1992.

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ

Вступление России в XX век было очень тяжелым. Неудачи русско-японской войны, экономический кризис, нерешенный аграрный вопрос, политическое и экономическое бесправие большинства населения много-миллионной империи привели страну к первой буржуазной революции 1905–1907 гг. Самым значительным итогом этого исторического явления было начало российского парламентаризма.

Первая и Вторая Государственные думы, заняв враждебную позицию по отношению к исполнительной власти, этой самой властью игнорировались и, встречая с ее стороны такое к себе отношение, вынуждены были оставаться в оппозиции, мало уделяя внимания практической плодотворной работе. Разрыв между правительством и Думой был опасен. Поэтому единственный путь, способный помешать этому, состоял в восстановлении нормальных отношений между этими учреждениями, что невозможно было без создания нового кабинета министров. Только новое министерство могло спасти авторитет правительства и восстановить к нему уважение народа. Наиболее трудным представлялся выбор министра внутренних дел. Именно на его плечи легло бы решение о подавлении революции и восстановлении в своем министерстве порядка и дисциплины. Таким министром стал Петр Аркадьевич Столыпин, человек, способный на решительные действия.

Столыпин объявил направления своей политики в подготовке важнейших законов: об улучшении крестьянского землевладения; об улучшении быта рабочих и, в частности, о государственном их страховании; о реформе местного управления; о преобразовании местных судов; о реформе высшей и средней школы; о подоходном налоге; о свободе вероисповедания; о неприкосновенности личности и гражданском равноправии в смысле устранения ограничений и стеснений отдельных групп населения; о земском самоуправлении в Прибалтийском, а также Северо- и Юго-Западном крае; о реформе полиции и многие другие.

Для России начала двадцатого века это было чрезвычайно значительная программа. Но наиболее важным вопросом был аграрный,

обладающий в России «странным свойством феникса, вновь возрождающегося из, казалось бы, потухшего пепла».

Земельная реформа реализовывалась в большинстве случаев царскими указами: 4 марта 1906 г. последовал Высочайший указ, в соответствии с которым на территории Российской империи создавались землеустроительные органы; 12 августа 1906 г. Крестьянскому Поземельному банку были переданы сельскохозяйственные удельные земли (собственность императорской фамилии).

Указом от 27 августа того же года был определен порядок продажи казенных земель: к продаже предназначались оброчные статьи лесные угодья, которые Главное управление землеустройства и земледелия признавало возможным назначить к отчуждению без ущерба для нужд местного населения. Земли продавались по цене, определяемой по капитализации средней доходности в данной местности соответственных угодий, применительно к правилам, установленным для оценки земель Крестьянского Поземельного банка. Сроки и порядок уплаты денежных взносов, льготы устанавливались на тех же основаниях, что и при покупке земель у Банка. Но те лица, которые на покупаемые земли переносили усадебную оседлость, получали дополнительные льготы по получению ссуд на хозяйственное устройство и бесплатный отпуск из казенных дач лесного материала для построек [1, с. 846]. Таким образом, данный закон показывает, что правительство в своей аграрной политике взяло курс на создание в деревне участкового хозяйства.

Но превращение крестьянина, воспитанного в уравнительно-перераспределительной атмосфере русской общины, в полноправный субъект правовых и рыночных отношений, было невозможно без предоставления ему прав полноправного, наравне с другими сословиями русского общества, гражданина.

Указ от 5 ноября 1906 г. «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний» установил равноправие крестьян с другими сословиями и предоставил им право свободного места жительства и профессии без потери права на земельный надел. Ранее при долговременных отлучках из деревни крестьянин был обязан получить паспорт из волостного управления, а при переезде из деревни на другое постоянное место жительства он должен был получить так называемый увольнительный приговор от общества и в этом случае терял земельный надел. Кроме того, Указ отменял ряд ограничений в правах крестьянства при поступлении на государственную службу и в учебные заведения, ограничения на семейные разделы и выдачу паспортов

(ранее для этого требовалось согласие сельского общества), отменялись права земских начальников без разрешения волостного суда арестовывать и штрафовать крестьян. Расширение гражданских прав крестьянства являлось важнейшей заслугой столыпинского законодательства.

Наконец, 9 ноября 1906 г. последовала самая важная мера в рассматриваемой нами земельной реформе – Указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающегося крестьянского землевладения и землепользования». Этот указ был издан в порядке статьи 87 Основных законов, которая предоставляла правительству право решать вопросы во время перерывов в работе Государственной думы и в случае исключительных обстоятельств, и являлся, по словам самого П.А. Столыпина, «коренной мыслью теперешнего правительства» [2, с. 105].

Указ 9 ноября 1906 г. открывался статьей, согласно которой, «каждый домохозяин, владеющий надельной землей на общинном праве, может во всякое время требовать укрепления за собой в личную собственность причитающейся ему части из означенной земли» [3, с. 969].

В Указе был изложен порядок закрепления земли в личную собственность. Свои требования крестьяне должны были передавать сельскому старосте, а затем они рассматривались на сходе. Сельское общество по приговору, который постановлялся простым большинством голосов, обязано было в течение одного месяца после подачи заявления о выделе вынести свое решение (ст. 6).

Указом определялись и порядки разрешения споров, связанных с укреплением земли, обжалования общественных приговоров и постановлений земских начальников, на которых лежало рассмотрение споров и исполнение заявлений о выделе земли в случае, если общество уклонится от вынесения приговора (ст. 7–9).

Так как укрепление надельной земли в личную собственность в землеустроительных начинаниях правительства считалось лишь переходной ступенью, а конечной целью землеустройства на крестьянских землях объявлялось создание хуторов, этот вопрос не мог быть обойден вниманием в указе. Статья 12 провозглашала, что «каждый домохозяин, за коим укреплены участки надельной земли, имеет право требовать, чтобы общество выделило ему, взамен сих участков, соответственный участок, по возможности, к одному месту» [3, с. 970]. Более желательным признавался переход к участковой форме землевладения сразу целым обществом.

Указ 9 ноября 1906 г. представлял собой наиважнейшее мероприятие по буржуазному реформированию деревни и должен был ускорить дальнейшее развитие сельского хозяйства в масштабах всей страны.

Прямым следствием указа 9 ноября 1906 г. стал Указ от 15 ноября 1906 г. «О выдаче Крестьянским Поземельным банком ссуд под залог надельных земель залога надельных земель». Укрепив надельную землю в личную собственность, крестьянин приобретал и право распоряжения ею, в том числе право залога земли. Получаемый кредит должен был облегчить крестьянам возможность получения необходимых для расширения землевладения и улучшения землепользования денежных средств.

В последующие годы в правительственной политике по реформированию земельных отношений с отчетливостью выявилась тенденция на ускорение создания на крестьянских землях участков хуторского и отрубного типов. Политический и экономический эффект чересполосных выходов из общины был невелик. Такие выходы фактически не меняли привычного хозяйственного уклада деревни, не изменяли взгляды и настроения крестьянства, а значит, не соответствовали основной цели реформы. П.А. Столыпин и его правительство прекрасно понимали, что чересполосное укрепление надельной земли не создаст «крепкого собственника». 15 октября 1908 г. по согласованию министров юстиции, внутренних дел и Главного управления землеустройства и земледелия были изданы «Временные правила о выделе надельной земли к одним местам». В правилах особо оговаривалось, что «наиболее совершенным типом земельного устройства является хутор, а при невозможности образования такого – сплошной для всех полевых угодий отруб, отведенный особо от коренной усадьбы» [4, с. 376].

19 марта 1909 г. Комитет по землеустроительным делам утвердил «Временные правила о землеустройстве целых сельских обществ». С этого момента местные землеустроительные органы стали ориентироваться на разверстание на хутора и отруба целых деревень. А в последующей за этими правилами инструкции 1910 г. особо подчеркивалось: «Конечной целью землеустройства является разверстание всего надела, поэтому при производстве работ по выделам надлежит стремиться к тому, чтобы эти работы охватили возможно большую площадь устраиваемого надела... При назначении работ на очередь первыми должны быть идти дела по разверстанию всего надела, затем – по групповым выделам и только после них – по одиночным». Таким образом, отдельные крестьяне, пожелавшие выделить свою землю на хутора и отруба, должны были или терпеливо ждать своей очереди, которая при нехватке землемеров могла наступить лишь через несколько лет, или уговаривать как можно больше соседей перейти к новым формам хозяйствования.

Обсуждение указа 9 ноября 1906 г. началось в Третьей Думе 23 ноября 1908 г., то есть спустя 2 года после того, как он вошел в жизнь. Выступило 500 ораторов, не считая прений в аграрной комиссии, предшествовавших пленарным заседаниям. Закон был окончательно одобрен и опубликован лишь 14 июня 1910 г., фактически же действовал уже более трех с половиной лет.

Закон окончательно закрепил за крестьянами, укрепившими участки общинной земли в личную собственность, право пользования в неизменной доле переделываемыми угодьями, такими как сенокосные и лесные. Если доля участия крестьянина-собственника в пользовании непеределываемыми общинными угодьями (усадебной землей, проездами, прогонами, пастбищем, оброчными статьями) могла быть определена актами землеустройства, то он сохранял право в их использовании в неизменной доле. В противном случае сохранялось лишь право на участие в пользовании названными угодьями на принятых в обществе основаниях (ст. 19).

В законе была представлена в более разработанном виде та часть, которая касалась образования хуторов и отрубов. Из «Временных правил» 1908 г. в закон 14 июня 1910 г. было перенесено положение относительно обязательности выдела заявленной 1/5 частью всех домохозяев общины, а также в случае единичного требования, если оно не было связано с особыми неудобствами для остающихся в общине крестьян. В свою очередь, крестьяне-общинники простым большинством голосов могли потребовать выделения на отруб всех укрепившихся крестьян, не спрашивая их согласия. Принудительному выделу подвергался и тот домохозяин, желавший остаться в чересполосном владении, который не давал согласия на обмен укрепленных за ним отдельных полос, которые представлялись необходимыми для включения в границы участков, отводимых выделяющимся на хутора и отруба.

Последним крупным нормативным актом аграрной реформы был Закон «О землеустройстве», принятый 29 мая 1911 г. В него вошли основные положения инструкций 1909–1910 гг. После издания этого закона проводимая земельная реформа продолжала конкретизироваться отдельными законодательными и подзаконными актами. Так, в связи со значительным оборотом крестьянских земель и прочего недвижимого имущества в деревне Государственная дума приняла ряд норм, защищающих права членов семьи крестьян. В частности, 18 мая 1911 г. был принят Закон «Об учреждении опеки над сельскими обывателями вследствие расточительности». Им обеспечивались права членов семьи,

которым угрожало разорение вследствие расточительства и пьянства сельских жителей. Опека над этими лицами устанавливалась через волостные системы.

Необходимость реформы земельных отношений в российской деревне была подготовлена общим процессом развития страны на рубеже XIX–XX столетий. На фоне роста промышленного потенциала государства отставание сельского хозяйства больше не могло быть терпимо. Надлежало создать условия для развития частного мелкого аграрного хозяйства. Сохранение власти общины вело к упадку сельскохозяйственного производства, способствовало нищете самой многочисленной группы населения страны. Только обеспеченное крестьянство могло составить необходимый для промышленности широкий рынок, без которого промышленность не могла стать на твердую широкую почву.

П.А. Столыпин не являлся в прямом смысле творцом аграрной реформы. Ее основные идеи, положения были сформулированы еще в то время, когда во главе кабинета министров находился С.Ю. Витте. Заслуга же П.А. Столыпина в том, что он перешел от слов к делу, для которого нужна была по истине выдающаяся государственная воля. Он сумел увязать различные идеи друг с другом, и программа земельной реформы получила свое логическое завершение.

Реформа позволила многим крестьянам выйти из общины с землей, но не это было главной ее целью. Создание в деревне новых форм крестьянского хозяйствования – хуторов и отрубов – при общем повышении уровня агрикультуры, по замыслу реформаторов, должно было обеспечить интенсификацию сельского хозяйства. Это положение мы и принимаем в виде основополагающей идеи всей сущности аграрной реформы. Одновременно решались вопросы сокращения сословного неравенства крестьянства, упорядочения землеустройства, снижения малоземелья за счет массового переселения крестьян за Урал и освоения необъятных просторов азиатской части Российской империи.

Если бы задуманная Столыпиным реформа была доведена до конца, возникла бы реальная перспектива образования в российской деревне независимого крестьянина-собственника, который стал бы базовым элементом русского либерализма и удержал страну от революционных потрясений. Но не получилось. Судьба не предоставила Столыпину тех двадцати спокойных лет, о которых он так просил.

В конце концов задача создания свободного, экономически и политически независимого русского человека, к чему стремился Петр Аркадьевич Столыпин, перенесена российской историей в наше время.

Библиографический список

1. Полное Собрание законов Российской империи. Собрание III. Т. XXVI. Отделение I. СПб., 1909.
2. Столыпин П.А. Нам нужна Великая Россия. М., 1991.
3. Полное Собрание законов Российской империи. Собрание III. Т. XXVI. Отделение I. № 28528. СПб., 1909.
4. Александровский Ю.В. Закон 14 июня 1910 г. об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении. СПб., 1911.

Д.В. Сидоров

Костромская областная психолого-медико-педагогическая консультация

ЗЕМСКИЙ КОРПУС И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ В ПЕРИОД РЕАЛИЗАЦИИ СТОЛЫПИНСКОЙ ЗЕМЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ (НА МАТЕРИАЛАХ КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Землеустроительные комиссии (далее – Комиссии) были учреждены указом 4 марта 1906 г. В состав уездной комиссии входили уездный предводитель дворянства (председатель), председатель уездной земской управы, чиновник Главного управления землеустройства и земледелия (в качестве неперменного члена), уездный член окружного суда или председатель съезда мировых судей, чиновник удельного ведомства, податный инспектор и земский начальник, три члена от уездного земского собрания и три представителя от крестьянских волостных сходов. Губернскую комиссию составляли губернатор (председатель), губернский предводитель дворянства, председатель губернской земской управы, чиновник Главного управления землеустройства и земледелия, управляющий казенной палаты, управляющий отделениями Крестьянского и Дворянского банков, член окружного суда, управляющий удельным округом, член губернского по крестьянским делам присутствия и шесть членов от губернского земского собрания [10, л. 14–23].

В рамках действующего законодательства деятельность Комиссий заключалась в «содействии крестьянам при покупке ими земель с помощью Крестьянского банка; в распределении казенных земель, назначаемых для увеличения крестьянского землевладения путем продажи их крестьянам; в участии в сдаче в аренду казенных земель из числа об-

ращенных для увеличения крестьянского землевладения, но не проданных крестьянам; в содействии переселению крестьян на казенные земли Азиатской России; в содействии селениям и отдельным домохозяевам к улучшению условий землевладения и порядков землепользования; в содействии крестьянам и смежным владельцам к заключению добровольных сделок об упразднении чересполосности и общности угодий и об отмене сервитутов, а также к осуществлению сих сделок». Кроме того, на Комиссии возложено выяснение положения крестьянского землевладения, содействие в сношениях крестьян с Крестьянским Банком, посредничество между крестьянами покупателями и продавцами земли, выяснение вопросов, связанных с урегулированием крестьянского переселения [10, л. 14–23].

Активное участие в деятельности Комиссий в рассматриваемый период принимают представители регионального земского корпуса. Так, по словам костромского губернатора А.П. Веретенникова: «Малоценность земли объясняет первоначальное равнодушие крестьян к проводившимся аграрным реформам... Активный выход крестьян из общины есть следствие двух причин: это учреждение губернской землеустроительной комиссии... чем власть показала твердость своих намерений обратить крестьян в мелких собственников... и деятельность земцев в уездных комиссиях» [11, л. 91–100]. Следует подчеркнуть, что объективность подобного заявления обеспечена общей критикой деятельности Костромского земства со стороны губернатора. Во всеподданнейшем отчете А.П. Веретенников следующим образом характеризует хозяйственную деятельность губернского земства: «До сих нет страхования скота, травосеяние только нарождается, переоценка имущества тянется уже 12-й год, несмотря на затрату 440 тысяч рублей казенной субсидии. В губернии нет совершенно дорог и хозяйство городов, истощенных непосильными земскими налогами, приходит в совершенное расстройство» [11, л. 95].

Кроме землемерной помощи, Комиссиями при переходе крестьян от общинного землепользования к хозяйствам на участках единоличного владения оказывалась помощь денежными ссудами и безвозвратными пособиями, а также предоставлялся отпуск на льготных условиях леса из казенных дач.

В конце 1909 г. на очередном губернском земском собрании была высказана необходимость оказания агрономической помощи хуторам, на что было ассигновано по 1000 рублей на каждый уезд (6 часть на все экономические ассигнования губернского земства 73855 рублей) [3, с. 245].

Вместе с тем собрание возбудило ходатайство перед Главным управлением земледелия и землепользования об отпуске пособия земству в размере 60000 рублей (5 тысяч в распоряжении каждого уезда). Также было принято предложение одного из гласных о том, что «в случае, если ассигнование как губернским земствам, так и Гл. У. З. и З. средства не будут использованы по прямому назначению в течение сметного года, последние должны пойти на общую агрономическую помощь» [3, с. 245]. Кинешемское уездное земство ассигновало в 1910 году в 4 хуторские хозяйства по 200 рублей. Кологривское земское собрание постановило ходатайствовать перед Департаментом земледелия об отпуске в распоряжение земства средств для приглашения специального хуторского агронома [12, с. 392]. Таким образом, Костромское, как уездные, так и губернское, земство, в отличие от Тверского и Московского [8, с. 295], в равной степени поддержало при проведении собственной агрономической политики как общинные, так и хуторские хозяйства.

Члены уездных землеустроительных комиссий объясняли сельским сходам основные положения указа 9 ноября 1906 г., о чем каждый из них составлял специальное письменное постановление. Среди крестьян стала широко распространяться литература, «устанавливающая правильный взгляд на правительственные мероприятия» [6, с. 66]. Особое значение придавалось поездкам крестьян в районы широкого распространения хуторских хозяйств [2, л. 71]. За период с 1906 по 1910 г. было издано и распространено около 3000 экземпляров брошюр, составленных земским агрономом А.К. Ковальковским Резюмируя содержание брошюр, можно выделить несколько тематических рубрик: выдержки из аграрного законодательства Российской империи, особенности ведения обособленного хуторского хозяйства, порядок крестьянского кредитования [5, с. 10].

С превращением указа 9 ноября 1906 г. в закон 14 июня 1910 г. выход из общины должен был значительно активизироваться, так как этот закон устанавливал обязательность перехода к личной собственности в тех сельских обществах, в которых не было переделов земли с 1861 г. Теперь членам таких крестьянских обществ оставалось лишь получить удостоверительные акты на право владения наделной землей, и они становились полными хозяевами этой земли.

Но воспользовались им незначительное количество крестьян, удостоверительные акты на наделную землю на основании 1–7 статей этого закона в Костромской губернии получили 10280 хозяйств [1, с. 338].

Обращаясь к вопросу относительно хозяйства и уклада жизни выделенных домохозяев, губернской комиссии, председатель губернской земской управы Б.Н. Зюзин отмечал: «пока говорить о каком-либо особом влиянии новой формы землевладения еще преждевременно, так как почти никто из новых собственников на ноги окончательно не встал, и хозяйства их находятся в первой степени своего устройства» [7, с. 7].

«Положение о землеустройстве», принятое 25 мая 1911 г., расширяло права Комиссий по насаждению хуторов и отрубов не только на наделенной земле, но и в ненаделенных землях крестьянских товариществ и единоличных собственников. Комиссиям предоставлялось право разбирать споры и жалобы, возникающие при землеустройстве.

В этих условиях по инициативе губернского земского собрания был проведен анализ деятельности Комиссий, представленный костромскому губернатору и в Губернское по земским и городским делам присутствии.

Доклад, основанный на «Обзорах ведомостей землеустроительных комиссий», выделял «два несоответствия: между количеством поступивших ходатайств о землеустроительных работах, с количеством составленных проектов и с количеством исполненных по ним работ, а также значительное преобладание над работами, имеющих целью образование единоличных хозяйств, работ группового характера» [4, с. 1–15].

Первое из приведенных несоответствий во многом объяснялось необходимостью исполнить ряд других более серьезных работ предварительно осуществлению заявленных просьб. В практической деятельности Комиссий встречались случаи признания некоторых из ходатайств неподлежащими удовлетворению землеустроительным задачам. Во многом эта разница объяснялась потребностью затрат на составление каждого проекта более длительного промежутка времени, а также недостаточностью технического персонала для производства намеченных для данного периода действий.

Второе же несоответствие находит объяснение, главным образом, в самих условиях наделенного землепользования, при котором у громадного числа селений земля, как полученная по одному акту земельного устройства, состоит в общем пользовании. Такие случаи в некоторых селениях доходили до 82 % случаев от общего числа жителей [9, с. 23]. На основании приведенных неудобств такого вида землевладения осуществление каких-либо землеустроительных начинаний в рассматриваемых обществах являлось невозможным. Для решения этой проблемы все внимание Комиссий было сосредоточено на необходимости проведения

в жизнь в первую очередь работ по разделу земель между однопланными селениями. Одновременно преобладанию в Костромской губернии группового землеустройства над единоличным способствовали и те обстоятельства, что население, в главной своей массе, было практически не знакомо с какой-то иной культурой, кроме той, которая создавалась при владении общинной землей.

Таким образом, в период реализации столыпинской земельной реформы в Костромской губернии одну из ведущих ролей в рамках деятельности созданных землеустроительных комиссий играли представители губернского и уездного земств. Деятельность земского корпуса проявлялась не только в области просвещения крестьянства о проводимых правительственных начинаниях, но и в финансовой поддержке единоличных хуторских хозяйств, аналитической деятельности, предполагавшей характеристику закономерностей, а также поиск оптимальных путей проведения земельной реформы в Костромской губернии – крупного и типичного региона Центральной России.

Библиографический список

1. Волков Н.В. Крестьянское движение в Верхнем Поволжье (1905–1917). Кострома, 1993.
2. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 133. Оп. 34. Д. 43.
3. Ежегодник Костромского губернского земства 1910 г. Кострома, 1910.
4. Зусин Б.Н. Деятельность землеустроительных комиссий // Ежегодник Костромского губернского земства. Кострома, 1913.
5. Ковальковский А.К. Обзор земской агрономической деятельности в Костромском уезде с 1901 по 1910 годы. Кострома, 1910.
6. Краткий очерк деятельности Костромского уездного земства (К пятидесятилетию его существования). Кострома, 1915.
7. Обзоры Костромской губернии. Кострома, 1910.
8. Петровичева Е.М. Отношение земств Центральной России к аграрной реформе П.А. Столыпина // Россия сельская XIX – начала XX века / отв. ред. А.Г. Корелин. М., 2004.
9. Постановления Галичской уездной земской управы. Галич, 1911.
10. Российский Государственный Исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 2. Д. 400.
11. Там же. Ф. 1276. Оп. 17. Д. 82.
12. Справочные сведения о деятельности земств по сельскому хозяйству (по данным на 1910 год). СПб., 1912. Ч. 2.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЗЕМЛЕУСТРОИТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ В РОССИИ В 1906–1909 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ КАЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Революционные потрясения 1905 г. заставили царское правительство по-новому взглянуть на аграрную проблему в целом и существенно изменить свое отношение к земельному вопросу. Было принято решение форсировать законотворческие работы по созданию нового крестьянского законодательства. От этапа предварительной подготовки, связанной с деятельностью Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, правительство перешло к реальной реформаторской практике в области аграрных отношений. Одним из первых шагов властей в плане решения земельного вопроса стало учреждение 4 марта 1906 г. губернских и уездных землеустроительных комиссий и Комитета по землеустроительным делам, которым предстояло сыграть центральную роль в проведении предстоящих преобразований. Первоначально главной целью этих комиссий было оказание помощи Крестьянскому Поземельному банку в деле выполнения возложенных на него Указом от 3 ноября 1905 г. задач по облегчению крестьянам покупки земель. В обязанности землеустроительных комиссий вменялось также содействие населению по устранению недостатков существующего землевладения и землепользования.

Землеустроительные комиссии по своей функциональной структуре практически приравнивались к местным административно-судебным учреждениям. Губернская землеустроительная комиссия выполняла функции распорядительного учреждения и принимала апелляционные жалобы на решения уездных комиссий, которые являлись исполнительными инстанциями, а также контролировала их деятельность. Во главе губернской землеустроительной комиссии стоял губернатор. Уездные комиссии формировались под председательством уездного предводителя дворянства. В состав обеих комиссий входили должностные лица (председатель губернской земской управы, управляющий казенной палатой, земский начальник и др.) и неременный член, назначаемый Главным управлением землеустройства и земледелия. К участию в работе комиссий допускались и представители крестьянства [1, с. 199–201].

Первые землеустроительные комиссии в российских губерниях появились только летом 1906 г. Главной причиной задержки работ по созданию на местах этих комиссий была нерешительность и медлительность правительства. Основным толчком для активизации деятельности правительственных чиновников в этом направлении стало обсуждение земельного вопроса на одном из заседаний Государственной думы, на котором в качестве основы аграрной реформы рассматривался принцип принудительного отчуждения части частновладельческих земель. Думский натиск либеральных и левых сил на помещичье землевладение заставил правительство ускорить организацию землеустроительных комиссий в российских губерниях. В Казанской губернии формирование сети землеустроительных комиссий затянулось до 1908 г.: в 1906 г., помимо губернской землеустроительной комиссии, было создано 6 уездных комиссий, в 1907 г. – еще 4 [2, л. 91–94].

Формирование состава комиссий выявило острую нехватку квалифицированных специалистов и техников-землемеров. Об этом свидетельствовали результаты объезда губернии высшими чинами Главного управления землеустройства и земледелия в 1907 г., в ходе которого было обращено внимание «на инертность непременных членов и низкий уровень образованности в составах большинства комиссий» [3]. Многим техникам-землеустроителям не хватало практики, они почти ничего не знали о практической жизни и национальных особенностях землепользования местного крестьянства, поэтому в процессе землеустроительных работ часто проявляли «канцелярский» подход к делу. Так, в Спасском уезде, несмотря на категорическое предписание Департамента государственных и земельных имуществ о личной ответственности землеустроителей за сбор информации об укреплении крестьянских хозяйств, многие земельные работники означенные сведения получали «путем переписки по преимуществу с волостным правлением» [4, л. 81]. Некоторые члены комиссий часто фальсифицировали данные о проведенных землеустроительных работах на местах. Все это мешало эффективной работе комиссий.

9 ноября 1906 г. вышел указ о крестьянском землевладении и землепользовании, который предоставил каждому владельцу общинного надела право закреплять за собой землю в личную собственность [5, с. 970–974]. К сфере хозяйственных полномочий землеустроительных комиссий, кроме устройства земель Крестьянского Поземельного банка и казны, новый указ добавил еще работы по внутринадельному землеустройству сельских общин и отдельных домохозяев.

Поступавшие от крестьян просьбы об оказании им содействия в улучшении условий землепользования условно можно разделить на две категории: 1) ходатайства, основной целью которых было устранение существующих недостатков землепользования посредством разверстания наделов на хутора и отруба или выдела отдельным домохозяевам к одному месту участков общинной земли (единоличное землеустройство); 2) ходатайства, касавшиеся уменьшения чересполосицы, мелкополосицы, многополосицы и дальноземелья за счет выдела более отдаленных земель под выселки и раздела общин, состоящих из нескольких селений или значительного числа дворов (групповое землеустройство).

В первый год деятельности землеустроительных комиссий в Казанской губернии за помощью в укреплении наделной земли в личную собственность обратились 876 домохозяев. По этим требованиям состоялось боб.щественных приговоров и 111 постановлений земских начальников, которые не получили утверждения уездных съездов [6, л. 1]. В то же время по стране в первый год землеустроительных работ в местные комиссии поступили ходатайств об улучшении землепользования от 221679 домохозяев [7, с. 3]. Во многом это было связано с тем, что большинство крестьян Казанской губернии, особенно его национальные группы, были плохо осведомлены о целях землеустроительных органов, экономически и морально не подготовлены к переменам традиционных земельных отношений в деревне.

К тому же крестьянство имело собственные взгляды на решение земельного вопроса. Оно, особенно из малоземельных обществ, продолжало рассчитывать на прирезку помещичьих или государственных земель: «Если мы все с большими наделами их закрепим, то, что же другим останется? Вот когда будет передел, и земля переделится поровну, тогда, может быть, и закрепимся» [8, л. 13]. Причем крестьянство житейски осознавало, что укрепление земли в личную собственность каждому отдельному домохозяину снимет вопрос о такой прирезке. Многие сельские общинники просто опасались связывать судьбу со столыпинской реформой, направленной на разрушение общинных форм землепользования и многовековых сельских земельных традиций.

Несмотря на эти обстоятельства, Министерство внутренних дел и Главное управление землеустройства и земледелия в своих предписаниях землеустроительным комиссиям требовали ускорения темпов землеустроительных работ. Они рассылали в большом количестве чиновников для ревизии деятельности местных учреждений по проведению в жизнь указа от 9 ноября 1906 г. Так, только в 1907 г. в Чебоксарском,

Ядринском и Цивильском уездах Казанской губернии были сняты с занимаемых должностей 9 земских начальников [9, с. 81].

Не удивительно, что после таких санкций со стороны правительственных чиновников местные власти были вынуждены активизировать свою деятельность. Так, казанский губернатор М.С. Стрижевский в своих распоряжениях уездным учреждениям указывал: «...Отныне всю деятельность чинов полиции я буду оценивать со стороны успешного применения в каждом уезде закона 9 ноября 1906 года» [10, л. 3]. В целях ознакомления крестьян с новым законом Казанской губернской землеустроительной комиссией у Министерства внутренних дел было испрошено ассигнование на расходы для перевода вышедшего указа на языки нерусских народов. Эта просьба была удовлетворена. Указ, переведенный на татарский, чувашский и марийский языки, в тысячах экземпляров был распространен по селам и деревням губернии. На местах были организованы чтения и беседы о новом законе. Кроме того, землеустроительными комиссиями Казанской губернии были изданы отдельные брошюры по ведению хуторского хозяйства. Так, в брошюре «Записки ходоков-крестьян Казанского и Лаишевского уездов» описывалась поездка группы крестьян на Украину (в Волынскую губернию). В ней говорилось о преимуществах хуторского хозяйства [11, л. 73–79].

Со второй половины 1908 г. увеличилось число желающих укрепить землю в личную собственность. В сентябре этого года было утверждено 709 заявлений, в октябре – 1723, в ноябре – 2639. Всего за период с 1 января 1907 г. по 1 июля 1908 г. по всей Казанской губернии крестьяне подали 8273 заявления о выходе из общины (в основном русские крестьяне Чистопольского и Лаишевского уездов). Во 2-й половине 1908 г. число ходатайств об укреплении наделов в личную собственность достигло 27 тыс., а в 1909 г. – 40026 от крестьян-домохозяев [6, л. 19–20]. Согласно данным уездных съездов и землеустроительных комиссий Казанской губернии, за трехлетний период (1907–1909 гг.) 16062 домохозяина и 1759 домохозяек закрепили свои наделы в личную собственность, всего 17821 домохозяина с 39844 наличными душами мужского пола [12, с. 23]. Ходатайства о закреплении земли в личную собственность в 1907–1909 гг. поступили от 495 обществ и 3658 дворов Казанской губернии. Землеустроительные проекты по этим заявлениям были составлены для 188 обществ и 1378 дворов на площади 8562 дес. Всего окончательно было завершено землеустроительных проектов для 129 обществ и 989 дворов на площади земли 6106 дес. [7, с. 7–11]. По этим показателям Казанская губерния уступала всем губерниям Поволжского региона.

Создание отрубных и хуторских хозяйств в Казанской губернии также продвигалось медленными темпами. Например, в Царевококшайском уезде к концу 1909 г. на надельных, банковских, казенных землях был образован 51 хуторской и отрубной участок, переселились же на хутора или в новые поселки с отрубным владением лишь 16 домохозяев. В Козьмодемьянском уезде из 102 хозяев, укрепивших наделы в собственность, переселились на свои участки 4, в Чебоксарском уезде – соответственно 109 и 3 [13, с. 115–116]. В своем обзоре о деятельности землеустроительных комиссий Казанской губернии за 1909 г. исполняющий обязанности неперменного члена губернской землеустроительной комиссии П.А. Меркулов по этому поводу отметил, что «...для Казанской губернии характерно малое, в сравнении с другими губерниями, количество дел по разверстанию целых селений на хуторские и отрубные участки» [12, л. 26].

Одним из главных препятствий, затруднявших своевременное проведение в жизнь землеустроительных работ, были однопланность и неразмежеванность земель между отдельными селениями. По данным на 1908 г., из 3206500 дес. надельной земли 1159 тыс. дес., т. е. более трети, были получены крестьянами по общим актам укрепления (по однопланным актам). В 1909 г. уездными землеустроительными комиссиями Казанской губернии был завершен раздел однопланных селений на площади 43913,93 дес. (для 4631 двора). Наибольшее число работ в этом плане было произведено в Царевококшайском (на площади 18019,9 дес. для 1614 дворов) и Цивильском уездах (на площади 9828,3 дес. для 1103 дворов), наименьшее – в Лаишевском уезде (на площади 757 дес. для 110 дворов) [12, л. 23].

Большинство однопланных обществ во время переделов пускали землю в общую разверстку, поэтому земельные полосы общинников различных соседних общин сильно переплетались. Как правило, на одном и том же участке пашни мозаикой лежали полосы 3–4 обществ. Такое расположение земельных полос нередко становилось поводом для споров, разногласий и вражды (земельной войны) между сельскими обществами, что порой приводило к вмешательству представителей губернской администрации и судебных органов. Некоторые судебные процессы по гражданским искам относительно земельных споров между обществами затягивались на годы, разоряя тем самым спорящие стороны. В Козьмодемьянском уезде из 190 тыс. дес. около 137 тыс. дес. (72,5 %), расположенных на 10 дачах, являлись спорными. Из отчета управляющего межевой частью Министерства юстиции России о поездке «для осмотра землеустроительных работ» в некоторые губернии в 1909 г. видно, что в Казанской

губернии площадь крестьянской земли, вовлеченной в судебно-межевые тяжбы, достигала 1 млн дес. [13, с. 45]. Местным землеустроителям вместо того, чтобы заниматься образованием и поддержкой единоличных форм хозяйствования, приходилось больше времени и сил тратить на размежевание земель.

Таким образом, в первые годы реализации столыпинской аграрной реформы переустройство земельных отношений в деревнях Казанской губернии происходило достаточно медленно. Тем не менее за такой короткий срок был накоплен значительный позитивный опыт землеустроительных работ. Землеустроительные комиссии, несмотря на ряд недостатков, сделали многое для подъема производительных сил деревни, высвобождения избыточной рабочей силы из аграрного сектора региона. В годы реформы чаще стали внедрять новые сельскохозяйственные технологии, которые способствовали постепенному изменению представлений сельского населения об эффективности форм землепользования.

Библиографический список

1. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание III. СПб., 1909. Т. XXVI. № 27478.
2. Национальный архив Республики Татарстан (Далее НАРТ). Ф. 256. Оп. 1. Д. 1.
3. Там же.
4. Там же. Ф. 712. Оп. 10. Д. 1.
5. ПСЗ III. СПб., 1909. Т. XXVI. № 28528.
6. НАРТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 2995.
7. Обзор деятельности уездных землеустроительных комиссий (1907–1909 гг.). СПб., 1911.
8. НАРТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 4451.
9. Кабытов П.С. Поволжская деревня накануне Февральской буржуазно-демократической революции (предпосылки, ход и итоги столыпинской аграрной реформы): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1972.
10. НАРТ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 5251.
11. Там же. Ф. 712. Оп. 5. Д. 86.
12. Укрепление наделов в личную собственность в Казанской губернии (Указ 9 ноября 1906 г. и Закон 14 июня 1910 г.). Казань, 1911.
13. Патрушев А.С. Марийская деревня в период империализма. Йошкар-Ола, 1974.

СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА В РЕАЛИЗАЦИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАЗЕННОГО ВЕДОМСТВА САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ

Как известно, центральное место во внутренней политике Российского государства начала XX столетия занимал аграрный вопрос. Решение данной проблемы связывается в российской исторической науке с именем Петра Аркадьевича Столыпина, ставшего центральной политической фигурой и принявшего активное участие в разработке и проведении аграрной реформы. Известно также, что центральные идеи реформы заключались в выходе крестьян из общины, объединении отдельных участков в единый отруб, а также выселении крестьян на отдельный хутор и создании фонда из части государственных земель.

Главная роль в этом деле отводилась землеустроительным комиссиям, учреждение которых началось в уездах и губерниях указом от 4 марта 1906 года. В целях руководства и координации деятельности комиссий был создан Комитет по землеустроительным делам при Главном управлении землеустройства и земледелия, первым управляющим которого стал А.А. Риттих, одновременно являясь и директором Департамента земледелия и государственных имуществ.

В соответствии с указом от 4 марта 1906 г. на местах открывались первые уездные и губернские землеустроительные комиссии, на которые были возложены исполнительные действия по землеустройству, с «характером постоянных распорядительных установлений с обширным кругом задач». Уездные землеустроительные комиссии возглавлял уездный предводитель дворянства. В их состав входили председатель уездной земской управы, непрременный член, назначаемый Главным управлением землеустройства и земледелия, член окружного суда, представитель от удельного ведомства, податный инспектор, земский начальник или другое должностное лицо, к району которого относилось рассматриваемое комиссией дело. Кроме чиновников, входящих по должности в состав комиссий и назначаемых сверху, половина ее членов избиралась. В уездную землеустроительную комиссию избиралось три представителя от уездного земского собрания

и три крестьянина, включенных по жребию из числа кандидатов, избираемых волостными сельскими сходами.

Такой состав землеустроительных комиссий, решение которых не могло быть исполнено без участия представителей от земства и крестьян, оказался вполне жизнеспособным и обеспечивал всестороннее освещение каждого дела, как с правовой, так и с бытовой точки зрения. Благодаря участию земских и крестьянских представителей, деятельность комиссий была тесно связана с сельским населением.

По данным об условиях крестьянского землевладения комитет открыл уездные комиссии в первую очередь в 1906 г. в 188 уездах 33 губерний Европейской России, в 1907 г. – 186, в 1908 г. – 36, в 1909 г. – 10 и в 1910 г. – 11. Таким образом, к 1 января 1911 года комиссии действовали в 431 уезде 46 губерний [1, л. 5]. По отчетам земских начальников Самарской губернии, уездные землеустроительные комиссии были открыты во всех уездах (Самарском, Бугурусланском, Бузулукском, Бугульминском, Новоузенском, Николаевском, Ставропольском) согласно экономическому положению земледельческого населения.

Вслед за уездными стали открываться и губернские землеустроительные комиссии, на которые указом от 4 марта 1906 года «возлагалось объединение действий уездных органов и ближайшее наблюдение за их деятельностью» [2, л. 34]. Самарскую губернскую комиссию возглавлял губернатор, в нее входили губернский предводитель дворянства; председатель губернской земской управы; лицо, назначенное Главным управлением землеустройства и земледелия в качестве неперменного члена; управляющий государственными имуществами; управляющие местными отделениями Крестьянского и Дворянского банков; член самарского окружного суда; управляющий удельным округом и шесть представителей, избираемых губернским земским собранием, в том числе трое местных крестьян. Согласно положению о землеустройстве от 29 мая 1911 года, состав комиссий был усилен дополнительно представителями судебного ведомства и одним выборным от крестьянства волости, от которой рассматривалось данное дело.

Приступая к открытию комиссий в 1906 году, правительство учитывало наличие соответствующих социально-экономических предпосылок в губерниях для их нормального функционирования, готовности населения принять преобразования, наличие финансовых возможностей и необходимых кадров. Поэтому процесс учреждения землеустроительных комиссий растянулся на несколько лет, шел постепенно, а на первом этапе, в 1906–1907 гг., даже противоречиво. При этом в ряде мест как власть,

так и население не усвоили задачу комиссий, неправильно понимали их функции, поэтому отнеслись к их формированию негативно, а земства и волостные сходы иногда отказывались от избрания своих представителей в комиссии [2].

В июне 1906 года самарский губернатор А. Блок сообщал в Главное управление землеустройства и земледелия, что крестьяне отказывались от выборов своих представителей, ссылаясь на «православные праздники или ввиду рабочей страдной поры», что вызвало изменение сроков выборов. А некоторые крестьяне искренне полагали, что «земельные вопросы должна была решать Государственная дума, а в работе землеустроительных комиссий они не находили существенной пользы» [3, л. 47]. Так, в 1906 году из 235 волостей Самарской губернии 168 (66,4 %) провели выборы, 85 (33,5 %) не пожелали избирать гласных в комиссии [4, л. 97]. По мере расширения землеустроительных работ отношение крестьян к комиссиям менялось в лучшую сторону. Позитивное отношение населения явилось результатом практической деятельности уездных землеустроительных комиссий, которая особенно развилась к 1909 году по пути удовлетворения ходатайств крестьян по внутринадельному устройству и подбору покупателей при ликвидации казенных земель.

Основные направления деятельности землеустроительных комиссий определялись указами от 4 марта 1906 г. и 9 ноября 1906 г., положением от 29 мая 1911 г., направленного на упорядочение землевладения и улучшения хозяйственного положения крестьян и мелких собственников, а также другими законодательными актами и инструкциями Главного управления землеустройства и земледелия.

На первом этапе, в 1906 году, в обязанности комиссий входило содействие приобретению населением земли при помощи Крестьянского банка у частных лиц; помощь крестьянам в покупке или аренде казенных земель, но главная задача комиссий – улучшение крестьянского землевладения и порядка землепользования – нашла отражение в Наказе комиссиям от 19 сентября 1906 года. В частности, им предписывалось проводить раздел земель между селениями и частями селений, состоящими в одном обществе; выдел земель под выселки и отдельным домохозяевам; полное разверстание подворных и общинных сельских обществ на хутора и отруба, разверстание внешней чересполосицы с внешними владениями [5, л. 14].

Первоначально, когда комиссии находились в стадии учреждения, у них отсутствовал опыт работы, нередко их деятельность сводилась к сотрудничеству с местными отделениями Крестьянского банка. Но уже к 1908 году в отчетах Самарского управления земледелия и государствен-

ных имуществ отмечался удовлетворительный ход не только распродажи части заготовленного земельного фонда в условиях единоличного хозяйства, но и подготовки известного земельного запаса для удовлетворения земельной потребности населения.

Обращаясь к плану работ землеустроительных комиссий 1909 года, можно выделить дела: 1) по разверстанию крестьянских наделных земель площадью 233 460 десятин, касающиеся 37 обществ, для переустройства на новых началах землевладения – 9 509 домохозяев; 2) по ликвидации банковских земель площадью в 163 835 десятин и 3) казенных земель площадью 50 687 десятин [6, с. 50].

Вопрос наделного землеустройства в Самарской губернии оказался коренным, так как, в сущности, губерния не была признана малоземельной. По данным землеустроительных комиссий Самарской губернии, с 1906 по 1912 гг. по внутринаделному единоличному землеустройству на отруба и хутора для 34 947 домохозяев было выделено 791 569 десятин. По площади исполненного межевания в течение первых пяти лет Самарская губерния находилась на первом месте (1 002 058 десятин). Объясняется это тем, что население, располагающее большими наделами, охотно шло на разверстание, а работы по условиям местности не представляли технических трудностей. После Самарской губернии шли Екатеринославская (722 770 десятин) и Харьковская (516 092 десятин) губернии. Последнее место занимали Подольская губерния (36 545 десятин) и Олонецкая, где землеустроительные комиссии были открыты только в 1911 году [7, с. 55].

Наряду с мероприятиями по внутринаделному переустройству крестьянских хозяйств землеустроительные комиссии Самарской губернии осуществляли работы по ликвидации казенных земель. Ликвидация казенных земель проводилась с целью образования прочных крестьянских хозяйств, путем продажи специально выделенных участков из государственного земельного фонда. В 1908 году к ликвидации было назначено 160 000 десятин казенных земель, однако продана была всего 1/5 часть, так как из-за большого объема земель провести в полной мере землеустроительные работы не удалось. Дело в том, что оказавшийся в ликвидации обширный фонд казенных земель, заготовленный к продаже к началу 1909 года, не только превысил спрос на него со стороны местного населения, но и обеспечил возможность удовлетворения населения в ближайшем будущем. При таком положении вещей площадь ликвидируемых казенных земель сократилась. В целом деятельность землеустроительных комиссий Самарской губернии в деле ликвидации казенных земель можно

оценить как успешную. За шесть лет (1906–1912 гг.) в губернии было продано 100 077 десятин в единоличное владение для 2233 дворов [2, л. 371].

Одновременно с проведением землеустроительных работ в местные землеустроительные комиссии стали поступать настойчивые указания о необходимости содействовать крестьянам в улучшении способов ведения хозяйства, что могло дать особо благоприятные результаты при сведении чересполосности земель в правильные и удобные для сельскохозяйственного пользования участки. Подобного рода мероприятия в области усовершенствования сельского хозяйства включали агрономические и мелиорационные работы.

В числе мероприятий, способствующих улучшению крестьянского хозяйства и повышению дохода с казенных земель в более короткие сроки, на первый план выдвигались меры показательного характера [8, л. 15]. Общая площадь показательных участков, созданных на территории Самарской губернии, составляла 2845 десятин [9, л. 19].

Например, на казенном орошаемом Валуевском участке Самарской губернии в 1907 году была открыта самая крупная опытная сельскохозяйственная станция [10, л. 1]. Здесь было установлено правильное проведение сельскохозяйственных опытов, причем для ознакомления хозяев с результатами опытов решено было создать особый сборник.

На подобного рода опытных участках Самарской губернии должны были проверяться новые сорта сельскохозяйственных культур. Они высевались в показательных хозяйствах для ознакомления с ними населения. Средства всех этих учреждений должны были составлять суммы, ассигнованные из казны и образовавшиеся от продажи выращенных продуктов [11]. Однако если в 1897 году на средства Министерства земледелия и государственных имуществ или при его содействии содержалось 31 опытное поле, а 1 января 1902 года их число достигло 44, то к 1912 году их было 50 общ. и 4 специальных [12, л. 1]. Иными словами, руководителям министерства стало ясно, что дело с опытными учреждениями зашло в тупик и своей цели – быстрому и доступному распространению сельскохозяйственных знаний – не соответствует. Поэтому министерством был взят курс на сокращение опытного дела. Указывая на причины неудовлетворительных результатов опытного дела, глава института экспериментальной агрономии К.А. Тимирязев писал, что «если бы у нас было не по одному какому-нибудь опытному полю на уезд, а десятки, сотни дешевых опытных полей, то наш крестьянин знал бы, само растение подсказало ему, что нужно в каждом отдельном случае» [13, с. 66].

Кроме показательных участков агрономические организации Самарской губернии учреждали в каждом районе землеустройства центральные огороды. Они демонстрировали приемы распространения рассады и семян. Задача данного мероприятия заключалась в том, чтобы в каждом хозяйстве был правильно организованный огород, снабжающий семью овощами. Кроме того, осуществлялось развитие зерноочистительных станций и посевных машин, организация которых требовала агрономического обслуживания для знакомства сельского населения с орудиями по обработке почвы. Таким образом, введение новых полевых культур, распространение сельскохозяйственного инвентаря и техники обеспечивало переход крестьян к улучшенным формам ведения хозяйства на казенных землях Самарской губернии и повышения дохода с них [14, л. 77].

В дальнейшем при проведении землеустроительных работ одним из насущных вопросов становится дело обводнения казенных земель Самарской губернии. Проблема обводнения земель имела особо острый характер в южных уездах губернии, преимущественно в Новоузенском и Николаевском. В этих двух уездах, главным образом, был сосредоточен огромный массив казенных оброчных статей общей площадью 738861 десятина земли, по качеству почвы вполне пригодных для земледелия, но очень бедно обеспеченных водой. Поэтому, прежде чем приступить к ликвидации этих статей, необходимо было произвести детальные гидротехнические работы. На основании этих работ было предпринято в текущий полевой период устройство запруд и колодцев на тех казенных статьях, которые назначены были в ликвидацию, при этом главное предпочтение отдавалось, конечно, устройству водохранилищ, представляющих большие удобства для населения.

Гидротехнические работы велись под руководством инженера-гидротехника, техническими чинами Самаро-Уральского управления земледелия и государственных имуществ и Самаро-Оренбургской переселенческой партии.

По плану работ 1909 г. предполагалось, главным образом, обводнение казенных оброчных статей, и производство работ на надельных землях не было в достаточной степени учтено землеустроителями. В середине полевого периода выяснилась необходимость производства предварительных изысканий по бурению и на крестьянских надельных землях в некоторых селениях Самарского, Николаевского и Бугурусланского уездов, несмотря на то что работы эти не были включены в план. Произведенное своевременно бурение установило, что простейшие колодцы могут быть по-

строены силами самих крестьян при ссуде из землеустроительного кредита, и дало населению твердую уверенность в возможности перехода их на хутора.

В связи с изложенным следует отметить, что земельное хозяйство казны являлось основной формой эксплуатации государственных имуществ в тесной связи с арендной политикой государства. Реализуя свои цели в области использования земельных ресурсов и рассматривая их как основной источник дохода, Министерство государственных имуществ стремилось поддержать хорошее состояние земель путем проведения различных землеустроительных мероприятий. Результаты деятельности местных учреждений казенного ведомства в Самарской губернии рассматриваются как один из важнейших путей экономической реализации государственной земельной собственности, связанной с ее приспособлением к условиям капитализма. Заметное влияние на развитие сельскохозяйственной деятельности земельного хозяйства казны оказала столыпинская аграрная реформа. Политика правительства привела к увеличению количества показательных полей, активизации агрономической помощи сельскому населению. В связи с этим в центральных и местных органах казенного ведомства возникли новые структурные отделения и заметно усилилось взаимодействие правительственных и земских учреждений в области аграрной деятельности.

Библиографический список

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 408. Оп. 1. Д. 884.
2. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 130.
3. Там же. Д. 1.
4. Там же. Д. 1062.
5. Там же. Оп. 130. Д. 3.
6. Сведения о деятельности уездных землеустроительных комиссий. СПб., 1911.
7. Обзор деятельности землеустроительных комиссий со времени их открытия по 1 января 1911 года. СПб., 1911.
8. ЦГАСО. Ф. 327. Оп. 1. Д. 7.
9. Там же. Д. 6.
10. РГИА. Ф. 398. Оп. 67. Д. 151.
11. ПСЗ. Т. 21. № 20150.
12. РГИА. Ф. 398. Оп. 68. Д. 22610.
13. Ежегодник Отдела земельных улучшений. СПб., 1910.
14. РГИА. Ф. 395. Оп. 1. Д. 7206.

СУДЬБА «СТОЛЫПИНСКИХ ВЫДЕЛЕНЦЕВ» В РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Столыпинская аграрная реформа была призвана создать средний класс в сельской местности путем разрушения крестьянской поземельной общины. Вопрос о собственности, прежде всего земельной, был основным в российском революционном процессе. Следовательно, он зависел от социальной и политической мобильности различных групп населения. Общинная революция в деревне достаточно хорошо изучена [1; 2; 3; 4; 11; 12; 13; 14; 16; 17; 19; 24]. Альтернатива уравнилельно-крестьянского социализма и причины его поражения требуют специального рассмотрения. Общественно-политическая ситуация, сложившаяся в России весной 1917 г., грозила полностью изолировать земельных собственников, прежде всего крупных, не допустить их участия в решении вопросов местной жизни. В этих условиях необходимость создания действенных организаций, способных защищать интересы сельских хозяев от посягательств крестьян-общинников, вполне назрела. Вопрос о создании Всероссийского союза земельных собственников был поставлен еще в конце 1916 года группой крупных помещиков. Инициаторы ставили перед союзом две задачи: помочь государству и армии в решении продовольственной проблемы и защитить экономические интересы землевладельцев [23, с. 137].

В Поволжье организации земельных собственников начали создаваться весной 1917 года. Назывались они по-разному, что объяснялось особенностями состава землевладельцев, преобладавших в той или иной местности. В Казанской и Симбирской губерниях образовывались союзы сельских хозяев. В Пензенской и Саратовской – союзы земельных собственников, в Самарской – союзы посевициков [21, л. 14]. Организаторы стремились подчеркнуть общность стратегических задач всех собственников независимо от размеров земельных владений. Вслед за губернскими летом 1917 года стали создаваться уездные и районные отделы союзов.

Наиболее разветвленной была организация земельных собственников в Пензенской губернии, где помимо уездных отделов существовали еще подотделы [21, л. 14]. Союзы земельных собственников организационно оформлялись на губернских съездах. Здесь же разрабатывались

программные и тактические лозунги и требования помещиков и хуторян. Наиболее ярко они были сформулированы помещиками Чембарского уезда на собрании 6 апреля 1917 г., участники которого высказывались за сохранение тех хозяйственно-правовых отношений, которые существовали до февральской революции. Помещики договорились о назначении высшей арендной платы за землю под посев ярового клина, считали необходимым сохранить отработочную систему, взимание платы заходы в леса, использование военнопленных в имениях, выступали против повышения заработной платы и введения 8-часового рабочего дня для сельскохозяйственных рабочих [5, л. 59].

Представляет интерес программное заявление Пензенского союза земельных собственников, которое было принято накануне Учредительного съезда Всероссийского союза земельных собственников. В нем подтверждалась неприкосновенность частной земельной собственности. Это обосновывалось тем, что единоличное пользование землей обеспечивает ее лучшую эксплуатацию, высокую производительность труда и способствует «росту национального богатства страны». Определяя цель Союза земельных собственников, его организаторы призывали, объединившись для ограждения принципа собственности и единоличного владения, стремиться к развитию сельского и лесного хозяйства и тесно связанных с ними отраслей промышленности. Пензенские землевладельцы внесли свои предложения о принципах будущей аграрной реформы. Они согласились на отчуждение кабинетских, удельных и государственных земель, которые должны перейти к малоземельным крестьянам на принципах, разработанных Учредительным собранием. Могли отчуждаться государством и частновладельческие земли, но «за вознаграждение по справедливой оценке». [5, л. 50об.]. В основном Пензенский союз земельных собственников решал аграрный вопрос в русле программных установок умеренного крыла партии кадетов.

Членами союза земельных собственников могли быть: «1) Все лица, владеющие землей на правах собственности или долгосрочной аренды. 2) Юридические лица (общества, товарищества и проч.), владеющие землей через своих представителей. 3) Все прочие лица при условии рекомендации двумя членами губернского или уездного комитетов союза с утверждением их губернским комитетом» [5, л. 50]. Таким образом, организаторы союза стремились вовлечь в свои ряды не только помещиков, но и мелких сельских хозяев. В целом основные программные положения Пензенского союза земельных собственников совпадали с уставом, принятым на Учредительном съезде Всероссийского союза земельных

собственников. Устав также включал в союз всех землевладельцев независимо от размера их владений, без различия пола, сословия, вероисповедания, национальности и политических воззрений [25].

Следует отметить, что программные установки союза земельных собственников оставались неизменными. Помещики не хотели терять своих владений, а истинные намерения маскировали призывами к «единению» с народом, говорили о готовности «принести жертвы». Так, например, председатель Казанского союза сельских хозяев Н.А. Мельников, выступая на Государственном совещании, говорил о том, что земельными собственниками следует считать не только помещиков, но и «огромный класс крестьян» [15, с. 19, 20]. Тенденция к единению крупных и мелких землевладельцев усилилась в связи с попытками на местах решения земельного вопроса до Учредительного собрания, и с такой инициативой выступали прежде всего помещики.

В ходе выполнения решений Учредительного съезда Союза земельных собственников на местах развернулась работа по организации его отделений, где руководящая роль принадлежала землевладельцам из дворян, стремившимся сплотить всех сельских хозяев для защиты своих имущественных прав. Так, Саратовский съезд земельных собственников 25 мая 1917 г. принял решение о создании отделений Союза в губернии для защиты своих имущественных прав [9, л. 20]. В Самарской и Саратовской губерниях имущественная дифференциация крестьян была существенной из-за более быстрых темпов развития капитализма в сельском хозяйстве юго-востока Европейской России. Образовавшиеся здесь союзы земельных собственников с самого начала объединяли всех землевладельцев независимо от социального статуса. «Трогательное единство наблюдалось на втором Саратовском губернском съезде крупных и мелких земельных собственников. Рядом с иголки одежными помещиками заседали крестьяне – отрубники и вообще мелкие земельные собственники, вышедшие из крестьянства. Зрелище весьма поучительное. Экономические интересы оказались гораздо сильнее старинной вражды между крестьянством и господами помещиками» [22, л. 30]. На съезде обсуждались мероприятия по борьбе с аграрным движением. Было решено добиваться введения в состав местных комитетов представителей от помещиков и сельской буржуазии. Делегаты высказывались за привлечение сельских комитетов, взявших на учет земли и инвентарь частных владельцев, к судебной ответственности.

В Союз посевищиков Самарской губернии входило около 4000 помещиков, купцов и хуторян. В Пензенской губернии в Союз земельных соб-

ственников могли войти все землевладельцы. «В члены Союза идут наряду с крупными помещиками, как это ни странно, и мелкие крестьяне-отрубники». Если учесть факты принуждения к возврату в общину крестьян-выделенцев, то их стремление к объединению с помещиками вполне объяснимо. Но в ряде случаев мелкие земельные собственники стремились отмежеваться от помещиков и создать самостоятельные объединения. 14 июня 1917 г. состоялся сход крестьян-отрубников села Анастасьино Широко-Устинской волости Аткарского уезда Саратовской губернии. Отметив факт создания помещиками Союза земельных собственников, отрубники заявили, что они никогда не изменят «своим несчастным безземельным крестьянам, жившим с 1861 г. на 20 саженных дарственных землях, и в подобный союз со своими вечными врагами» не пойдут. Они не возражали и против возвращения отрубных участков в общину. Такие резолюции принимали малоземельные крестьяне, недавно укрепившие свои наделы в собственность [13, с. 156].

С развитием аграрной революции столыпинские выделенцы из общин оказались перед выбором социальных партнеров. Многие из них признавали, что «интересы всех мелких крестьян, собственников и отрубников должны быть слиты со всем трудовым крестьянством» [6, л. 10]. Подобные приговоры составили отрубники и хуторяне Змиевского, Раздельного, Хуторянского обществ Чембарского уезда Пензенской губернии. Усилия крестьянских организаций были направлены против объединения земельных собственников. II Саратовской губернский крестьянский съезд отмечал, что «в Союз земельных собственников отчасти по недоразумению, отчасти по своей темноте, вошли мелкие собственники-крестьяне». Он призвал их выйти из этой организации, заявив, что «союз земельных собственников – уловка со стороны помещиков, цель которого увеличить помещичьи силы и разъединить трудовое крестьянство» [15, с. 19].

Если программные установки организаций земельных собственников оставались неизменными, то их тактика менялась в связи с развитием аграрной революции на местах. Первые попытки «черного передела» землевладельцы пытались предотвратить, опираясь на указания Временного правительства. Они буквально засыпали все административные и общественные учреждения своими жалобами и заявлениями, в которых требовали прекратить противозаконные действия крестьян, посягавших на их собственность. В МВД поступали жалобы как отдельных помещиков, так и коллективные ходатайства. С образованием союзов земельных собственников и сельских хозяев увеличилось число

заявлений от имени этих организаций. Например, Казанский союз сельских хозяев потребовал отменить постановление Свияжского уездного комитета от 19 июня 1917 г., в котором все земельные владения объявлялись собственностью населения уезда [15, с. 20]. «Союзнники» считали необходимым «привлекать к уголовной ответственности соответствующих должностных лиц», принимавших конфискационные решения [18, л. 44].

Крестьяне-собственники заявляли, что их мнение не учитывалось при обсуждении аграрного вопроса на съездах. В Бугульминском уезде Самарской губернии они подвергли сомнению законность решений II крестьянского съезда, т.к. делегаты на него «выбирались лишь частью населения» [15, с. 103]. В свою очередь, Бугурусланский уездный Комитет считал, что проведение в жизнь решений II губернского крестьянского съезда замедлилось в июне 1917 г. Он связывал это с образованием Союза посевицков, «во главе которого стоят крупные землевладельцы, всемерно проводящие в жизнь принцип священного права частной собственности» [26, л. 6]. В докладе Пензенской губернской земельной управы в 3-ю сессию губернского земельного комитета отмечалось, что «с образованием союза земельных собственников увеличилось число жалоб к Временному правительству на незаконные самочинные захваты, а в последнее время пущена судебная власть» [6, л. 10].

Как правило, Министерство внутренних дел отменяло постановления крестьянских съездов, советов и местных исполнительных комитетов. Министерство требовало возвращения земли и инвентаря их прежним собственникам. Губернские комиссары те же указания давали комиссарам и начальникам милиции, которые и должны были разбирать конфликты [20, с. 516]. Но сделать это было затруднительно, т.к. органы милиции находились в подчинении комитетов, принимавших конфискационные решения по аграрному вопросу. Авторам заявлений оставалось лишь констатировать «целый ряд нарушений личных и имущественных прав земледельцев... насилие и самоуправство». Председатель совета Балашевского Союза земельных собственников Саратовской губернии в июле 1917 г. отмечал: «Вследствие отсутствия надлежащей власти в уезде идет полная аграрная анархия». Тактика землевладельцев чаще всего была оборонительной. Советы и комитеты, напротив, обвиняли их в контрреволюционных замыслах. Советская пресса нападала на союзы земельных собственников, обвиняя их «в ненужной шумихе по поводу «аграрной анархии» и «земельных захватов», в тенденциозности и стремлении «опорочить стихийную тягу к земле крестьянских

масс... построить картину сплошного крестьянского бесчинства» [15, с. 18, 152, 154].

О непримиримости между помещиками и крестьянами ярко свидетельствует выступление делегата от Пензенской губернии Трушина на заседании III сессии Главного земельного комитета от 25 августа 1917 г. Он вдохновенно доказывал мужицкую правду и необходимость ее защиты революцией от помещиков, стремившихся предотвратить разгром имений. Картина социального противостояния была описана во всех неприглядных деталях «черного передела» в деревне. Отметая обвинения в грабежах, комитетчик сам напал на крупных землевладельцев, доказывая право революционного насилия со стороны крестьян. Он заявлял: «Здесь, между прочим, имеются сведения, что в Пензенской губернии дошли до того, что земельные комитеты начали растаскивать кур, платье, тащить подушки, одеяла и т.п. вещички, ничего не оставляя у помещиков. Вот как раз по поводу этих кур, подушек и одеял имеется постановление... (которое. – Н.К.) ясно доказывает, что это неправда. По поводу этих сообщений губернский комиссар, а также представители революционных организаций, советов, местные земские управы провели совместное расследование. Оказалось, что кур действительно продали, но не потому, что хотели насолить помещикам, а потому, что помещики и управляющие бросили экономии не потому, что их прогнали, а просто потому, что чего-то испугались... Оказалось, что кур нечем кормить, тогда Продовольственным комитетом они были проданы, а деньги были положены в Казначейство... Дальше говорится о расхищении в Пензенской губернии племенного скота, об уничтожении культурных очагов. Я скажу, что это ложь. Нельзя верить тем людям, которые на лжи воспитаны и ложью свое благополучие ограждали... Были случаи привлечения земельных управ к ответственности по статьям 341 и 348 (посягательство на земельные и имущественные права). Тут я должен указать Главному земельному Комитету, что его голос в защиту (крестьянских организаций. – Н.К.) не слышен, а между тем он должен был бы указать на недопустимость такого явления...» [8, л. 33–36].

Выступая за неприкосновенность земельной собственности, сохранение старых арендных отношений, права распоряжаться своей землей и имуществом, продавать имения, инвентарь и скот, земледельцы апеллировали к патриотическим чувствам населения. Земельные собственники Сердобского уезда Саратовской губернии, например, просили Министерство внутренних дел «во имя мужей и сыновей, защищающих на фронте Родину, охранить их имущество от захватов со стороны безот-

ветственных комитетов». Организации земельных собственников с тревогой доказывали, что постановления крестьянских съездов по аграрному вопросу порождают в стране хаос, а захват имений «создает угрожающее положение рынку, не обеспечит уборку урожая, посев озимых» [15, с. 51, 112, 217]. Подобные доводы не убеждали крестьян, а озлобляли их еще больше.

Различные «друзья народа» также накаляли обстановку, обвиняя организации земельных собственников в наступлении на права трудового крестьянства. Член Казанского совета крестьянских депутатов П. Скопин заявлял, что «помещики более или менее сорганизовались, заручились, где нужно, поддержкой и переходят в наступление... Лавируя между различными постановлениями продовольственных управ, волостных, уездных и губернских, постановлениями различных советов и законами Временного правительства, они ухитряются тянуть дело революции в свою сторону» [20, с. 434].

Иногда организациям земельных собственников удавалось противостоять натиску крестьянских комитетов через охранные структуры местных администраций, земств. Так, в докладе делегата от Спасского уезда II Казанскому губернскому крестьянскому съезду отмечалось, что «крестьянство недоброжелательно относилось к создаваемым районным комитетам милиции, т.к. они назначались не волею народа, а начальником уездной милиции», который «всецело защищает интересы помещиков». К тому же председатель Спасской уездной Управы помещик Геркен «в сентябре ставит в милицию людей, которые поднимают руки против наших избранных», отбирая у комитетов имения и инвентарь, взятые ими в распоряжение [20, с. 504].

Однако союзы землевладельцев в Поволжье в подавляющем большинстве были не в силах противостоять массовым крестьянским захватам земель, живого и мертвого инвентаря помещиков. Земельные собственники из крестьян находились в двойственном положении: они боялись насильственного возврата в общину своих земель и в то же время стремились расширить свои владения за счет конфискованных помещичьих земель. Вот как обосновывали крестьяне-собственники свои позиции: «Собственность можно всегда вовремя обработать, а чересполосицу очень трудно... нельзя хорошо разработать свою полосу. В общине при таком же количестве земли хлеба не хватало, а теперь хватает на два и даже более года». [7, л. 5–6]. Но малоземельные собственники ходатайствовали перед Учредительным собранием «земли у большеземельных отобрать обязательно с уплатой или без уплаты его на Ваше усмотре-

ние... и наделить всех ровно, кто желает принять, но обрабатывать обязательно с помощью работника ... У хуторян отбирать не следует, у которого лишка – добавить, а мало – прибавить, но смешивать не надо. Надо и оставшиеся земли собирать в отруба, потому что образцовые земли больше дадут дохода как хозяину, так равно и государству» [7, л. 3–3об.]. Таким образом, рассчитывать помещикам на крестьян-собственников не приходилось, т.к. последние, отстаивая свою собственность на землю, стремились приумножить ее за счет крупных землевладельцев.

Необходимо отметить, что погромные действия предпринимались по инициативе крестьян, чаще богатых, а не комитетов. По свидетельству очевидца событий 1917 года в Николаевском уезде Самарской губернии А.М. Барского: «в Комитете народной власти большинство были представители партии социалистов-революционеров, в земстве же оставалась часть помещиков, торговцев... Официальная власть всячески старалась удержать крестьян в старых рамках, то есть самочинно не захватывать помещичьей земли, а ждать решения Учредительного собрания. Крестьянство, особенно зажиточное, было недовольно такой политикой ожидания, стало захватывать помещичьи земли и громить имения. Комитет народной власти и земство выслали карательные отряды солдат, но последние никаких мер не принимали» [22, л. 32].

Не могли быть союзниками помещиков и другие землепользователи – различные кооперативные общества, союзы арендаторов и другие. Например, крестьяне-арендаторы села Криуши Пушкинской волости Симбирского уезда и губернии просили «товарищей депутатов» Учредительного собрания закрепить за ними арендованные земли, «засаженные яблонными садами». Это было вызвано тем, что «в настоящее мятежное время общество села Криуши составило приговор об отобрании вышеозначенных плодовых садов». Мотивировали они свою просьбу тем, что земля должна изыматься у крупных собственников и «удерживаться за трудящим народом, имеющим маленькие полоски» [7, л. 7]. Кооперативные организации в 1917 году стремились взять на себя организующие функции общины в отношении крестьян-собственников и также выступали против крупного помещичьего землевладения.

К осени 1917 года число членов союза земельных собственников уменьшилось, некоторые из них и вовсе распались, т.к. помещикам не удалось вовлечь крестьян в эти организации. Сохранившиеся структуры землевладельцев стали издавать пропагандистскую литературу, осуждавшую захватные действия крестьян, рабочих, солдат. 25 сентября в Саратовской типографии Панина военная секция Совета рабочих

и солдатских депутатов конфисковала 40 тысяч экземпляров брошюр, которые были заказаны председателем Союза земельных собственников Кузнецкого уезда [6, л. 12]. В них вся вина на существующую разруху в стране сваливалась на большевиков, меньшевиков и эсеров. В Пензенской губернии распространялось воззвание анонимного автора, которое было подписано «союз пузырька и коробки». Автор призывал землевладельцев вооружаться коробкой спичек и пузырьком керосина и поджечь десятки тысяч сел и деревень, произвести всероссийскую иллюминацию» [21, л. 19, 20].

Итак, новые структуры местной власти и самоуправления стали конкретными выразителя политическими устремлений различных социальных сил, действовавших в русской революции 1917 года. Дворянство, занимавшее до революции ведущие позиции в органах власти и земского самоуправления, стремилось к сохранению своего социально-политического статуса. Одновременно крупные землевладельцы попытались обеспечить свое представительство в новых общественно-политических объединениях-комитетах, советах, союзах, но были отринуты крестьянами. Вскоре помещики были вытеснены с постов уездных и губернских комиссаров Временного правительства, председателей земских управ.

Союзы земельных собственников, посевищиков, сельских хозяев образовались для защиты экономических, социальных и политических интересов землевладельцев. С самого начала их деятельности союзы землевладельцев противостояли крестьянским комитетам, т.к. у этих организаций были противоположные цели в революции. Попытки помещиков привлечь на свою сторону субъектов всех форм земельной собственности, а также арендаторов, кооператоров и других индивидуальных землепользователей не имели сколько-нибудь значительного успеха. Создать прочный блок помещиков и сельской буржуазии не удалось, т.к. все слои крестьянства были заинтересованы в «черном переделе», хотя их взгляды на формы собственности не совпадали.

Сравнивая тактику крестьянских организаций и союзов земельных собственников, необходимо отметить ее различие. Крестьянские съезды, советы, комитеты формулировали и проводили в жизнь радикально-конфискационные требования сельских обществ. При этом они действовали наступательно, отмечая любые резоны о необходимости тщательной подготовки коренного реформирования аграрного вопроса. Организации землевладельцев не смогли создать сколько-нибудь прочную социальную базу для защиты прав собственности и, следовательно,

своих интересов. Местные органы власти не в состоянии были соблюдать элементарные правила законности и порядка, так как общественно-политические объединения революционных масс присваивали себе законотворческие функции.

Библиографический список

1. Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб., 1994.
2. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.
3. Бэдкок Ф. Переписывая историю российской революции: 1917 год в провинции // Отечественная история. 2007. № 4.
4. Герасименко Г.А. Народ и власть. 1917. М., 1995.
5. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 206. Оп. 1. Д. 15.
6. Там же. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1781. Оп. 1. Д. 2.
8. Там же. Ф. 1796. Оп. 1. Д. 1.
9. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 3894.
10. Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 46. Оп. 2. Д. 886.
11. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М., 2001.
12. Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века. М., 1997.
13. Кабытова Н.Н. Власть и общество российской провинции в революции 1917 года. Самара, 2002.
14. Кабытов П.С., Курсков Н.А. Вторая русская революция: борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917–1918 гг.). Самара, 2005.
15. Крестьянское движение в 1917 году. М.; Л., 1927.
16. Лавров В.М. Крестьянские парламенты России: всероссийские съезды крестьянских депутатов в 1917–1918 гг. М., 1996.
17. Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., 2006.
18. Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 780. Оп. 1. Д. 2.
19. Осипова Т.В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001.

20. Революционная борьба крестьян Казанской губернии накануне Октября: сборник документов и материалов. Казань, 1958.
21. Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (РГБ ОР). Картон 2. Д. 32.
22. Самарский областной государственный архив социально-политической истории (СОГАСПИ). Ф. 3500. Оп. 1. Д. 218.
23. Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации / под ред. А.В. Шестакова. М., 1929. Т. 1. Ч. 2.
24. Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания. М., 2008.
25. Устав Всероссийского Союза земельных собственников. М., 1917.
26. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 832. Оп. 1. Д. 1«а».

М.И. Роднов

*Институт истории, языка и литературы
Уфимского научного центра РАН*

Х.Ф. УСМАНОВ – ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СТОЛЫПИНСКОЙ РЕФОРМЫ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ

Важнейшее событие в судьбах России, столыпинская аграрная реформа, которая, в случае успешной реализации, могла развернуть весь ход исторического процесса, вызвала живейший интерес уже у современников [1]. Продолжением тех бурных дискуссий стала советская историография 1920–1930-х гг., в которой сложился марксистский подход к изучению столыпинской реформы [2]. Новый подъем интереса к этому крупномасштабному мероприятию правительства происходит в 1950-е гг., стимулированный спорами об уровне развития капитализма в России (аграрном секторе экономики) и хрущевской «оттепелью» [3].

Среди многочисленных диссертаций и книг о столыпинской реформе в самых разных регионах России в 1958 г. появляется и первое и до сих пор единственное, специальное исследование по Южному Уралу, в границах Уфимской и Оренбургской губерний [4]. Автором стал тогда начинающий историк, а впоследствии один из ведущих специалистов Башкирии – Хамза Фатыхович Усманов. Современному поколению необходимо вкратце рассказать о жизненном пути Х.Ф. Усманова, наставника, с которым мне довелось быть знакомым с начала 1980-х гг.

Х.Ф. Усманов родился в 1923 г. Выходец из простой крестьянской семьи получил весьма качественное образование в одном из сельскохозяйственных училищ БАССР, где в предвоенные годы работали еще дореволюционные, гимназической подготовки, преподаватели. Деревенский парень, не говоривший по-русски, с началом Великой Отечественной войны попал в артиллерийскую школу, где, как вспоминал сам Х.Ф. Усманов, он ни в чем не уступал выпускникам университетов и институтов. Правильный, «классический» русский язык, умение грамотно выстроить текст отличало Х.Ф. Усманова в его научном творчестве, этому же он учил своих аспирантов.

В годы Великой Отечественной войны Х.Ф. Усманов – командир артиллерист, прошедший славный путь от Курской дуги до штурма Берлина. В памятные майские дни 1945 г. его батарея тяжелых гаубиц вела прямой огонь по рейхсканцелярии Гитлера. На наши просьбы рассказать о войне Хамза Фатыхович обычно отвечал кратко, особенно он не любил смотреть военные фильмы, где часто показывали дуэль артиллерийского расчета с надвигавшимися немецкими танками.

Демобилизовавшись, Х.Ф. Усманов не сразу смог найти себя в мирной жизни. Он окончил исторический факультет Башкирского педагогического института им. К.А. Тимирязева в 1950 г. (ныне БашГУ) [5, с. 590] и осенью 1952 г. в аспирантуру Башкирского филиала АН СССР поступил 29-летний капитан запаса Советской Армии, кавалер орденов «Красного Знамени», «Александра Невского», «Отечественной войны» I и II степени, «Красной Звезды», награжденный многими боевыми медалями. Большой жизненный опыт определил выбор научной специализации: история крестьянства – это история народа, его корней, тех животворных истоков, из которых берет начало вся культура человечества, современная индустриальная цивилизация. И по характеру Хамза Фатыхович был очень основательный, крепко «стоящий на земле» человек, трудолюбивый, упорный и настойчивый, убежденный коммунист (в партию вступил на фронте и сохранил свои убеждения до конца жизни).

В 1956 г. Х.Ф. Усманов защищает кандидатскую диссертацию, а в 1958 г. публикует первую монографию. Она поныне остается единственным специальным исследованием по истории столыпинской аграрной реформы в Башкирии. Монография Х.Ф. Усманова «Столыпинская аграрная реформа» (1958 г.) использовалась и используется в многочисленных научных трудах (обобщающих монографиях, вузов-

ских курсах, списках обязательной литературы) в течение всей второй половины XX в., являясь одной из самых цитируемых работ в местной историографии вплоть до наших дней.

Хотя сам автор называл свою первую книгу обычно уменьшительно, для 1958 г. это было первоклассное исследование. Фактически Х.Ф. Усманов создал работу о всем аграрном строе Башкирии начала XX в., в канву которого он искусно включил столыпинскую реформу. Книга состоит из трех глав. В первой («Социально-экономические предпосылки столыпинской аграрной реформы в условиях Башкирии») подробно показаны экономические районы, занятия населения, землевладение, состояние помещичьего и крестьянского хозяйства, торговое земледелие и обязательное для советской эпохи крестьянское движение. Непосредственно самой реформе посвящена вторая глава («Проведение столыпинской аграрной реформы в Башкирии»), занимающая примерно треть от всего объема книги. В ней автор выделил три параграфа: «Разрушение общины и буржуазная перестройка крестьянского землевладения», «Роль Крестьянского поземельного банка в проведении столыпинской аграрной реформы в Башкирии» и «Переселенческая политика царизма». Обращает внимание явный «прорыночный» акцент в исследовании Х.Ф. Усманова – проблема торгового земледелия, буржуазной перестройки, значение банков – выделялись автором как ключевые темы. С этим согласуется и последняя третья глава монографии «Социально-экономические последствия и крах столыпинской аграрной реформы в Башкирии», где историк показал дальнейшее развитие капитализма в сельском хозяйстве и крестьянское движение.

Несмотря на небольшой объем, это первое комплексное исследование аграрного строя на Южном Урале в начале XX в. Работа создана на богатейшее источниковое основание – тут и архивы, в первую очередь уфимский и оренбургский, статистика, весьма подробно изучена периодическая печать. Конечно, в выводах Х.Ф. Усманов не мог отойти от шаблонов эпохи, которые он в принципе и разделял: «Столыпинская аграрная реформа не увенчалась успехом» или «Столыпинская аграрная реформа не разрешила аграрного вопроса» [4, с. 167, 168]. Но вся его работа, которая, кстати, легко, с интересом читается, пронизана своеобразным историческим оптимизмом. Страна в начале XX в. стремительно развивалась, модернизировалась по западноевропейскому пути.

Монография, изданная в 1958 г., сыграла очень большую роль в дальнейшей научной карьере Х.Ф. Усманова. Мой наставник понял,

что без глубокого изучения предшествующего пореформенного периода – второй половины XIX в. – невозможно понять историю аграрного строя, и в дальнейшем он обращается к этой эпохе. Хамза Фатыхович успешно защищает докторскую диссертацию (научный руководитель А.М. Анфимов) и в 1981 г. выпускает вторую свою книгу, фундаментальное исследование по пореформенной эпохе [6], ставшее классикой южноуральской историографии.

Вся научная карьера Х.Ф. Усманова была связана с Институтом истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской Академии наук, директором которого он являлся в 1980–1988 гг., а потом долгие годы продолжал трудиться в созданном им же отделе истории (ныне истории и истории культуры Башкортостана). Мой наставник никогда не гнался за количеством публикаций, учил всегда выпускать только качественную продукцию, не халтурить. И уже в современную эпоху, хотя в местной историографии появился ряд новых материалов по столыпинской реформе, никто не решился взяться за подготовку диссертации или монографии по этой теме. Уж слишком «глубоко» и основательно «прокопал» ее Хамза Фатыхович, поднял практически все основные источники, детально проанализировал ход ее реализации, так что, кроме других оценочных характеристик, в общем нечего добавить.

Одна из последних статей Х.Ф. Усманова также посвящена столыпинской реформе [7]. Один из ведущих историков Башкирии второй половины XX в. оставил яркое наследие, мощный историографический фундамент, опираясь на который современные исследователи продолжают изучение аграрных отношений на Южном Урале. Скончался Хамза Фатыхович в январе 2009 г.

Библиографический список

1. Теляк Л.В. Столыпинская аграрная реформа: Историография (1906–1917 гг.). Самара, 1995.
2. Тарновский К.Н. Советская историография российского империализма. М., 1964; Его же. Проблемы аграрной истории России периода империализма в советской историографии (1917 – начало 1930-х годов) // Исторические записки. Т. 78. М., 1965; др.
3. Тарновский К.Н. Социально-экономическая история России. Начало XX в. Советская историография середины 50-х – начала 60-х годов. М., 1990; Аграрные отношения в Поволжье эпохи капитализма.

Библиографический указатель / сост. П.С. Кабытов, П.И. Савельев. Куйбышев, 1984; др.

4. Усманов Х.Ф. Столыпинская аграрная реформа в Башкирии. Уфа, 1958.
5. Башкортостан: Краткая энциклопедия. Уфа, 1996. (автор Г.Т. Хусаинова); др. энциклопедии.
6. Усманов Х.Ф. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Башкирии в пореформенный период. 60–90-е годы XIX в. М., 1981. 372 с.
7. Усманов Х.Ф. Осуществление столыпинской аграрной реформы в Башкортостане // Аграрная реформа П.А. Столыпина и современность. Уфа, 2002.

Н.А. Курсков

Самарский государственный университет

САМАРСКИЕ ХУТОРЯНЕ И ОТРУБНИКИ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ КОМИТЕТОВ НАРОДНОЙ ВЛАСТИ В 1917 ГОДУ

Понятия «хутор» (хуторяне), «отруб» (отрубники, отрубщики) в русском сознании начала XX века неразрывно связаны с государственной аграрной политикой, олицетворением которой стал выдающийся русский государственный и реформатор П.А. Столыпин. Суть понятий сводится к формам землепользования. Отруб – участок, выделенный из общинной (надельной) земли в единоличную крестьянскую собственность; в отличие от хутора – без переноса усадьбы. В Самарской губернии отруба и хутора были созданы в период реализации аграрной реформы (9 ноября 1906 – 28 июня 1917). По статистике землеустроительных комиссий к началу 1916 года, за год до февральских событий, в Самарской губернии насчитывалось 91044 отрубов, занимавших земельную площадь в 2011515 десятин [1, с. 69]. Крестьяне-общинники, составлявшие деревенское большинство, воспринимали хуторян и отрубников в «штыки». В общинной деревенской среде за ними закрепилась кличка «новые помещики». «Новое» понятие зазвучало со страниц газет и журналов [2]. Общинники сопротивлялись обособлению хуторян и отрубников. У них оставалось много возможностей воспрепятствовать намерениям «выходцев»: от отказа принимать решения на сельском сходе до угроз и физического насилия [3, с. 197].

Политические цели столыпинской аграрной реформы были направлены на усиление позиций в деревне состоявшихся крестьян и «крепких» земледельцев. Для большинства крестьян-общинников это было неприемлемо – реформа не затрагивала помещичьего землевладения, которое было главным объектом их вожделий. «Мы – ваши, но земля – наша», твердили поколения крестьян с крепостнических времен. Однако реформирование крестьянской общины с 1906 года началось и неуклонно продвигалось. Актором изменений был П.А. Столыпин. Он не только создал законодательные основы аграрной реформы, но был администратором и инспектором перемен. Это требовало неординарного поведения, особой публичности. Столыпин вел себя уверенно, неутомимо, незаурядно. С правительственных «высот» он мог решительно спуститься в гущу деревенской жизни, как, например, летом 1910 года, за год до своей трагической гибели. В рамках программы инспекционной поездки в Западную Сибирь Столыпин посетил Самарскую губернию и осмотрел несколько землеустроенных селений, отдаленных от губернского центра на 150 верст. Он проехал по территории Степно-Шенталинской, Кошкинской, Александртальской, Елховской волостей Самарского уезда, побывал в селениях Грачевка, Кошки, Александрталь, Борма. В этих вполне глухих уголках империи нога такого сановника никогда прежде не ступала. Особенно сильное впечатление встреча с премьер-министром русского правительства произвела на немцев-меннонитов в колонии Александрталь на Кондурче. Правительство Александра II в 1850 годах, накануне отмены крепостного права, предложило меннонитам, имевшим практический опыт личного хозяйствования в земледелии, поселиться на землях внутренней окраины империи. Правительство стремилось создать наглядный пример ведения индивидуального крестьянского хозяйства. Свидетельство о встрече с П.А. Столыпиным оставил потомок местного пастора Бернхард И. Гардер. Отмечая необычное явление в истории колонии Александрталь весной 1910 года, Гардер вспоминал: «...Свиту составляли министр сельского хозяйства, губернатор Самары, другие высокие чины. Столыпин... хотел ознакомиться с колонией в Александртале, осмотреть русские хуторские хозяйства, возникшие после его земельной реформы. <...> В колонии для встречи... был организован специальный комитет. В Александрталь колонисты везли Столыпина в экипаже, запряженном четырьмя породистыми лошадьми. Остановились у волостного Правления. Конный полицейский отряд, сопровождавший гостя, занял посты вокруг здания. Однако начальник полиции снял караул, заметив: “Среди этих немцев охрана не требуется”».

Премьер-министра приветствовал волостной старшина и пресвитер общины <...> С пресвитером Столыпин разговаривал по-немецки. Когда премьер поднялся по ступенькам в правление, хор исполнял русский национальный гимн. Обстоятельная беседа в правлении касалась подробностей организации поселения, благосостояния, налогообложения, общего экономического положения. Увиденное произвело на премьер-министра [благоприятное] впечатление, он выразил признательность и изъявил желание посетить несколько дворов колонистов. <...> Следующей целью его путешествия было русское село Борма, в котором после упразднения общественного (общинного. – Н.К.) землевладения возникло несколько единоличных крестьянских дворов» [4, с. 47]. К сожалению, из «аборигенных» крестьян никто не оставил воспоминаний об этом событии. Верстах в 40 от железнодорожной станции Кошки (Погрузная) находилось имение Чулпаново (Старо-Максимкинская волость Казанской губернии), принадлежавшее супруге Столыпина, О.Б. Сазоновой. Столыпин управлял имением лично и побывал здесь в 1899 и 1904 годах [5, с. 72, 83–94 и др.]. В 1930-х годах на бывшей «стольпинской» земле был создан колхоз, названный именем Ленина. Мельницу «Сазонихи» тоже коллективизировали. Молола мельница недолго – сломалась.

Необходимость аграрной реформы Столыпиным была глубоко осознана, стала убеждением. Наиболее ярко он обрисовал ее мотивы в речи перед членами Государственного совета в марте 1910 года. Поясняя принципиальную точку зрения правительства, он напомнил, «в какое время и при каких обстоятельствах закон 9 ноября возник». «Ведь это было довольно смутное время, когда еще горели и догорали помещичьи усадьбы, когда свобода воспринималась как свобода насилия; когда насилие это иные считали возможным уничтожить насилием же, принудительным отчуждением владельческих земель», – говорил Столыпин. Диагноз, по его мнению, состоял в том, что смута политическая и революционная, поднятые неудачами России в войне с Японией, «начали пускать корни в народе, питаясь смутною гораздо более серьезною, смутною социальною, развившеюся в нашем крестьянстве». Отсюда, полагал Столыпин, «следовал вывод: необходимо уничтожить первопричину – сначала излечить коренную болезнь, дав возможность крестьянству выйти из бедности, из невежества, из земельного нестроения». «Социальная смута вскормила и вспоила нашу революцию», – подчеркивал он. И «одни только политические мероприятия бессильны были, как показали тогдашние обстоятельства, уничтожить эту смуту и порожденную ею смуту революционную. Лишь в сочетании с социальною аграрною реформою политические реформы могли получить

жизнь, силу и значение» [6, с. 134; 7]. Последовательность преобразований, отстаиваемая Столыпиным, была принципиальной. Четыре года, прошедшие с начала реформы, позволили Столыпину подвести некоторые итоги: «...Более 10 млн дес. общинной земли, перешедшей в личную собственность, более 500 тыс. заявлений о желании устроиться на единоличном хозяйстве, более 1,4 млн дес. уже отведенных к одним местам (отруба, хутора. – Н.К.). Вот то живое доказательство, которое я принес сюда, подчеркнул он, чтобы засвидетельствовать перед Вами, что значит живая, неугасшая сила, свободная воля русского крестьянства» [6, с. 137; 7, с. 139]. Однако «свободная воля русского крестьянства» не выдержала испытания Второй русской смутой 1917 года. В 1914 году, как и в 1905-м, ускорение в «недолеченную» по столыпинским рецептам русскую смуту внесла Первая мировая война. В России случилась февральская революция. 2 марта 1917 года император Николай II Романов был принужден отречься от престола. Из недр Государственной думы из частного совещания немногих депутатов «выросло» Временное правительство. К власти поднялись бывшие оппозиционеры – земские либералы, октябристы, конституционные демократы (кадеты). В столице возникло рабоче-солдатское «правительство» – Совет рабочих и солдатских депутатов, прибежище российских «политиков» революционного «крыла». Образовался Совет крестьянских депутатов. В стране возникло несколько центров власти. Временное правительство обещало довести страну до Учредительного собрания. Оно предполагало, что депутаты Учредительного собрания, избранные всеобщим народным голосованием, выработают новую стратегию развития страны, предложат решения по вопросам войны и мира, государственного строя, аграрному, рабочему, местному самоуправлению. «Забурлили» демонстрации, манифестации, митинги, съезды. Создавались новые органы власти в губерниях. Обновлялось земство. Наступила эра «демократии», о которой большинство населения страны – крестьянство и рабочие – имело невнятные представления.

Влиятельным центром власти в Самарской губернии в 1917 году стал Комитет народной власти. К концу апреля он обрел формальные признаки губернского. 21 апреля в его состав вошли представители комитетов народной власти всех семи самарских уездов. Начало новой губернской власти, как и в столице, положило частное совещание гласных Самарской городской думы 1 марта. Инициаторов перемен было всего четырнадцать. Они создали из гласных Самарской городской думы прежнего состава ядро новой власти в Самаре – революционной. В подражание столичному думскому образцу новый орган власти был назван даже лексически подражатель-

но – Особый Временный городской Комитет Общественной безопасности. В состав ОВГКОБ по своей инициативе вошли представители самарского Совета рабочих депутатов; затем – солдатских и крестьянских. С 4 марта Комитет, формально оставаясь городским, стал именоваться Комитетом народной власти. В Общем заседании 4 марта, в присутствии многочисленной самарской публики, Комитет избрал губернского комиссара. 5 марта губернский комиссар был назначен указом Временного правительства и стал представителем новой центральной государственной власти. Временным правительством губернским комиссарам были переданы функции прежних губернаторов. Впервые в истории губернии губернатор не был назначен, но – избран. Пост губернского комиссара Временного правительства занял главный самарский земец, председатель губернской земской управы К.Н. Иньков (кадет). В июне в губернском земстве произошла новая губернская «революция»: состав губернского земского собрания был радикально демократизирован. Из состава земских гласных были исключены дворянские цензовые гласные. Их места, в основном, заняли представители крестьян. Председателем новой губернской земской управы земцы избрали члена губернской ПСР М.П. Благодатного (эсер). В июле член самарской ПСР С.А. Волков сменил К.Н. Инькова на посту губернского комиссара. Благодатный и Волков покинули свои должности под угрозой насилия со стороны самарского Ревкома, созданного вслед за столичным, при поддержке солдат местного гарнизона и самарского Совета рабочих и солдатских депутатов, в котором лидировали местные большевики. Губернский Комитет народной власти, исполнявший на самарской политической сцене роль гаранта демократических преобразований подобно Временному правительству, пережил четыре кризиса, каждый раз обновляя свой состав все более радикальными самарскими «политиками». Комитет возник как коалиционный. Это верно как с точки зрения партийного, так и социального представительства. В состав Комитета входили кадеты, эсеры, энесы, социал-демократы, меньшевики и большевики; по социальному составу – «интеллигенты», землевладельцы, предприниматели, рабочие, солдаты, крестьяне. Большинство мест принадлежало крестьянам, лидирующая роль – самарским социалистам-революционерам. Самарская буржуазия лидировала в самарской муниципальной революции лишь первые четыре дня, 1–4 марта. Непосредственно партийного представительства, за исключением первого мартовского состава, в Комитете не было. В его состав через представительство Советов общественных организаций, рабочих, солдатских и крестьянских депутатов входили местные партийные деятели, включая социал-демократов-большевиков (эсдеков).

В апреле 1917 года, после демонстративного ухода из Комитета самарских кадетов, его формально игнорировали и большевики. Самарский губернский Комитет народной власти и его исполнительный комитет (самарское губернское правительство) просуществовал до 22 ноября 1917 года. Большевики, несмотря на бойкот, принимали участие в его заседаниях. В ноябре в состав Комитета входил большевик В.К. Блюхер. В Комитете народной власти преобладали социалисты-революционеры. Усиление их роли в разработке политики управления губернией стало заметным с середины апреля. Пик авторитета Комитета в губернии выпал на долю его второго коалиционного состава, работавшего с июня по август. Именно с деятельностью этого состава, впрочем, как и третьего (август–декабрь), связана демократизация политической жизни в губернии – создание демократических земских самоуправлений в уездах и волостях, выборы городских дум, выборы депутатов в Учредительное собрание, создание новой власти в деревне, аграрная реформа. Октябрьские события в столице внесли коррективы в управляемость демократическими процессами в губернии. Борьбу за власть с Комитетом народной власти с конца октября открыто начал Совет рабочих и солдатских депутатов, создавший чрезвычайный орган власти – Революционный комитет (Ревком). Борьба за власть продолжалась до февраля 1918 года. Самый многочисленный и влиятельный в самарской деревне из губернских советов, Совет крестьянских депутатов, был противником узурпаторской политики солдатско-рабочего большевистского Ревкома. Однако, как показало развитие событий в 1917–18 годах, численность не есть решающий фактор в борьбе за власть.

Политические позиции Комитета народной власти выработывались на губернских крестьянских и всесословных съездах, исполнявших роль губернского «парламента». Вторжение в сферу аграрной политики Комитет народной власти осуществлял в соответствии с решениями губернских крестьянских съездов. Наиболее значимыми для выработки новой аграрной политики в 1917 году стали решения Второго (май–июнь) и Третьего (август) губернских крестьянских и всесословных съездов [8]. Их стостраничные типографски отпечатанные протоколы зеркально отразили ход заседаний. Протоколы были отпечатаны в земской типографии и направлены во все волости губернии. Корректность изложения заседаний съездов в протоколах никогда и никем не подвергалась сомнению. Программу новой аграрной политики в губернии принял Второй губернский крестьянский съезд. Следуя «Наказам» волостных делегатов – крестьян-общинников, – съезд выработал времен-

ные до Учредительного собрания Правила землепользования в губернии. В специальном постановлении съезд заявил о главенстве губернских Временных правил землепользования над всеми иными распоряжениями иных органов власти, включая Временное правительство. Съезд объявил Правила законом, которому должны были следовать землевладельцы и землепользователи в губернии. Суть Правил состояла в передаче волостным комитетам народной власти или комитетам земельным права распоряжаться пахотными землями губернии на один посевной год, прежде всего землями помещиков, которые прежде арендовались крестьянами-общинниками. Арендная плата была отменена. П.Д. Климушкин, «творец» новой аграрной политики в губернии в 1917 году, отмечал, что съездовским социалистам-революционерам с трудом удалось убедить членов Земельной комиссии исключить из перечня земель, поступавших в распоряжение комитетов, земли частновладельческие крестьянские, т.е. отрубников и хуторян.

Другое «революционное» решение всесословного съезда касалось новой схемы организации власти в губернии. Властью был провозглашен съезд. Комитеты народной власти стали «приказчиками» съезда. Съезд уточнил их компетенцию. Съездовцы исходили из того, что власть останется в руках комитетов народной власти до завершения демократических выборов нового земского самоуправления и создания нового земства в волостях. Процесс земских выборов был завершен в губернии лишь к середине октября. Оставались выборы в Учредительное собрание. Выборы прошли в условиях, отягченных октябрьским переворотом.

Третий губернский крестьянский и всесословный съезды уточнили Правила землепользования в губернии и приняли для руководства в земельном вопросе «Инструкцию земельным комитетам». К середине лета были созданы специальные комитеты – земельные. От Комитетов народной власти земельные комитеты отличались статусом. Земельные комитеты создавались как государственные. Сотрудники земельных комитетов были поставлены на содержание казны. Инструкция, принятая Третьим Самарским губернным съездом, содержала пункт о пределах надельных и вненадельных земель. В губернии было немало волостей, в которых помещичьих имений не было. Но были многоземельные отруба и хутора. При определенных обстоятельствах, которые оговаривались в Инструкции, допускалась передача в ведение комитетов земель общинников, отрубников, хуторян для наделения малоземельных крестьян-общинников. В сентябре под озимый посев

во многих волостях губернии такие переделы были проведены. В этот передел впервые попали земли александртальских и константиновских немцев, в «образцовых» владениях которых семь лет назад столь радушно принимали П.А. Столыпина, бывшего премьера бывшего царского правительства.

Статистика аграрных правонарушений, составленная на основе опубликованных и неопубликованных архивных источников, позволяет сделать ряд наблюдений над развитием динамики вожделений крестьян-общинников в стремлении завладеть земельной собственностью землевладельцев – самарских помещиков, купцов, крестьян-отрубников, хуторян. Земли по неотмененному революцией прежнему праву формально принадлежали владельцам. Общинники считали ее Божьей и больше ничьей. Это убеждение фундаментально характеризовало сознание общинников. Современные исследования ментальных аспектов поведения участников аграрного движения, в частности на материалах Самарской губернии, позволили вскрыть глубинные, первобытные пласты социальной психологии подобного типа [9]. П.А. Сорокин называл их «базовыми инстинктами» [10, с. 271–272]. С точки зрения, которую отстаивало центральное Временное правительство, «противоправные действия» самарских крестьян-общинников количественно выглядят непечатляюще. Крестьян в губернии насчитывалось более 3 млн, а совершенных ими правонарушений в земельной сфере – немногим больше 120. В море крестьянских волостей, хозяйств и дворов цифры правонарушений действительно выглядят более чем скромно. Однако сведения Главного управления Министерства внутренних дел Временного правительства о положении дел в Самарской губернии в 1917 году не соответствовали реальности. Ситуация в самарской деревне, если исходить из официальной милицейской статистики того времени, вполне спокойная: с марта по сентябрь 1917 года в аграрной сфере зарегистрировано всего 127 правонарушений. Наиболее частые из них – захваты имений: 48; и захваты сенокосов и пастбищ: 21 [11, с. 363]. Центральное правительство имело недостоверную информацию о ситуации на местах. Статистика, выявленная по материалам центральной и местной прессы, сообщениям губернских, уездных и волостных комиссаров, фондов центрального (ГАРФ) и Самарского архивов (фонды комитетов народной власти, земельных, продовольственных комитетов, земств), хроник событий, позволяет реалистичнее выявить масштаб местной смуты. В сравнении с данными МВД Временного правительства количество правонарушений, со-

вершенных крестьянами-общинниками против помещиков и «новых помещиков» – хуторян и отрубников, возрастает в разы. Против помещиков противоправных действий крестьянами Самарской губернии в 1917 году совершено 965, против хуторян и отрубников – 380; общее количество правонарушений в земельной сфере – 1345. Острые правонарушения направлено против помещиков. Значительная часть правонарушений отмечена летними и осенними месяцами – 858 (64 %). Это свидетельствует о том, что комитеты народной власти, по социальному составу общинно-крестьянские, активно реализовывали новую аграрную политику в земельном вопросе. Во всех уездах губернии общинники следовали решениям крестьянских съездов и политике Самарского губернского Комитета народной власти, сформированного июньским губернским всесословным съездом. Землепользование хуторян и отрубников в губернии в период с марта по ноябрь 1917 года было разрушено частично более чем в 60 волостях (волостей в губернии – 330); полностью ликвидировано в границах более чем 77 сельских обществ (подсчитано по названным источникам. – *Н.К.*). Расправиться с помещицей и крестьянской отрубной и хуторской земельной собственностью окончательно общинникам удалось лишь весной 1918 года, уже при советско-большевистской власти. О съездовской крестьянской «демократии» к тому времени крестьяне не упоминали. Вождем «землица» затмила сознание и опыт. Помещичьи имения, хуторские и отрубные земли были уравнительно переделены. Серьезного экономического эффекта эта мера не дала. Через три года Самарская губерния погрузилась в апокалипсический голод. Между тем на «скромных» успехах столыпинской земельной реформы, о крахе которой в недавнем прошлом навязчиво повествовали историки-пропагандисты, губерния в смутные 1917–1921 годы держалась относительно безголодно. После голода 1921 года к опыту столыпинского землеустройства, как к спасительной панацее, коммунистическая власть вынужденно вернулась, называя свою политику «новой экономической политикой» (НЭП). Имя П.А. Столыпина не упоминалось. Но советское земельное законодательство 1922 года вновь предусматривало поселковое («хуторское») землеустройство. Понятие «хутор» не звучало, хутор стал именоваться поселком. В 1926 году землеустроенных поселков в Самарской губернии (хуторов коллективного типа) насчитывалось 1086 [12, с. 6]. Впрочем, статистика восстановленных и вновь созданных землеустроенных поселков в губернии значительно ниже той, в

которой отразились разрушения периода «военного коммунизма». Новая аграрная политика комитетов народной власти в 1917 году в сравнении с советско-большевистской политически была более сдержанной и социально-экономически более эффективной.

Библиографический список

1. Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982.
2. Маслов П. Новые помещики // Новая жизнь. 1912. № 5.
3. Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001.
4. Гардер Б. Александрталь / пер. с нем. Э. Маттисса. Геттинген, 1956.
5. Кабытов П.С. П.А. Столыпин: последний реформатор Российской империи. Самара, 2006.
6. Государственный Совет. Стенографические отчеты. Сессия 5. СПб., 1910.
7. Зырянов П.Н. Петр Столыпин. Политический портрет. М., 1992.
8. Протоколы 2-го Самарского губернского крестьянского съезда с 20 мая по 6 июня 1917 г. и протоколы общегубернского Всесословного съезда с 28 мая 1917 г. Самара, 1917; Протоколы заседаний 3-го Самарского губернского крестьянского съезда [с 20 по 27 августа 1917 г.] и протоколы заседаний общегубернского Всесословного съезда [с 22 по 26 августа 1917 г.]. Самара, 1917; См. подробнее: Кабытова Н.Н. Власть и общество российской провинции в революции 1917 года. Самара, 2002.; Кабытов П.С., Курсков Н.А. Борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах. (1917–1918 гг.). Самара, 2005.
9. Буховец О.Г. Социальные конфликты и крестьянская ментальность в российской империи начала XX века: новые материалы, методы, результаты. М., 1996; Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., 2006.; Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания. Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008.
10. Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. М., 1992.
11. Крестьянское движение в 1917 году. М.; Л., 1927.
12. Спектор Г.В. Землеустроенная деревня. Опыт хозяйственно-экономического обследования. Самара, 1926.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ САМООРГАНИЗАЦИЯ КРЕСТЬЯНСТВА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИОГРАФИИ)

Аграрно-крестьянская тематика всегда являлась одной из «доминант» в историографии новой и новейшей отечественной истории. Тем не менее в исследованиях общественно-политического и социально-экономического развития России в начале XX века крестьянские сюжеты занимают особое место. Первая треть двадцатого столетия стала наиболее трагическим периодом в истории российского крестьянства. Крестьянство вовлекалось в модернизационные социальные процессы, которые вели к глубокой трансформации основ (организационно-хозяйственных, ментальных) крестьянской жизни и в конечном итоге к ликвидации крестьянства как социальной страги. Крестьянское население в этот период понесло огромные людские потери, которыми «оплатило» большевистские социальные эксперименты. В 30-е гг. XX в. история крестьянства России как общности с особым – регламентированным традицией – укладом жизни трагическим образом завершилась. Вместе с тем с начала двадцатого века – это отмечено многими исследователями – сельское население демонстрировало высокую социальную активность, проявлявшуюся в разнообразных формах. Потрясения, социальные тектонические «сдвиги» первых десятилетий XX века способствовали повышению роли крестьянства, его влияния на общественные процессы. Большинство исследователей, независимо от политических и методологических позиций, разделяют мнение о том, что «крестьянственность» – социальные ожидания, стереотипы (паттерны) мышления и поведения крестьянства – во многом определила характер русской революции 1917 г. и рожденного в ней советского («социалистического») государства. В этом состоит одна из главных причин исследовательского интереса к изучению социальной активности российского крестьянства в первые десятилетия XX века.

В последние два десятилетия формы самоорганизации крестьянства нередко становились предметом специальных исследований [17]. В этот период в исторической науке усилилось влияние идеологий (неонародничество и др.) и концепций, которые, в отличие от «бывшего» марксизма-ленинизма, рассматривают крестьянство в качестве силы

историчекой, способной к творчеству и самоопределению. Изучению истории социальных групп, классов с точки зрения их «самодеятельности», «самоорганизации» способствовало распространение синергетической парадигмы в общественных науках. Она предполагает акцент на исследовании таких явлений, как динамика неравновесных (самоорганизующихся) систем; спонтанное возникновение структур из хаоса (самоорганизация). Цивилизационный подход, получивший распространение в постсоветский период, также является весьма продуктивным с точки зрения изучения традиционного общества, обозначаемого как «община», «двор», крестьянский «мир». Ослабление позиций формационного подхода с рубежа 1990-х гг. было обусловлено не только исчезновением партийного диктата, но и кризисом модернистской парадигмы с ее установкой на рассмотрение исторического процесса как детерминированного восходящего развития в категориях «прогресс–реакция», «современное–архаичное» и т. д. Это также создавало возможность для рассмотрения крестьянства не как «бесперспективного» класса, объекта воздействия государства, а как самостоятельной исторической силы, способной «встроиться» в общественное развитие и обогатить его своими традициями и социальным опытом.

Важное «постановочное» значение для этой проблематики имеет трактовка термина «крестьянская организация». Ряд авторов предлагает определения этого понятия и критерии классификации крестьянских организаций. Полемика по данному вопросу, по сути, отсутствует, поскольку классификация этих структур осуществляется в контексте задач конкретного исследования и не претендует на универсальное значение. Заслуживает внимания точка зрения П. Куренышева, поскольку в его исследовании впервые системно, комплексно рассматривается история крестьянских организаций в XX в. Этот термин трактуется автором очень широко; он включает организации, состоящие из крестьян, выражающие крестьянские интересы и/или включающие в свое название слово «крестьянская». В соответствии с авторской классификацией они делятся на государственно-политические, хозяйственно-политические, военно-политические и т.н. псевдокрестьянские [14, с. 11–12].

Среди работ, восполняющих фрагментарность в исследовании самодеятельных организаций начала XX в., следует отметить публикации по истории Всероссийского крестьянского союза (ВКС). Ряд важных обобщений по истории создания и деятельности ВКС были сделаны О.Г. Вронским. Формирование ВКС, по его мнению, было тесно связано с развернувшимся в России в первой половине 1905 г. «союзным дви-

нением». ВКС не был результатом деятельности партии социалистов-революционеров; однако наряду с ним существовали крестьянские союзы партии эсеров [6].

В последнее десятилетие стали исследоваться такие формы самоорганизации, как крестьянские братства. Так, в работе Г.А. Салтык содержится немало фактов о деятельности крестьянских братств, их связи с неонародническими группами. По мнению историка, возникновение первых крестьянских братств было связано с деятельностью тамбовских эсеров [18].

В 1990-е гг. сохранился традиционный интерес исследователей к поземельной общине. В многочисленных публикациях отмечается, что крестьянская община была локальным «миром», регулируя все стороны жизни деревни – социальные, хозяйственные, поземельные, культурно-бытовые отношения и т. д. Она осуществляла социальный контроль, была «хранительницей» традиционных ценностей и норм, представляла интересы сельчан во взаимоотношениях с внешним миром. Община была универсальной формой самоорганизации сельчан – социальной, хозяйственной, общественно-политической, военной. Она представляла собой пластичную «субстанцию», которая легко мимикрировала под различные административные и организационные формы. Поэтому во многих случаях низовые крестьянские организации представляли собой общинные структуры [11; 14; 19; 20].

Среди специальных публикаций, посвященных общине, ее институтам, преобладают региональные исследования [2; 3; 8; 19; 20]. Они показывают, что община в известной мере эволюционировала, приспособлялась к развитию капиталистических отношений. Вопрос о социальном и хозяйственном потенциале общины, ее перспективах дискутируется, главным образом, в связи аграрной реформой П.А. Столыпина и ее реализацией. Большинство авторов считает общину в начале XX в. отжившим институтом, находившимся в глубоком кризисе. Вместе с тем влиятельной является точка зрения, согласно которой общинные традиции представляли значительную хозяйственную и социальную ценность и могли стать основой прогресса в сельском хозяйстве. Так, по мнению Соловьева, традиционная община могла – при поддержке государства – трансформироваться в более современную форму – кооперацию [20, с. 23–26].

Возможности самоорганизации крестьянства были ограничены государственной властью. В революцию 1917 г. и последовавший за ней период «пространство самоорганизации» крестьянства значительно рас-

ширилось. Изучение самодеятельных организаций в послереволюционные годы взаимосвязано с такими важнейшими проблемами, как соотношение организации и стихийности, внутренних и внешних факторов в революционном процессе и др. В публикациях 1990–2000-х гг. нередко отмечается иницирующая роль в создании постреволюционных крестьянских организаций земств, кооперации, общины, местных властей, партии эсеров [1; 4; 9; 10; 14]. В советской историографии такие факты и явления не акцентировались или обозначались как «соглашательство» и т. д. В ряде публикаций обосновывается тезис о том, что требование классового характера крестьянских организаций, выдвигавшееся наиболее радикальной частью революционной демократии, способствовало сохранению сословных принципов в организации власти и в конечном итоге стало одной из причин перерастания буржуазной революции в общинную [14, с. 261]. Граница между крестьянскими организациями часто была подвижной, даже условной; все они были теснейшим образом связаны с «миром», проникнуты общинным коллективизмом. Низовые организации были «многоцелевыми»; однако главной задачей было получение продовольствия для города. Это позволяет утверждать, что в годы революции и гражданской войны «принципиальным» был не земельный, а продовольственный вопрос [14, с. 268].

Современные исследования позволяют сделать вывод о том, что революция не стала «переломным рубежом», «водоразделом» в деятельности низовых самодеятельных организаций. В послереволюционные годы основой социального устройства деревни и механизма ее взаимоотношений с властью оставалась община. Материалы изучения комбедов, создававшихся для внесения классового раскола в деревню, показывают, что эта организация зачастую оказывалась в зависимости от общинных институтов. Комбеды были дееспособными, главным образом, в тех случаях, когда они приспособлялись к «мирским» нормам и традициям и становились своего рода внутриобщинным механизмом [14, с. 357–375].

В 1990–2000-е гг. значительное количество публикаций было посвящено повстанческой самоорганизации крестьянства в годы гражданской войны [7; 17]. В современной историографии утвердилось представление о крестьянстве как «третьей силе» в гражданской войне. Большинство исследователей разделяет мнение о том, что переход к НЭПу стал результатом поражения большевистской власти в войне с крестьянством. В связи с этим имеет сторонников точка зрения, что нэповская общественная модель стала реализацией социальных ожиданий крестьянства, воплощением «крестьянской утопии» [17, с. 178].

В годы нэпа существовали многочисленные организации – советы, кооперация, земельные общества, крестьянские комитеты взаимопомощи (кресткомы), беспартийные крестьянские конференции и др., – в которых сельчане могли проявить социально-хозяйственную и общественную активность. Исследования низовых организаций показывают, что на нижних «этажах» власти и управления в нэповской деревне доминировали традиционные (общинные) структуры. В работе О.Ю. Яхшияна содержится интересный анализ механизма распространения (экспансии) общинных традиций в системе низовой власти и социальной организации общества. Автор сделал вывод о том, что волостные и сельские советы в годы нэпа представляли собой общинные институты [23, с. 9–18]. На наш взгляд, этот тезис весьма умозрительен; он «дедуктивно» выводится из концепции «крестьянской революции 1902–1922 гг.» Т. Шанина – В. Данилова и положений крестьяноведения. Точка зрения О.Ю. Яхшияна в целом не получила поддержки со стороны исследователей. Тем не менее в публикациях многих авторов приводятся материалы и факты, свидетельствующие о том, что нормы и механизмы традиционного крестьянского самоуправления в 1920-е гг. оказывали большое влияние на деятельность советов, земельных обществ, кресткомов (ККОВ). Формирование самой многочисленной общественной организации 1920-х гг. – комитетов (обществ) взаимопомощи – было обусловлено стремлением властей использовать главную функцию общины – взаимопомощь – для решения социальных, хозяйственных и др. задач [5].

Большая роль традиционного самоуправления в годы НЭПа была обусловлена слабостью низового звена государственной власти и ограничивалась местным, локальным уровнем. Недовольство сельского населения политической системой НЭПа, слабой представленностью своих интересов на средних и верхних «этажах» власти была причиной популярности идеи Крестьянского союза. Крестьянский союз как феномен массового сознания нэповской деревни стал в последнее десятилетие предметом анализа в ряде специальных публикаций [15; 17; 22].

Можно заключить, что рассмотренная – в историографическом аспекте – тематика включает направления, характеризующиеся различным уровнем научного «освоения». Наряду с проблемами, имеющими значительную традицию изучения, можно выделить ряд вопросов, которые до сих пор затрагивались лишь на уровне постановки проблемы или в качестве периферийной проблематики. Недостаточно разработан-

ным является источниковедческий и историографический аспект; его анализ почти ограничивается соответствующими разделами диссертаций и монографий. Тем не менее позитивные тенденции современной историографии – расширение проблематики, выявление новых сторон и «граней» в рамках традиционной проблематики, применение разнообразных концептуальных подходов и методик – являются, на наш взгляд, определяющими для характеристики состояния и перспектив изучения низовых самодеятельных организаций в первые десятилетия XX века.

Библиографический список

1. Абрамов В.Ф. Российское земство. Экономика. Финансы. Культура. М., 1996.
2. Бирюков А.В. Крестьянская община Самарской губернии в пореформенный период, 1861–1900 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1999.
3. Верняев И.И. Крестьянский социум Псковского края (вторая половина XIX в. – первая четверть XX в.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1999.
4. Герасименко Г.А. Народ и власть в 1917 г. М., 1995.
5. Григорьев В.С. Взаимодействие политики и народных традиций. (Социально-политическая роль органов крестьянской взаимопомощи в России 1921–1941 гг.). Чебоксары, 1997.
6. Вронский О.Г. Государственная власть в России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905–1917 гг.). М., 2000.
7. Есиков С.А., Канищев В.В. Антоновский нэп: организация и деятельность Союза трудового крестьянства Тамбовской губернии, 1920–1921 гг. // Отечественная история. 1993. № 4.
8. Еферина Т.В. Крестьянская община на территории Мордовии (60-е гг. XIX в. – 30-е гг. XX в.): дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1995.
9. Кабытов П.С., Курсков Н.А. Вторая русская революция: борьба за демократию на Средней Волге в исследованиях, документах и материалах (1917–1918 гг.). Самара, 2005.
10. Кабытова Н.Н. Власть и общество российской провинции в русской революции 1917 года. Самара, 2002.
11. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. М., 2006.
12. Его же. Гражданская война 1918–1921. Урок для XXI века. М., 2003.
13. Кознова И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М., 2000.
14. Куренышев А.А. Крестьянские организации в первой трети XX века. М., 2004: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004.

15. Куренышев А.А. Всероссийский Крестьянский союз. 1905–1930: Мифы и реальность. М., 2004.
16. Мякотин А.А. Проблема общественного самоопределения крестьянства в годы НЭПа (на материалах Среднего Поволжья) // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований: материалы межрегиональной научно-практической конференции. Самара, 2007.
17. Посадский А. Военно-политическая самоорганизация российского крестьянства в 1905–1945 годах. Саратов, 2004.; и др.
18. Салтык Г.А. Неонародническое движение Черноземного центра России. 1901–1923 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2002.
19. Сафонов А.А. Крестьянская община Тамбовской губернии в 1917–1928 гг. (социальные аспекты проблемы): дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1997.
20. Соловьев В.Ю. Русская крестьянская община в пореформенные период. 1861–1900 гг. (на материалах Поволжья): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007.
21. Сухова О.А. Социальные представления и поведение российского крестьянства в начале XX века. 1902–1922 гг. (По материалам Среднего Поволжья): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2007.
22. Яхшиян О.Ю. Идея Крестьянского союза в годы нэпа // Российская история XX века: проблемы науки и образования: материалы научной конференции 15–16 сентября 2004 года. М., 2004.
23. Его же. Крестьянская община и местные органы власти в русской деревне 1920-х годов: дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.

Н.Н. Зоркова

*Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия*

ОТНОШЕНИЕ К СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЕ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ, ЗЕМСКИХ, ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ И КРЕСТЬЯН (НА ПРИМЕРЕ МОРДОВСКОГО КРАЯ)

Аграрный вопрос в начале XX века в России стал одним из главных, если не самым главным вопросом, от решения которого зависела судьба страны. Попыткой решения этого «проклятого» вопроса стала аграрная реформа российского правительства во главе с П.А. Столыпиным, вокруг которой в обществе сразу развернулись ожесточенные споры о возможностях и путях аграрного реформирования страны.

Губернаторы, издавна являвшиеся олицетворением самодержавной власти в провинции, стали оплотом аграрной политики правительства на местах. Так, например, тамбовский губернатор Н.П. Муратов в точности исполнял все задания правительства, даже несмотря на их насильственный характер. В октябре 1908 г. Н.П. Муратов писал П.А. Столыпину в своем донесении: «В отношении мер принуждения как уездных съездов, так и земских начальников к скорейшему движению дела по укреплению к наделу, обязуюсь сказать, что эти меры применялись и будут применяться с неуклонной последовательностью» [Цит.по: 7, с. 129].

Но уже в самом начале, в том числе и в мордовском крае, реформа встретила серьезное неприятие в лице части дворянства, земских деятелей, национальной интеллигенции и крестьян. Интересно замечание Б. Веселовского о том, что до июня 1906 года «правительство медлило с образованием землеустроительных комиссий, и лишь когда выяснилось, что Государственная Дума в основу аграрной реформы выдвигает принцип принудительного отчуждения части частновладельческих земель, было отдано распоряжение об организации названных комиссий. В ответ на это в ряде уездов крестьяне отказались выбирать представителей в комиссии» [1, с. 40].

Так, например, на Сергачском уездном земском собрании 19 июня 1906 года гласный Т.К. Опарин заявил, что «крестьяне сомневаются, что комиссия умиротворит крестьян. Стоит ли в нее избирать?» А гласный И.К. Дьяков добавил, что избирать членов в комиссию не следует, нужно ждать будущей Думы. Гласный М.П. Лебле высказал мнение, что, «заставляя произвести выборы, насилуют волю, вопреки указа 17 октября» [8, с. 83]. Тогда же Сергачское уездное земское собрание выборы членов в комиссию отклонило. Против реформы были настроены не только крестьяне, многие гласные-дворяне земских и губернских собраний лично уклонялись от выборов в землеустроительные комиссии, в том числе в Тамбовском уезде – предводитель темниковского уездного дворянства Ю.А. Новосильцев и князь Д.А. Кутушев [1, с. 41].

1906–1907 годы ознаменовались сплочением правых реакционных элементов в земствах и открытой поддержкой столыпинской аграрной реформы. Большую политическую роль сыграли телеграммы, отправленные многими земствами на имя П.А. Столыпина по поводу покушения на его жизнь 12 августа 1906 г., в которых прямо была заявлена поддержка всем действиям правительства в отношении борьбы с

противниками государственного порядка и дальнейшего проведения курса реформ. Так поступило и большинство уездных земств Мордовского края. В то же время в тамбовском губернском собрании председатель темниковской управы И.П. Демидов в противовес телеграмме П.А. Столыпину выдвинул предложение послать телеграмму вдове убитого М.Я. Герценштейна, члена Первой Государственной думы, председателя аграрной комиссии, выдвинувшей проект принудительного отчуждения частновладельческих земель по справедливой оценке [1, с. 51].

Подобные высказывания некоторых земских деятелей заставили сплотиться реакционно настроенных земцев. Выборы губернских управ в 1906–1907 гг. показали, что настроение губернских земских собраний резко качнулось «вправо». Так, председатель управы Нижегородского земства кадет А.А. Савельев был заменен на В.Д. Калугина, имевшего правые политические взгляды; в Пензенском земстве политическое настроение не изменилось – октябриста А.А. Атрыганьева сменил также октябрист князь Л.Н. Кугушев; в Симбирском земстве место кадета С.М. Баратаева занял октябрист Н.Ф. Беляков; в Тамбовском – кадета М.П. Колобова сменил на посту председателя управы октябрист И.И. Стерлигов [1, с. 58].

Часто органы местного управления не спешили приводить в исполнение постановления правительства и Думы. Так, например, Темниковское уездное земское собрание приступило к избранию члена в губернское совещание о хуторском хозяйстве только в 1908 году. При этом темниковский предводитель дворянства Ю.А. Новосильцев интересно характеризовал суть совещания, указывая, что «в этом совещании помимо разговоров о хуторах, не имеющих действительного значения, могут подняться другие более важные вопросы, касающиеся землеустройства, и поэтому он высказывается за избрание члена от земства» [4, с. 25].

По прошествии некоторого времени споры о реформе в земских собраниях не закончились. Так, на совещании 4 декабря 1909 года, созванного тамбовским губернским предводителем дворянства обсуждалась телеграмма министра внутренних дел о важности «скорейшего насаждения на образованных хуторах и отрубях улучшенных приемов сельского хозяйства» [5, с. 1]. По мере обсуждения «немногие высказались за то, что земство должно помогать исключительно хуторянам. Большинство же ответило на поставленный вопрос отрицательно и признало, что земство, устраивая агрономическую организацию, должно

преследовать единственную цель – содействовать улучшению производительности земли у всех земских плательщиков без различия» [5, с. 3]. Член темниковской земской управы князь Н.Н. Енгальчев высказал мнение, что «земские участки агрономы должны обслуживать все запросы населения, как землевладельцев, так хуторян и общинников, оказывать же помощь одним единоличным собственникам, отказывая другим группам, противоречит основам Земского положения» [5, с. 36]. Председатель темниковской земской управы И.П. Демидов высказался еще более жестко: «В циркуляре ясно сказано, что складами, пунктами и другими мероприятиями могут пользоваться только хуторяне, отсюда ясно, что вся землеустроительная организация устраивается только для хуторян. Если в уезде есть участки исключительно из одних хуторян, то можно ввести агрономию. Если же в уезде нет хуторян, то агронома как будто не нужно» [5, с. 36].

В результате такое враждебное отношение к столыпинской аграрной реформе темниковского уездного съезда во главе с предводителем дворянства, прогрессивным земским деятелем Ю.А. Новосильцевым привело к тому, что в 1910 году Ю.А. Новосильцев, председатель земской управы И.П. Демидов, ее член князь Н.Н. Енгальчев и некоторые другие уездные земские деятели были отданы под суд. По словам Б. Веселовского, «им инкриминировалось оказание препятствий служебной деятельности неперменного члена комиссии Ольшемовского, назначенного после того, как губернатор не утвердил представленного кандидата Королькова. Судебная палата приговорила Ю.А. Новосильцева, И.П. Демидова и князя Н.Н. Енгальчева к заключению в тюрьме» [1, с. 42].

В итоге несогласованных действий центральных и местных органов власти претворением реформы в жизнь часто занимались земские начальники, которые, в свою очередь, «оказывали «воздействие» на волостных старшин и писарей, угрожая старшинам отставкой, а писарям – увольнением. Некоторые волостные писари в своем вынужденном усердии начали практиковать «заявление на прокат», т.е. упрашивали хорошо знакомых им крестьян (для спасения своего положения) подать заявление о выходе из общины, от которых те потом отказывались» [9, с. 141].

Как известно, аграрный вопрос стал главным вопросом, обсуждавшимся в I Государственной думе. От Мордовского края в Думу были избраны многие прогрессивно мыслящие общественные и земские деятели, которые пытались донести до правительства ожидания мор-

довского крестьянства. Среди них был Степан Васильевич Аникин – мордвин из Саратовской губернии, социалист-революционер, один из руководителей саратовской организации эсеров. Аникин был одним из авторов аграрной программы трудовиков и беспощадно критиковал политику П.А. Столыпина. Причем дело доходило даже до арестов С.В. Аникина, который, кроме того, критиковал П.А. Столыпина, когда тот занимал пост саратовского губернатора. В своих выступлениях в Думе С.В. Аникин подчеркивал противоречия между правительством П.А. Столыпина и крестьянством в вопросе о земле: «Мы думаем, что каждый здесь выступающий в защиту частной собственности, защищая частную помещную собственность, напрасно прикрывается мелким собственником-крестьянином. Взгляд на землю помещика и взгляд на землю крестьянина – взгляды различные: у крестьянина – взгляд трудовой, у помещика – взгляд противоположный» [Цит. по: 10, с. 32].

Если С.В. Аникин родился в крестьянской семье и потому твердо защищал право крестьян на землю, то Николай Иванович Метальников родился в семье потомственных дворян Симбирской губернии, но также выступал защитником крестьян и критиковал многие положения аграрной реформы. Общественный и земский деятель Н.И. Метальников получил высшее агрономическое образование, создал в своем имении в Ардатовском уезде научно-исследовательскую лабораторию. Будучи гласным Ардатовского уездного и Симбирского губернского земства, Н.И. Метальников защищал интересы крестьян и всячески пытался сделать работу земств более демократичной и независимой от центральной администрации [10, с. 32].

Следует признать, что отношение крестьян к столыпинской аграрной реформе в уездах, впоследствии вошедших в состав мордовского края, было скорее отрицательным. Как мордовские, так и русские крестьяне, жившие столетиями вместе, страдали от малоземелья, чересполосицы, низкого технико-агрономического уровня хозяйства, притеснения кулаков и помещиков, но чувствовали, что в уничтожении общины нет выхода из создавшегося положения. Многие крестьяне пытались довести до внимания правительства свои требования путем приговоров и наказов депутатам Государственной думы. Основные пункты приговора крестьян с. Русские Пошаты Краснослободского уезда Пензенской губернии, составленного в марте 1907 года, предусматривали: бесплатное отчуждение всех казенных, удельных, кабинетных, монастырских, помещичьих и церковных земель в пользу кре-

стьян, установление общинного пользования, отмену прямых и косвенных налогов и т.п. [6, с. 122]. В наказе крестьян с. Ишаки Саранского уезда Пензенской губернии этого же времени, наряду с другими пунктами, содержится недвусмысленное требование отменить аграрный указ от 9 ноября. [6, с. 125]. Видя, что к их наказам не прислушиваются, крестьяне стали выражать свое недовольство другими способами: от насмешек и угроз в адрес выделившихся до потрав полей, поджогов и разгромов имущества отрубников и хуторян. Так, например, в сентябре 1912 года крестьяне-общинники деревни Горяйновка Саранского уезда избили крестьян-отрубников, кроме этого, пострадавшие жаловались на то, что их соседи производят потравы на их лугах, всячески притесняют и угрожают им. В своем прошении на имя пензенского губернатора крестьяне-отрубники писали о крестьянах-общинниках: «...в течение всего лета, злясь на нас за выезд на отруба, постоянно нам грозили всем, что им в голову придет...» [2, л. 322, 323]. В апреле 1911 года сельский староста с. Новая Пуза Ардатовского уезда Симбирской губернии на замечание крестьянина-хуторянина о том, что новый закон о выделе на отруба издан государем, ответил: «Этот закон не от государя, а от черта» [3, л. 7]. Свидетельств недоброжелательного и прямо враждебного отношения крестьян Мордовского края к столыпинской аграрной реформе довольно много.

Отношение к столыпинской аграрной реформе в Мордовском крае, как и по всей России, подчас было прямо противоположным. Но нужно помнить, что доброжелательно встретила реформу большая часть помещиков, следовательно, она, прежде всего, отвечала их интересам. Особую позицию заняли некоторые прогрессивные земства, целью которых была помощь всему крестьянскому населению, а не только отдельной ее части. Общественные и политические деятели, такие как С.В. Аникин и Н.И. Метальников, независимо от радикальности их политических взглядов, стремились к демократизации самой системы управления. Крестьяне же, сотнями лет жившие в общине, не могли и не хотели сразу перестраивать свое хозяйство и образ мышления на новый капиталистический лад.

Библиографический список

1. Веселовский Б. История земства за 40 лет. СПб.: Издательство О.Н. Поповой, 1911. Т. 4. 835 с.
2. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 7331.
3. ГАУО. Ф. 32с/855. Д. 1135.

4. Журналы очередного Темниковского Уездного земского Собрания 1908 года. Тамбов.: [б.и.], 1909. 732 с.
5. Журналы Тамбовского Губернского Земского Собрания очередной сессии 1909 года с приложениями. Тамбов: Типография Губернского Земства, 1910. 420 с.
6. Захаркина А.Е., Фирстов И.И. Мордовия в годы трех народных революций (хроника революционных событий. 1895 – май 1918 гг.). Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1957. 334 с.
7. Канищев В.В. Деятельность тамбовского губернатора Н.П. Муратова в контексте борьбы консервативных и либеральных региональных политических элит: 1906–1912 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Тамбов.: [б.и.], 2005. 322 с.
8. Ростовцева Т.Н. Столыпинская аграрная реформа в Нижегородской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород.: [б.и.], 2002. 268 с.
9. Фирстов И.И. Аграрные отношения в Мордовии в годы Столыпинской реакции и нового революционного подъема: дис. ... канд. ист. наук. М.: [б.и.], 1951. 246 с.
10. Юрченков В.А. У истоков Парламентаризма: Депутаты от уездов Мордовии в I Государственной Думе // Центр и Периферия. 2010. № 3. С. 30–39.

Н.В. Гурская

Поволжский государственный университет сервиса

ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ И УРАЛЬСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Политика переселения являлась частью аграрной реформы начала XX века. Порождение этой меры было связано с аграрным перенаселением Европейской России. Ее осуществление в основном проходило без особого учета региональной специфики. Это можно проследить на примере положения крестьян-переселенцев, проживших на территории Уральской области и Уральского казачьего войска.

Поток колонизации был направлен на восток, где крестьянам, вышедшим из общин Центральной России, были обещаны земельные наделы в собственность. При этом крестьяне часто оказывались

перед следующим выбором, где именно остановиться. Например, увлеченные слухами о «богатых» земельных участках на Урале и в Оренбуржье, переселенцы делали выбор в пользу последних мест [9, с. 137]. Это объясняется тем, что крестьяне имели слабое представление об особенностях тех или иных географических и климатических зон. Таким образом, с 1908 года началось переселение крестьян из девяти центральных губерний Европейской России, на специально выделенные участки на территории Уральской области.

Уральская область, образованная в 1869 году, состояла из земель Уральского казачьего войска, это три уезда – Уральский, Лбищенский, Гурьевский, и казахских земель – Темирский уезд. Плодородные земли имелись в Уральском, Лбищенском и Темирском уездах. В действительности Уральский край не обладал особо благоприятными условиями. Преимущественно почва представляла собой песок, суглинок и солончаки. Изучаемый регион отличался малочисленными и неравномерными осадками, сухостью и силой ветра, резкими колебаниями температуры. Лето отличалось высокими температурами, а зимы – низкими. Нередки были засухи. Посевные площади гибли от сусликов, саранчи.

При этом неурожайные и урожайные годы чередовались. Возможность хороших урожаев обнадеживала и привлекала новых переселенцев. За счет миграции крестьян площадь посевов на исследуемой территории постоянно росла. Вместе с тем количественный рост распашки земельных угодий не спасал от неблагоприятных последствий природных условий. Более того, земельный потенциал не предвещал больших перспектив. Созданная для обследования земель Уральской области земельная партия пришла к следующим выводам: черноземовидные суглинки могут быть засеваемы в одном месте 4–5 раз, потом сила почвы восстанавливается через 8–9 лет; темнокаштановые суглинки могут быть засеваемы в одном месте 4 года подряд, потом сила почвы восстанавливается через 18–20 лет; светлокаштановые суглинки могут быть засеваемы 3 раза подряд, а потом сила почвы восстанавливается через 8–10 лет [3, с. 6]. Следует принять во внимание, что удобрить почву было проблематично: во-первых, этому мешала сухость климата; во-вторых, естественное удобрение, навоз отличался особой дороговизной, так как использовался в качестве топлива [7, с. 7].

Крестьянство, не способное создать конкурентное товарное хозяйство, должно было искать другие средства к существованию,

например, податься на промышленные предприятия в качестве рабочих. Однако промышленность в Уральской области была развита слабо. Рыболовством могли заниматься только уральские казаки, это была исключительно их привилегия. Одним спасением для крестьян-переселенцев оставалось скотоводство.

В результате неурожаев, не имея возможности найти подработку, крестьяне-переселенцы разорялись. Они продавали купленные на новом месте избы, скот, даже сельскохозяйственные орудия труда. После неурожайного 1910 года в 1911 году правительство выделило пострадавшим продовольственную и денежную помощь. Однако этой меры для спасения экономического положения крестьян-переселенцев было недостаточно. Сам 1911 год был также неурожайным. И к концу лета 1911 года было выяснено, что только 3 % переселенцев было в состоянии самостоятельно себя содержать [4, с. 14].

Следует отметить специфику изучаемого региона. Дело в том, что лучшие земли Уральской области, годные для хлебопашества, находились в распоряжении уральского казачества. Поэтому непростая экономическая ситуация 1910–1911 годов привела к тому, что в 1912 году посевная площадь казачьих земель увеличилась, а киргизская уменьшилась [5, с. 9]. Однако земли выдавались в основном в киргизской степи. Поэтому определенная часть переселенцев вообще не являлась на выделенные участки [6, с. 9]. Также от части земельных наделов были отказы после кратковременного их пользования.

Территория Уральского казачьего войска сама представляла общину. При общинном пользовании землей для уральских казаков существовали особые правила. Например, каждый уральский казак имел право пользования конкретной нормой земельного участка на определенный срок [8, с. 237–238]. Земельный надел не передавался в частную собственность. Крестьяне-переселенцы могли пользоваться плодородными участками земли, но только временно, при условии, что ее сдадут в аренду уральские казаки. Последнее происходило в том случае, если зимний и весенний сезон рыбной ловли были удачными, т.е. богатыми на улов. Так как рыболовство традиционно в Уральском казачьем войске считалось главным источником дохода.

Уральские казаки имели больше земли и собирали больше урожая, чем крестьяне-переселенцы. Об этом свидетельствует следующий пример: в 1911 году казаки по области засеяли 63,7 % земли и собрали 5,5 пуда хлеба на 1 душу обоого пола, крестьяне-переселенцы засеяли

по области 12,3 % земли и собрали 1,7 пуда хлеба на 1 душу обоего пола [4, с. 13].

Земледелие на территории Уральской области хоть и поступательно развивалось, но не являлось основным источником жизнедеятельности и доходов местного населения. Плодородной земли под хлебопашество в Уральском казачьем войске использовалось лишь 10 %. Остальная земля находилась под парами, пастбищами и сенокосами [1, с. 105]. Таким образом, мы наблюдаем парадокс явлений: с одной стороны, это региональные особенности, связанные с местными традициями и законами конкретной этнографической группы, которые не отвечали требованиям времени; с другой – затруднительное положение переселенцев, которые должны стать определенной основой новых экономических и социальных отношений в обществе. Подобные противоречия лишь подчеркивали сложность проведения переселенческой политики.

Бедственное состояние крестьян-переселенцев настораживало некоторых представителей интеллигенции уральского казачества. Б. Карпов считал, что такая ситуация может разразиться крестьянским бунтом на территории войска [9, с. 137–138]. Вопреки данным опасениям следует отметить, что крестьянско-переселенческая масса была достаточно подвижна. Постоянно шло движение: одни переселенцы уходили, новые приходили, и определенный процент оседал окончательно. Таким образом, крестьян-переселенцев больше заботили вопросы личного выживания, нежели проблема единого социального протеста. Более того, в урожайные годы (1908, 1912, 1913) социальная напряженность спадала. Переселенцам же местная администрация шла на уступки. Это выражалось в увеличении площади земельных наделов. В 1911 году на 1 душу крестьянина-переселенца приходилось 1,26 дес., в 1912 году – 1,28 дес., в 1913 году – 1,68 дес., в 1914 году – 1,69 дес. [7, с. 10].

В итоге в 1908 году число крестьян-переселенцев на территории Уральской области составляло 0,7 % от общего состава населения [2, с. 2], а уже в 1915 году – 9,3 % [7, с. 3]. Таким образом, мы наблюдаем очевидный результат переселенческой политики, который заключался в следующем: с точки зрения государственных интересов переселенческая политика имела прогрессивное значение, формировался класс профессиональных земледельцев, шел процесс хозяйственной колонизации новых территорий. Однако для каждой разорившейся

семьи политика переселения предстала символом трагедии, а таких семей было немало.

Трудности данной части аграрной реформы заключались в непродуманности ряда вопросов: во-первых, предлагались переселенцам малопригодные территории для хлебопашества; во-вторых, отсутствовала агротехническая подготовка переселенцев к новым условиям; в-третьих, была недостаточная финансовая поддержка пострадавшим семьям.

К сожалению, переселенческая политика начала XX века не принесла ожидаемых результатов: в Центральной России, как и прежде, оставалась проблема перенаселения. Преждевременная гибель П.А. Столыпина помешала ему внести коррективы в переселенческую политику после поездки по Сибири в 1910 году. Следует отметить, что многие аспекты аграрной политики П.А. Столыпина по-прежнему порождают вопросы и суждения в научной среде.

Библиографический список

1. Изюмов А.И., Абросимов В.Г. История Уральского казачьего войска. Уральск, 2007. 296 с.
2. Обзор Уральской области за 1908 год. Уральск, 1909. 41 с.
3. Обзор Уральской области за 1910 год. Уральск, 1911. 66 с.
4. Обзор Уральской области за 1911 год. Уральск, 1912. 90 с.
5. Обзор Уральской области за 1912 год. Уральск, 1913. 124 с.
6. Обзор Уральской области за 1914 год. Уральск, 1915. 166 с.
7. Обзор Уральской области за 1915 год. Уральск, 1916. 143 с.
8. Полное географическое описание нашего Отечества. Киргизский край / под ред. В.П. Семенова. Уральск, 2006. 496 с.
9. Фокин Н.И. Уральцы... Мои земляки. Кемерово, 1998. 276 с.

О.Н. Иванова

Самарский государственный экономический университет

ПРЕРЫВИСТАЯ СУДЬБА РОССИЙСКОГО ФЕРМЕРСТВА В XX ВЕКЕ

Аграрная политика в РФ является сегодня едва ли не самым обсуждаемым вопросом. Это связано и с исторически сложившимися проблемами (хроническая недофинансированность аграрного сектора), и с засухой 2010 года, которая ярко продемонстрировала необходимость решения сельскохозяйственного вопроса.

2 марта 2011 года в Тамбове на XXII съезде российских фермеров глава правительства В.В. Путин отметил, что фермерство в России состоялось, фермеры оказывают существенное влияние на решение продовольственной проблемы, способствуют обеспечению продовольственной безопасности страны, фермерское хозяйство рентабельнее крупного сельскохозяйственного предприятия, и правительство готово оказать фермерам поддержку как самому эффективному производителю сельхозпродукции [7]. Фермер – это крестьянин-предприниматель, который владеет землей или арендует ее и занимается на ней сельским хозяйством [10]. Главный смысл фермерской деятельности – получение прибыли. История фермерства в России уходит в XIX век.

В начале XX века в правительственных кругах активизировалось изучение аграрного вопроса: в 1902 году были созданы 2 правительственные комиссии – «Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности» и «Редакционная комиссия по вопросам крестьянского законодательства». К 1904 году они достигли основополагающих соглашений по проведению аграрных преобразований. Их смысл заключался в постепенной индивидуализации и интенсификации крестьянского хозяйства и в конечном счете – в превращении крестьянского хозяйства в систему мелкой частной собственности, основанной на хуторах или семейных фермах [5]. Эти предложения получили отражение в указе от 9 ноября 1906 года, который разрешил отдельным крестьянам выходить из общины вместе с наделом. Так было положено начало фермерскому движению в России. Инициатива исходила от государства и была поддержана крестьянами, если оценивать результаты реформы не количеством хуторов и не увеличением сельскохозяйственного производства, а количеством людей, обратившихся за помощью к правительству. К началу 1916 года, когда реформа была приостановлена из-за войны, около половины крестьянских семей искало той или иной помощи правительства в реорганизации своих хозяйств [5].

В 1917 году была отменена частная собственность на землю. По Декрету о земле «усадебная городская и сельская земля, с домашними садами и огородами, остается в пользовании настоящих владельцев, причем размер самих участков и высота налога за пользование ими определяется законодательным порядком. Конские заводы, казенные и частные племенные скотоводства и проч. конфискуются» [1]. Фермерство как экономическое явление упразднилось.

В период «военного коммунизма» крестьянская инициатива была наказуема, и впоследствии возможность проявления хозяйственной самостоятельности появилась во время НЭПа, но с некоторыми ограничениями:

- аренда земли разрешалась на срок не более одного севооборота (при трехполье срок аренды составлял три года, при четырехполье – четыре года);

- наемный труд разрешалось использовать в случае невозможности выполнения арендатором сельскохозяйственных работ, а также если все члены семьи наравне с наемными работниками принимают участие в работе хозяйства;

- сдача земли в аренду могла быть обусловлена ослаблением хозяйственных сил, стихийным бедствием, недостатком рабочей силы и т.п. Субаренда запрещалась законом [3, с. 797].

В период новой экономической политики сельскохозяйственное производство быстро восстановилось, в том числе за счет фермерства, правом заниматься предпринимательской деятельностью воспользовались, в основном, недавние зажиточные и инициативные крестьяне.

В последующие годы единственная возможность проявления хозяйственной инициативы существовала в личном подсобном хозяйстве (ЛПХ). ЛПХ – земельные участки, находившиеся в пользовании колхозников и работников совхозов, либо находившиеся в их собственности скот, птица, хозяйственные постройки и орудия труда [10]. После свертывания новой экономической политики началась жесткая регламентация всех сторон общественной жизни (1930-е – 1941 гг.), что отразилось и на личных подсобных хозяйствах и привело к «почти полному отсутствию крестьянских хозяйств с 20–30 головами скота» [6, с. 548].

Тем не менее в послевоенные годы личные подсобные хозяйства не исчезли. На это влияли многие обстоятельства, в том числе невозможность выжить только за счет трудодней, начисляемых в колхозах. В большинстве случаев собранный урожай распределялся следующим образом: 1) в первую очередь продукция отправлялась государству; 2) откладывался семенной фонд; 3) оставшееся зерно и продукция животноводства распределялась по трудодням [4]. ЛПХ выступало в этих условиях средством выживания.

В целом по СССР после войны удельный вес распределения зерна по трудодням составлял в 1946 г. 14,1 %, в 1948 г. – 15,9 %, в

1950 г. – 18,7 % от общего сбора зерновых [4, с. 293]. Кроме зерновых по трудодням распределялось ежегодно примерно 25 % валового сбора картофеля. Что касается других продуктов сельского хозяйства, то они в большинстве колхозов почти не распределялись. В 1950 году, например, мясо по трудодням распределяли 6,4 % колхозов, молоко – 11,7 % [4, с. 293].

Для оплаты труда колхозников расходовалось в среднем менее 1/3 всего денежного дохода колхоза и 15–18 % валового сбора зерновых. При небольших урожаях и доходах того времени такая доля распределения не могла обеспечить достаточной отплаты трудодня. Причем эта доля была меньше в слабых колхозах, которые большую часть произведенной продукции сдавали государству. В 1950 году, например, колхозы Узбекистана распределили по трудодням 36,9 % денежных доходов, а колхозы Центральной нечерноземной полосы – 14,8 % [4, с. 293]. Кроме зерновых по трудодням распределялось ежегодно примерно 25 % валового сбора картофеля. Что касается других продуктов сельского хозяйства, то они в большинстве колхозов почти не распределялись. В 1950 году, например, мясо по трудодням распределяли 6,4 % колхозов, молоко – 11,7 % [4, с. 293].

«Примерный устав сельскохозяйственной артели», принятый в 1935 году на Всесоюзном съезде колхозников-ударников, определял допустимые размеры приусадебной земли для личного пользования колхозного двора – от 1/4 до 1/2 га (в некоторых районах до 1 га). Разрешалось содержать в личном хозяйстве скот: в зерновых, хлопковых, свекловичных, льняных, конопляных, картофеле-овощных, чайных и табачных районах до 2 голов молодняка рогатого скота, 1 свиноматку с приплодом или, если правление колхоза найдет необходимым, 2 свиноматки с приплодом, до 10 овец и коз вместе, неограниченное количество птицы и кроликов и до 20 ульев; в земледельческих районах с развитым животноводством 2–3 коровы и, кроме того, молодняк, от 2 до 3 свиноматок с приплодом, от 20 до 25 овец и коз вместе, неограниченное количество птицы и кроликов и до 20 ульев; в районах кочевого животноводства от 8 до 10 коров и, кроме того, молодняк, 100–150 овец и коз вместе, неограниченное количество птицы, до 10 лошадей, от 5 до 8 верблюдов [12].

Правительственная политика по отношению к ЛПХ после 1935 г. менялась. В 1946–1947 гг. в связи с сильной засухой в главных

районах страны вышло Постановление Совета Министров СССР от 9 августа 1947 г. № 842 «Об оказании помощи бескоровным и не имеющим скота колхозникам в обзаведении скотом». В соответствии с этим постановлением намечалось закупить 1 млн телок для передачи их бескоровным колхозникам путем продажи в кредит. На эти цели был отпущен долгосрочный кредит в размере 200,5 млн руб. [4].

В 1954 году на Пленуме ЦК Н.С. Хрущев выступил с докладом «О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства». Среди причин отставания аграрного сектора он назвал и ущемление личного подсобного хозяйства. На практике же в 1958 году размеры приусадебных участков были сокращены по сравнению с 1935 годом. Рабочих и служащих совхозов заставили продать личный скот своим предприятиям. Жителям городов и рабочих поселков запретили держать скот на личных подворьях. Сельский образ жизни в городах, где развивалась крупная промышленность, не соответствовал задачам создания индустриального общества. Требования к личным подсобным хозяйствам, прежде всего в городах, ужесточились, несмотря на провозглашенный ранее курс.

В соответствии с аграрными изменениями 1960-х гг., вносились изменения и в Примерный Устав колхозов (ноябрь 1969 года) – коллективные хозяйства получали значительную самостоятельность, элементы хозрасчета. За колхозниками сохранилось право содержания личного подсобного хозяйства, приусадебного участка и домашнего скота и птицы. Впервые с 1965 по 1970 годы прирост валовой продукции сельского хозяйства составил 23 % [11]. В последующие годы, чаще называемые «эпохой застоя», личные подсобные хозяйства также поощрялись, раздавались земли под садоводческие товарищества горожан.

Экономическая реформа 1987 г. признала равенство пяти основных форм хозяйствования (колхозов, совхозов, агрокомбинатов, арендных кооперативов, фермерских хозяйств), но не было принято закона о частной собственности на землю [14, с. 494]. В мае 1988 г. советским правительством заявлено о возможности для земледельца арендного подряда на землю (аренда на 50 лет с возможностью распоряжаться полученной продукцией). Уже через два года на условиях аренды в СССР обрабатывалось 2 % земель и содержалось 3 % поголовья скота. С 1988 года производство в сельском хозяйстве сокращается [9]. С 1986 г. число личных под-

собных хозяйств росло и составило 20,9 тыс., в 1987 г. – 21,9 тыс., в 1988 г. – 22,2 тыс. Также выросла занимаемая личными подсобными хозяйствами посевная площадь: в 1986 г. она составляла 1720 тыс. га, в 1987 г. – 1761 тыс. га, в 1988 г. – 2094 тыс. га, а в 1989 г. – 2269 тыс. га [13].

У российского фермерства XX века – прерывистая судьба: оно зародилось и поддерживалось государством в 1900–1916 гг., было уничтожено в 1917–1920 гг., реанимировано в условиях НЭПа – 1921–1928 гг. В последующий период крестьянская активность была неполноценной: уничтожался смысл предпринимательской деятельности. Да и весь советский период зародыш фермерства – личное подсобное хозяйство – находился в немилости у государства. В результате доверие современных крестьян к фермерству подорвано.

Возвращение доверия – процесс долгий, занимающий не одно десятилетие. Большую роль здесь сыграют меры и методы государственной поддержки фермеров. Во время реализации столыпинской аграрной реформы так же, как сегодня, большое значение имело доверие к власти – ведь ломался традиционный уклад жизни деревни, без конфликтов обойтись было сложно. Однако правительством, при отдельных случаях применения силы, основным направлением политики по отношению к крестьянству избрало просвещение и агитацию [5].

Пропаганда фермерства и консультации специалистов (юристов, агрономов, экономистов и других) на современном этапе смогут создать базу для проведения успешной аграрной политики, что будет способствовать развитию фермерства.

Библиографический список

1. Декрет о земле. Принят II Всероссийским Съездом Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов 27 октября 1917 года // Законы СССР 1917–1929 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.knukim-edu.kiev.ua/index.php?id=589&view=article>
2. ФЗ № 112 «О личном подсобном хозяйстве» от 7 июля 2003 г. Принят Государственной Думой 21 июня 2003 г.
3. Исаев И.А. История государства и права России. М.: Юристъ, 2004.
4. Волков И.М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. М., 1972.

5. Мэйси Д. Земельная реформа и политические перемены: феномен Столыпина // Вопросы истории. 1993. № 4. С. 3–18.
6. Хрящева А.И. Крестьянское хозяйство // Социология в России XIX – начала XX веков. Социология как наука. / под ред. В.И. Добрянкова М.: Международный Университет Бизнеса и Управления, 1997.
7. Евгений Писарев. Фермерский рубль // Российская газета. 2011. 2 марта.
8. Аграрная политика Н.С. Хрущева: замыслы и реальность. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://pages.marsu.ru/sv1/civ/20_2.html
9. История Отечества. СССР в годы перестройки (1985–1991 гг.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.humanities.edu.ru/db/msg/19944>
10. Личные подсобные хозяйства [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.wikipedia.ru>
11. Абалкин Л.И. Аграрная трагедия России // Вопросы экономики. № 9. 2009. С. 4–14.
12. Примерный устав сельскохозяйственной артели, принятый Вторым Всесоюзным съездом колхозников-ударников и утвержденный Советом Народных Комиссаров СССР и ЦК ВКП (б) 17 февраля 1935 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lawmix.ru/docs>
13. Сельское хозяйство. Статистический сборник. М.: Информационный издательский центр, 1991.
14. Филиппов А.В. Новейшая история России. 1945–2006 г.: книга для учителя. М.: Просвещение, 2007.

СЕКЦИЯ II.

**ПЕТР АРКАДЬЕВИЧ СТОЛЫПИН
И РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС
НАЧАЛА XX ВЕКА**

П.А. СТОЛЫПИН: СРЕДА РЕФОРМ

Кардинальный принцип «Политики» Аристотеля: «Необходимо, чтобы целое предшествовало части», как нельзя более четко выражает суть преобразований П.А. Столыпина [1, с. 15–25]. Предшественники П.А. Столыпина, в их числе и С.Ю. Витте, полагали возможным решить стоящие перед Россией задачи реформированием отдельных частей ее устройства. П.А. Столыпин выдвинул и реализовывал план политического, социального, экономического, вероисповедного преобразования страны на традиционной национальной основе: создание правового государства и гражданского общества, органическое взаимодействие исполнительной, представительной, судебной власти, формирование уездных органов власти, реформа местного самоуправления и введение мелкой земской единицы, становление мелких самостоятельных собственников, самодостаточных субъектов экономической, социальной, политической и духовной жизни страны. В первую очередь – это владельцы мелкой земельной собственности, крестьян [2, с. 197–201, 203–209]. По своей сути это программа либерального консерватизма, по определению В.В. Леонтовича, истинного либерализма [3, с. 22]. Ее реализация была связана не с традиционной этикой православного исихазма великоросса, как дворянина, так и пахаря, а этикой либерального консерватизма, которую применительно к странам Западной Европы М. Вебер называл этикой протестантизма.

Какова же была среда реформ, иными словами, географические и климатические, социальные, экономические, вероисповедные, государственно-политические, этнические условия? Исторические события разворачивались преимущественно и главным образом на необозримых просторах Восточно-Европейской равнины, природа которой была для великороссов мачехой. С одинакового по площади участка в Западной Европе выход биомассы в 2–2,5 раза больше, чем в России. Не было гор, естественной защиты от соседей; не было (до второй половины XVIII в.) теплых морей, условий успешной торговли. Трудные климатические, естественно-географические условия сказывались на образе жизни великорусской нации, особенностях ее государственности и истории [4, с. 5–30, 554–572; 5, с. 71–74].

В начале XX в. Россия была патриархально-патерналистской самодержавно-православной монархией традиционалистского типа. В ней не было имперских представительных учреждений, политическая партий-

ная деятельность жестко преследовалась. Органы местного сословного и сословного самоуправления действовали в пределах уезда и губернии. Простонародье традиционно являлось объектом государственного попечительства. Только дворянству дозволялось выступать субъектом в определенных имперской властью границах.

Преобразование началось в ситуации крайнего обострения Смуты, индикатора неустроенности. «В настоящее время государство у нас хвораёт», – говорил в мае 1907 г. П.А. Столыпин. В марте 1911 г. он с полным основанием констатировал, что смута политическая питалась смутой более серьезной, смутой социальной, «которая вскормила и вспоила нашу революцию». Смута дала сильнейший импульс выдвижению планов преобразования и одновременно крайне затрудняла их реализацию. Кроме бунтов, бедствием были убийства и грабежи. Официальная статистика зафиксировала только в 1907 г. 11 026 посягательств на жизнь: 3487 террористических покушений и 7539 покушений с грабежами [6, л. 17–18]. «Каждый божий день по несколько убийств, то бомбами, то из револьвера, то ножом и всякими орудиями; бьют и бьют, чем попало и кого попало... Надо удивляться, как еще не всех перестреляли нас», – писал С.В. Зубатову в 1907 г. Е.П. Медников. В Государственной думе левые и кадеты консолидированно выступали против осуждения террора революционеров и требовали осудить «правительственный террор». Октябристы призывали осудить террор и революционеров и правительства. За пять лет П.А. Столыпин покончил с этой бедой. Одну часть террористов и грабителей («экспроприаторов») приговорили к смертной казни, тюремному заключению и каторге, другая была дезорганизована. Главное, последовательными преобразованиями Столыпин изолировал убийц и грабителей от общества [7, с. 111; 8, с. 175–176].

Самым активным субъектом Смуты была интеллигенция, часть интеллектуальной элиты страны. Эта не явно выраженная социальная страта, эксплицитно ориентированная на западный образ жизни и западную культуру, была привержена специфической идеологии и морали. Русская интеллигенция противопоставляла себя власти, ее институтам, идеологии, объекту служения, исповедовала космополитизм и атеизм. Свои корпоративные интересы она эксплицитировала как общенациональные и сообразно с возложенной на себя функцией полагала, что реципиентом ее интересов и представляемой ею западной культуры должен стать народ. Интеллигентская семантика со свойственной ей редукцией и сциентизмом усваивалась и высшими стратами, включая царскую фамилию. Интеллигенция определяла лицо либеральных и радикально-либеральных партий и обще-

ственных организаций. Монархизм, а уж тем более самодержавие, вызывали у нее своего рода идиосинкразию [9, с. 393–412].

Характерная особенность российской государственности заключалась в концентрации светской и духовной власти, гигантского экономического потенциала. Реформы в императорской России проводились только по воле и при поддержке императора. Николай II воспринимал власть как тяжкий крест, возложенный на него всевышним, как долг, который следовало, таков был кодекс чести, неукоснительно исполнять, преодолевая личные желания и минутные слабости. Он был по-романовски упрям, но скрытен, умел держать себя в руках, не проявлять на людях эмоции, благоволил тем, кто, по его мнению, приносил пользу России, поддерживал преобразования П.А. Столыпина. Отношения премьер-министра и государя априори не могли быть благобно бесконфликтными. Каждый из них имел собственное мнение о настоящем и будущем России. Согласно апологетической литературе последних лет, в дуэте Николай – Столыпин премьер был первой скрипкой, император либо послушно следовал за ним, либо мешал, а в конце концов, «предал» его, «изменил» ему. Сам П.А. Столыпин считал, что царь – «хозяин», а он – «приказчик». Во время аудиенции 5 марта 1911 г. Столыпин, почувствовав, что Николай II верит наущениям правых, что премьер его заслоняет, становясь между ним и страной, «решительно заявил об уходе, так как понял, что мне больше нет опоры». Примечательно следующее место из его записи: «Ведь не могу же я, министр внутренних дел, искать поддержки в общественных течениях... У нас нет парламентаризма». «Мне его искренне жаль! – передавал свои впечатления от аудиенции Столыпин. – Он верит мистицизму, слушает предсказания, думает опереться на правых». И заключал: «Больше всего мне жаль государя». На энергичные упреки премьера во время аудиенции царь не отвечал, «а только плакал и обнимал» его и повторял, что ему «нет замены» [10, с. 101–102].

Думается, нуждается в некоторой коррекции мнение, что после мартовского кризиса 1911 г. Николай II полностью охладел к Столыпину и только дожидался момента, чтобы отправить того в отставку. 31 марта 1911 г. император ободрял своего премьера: «Желаю Вам завтра, Петр Аркадьевич, в Государственном совете спокойствия духа и полного успеха». 10 апреля, наградив Столыпина орденом Святого Александра Невского, Николай II писал в рескрипте о «совершенном моем благоволении», «Пребываю к Вам неизменно благосклонный Николай». Столыпин получал регулярные аудиенции, посещал совместно с императором концерты [11, с. 355–356]. В мае 1911 г. он деятельно работал над проектами дальнейших преобразо-

ваний. Ярый противник Столыпина В.П. Мещерский, который всегда обладал доподлинной информацией о настроениях высших сфер, 23 августа 1911 г. отмечал в «Дневниках»: «На днях в Киеве ожидается торжественное, так сказать, утверждение к жизни нового положения о земстве в Западном крае. Главным деятелем и представителем идеи этого торжества будет П.А. Столыпин». Правые с раздражением, но в один голос твердили, что в Киеве Столыпин торжествовал [12, с. 205–218]. Сам П.А. Столыпин 28 августа 1911 г. писал о встрече с земскими депутациями шести губерний: «Мое впечатление – общая, заражающая приподнятость, граничащая с энтузиазмом. Факт и несомненный, что нашлись люди, русские, настоящие люди, которые откликнулись и пошли с воодушевлением на работу. Это отрицали и левые, и крайне правые» [13, с. 613]. Надо думать, царь после мартовского инцидента на время охладел к премьер-министру, досадовал на него, возможно, у него возникало желание заменить его. Но нет фактов, свидетельствующих о его решении изменить правительственный курс, о появлении достойной замены Столыпину. Нелишне напомнить, что Николай II не медлил расставаться с теми министрами, в которых разочаровывался. Молниеносную отставку получил П.Д. Святополк-Мирский, на которого император поначалу возлагал большие надежды; С.Ю. Витте, выдающийся государственный деятель; И.Л. Горемыкин, к которому Николай II был расположен; В.Н. Коковцов. Список этот можно продолжить.

Мария Федоровна, великий князь Николай Михайлович и некоторые другие члены царской фамилии поддерживали П.А. Столыпина. Были среди членов царской фамилии, особенно служивших по военному ведомству, и противники Столыпина. Большинство придворных неприязненно относились к «провинциальному выскочке» и строили ему козни. Во время торжеств в Киеве в 1911 г. придворная челядь выказывала пренебрежение премьер-министру. Но это особый сюжет.

В пореформенной России распад традиционного образа жизни дворянства сопровождался деформацией традиционного мирозерцания, идентичности, неуверенностью в завтрашнем дне. Дворяне начала XX в. – это дети и внуки тех, кто в 1861 г. беспрекословно выполнил волю императора. Эти поколения выросли в другой обстановке, чем их отцы и деды, они испытывали сильнейшее воздействие сциентизма и редукции. Их деды, подобно пушкинской Маше Мироновой, обращались к сакральной власти только за милостью, они же решительно напоминали императору об исторических заслугах дворянства в создании государства, требовали сохранить и не умалять их сословные права. Сановно-придворный мир к началу XX в. уже настолько «эмансипировался», что многие воспринимали

царя как, в первую очередь, человека. Сакральное восприятие царя уходило в прошлое. Монархическое сознание дворянства подвергалось коррозии [14, с. 84; 15, с. 15–20]. Дворянские собрания, Совет объединенного дворянства, правые в Государственном совете были оплотом оппозиции преобразованиям и выдвигали собственную экономическую и политическую программу, программу консервации России. Дворянская корпорация противопоставляла органы власти царю, без пиетета относилась к власти исполнительной («дряблая», «слабая духом, энергией, волей») и тем более законодательной (в первую очередь Государственная дума), атаковала премьер-министров, Совет министров. Витте обвиняли в измене, Горемыкина ругали за бездействие, Столыпина – за измену дворянству. Особенно болезненно реагировала дворянская корпорация на программу преобразования местного управления и самоуправления, суда, воспринимая их как ликвидацию исторической роли дворянства. При этом четко декларировалось отрицательное, скорее, враждебное отношение к агентам власти, бюрократам и чиновникам, которые должны были заменить предводителей дворянства, земских участковых начальников. Правые упрекали Столыпина в стремлении «купить» институт предводителей дворянства и превратить его в послушный бюрократический механизм. Из столыпинской программы преобразования России дворянская корпорация, поддерживала только реформу общины и поземельных отношений крестьянского землевладения [16, с. 296–299].

Самое многочисленное и бесправное сословие, крестьяне, после освобождения от крепостного права в глазах властей представляли исключительно объектом попечения. Они озаботились предотвращением «язвы пролетариата», разорения крестьянства, сохранения общины. Семантически власть, дворяне, интеллигенция говорили на другом языке, нежели крестьяне. Факт этот убедительно показала русская очерковая литература. Крестьянство жило в вере Богу, царю и согласно традициям. Великорусский крестьянин сумел приспособиться к новым условиям. Его положение в конце XIX начале – XX в. заметно улучшилось: росла урожайность хлебов, уменьшалась смертность. Но в центре страны экстенсивный путь сельского хозяйства был исчерпан. Все земли были заняты, все, что можно, распаханно. Половина великорусского крестьянства имела недостаточный надел и проживала в зоне критического земледелия. В начале XX в. деревня была преимущественно молодой, большинство ее не знало крепостного права. Индустриализация и торговля, новые транспортные связи, отхожие промыслы, рост грамотности меняли облик деревни, она открывалась миру [5, с. 38–80].

Увеличение обездоленной части деревни и недоимок, участие общин в крестьянских бунтах стимулировали разработку аграрных проектов С.Ю. Витте, А.И. Кривошеиным, В.И. Гурко, которые рассматривали состояние деревни вне связи со всем комплексом проблем. Иначе подходил к решению проблем П.А. Столыпин. Оздоровление крестьянства Столыпин связывал с общим переустройством России. Основные моменты намеченной и проводимой им реформы аграрного строя, на наш взгляд, таковы: задачи ближайшего времени – «помощь крестьянству», которое «хиреет», «завядает» (ослабление земельного голода, увеличение и упорядочение крестьянского землевладения); вместе с этим и вслед за этим расчистка почвы для становления крепкой мелкой личной земельной собственности (освобождение от общины, переход от семейной к индивидуальной земельной собственности, землеустройство); стратегическая задача – создание многомиллионной массы мелких земельных собственников, субъектов хозяйственной, общественной и государственной жизни. Мелкий земельный собственник, подчеркивал реформатор, «трудолюбивый, обладающий чувством собственного достоинства, внесет в деревню и культуру, и просвещение, и достаток»; он, в полном смысле, «кузнец своего счастья». «Ни закон, ни государство не могут гарантировать его от известного риска, не могут обеспечить его от утраты собственности, создавать помехи его самостоятельности». Это – четко выраженная этика консервативного либерализма. Если этика русского православия заключалась в максиме «бедность – не порок», то по Столыпину «бедность – худшее из рабств» [2, с. 205–209, 241–242; 13, с. 174].

Первые годы аграрной реформы характеризовались активным выходом крестьян из общины, с 1911 г. на первый план вышло землеустройство. Темпы аграрной реформы не только не замедлились, но возросли. Реализация аграрной реформы была связана с формированием новой этики, уходом от многих традиционных представлений, изменением образа жизни. Воплощение ее требовало длительного промежутка времени, жизни не одного поколения. Согласно исследованиям последних лет, переход от общинной собственности к личной не повлиял на образ жизни великорусского крестьянина, который всегда пользовался пахотной землей индивидуально [5, с. 195, 203–205, 298].

Реформы местного управления, самоуправления и суда способствовали превращению власти из вертикали в пирамиду с чрезвычайно широким основанием, становлению мелкого собственника, включению его в общественную и государственную жизнь, вели к становлению бессловесного управления, господству права и закона, исключали особую роль дво-

рянства. Именно поэтому они вызвали отторжение, яростное сопротивление дворянской корпорации и правых.

Цель всеобъемлющей программы преобразований П.А. Столыпина – становление великой, процветающей, благоустроенной державы на принципах консервативного либерализма ненасильственными методами. Реформировалась эта Россия, при этом царе, с этим бюрократическим аппаратом, этими исполнительной и законодательной властью, судом, которые должны были адаптироваться друг к другу, создать органичную систему. Программа учитывала перспективные интересы дворянства, крестьянства, промышленников, других социальных групп, включала решение проблемы вероисповедного неустройства. Реформатор стремился создать условия роста консервативно-либеральной среды, которая при его жизни была незначительна. Не случайно исследователи затрудняются назвать имен «птенцов» этого «гнезда Петрова». Одни утверждают, что у Столыпина не было действенных единомышленников и он был одинок, другие говорят, что он «приступил к созданию своей команды», не называя при этом ни одной фамилии.

П.А. Столыпин до последних дней сохранил веру в избранный им путь. За несколько дней до рокового выстрела он с воодушевлением писал: «Меня вела моя вера, а теперь и слепые прозрели» [13, с. 613].

Библиографический список

1. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения. Т. 4. М., 1983.
2. Столыпин. Жизнь и смерть. Саратов, 1997.
3. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. М., 1984.
4. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
5. Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001.
6. ГАРФ. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1907. Д. 80. Т. 1.
7. Козьмин Б. С.В. Зубатов и его корреспонденты. М., 1928.
8. Леонов М.И. Террор и Смута в Российской империи начала XX в. // Вестник Самарского университета. 2007. № 5/3 (55).
9. Успенский Б. Русская интеллигенция как специфический элемент русской культуры // Успенский Б. Этюды о русской истории. СПб., 2002.
10. П.А. Столыпин. Грани таланта. М., 2006.
11. П.А. Столыпин. Биохроника. М., 2006.
12. Бородин А.П. Столыпин. Реформы во имя России. М., 2004.
13. Столыпин П.А. Переписка. М., 2004.

14. Боханов А.Н. Святая царица. М., 2006.
15. Колоницкий Б. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. СПб., 2010.
16. Корелин А.П. Петр Аркадьевич Столыпин // Российские реформаторы конца XIX – начала XX вв. М., 1995.

Е.П. Барина

*Самарский институт Российского государственного
торгово-экономического университета*

П.А. СТОЛЫПИН И ОБЪЕДИНЕННОЕ ДВОРЯНСТВО О ФИНЛЯНДСКОМ ВОПРОСЕ

Взаимоотношения российского центра с национальными образованиями на рубеже XIX–XX вв. в последнее время привлекают особое внимание исследователей, что связано с попыткой поиска моделей структуры отношений «центр – провинция». Вопрос о правомерности и юридических основаниях для вмешательства царского правительства в дела Финляндии активно обсуждался юристами как в дореволюционной России, так и в Финляндии [5; 6; 7; 8; 16; 17]. Представление финского народа о России как о государстве-угнетателе во многом определялось политикой царского режима в отношении Великого княжества Финляндского. В 90-е гг. XIX в. перед русским правительством встал вопрос, явившийся одним из основных в последующие десятилетия: обеспечение безопасности Санкт-Петербурга со стороны финской границы [10, с. 264–277]. На рубеже XIX–XX столетий началось введение в действие на территории Финляндии некоторых общеимперских норм, расширение прерогатив генерал-губернатора, назначение на административные посты в княжестве русских, что привело к снижению финляндской автономии, активизации общественно-политического движения в Финляндии и росту антиправительственных настроений. В сознании финского народа этот процесс ассоциировался с угнетением, поэтому-то 90-е гг. XIX в. – 1905 г. и получили название «первого периода угнетения». Попытки русского правительством вновь ликвидировать финляндскую автономию в 1908–1911 гг. («второй период угнетения») были вызваны стремлением распространить правотворческую деятельность новых государственных учреждений на территорию Финляндии [16; 17]. В дальнейшем в финской историографии это явление предпочитали называть «русификацией» или «унификацией» [10, с. 280].

Отметим, что в основе изменения правительственного курса в отношении Финляндии были как экономические, так и военно-стратегические причины. По мере нарастания революционного движения в России в конце сентября – начале октября 1905 г. финляндские государственные и общественные деятели попытались восстановить особые права Великого княжества, утраченные в годы генерал-губернаторства Н.И. Бобрíkова. Эти выступления носили ярко выраженный антироссийский характер [4; 12]. События первой русской революции поставили перед правительством задачу организации борьбы с российскими революционерами на территории Финляндии и ввозом через Финляндию на территорию Российской империи оружия. П.А. Столыпин с лета 1906 г. пытался добиться от финляндской администрации нейтрального отношения к действиям российской полиции и жандармерии в отношении российских революционеров, находящихся на территории Великого княжества Финляндского. Он предлагал ввести военное положение в Выборгской губернии и укрепить российскую администрацию в княжестве. Николай II поддержал Столыпина и в апреле 1907 г. распорядился начать подготовку императорского указа об объявлении Выборгской губернии на военном положении. Возможные способы борьбы с деятельностью революционных организаций на территории Финляндии обсуждались Особым совещанием по делам Великого княжества Финляндского 3 ноября 1907 г. Часть участников заседания предлагала принять меры, расширяющие полномочия чинов отдельного корпуса жандармов в княжестве. Но большинство склонилось к тому, что данная мера ничего не даст.

Формальным поводом к возобновлению попыток урегулировать финляндский вопрос на правительственном уровне стали запросы членов Государственной думы председателю Совета министров П.А. Столыпину. Думских лидеров не удовлетворяла все еще сохраняющаяся государственная независимость Великого княжества Финляндского, так как эта проблема всплывала как прецедент в польском вопросе. В 1907 г. было создано особое совещание для унификации свода законов Финляндии по образцу Российской империи. Кроме того, в 1908 г. по инициативе октябристов началась кампания против нахождения Финляндии на автономном режиме. Члены Государственной думы обращали внимание на то, что на финляндских железных дорогах постоянно принимаются технические меры, разобщающие эти дороги с имперскими, что может негативно отразиться на обороноспособности Российской империи. 5 февраля 1908 г. по инициативе фракции националистов в Государственную думу был подан запрос, в котором обращалось внимание на революционную деятельность раз-

личных организаций, действующих на территории Финляндии, которые занимались организацией покушений на должностных лиц в Российской империи и тайным провозом оружия в империю [2, с. 137–143]. Запрос от 12 февраля 1908 г., внесенный крайними и умеренными правыми, был также связан с деятельностью общества «Войма» в Финляндии. Депутаты подчеркивали, что местные финляндские власти и генерал-губернатор Н.Н. Герард не принимали никаких мер для пресечения противоправительственной деятельности [1, с. 67–68]. Содержание запросов отражало наиболее важные проблемы во взаимоотношениях российского правительства с Финляндией: оборона империи и борьба с революционным движением. Основные направления будущих изменений в законодательстве Великого княжества касались укрепления внешних границ Российской империи.

5 (18) мая 1908 г. П.А. Столыпин, выступая в Государственной думе по этому вопросу, акцентировал внимание депутатов на необходимости общегосударственного законодательства. Он заявил о необходимости сохранения державных прав России в Финляндии, отказ от которых «нанес бы беспримерный ущерб русской державе» [15]. Заявление Столыпина было полностью поддержано правыми и октябристами. Кадеты предлагали идею параллельного законодательства, смысл которого состоял в том, чтобы законы общеимперского значения, касающиеся Финляндии, принимались не только Думой и Государственным советом, но и финляндским Сеймом, без санкции которого законопроект не мог стать законом.

20 мая (2 июня) 1908 г. был издан закон, согласно которому все финляндские дела до доклада их императору подлежали рассмотрению в Совете министров, которому поручено было решать, какие из них затрагивают интересы империи. Одновременно с передачей министру статс-секретарю Финляндии дел, требующих всеподданнейшего доклада, финляндский генерал-губернатор должен был представить свое заключение в Совет министров. Закон вызвал сильное противодействие Сейма и Сената. Финляндские органы власти фактически отказывались признать, что законодательный механизм Российской империи изменился, и отказывались привести собственную законодательную практику в соответствие с законами Российской империи. Обсуждение данных вопросов вызвало рост пассивного сопротивления в Финляндском княжестве, одним из способов которого стало прекращение деятельности Сената.

На основании всеподданнейшего доклада Столыпина, утвержденного царем 18 октября 1907 г., было создано Особое совещание по делам Великого княжества Финляндского. Председателем Совещания стал

П.А. Столыпин, в качестве членов в него вошли государственный контролер П.А. Харитонов и члены Государственного совета В.Ф. Дейтрих, профессор Сергиевский, сенатор Н.П. Гарин, генерал-лейтенант М.М. Бородкин. [2, с. 142–143]. Оно рассмотрело два возможных способа участия представителей Финляндии в Государственной думе и Государственном совете: либо населению Финляндии представляется право посылать своих выборных представителей в Думу и Совет, либо на время рассмотрения там общеимперских законопроектов, касающихся Финляндии, в них командировается определенное число членов финляндского Сейма или Сената. В случае принятия первой схемы программа оговаривала неприемлемость финского избирательного законодательства, основанного на всеобщем избирательном праве. Совещание пришло к выводу о том, что Финляндия может посылать не более чем четырех депутатов Думу и двух депутатов в Государственный совет.

В качестве рабочего органа при Совещании 28 марта 1909 г. была создана смешанная русско-финляндская подготовительная комиссия. Каждая сторона делегировала в нее по пять членов. От русской стороны в нее вошли В.Ф. Дейтрих, Н.А. Мясоедов, М.М. Бородкин, Б.М. Якунчиков и Н.Н. Корево; от Финляндии – архиепископ Густав Иогансон, бывший сенатор Август Нюберт, заслуженный профессор Роберт-Фредерик Германсон, профессора Александровского университета барон Эрнст-Густав Пальмен и Эмиль-Нестор Сегеля; заведующим делопроизводством комиссии был назначен «бобриковец» Липский [8]. Возглавил комиссию государственный контролер П.А. Харитонов.

Комиссии предстояло определить, что относится к сфере общегосударственного и местного законодательства, разработав перечень вопросов, подлежащих общеимперскому законодательству. Она должна была также установить, в каком порядке будут разрабатываться и вноситься в Государственную думу или Государственный совет законопроекты общегосударственного значения, касающиеся Финляндии. Несмотря на умеренный характер, предложения финских членов комиссии были отвергнуты [2, с. 145–147].

14 марта 1910 г. последовал высочайший манифест о внесении председателем Совета министров в Думу и Государственный совет законопроекта о порядке издания касающихся Финляндии законов общеимперского значения. В основу законопроекта были положены основные принципы отношений княжества и империи, выработанные комиссией Харитонова. По этому законопроекту Сейм в своих правах приравнялся к земствам в российских губерниях, причем Финляндия обязывалась проводить мо-

близацию в имперскую армию; на территории Великого княжества Финляндского вводились два языка. Таким образом, действие основных государственных законов распространялось на Финляндию, Сейм становился совещательным органом, представители Финляндии вводились в Государственную думу и Государственный совет [11].

22 марта законопроект был передан в думскую комиссию и рассмотрен к 6 мая. Комиссия дополнила законопроект пунктом о подчинении общеимперскому законодательству положений об употреблении в Финляндии государственного языка. Была изменена формулировка статьи о подчинении народного просвещения общеимперскому законодательству.

17 марта 1910 г. на VI съезде уполномоченных дворянских обществ 33 губерний был заслушан вопрос о Финляндии. На съезд были приглашены в качестве экспертов члены Харитоновской комиссии – В.Ф. Дейтрих, Н.А. Мясоедов, генерал М.М. Бородкин, Н.Н. Корево и Б.М. Якунчиков. Они же присутствовали на предшествующем съезде заседании Совета объединенного дворянства 20.02.1906. На съезде с обширным докладом выступил Н.Н. Корево.

В прениях выступило несколько человек, в основном придерживающихся правых консервативных взглядов. Поддерживая мнение комиссии по вопросу об автономии Финляндии, они подчеркивали необходимость общеимперского законодательства для устранения прецедентов и возможных потенциальных попыток со стороны властей Финляндского княжества расширить свои географические границы. Особый акцент был сделан на положении Выборгской губернии и поместного землевладения в ней. Кн. Н.Б. Щербатов с негодованием отмечал, что отсутствие российских кредитных учреждений в Выборгской губернии делает невозможным развитие помещичьего хозяйства [13, с. 501]. Крайне правый по своим политическим воззрениям псковский депутат В.Л. Кушелев прямо высказал, что «нужно смотреть на Финляндский сейм, как на окружное земство» [13, с. 507]. Представитель Саратовского дворянства С.В. Киндяков указал, что деятельность финляндских миссионеров подготавливает почву к выходу Финляндии из Российской империи. Он призвал членов съезда высказаться в постановлении за два положения: сохранить Финляндию в границах 1809 г., закрепив российскую принадлежность Выборгской губернии, и уравнивать права русских граждан с финнами. В его выступлении прозвучала мысль, подхваченная и развитая другими докладчиками, что окраины, и в частности Финляндия, живут за счет коренного русского населения [13, с. 503]. В связи с возникшим на съезде спором о статусе Выборгской губернии с обширной пояснительной речью об истории взаимоотношений

Российской империи с Финляндией выступили профессор Н.О. Куплеваский и В.Ф. Дейтрих. Суть их доказательств сводилась к тому, что даже Александр I считал Финляндию не государством, а провинцией [6, с. 6; 13, с. 515.]. Съездом был разработан проект резолюции по финляндскому вопросу, в котором выражалась уверенность, что Государственная дума и Государственный совет рассмотрят проект закона, «отвечающий достоинству и пользам Государства Российского, нераздельную часть которого составляет княжество Финляндское, чем раз и навсегда будет положен предел финляндским домогательствам об особой государственности, не находящим себе оправдания» [13, с. 628].

19 марта 1910 г. съезд обсудил этот проект. Необходимо отметить, что, вставив в резолюцию малосущественные изменения, дворянство вновь обратилось к наиболее животрепещущему вопросу о необходимости присоединения к России Выборгской губернии. Я.В. Кривцов, кн. Б.Н. Щербатов, В.С. Киндяков призвали ходатайствовать перед императором о передаче Выборгской губернии «обратно» в Россию. Барон Пиллар фон Пильхау (Лифляндия), барон Э.Н. Деллиннгсгаузен (Эстляндия) и А.Н. Крупенский (Бессарабия) возразили, что этот акт может «нарушить интересы и частные права жителей губернии», в связи с чем отказались от голосования по этому вопросу [13, с. 550, 552, 553]. В результате бурных дебатов съездом была принята более «мягкая» редакция 2-го постановления по финляндскому вопросу, в котором обращалось внимание правительства и императора на «вредные политические и стратегические последствия» принадлежности Выборгской губернии к территории Финляндского княжества [13, с. 629].

Параллельно в апреле 1910 г. законопроект был передан на отзыв Сейма Финляндии. Сейм Финляндии отказался представить заключение на законопроект. Его депутаты категорически отвергли возможность участия финнов в деятельности Думы и Государственного совета. В качестве ответной меры 24 сентября (7 октября) 1910 г. император объявил о роспуске Сейма и назначил новый созыв на 1 февраля 1911 г.

10 мая началось обсуждение законопроекта в Думе. 21 мая 1910 г. в Думе с яркой речью выступил П.А. Столыпин. Он категорически отверг предложения о возможности сохранения практики административного законодательства в отношениях с Великим княжеством, поскольку активное развитие местного самоуправления в Финляндии с 1863 г. и деятельность Сейма создали такую ситуацию, что административное законодательство уже не может оградить имперские интересы. Необходимость издания закона о порядке общеимперского законодательства, по мнению Столыпи-

на, была обусловлена во многом тем, что в связи с приостановкой в 1905 г. действия манифеста 1899 г. «общеимперские интересы ничем не обеспечены... и картина государственного бессилия является полной» [15]. Против законопроекта выступили кадеты. Этому способствовали тесные связи лидеров кадетской партии с финляндскими политиками. В.А. Маклаков и П.Н. Милюков активно высказывались за необходимость достичь соглашения с Сеймом и дать возможность Сейму установить перечень общегосударственных дел [4].

31 мая 1910 г. законопроект был передан в Государственный совет. Столыпин в своем выступлении по законопроекту вновь подчеркнул невозможность, по мнению правительства, идти по иному пути, кроме установления порядка общегосударственного законодательства для Финляндии. Члены Государственного совета не были единодушны в отношении к предложенному законопроекту, но в конечном итоге одобрили вариант, принятый Государственной думой без изменений.

17 июня 1910 г. был издан Закон «О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения». Этим законом к общегосударственным делам были отнесены: участие Финляндии в общегосударственных расходах, вопросы о правах русских в Финляндии, государственном языке, деятельности имперских учреждений в крае, порядке приведения в исполнение решений судебных и иных учреждений империи на территории Финляндии, наблюдении за школьными программами, правилах о союзах и обществах, законодательства о печати, денежной системе и др. (ст. 2). Право законодательной инициативы принадлежало императору (ст. 4). Законопроекты, затрагивавшие интересы Финляндии, могли рассматриваться, минуя финляндский Сенат, если последний не выскажет своего мнения в указанный ему срок (ст. 5). Государственная дума и Государственный совет наделялись правом издавать законы и для Финляндии. Для представителей Финляндии в Государственном совете и Государственной думе оговаривалась необходимость знания русского языка [2, с. 140–142].

Закон от 17 июня 1910 г. вызвал недовольство в Финляндии. Большинство юристов и чиновников считали, что он не имеет силы на территории Великого княжества Финляндского, т.к. его принятие противоречит манифесту Александра I, где говорилось о том, что никакой касающийся княжества «коренной» закон не мог быть издан, отменен или изменен без согласия Сейма. Издание данного закона стало нормативной базой для последующего законодательства в отношении Финляндии, направленного на сужение ее автономных прав.

Как из своих личных убеждений, так и учитывая националистические настроения, прежде всего совета объединенного дворянства, П.А. Столыпин произнес ряд горячих убедительных речей в Государственной думе и Государственном совете, добиваясь ущемления автономии Финляндии. Отметим, что представители правого дворянства шли в своих пожеланиях гораздо дальше П.А. Столыпина, требуя возвращения исконно русских территорий Выборгской губернии. Одним из определяющих факторов такой позиции дворянства, а вслед за ним и правительства П.А. Столыпина, была опасность нежелательного влияния «финляндского примера» на другие части империи. В воздухе витал вопрос: «Что если за «государством Финляндским» народятся княжества Эстонское и Ливонское, ... “гетманство” Украинское... В каком положении будет тогда оборона России от внешнего врага?» [5, с. 62]. Закон нанес чувствительный удар по правовым нормам, обеспечивавшим финскую политическую автономию. Фактически это была программа, приводившая административно-правовую систему в Финляндии в единство с общероссийскими нормами.

Библиографический список

1. Аврех А.Я. Столыпин и третья Дума. М., 1968.
2. Его же. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991.
3. Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004.
4. Бахтурина А.Ю. П.А. Столыпин и финляндский вопрос [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.stolypin.ru/encyclopedia>
5. Каменский Н. Современное положение Финляндии с точки зрения оброны государства. СПб., 1908.
6. Куплеваский Н.О. Справка о мнениях 25 русских ученых, специалистов права, по вопросу о юридическом положении Финляндии в составе Русской империи. СПб., 1910.
7. Липранди А.П. (Волынец) Россия и ее финляндская окраина. Харьков, 1910.
8. Мехелин Л. Разногласия по русско-финляндским вопросам. Критический обзор. СПб., 1908 .
9. Новикова И.Н. Великое княжество Финляндское в имперской политике России // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века). М., 1997.
10. Новикова И.Н. Особое государство или провинция империи: проблема государственно-правового статуса Финляндии в российско-финляндских

- отношениях XIX века // Пространство власти: Имперский опыт России и вызовы современности. М., 2001.
11. О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений: сборник материалов. СПб., 1911.
  12. Ошеров Е.Б., Суни Л.В. Финляндская политика царизма на рубеже XIX–XX вв. Петрозаводск, 1986.
  13. Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг.: в 3 т. / сост. Корелин А.П. Т. 2. 1909–1912 гг. Кн. 1. М., 2001.
  14. Революция 1917 г. и обретение Финляндией независимости: два взгляда на проблему // Отечественная история. 1993.
  15. Столыпин П.А. «Нам нужна Великая Россия...». Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете. 1906–1911. М., 1991.
  16. Ордин К.Ф. Собрание сочинений по финляндскому вопросу. Том II: Покорение Финляндии. СПб., 1909.
  17. Kaikkonen O. Aspekte zur Erforschung der deutsch-finnischen Beziehungen 1871–1914 // Zur Nordeuropa-Forschung. Greifswald, 1985.

Р.С. Асташкин

Самарская областная универсальная научная библиотека

**КНИГИ ИЗ БИБЛИОТЕКИ М.В. РОДЗЯНКО –
ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЮЗНИКА П.А. СТОЛЫПИНА –
В ФОНДЕ ОТДЕЛА РЕДКИХ КНИГ СОУНБ**

*М.В. Родзянко
(1859–1924)*

Одним из важных направлений деятельности П.А. Столыпина в качестве главы правительства стало налаживание диалога с III Государственной думой [6, с. 189]. До определенного момента премьер-министру удавалось поддерживать сотрудничество с одной из крупнейших политических партий того времени – октябристами [6, с. 190]. В то же время, по свидетельствам современников, после 1909 г. депутаты от «Союза 17 октября» все чаще оказывались в оппозиции к начинаниям Столыпина [6, с. 190]. Социальной опорой октябристов являлись

дворяне-помещики и «представители крупной, частично «одворяненной» торгово-промышленной и финансовой буржуазии и традиционных интеллигентских профессий» [12, с. 10]. Октябристская платформа была более умеренной, нежели программа другой крупнейшей либеральной партии – кадетской. В документах «Союза 17 октября» провозглашалась незыблемость «нового начала – начала конституционной монархии», введенного в российскую жизнь знаменитым манифестом Николая II [9, с. 58]. При этом октябристы «были противниками думского ответственного министерства, выступали за сохранение цензов при выборах в Государственную думу» [12, с. 11], а также отрицали возможность предоставления автономии национальным окраинам [8, с. 579]. Очевидно, фигура Столыпина, пользовавшегося репутацией реформатора-государственника, должна была вызывать симпатию у октябристских лидеров. Не случайно «Союз 17 октября» поддержал роспуск II Думы и введение военно-полевых судов [12, с. 16–17]. Отметим также, что позиция октябристов по аграрному вопросу повторяла основные положения столыпинской крестьянской реформы [12, с. 12]. Таким образом, на протяжении нескольких лет октябристы с известными оговорками являлись политическими союзниками Столыпина.

Сотрудничество премьер-министра и законодателей развивалось при активном участии Михаила Владимировича Родзянко. Этот мало-российский дворянин не просто принадлежал к числу лидеров «Союза 17 октября» – он сделал головокружительную политическую карьеру, увенчавшуюся постом председателя Государственной думы, а затем и должностью главы Временного комитета Думы – своеобразной предтечи Временного правительства. К сожалению, в историографии практически отсутствуют специальные исследования, посвященные личности Родзянко. В частности, почти не освещается его деятельность в качестве книжного коллекционера.

В фонде отдела редких книг СОУНБ хранятся три издания из частной библиотеки Родзянко. Это книги на французском языке, датируемые первой половиной XIX в. В первую очередь нужно упомянуть второй том приключенческого романа А. Дюма-отца «Жорж», изданный в Брюсселе в 1843 г., т.е. при жизни автора [14]. Другое издание является самым ранним из трех (1819 г.). Речь идет о втором томе «Итальянских писем» французского художника и скульптора А.-Л. Кастельяна (1772–1838 гг.) [15]. Наконец, в состав коллекции Родзянко входило парижское издание «Фауста» И.В. Гете (1847 г.) [16]. От последней книги, к сожалению, сохранилось только несколько первых страниц. На всех трех экземплярах неод-

нократно встречается отчетливый овальный штамп: «Библиотека М.В. Родзянко ус[адьба]. Топорок.»

Что же представляла собой книжная коллекция лидера партии октябристов и каким образом принадлежавшие ему издания оказались в Самаре? Прежде чем попытаться ответить на эти вопросы, нельзя не затронуть основные вехи биографии М.В. Родзянко. Михаил Владимирович

*Штамп библиотеки
М.В. Родзянко*

родился в 1859 г. в семье помещика Екатеринославской губернии. Окончив Пажеский корпус, он прослужил пять лет в Кавалергардском полку и в 1885 г. вышел в отставку в чине поручика. С этого момента началась карьера Родзянко в качестве общественного и государственного деятеля. В 1886–1891 гг. он выполнял обязанности уездного предводителя дворянства, затем, переехав в Новгородскую губернию, числился там уездным и губернским земским гласным. В начале нового века Михаил Владимирович вернулся в Малороссию, и в 1901 г. ему было доверено председательство в Екатеринославской губернской земской управе [8, с. 511]. Повторив судьбу других видных земцев того времени, Родзянко снискал известность в столице и буквально ворвался в мир большой политики. Он принял активное участие в создании «Союза 17 октября» и вошел в состав Центрального комитета партии [8, с. 511]. Одновременно наш герой продвигался по лестнице государственной службы, достигнув чина действительного статского советника (1906 г.). Но настоящую славу Родзянко принесла его работа в составе Государственной думы третьего и четвертого созывов. В 1910 г. октябристы избрали его председателем своей фракции, а в марте 1911 г. бывший кавалергард удостоился чести возглавить весь парламент. В должности председателя Думы Родзянко находился вплоть до февраля 1917 г. (а формально еще дольше) [8, с. 511]. Иными словами, в течение шести лет он пребывал на самой вершине российской политики.

Будучи одним из лидеров октябристов, Родзянко, вероятно, вполне одобрял тактику поддержки правительства Столыпина (некоторые современники даже считали его «ставленником» последнего) [2, с. 115]. В своих мемуарах он отзывался о премьере как о «железной воли человеке» [11, с. 100]. Кроме того, по словам Михаила Владимировича, премьер-министр вел с ним откровенные приватные беседы. Родзянко пишет: «Покойный П.А. Столыпин не раз горько жаловался мне на то, что при создавшемся положении вещей управлять Государством и законодательствовать невоз-

можно» [10, с. 12]. При этом нет оснований полагать, что два крупных политика поддерживали настоящую дружбу. Скорее всего, речь шла лишь о близости взглядов и взаимной симпатии. По выражению Родзянко, после убийства Столыпина «в правительственных кругах стало одолевать крайне правое течение, стремившееся сохранить и принизить значение народного представительства» [10, с. 12]. В то же время «звездный час» думского председателя наступил именно после смерти премьера-реформатора. Михаил Владимирович повел усердную борьбу с «крайне правым течением», т.е. с бюрократическими кругами, выступавшими против усиления позиций Думы. Более того, в своих выступлениях парламентский спикер обличал окружение царской семьи во главе с Г.Е. Распутиным. По убеждению Родзянко, ловкий авантюрист, пользуясь мистицизмом царской супруги, приобрел такое значение, что «по его совету и указанию назначались министры и должностные лица» [10, с. 18]. Также октябристский лидер обличал непристойное поведение Распутина, причем некоторые из приводимых им фактов затрагивали честь императрицы. С началом Первой мировой войны Родзянко стал обвинять членов «распутинского кружка» в шпионаже в пользу Германии, что опять-таки задевало Александру Федоровну – немку по происхождению [10, с. 44]. Подобные речи дискредитировали председателя Думы в глазах царя, однако общественная популярность Родзянко возрастала все сильнее. Многочисленные противники Распутина одобряли решительность Михаила Владимировича, проявленную им в т.ч. в начале 1913 г., когда он буквально прогнал скандального временщика с церемонии, проходившей в Казанском соборе [11, с. 130]. Начавшаяся война опять-таки сыграла на руку Родзянко: занимая последовательно патриотическую позицию, он превратился в живой символ «священного единения» общества. Именно председатель Думы стоял у истоков организации Особых совещаний, и он же в 1915 г. возглавил Эвакуационную комиссию [2, с. 117–118].

Таким образом, накануне 1917 г. Родзянко являлся одним из самых активных и популярных политиков [2, с. 119]. Революционные события еще более укрепили его влияние, хотя сам он до последнего момента выказывал лояльность прежней власти. В последних числах февраля Михаил Владимирович слал царю телеграммы с призывом даровать населению уступки. Эти тексты отличались весьма экспрессивным стилем: «Настал последний час, когда решается судьба Родины и династии» и т.п. [10, с. 59]. Однако император отреагировал на увещевания думского спикера хорошо известной фразой: «Опять этот толстяк Родзянко мне написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать» [2, с. 120]. В тот же день (27 февраля)

лидер «Союза 17 октября» возглавил Временный комитет Государственной думы – переходный орган, взявший на себя задачу «приведения расшатанных устоев в нормальное состояние» [10, с. 59]. Последовавшая вслед за этим ликвидация монархии произошла также при участии Родзянко. Его соратник по партии – А.И. Гучков – настаивал на том, чтобы именно Михаил Владимирович предложил Николаю II отречься от престола [5, с. 267]. В итоге наш герой все-таки не был включен в состав соответствующей делегации. Но уже 3 марта 1917 г. члены Временного комитета встретились с великим князем Михаилом Александровичем; лидер кадетов П.Н. Милюков и монархист В.В. Шульгин свидетельствуют, что именно Родзянко убедил царского брата отказаться от предложенной ему власти [7, с. 273; 13, с. 541]. Сам Михаил Владимирович ссылался на угрозу «огромного кровопролития в стенах столицы, которое бы положило начало общегражданской войне» [10, с. 61].

После образования Временного правительства влияние Родзянко стало падать, так как ему попросту не нашлось места в составе кабинета. В.В. Шульгин приводит свои размышления по этому поводу: «Родзянко пойдет только в премьеры, а в премьеры нельзя, не согласятся левые и даже кадеты...» [13, с. 460]. Действительно, тот же П.Н. Милюков решительно отметал данную кандидатуру [7, с. 235]. В итоге один из главных участников февральских событий остался не у дел. Родзянко сохранил за собой пост главы Думы, но последняя «являлась уже абсолютно бессильным учреждением» [2, с. 122]. Партийная деятельность Михаила Владимировича также не имела шансов на успех, поскольку октябристы уже сходили с политической арены. После большевистского переворота Родзянко бежал на Дон и присоединился к Добровольческой армии. Однако белогвардейцы отнеслись к нему холодно – они видели в бывшем спикере чуть ли не главного виновника смуты [2, с. 124]. В 1920 г. Михаил Владимирович эмигрировал в Сербию, где и скончался через четыре года. Нельзя не заметить, что воспоминания Родзянко, изданные в т.ч. посмертно, представляют собой уникальный источник по российской истории начала XX в.

Современники оставили нам самые разные мнения по поводу личности Михаила Владимировича. Граф С.Ю. Витте отмечал, что «главное качество Родзянки заключается не в его уме, а в голосе, – у него отличный бас» [4, с. 445]. При этом он считал думского председателя «человеком не глупым, довольно толковым» [4, с. 445]. П.Н. Милюков относился к нашему герою скептически, замечая, в частности: «На своем ответственном посту он был явно не на месте и при малейшем осложнении быстро терялся» [7, с. 79]. В мемуарах лидера кадетов Родзянко предстает комическим персонажем,

который «надувался сознанием своей великой миссии» и в то же время боялся всякой ответственности [7, с. 175, 269]. В.В. Шульгин отзывался о вожде октябристов гораздо теплее: «При всех его недостатках, он любит Россию и делает, что может...» [13, с. 461]. Суммируя эти и другие оценки, можно предположить, что Родзянко не являлся глубоким интеллектуалом или видным политическим идеологом. С другой стороны, он явно обладал определенными чертами, позволившими ему добиться успеха на ниве политики (подкупающая искренность, энергичность, красноречие и др.). Возможно, яркая внешность Михаила Владимировича (злые языки называли его «барабаном» и «самоваром») в какой-то мере также способствовала его известности и популярности [2, с. 114].

Что же касается книжной коллекции Родзянко, то сведения, относящиеся к ней, достаточно скудны. Известно, что библиотека хранилась в усадьбе Топорок, расположенной в Новгородской губернии (отсюда и надпись на указанном штампе). Родзянко унаследовал это поместье от матери – Екатерины Владимировны, в девичестве Квашниной-Самариной. В 1890 г. он расширил усадебный дом, а в 1893 г. основал рядом с именем лесопильно-мукомольный завод, надолго переживший владельца [3, с. 382]. Насколько можно судить, думский спикер очень любил свое «лесное гнездышко» и старался бывать там как можно чаще [3, с. 383]. Усадебная библиотека Топорка отличалась крайне солидным объемом: она насчитывала 3500 названий в 8000 томов [1, с. 61]. Нужно отметить, что данное собрание формировалось с 1850 г., т.е. Родзянко унаследовал первоначальный состав коллекции вместе с усадьбой [1, с. 61]. Вероятно, библиотека пополнялась в т.ч. за счет книг, ранее принадлежавших другим владельцам. По крайней мере, на корешке вышеупомянутого тома А. Дюма присутствует суперэкслибрис «С.Р.», который на данный момент не удалось атрибутировать (среди ближайших родственников Родзянко людей с такими инициалами нами не обнаружено). По отзывам современников, в коллекции Михаила Владимировича не было «особенно старинных книг, а равно и рукописей» [1, с. 61]. С учетом отсутствия у владельца специальных научных пристрастий можно предположить, что данная библиотека не имела четко выраженной тематической направленности, т.е. была универсальной. Напомним, что книги со штампом этой коллекции, хранящиеся в СОУНБ, датируются первой половиной XIX в. Вполне возможно, что они были приобретены не самим Родзянко, а его родственниками по материнской линии.

К сожалению, нам пока не удалось выяснить, какая судьба постигла рассматриваемое книжное собрание после 1917 г. Как уже отмечалось, лидер октябристов бежал из Петрограда на юг, а затем и вовсе покинул Рос-

сию. Очевидно, Родзянко был вынужден бросить библиотеку вместе со всем поместьем. Усадьба Топорок, несомненно, повторила печальный путь множества помещичьих владений того времени. В результате грабежей и беспорядков многие книги наверняка были утрачены. В наши дни отдельные экземпляры со штампом собрания Родзянко хранятся в Российской национальной библиотеке. История появления трех книг из этой коллекции в Самаре также туманна. Штамп Государственного книжного фонда, стоящий на форзаце «Итальянских писем» А.-Л. Кастельяна, доказывает, что в данном случае имела место советская практика распределения «бесхозных» книг по региональным хранилищам. Два других экземпляра, в свою очередь, содержат штампы Куйбышевской областной библиотеки (Куйбышевская область была образована в 1936 г.).

Так или иначе, наличие в фонде СОУНБ книг, принадлежавших видному современнику и союзнику П.А. Столыпина, дает нам новый повод обратиться к российской истории начала XX в. и приглядеться к персонам, составлявшим тогдашнюю политическую элиту.

Библиографический список

1. Аничков, И. В. Обзор помещичьих усадеб Новгородской губернии. Новгород, 1916.
2. Архипов И.Л. Председатель Государственной думы М.В. Родзянко // Отечественная история. 2006. № 3.
3. Бриккер Л.Э. Усадьба М.В. Родзянко Топорок // Русская усадьба. Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 12 (28). М., 2006.
4. Витте С. Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. М.; Пг., 1923. Т. 2.
5. Из показаний А.И. Гучкова Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. 2 августа 1917 г. // Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996.
6. Кабытов П.С. П.А. Столыпин – последний реформатор Российской империи. Самара, 2006.
7. Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). М., 1990. Т. 2.
8. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: энциклопедия. М., 1996.
9. Программа «Союза 17 октября» // Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996.
10. Родзянко М.В. Государственная Дума и февральская 1917 года революция // Архив русской революции / репринт. изд. М., 1991. Т. 6.
11. Родзянко М.В. Крушение империи // Гибель монархии. М., 2000.
12. Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996.

13. Шульгин В.В. Дни // Шульгин В.В. Годы. Дни. 1920 год. М., 1990.
14. Dumas A. George: T. 1 / Alexandre Dumas. Bruxelles : Meline, Cans et comp., 1843. [4], 262 p.
15. Castellan A.L. Lettres sur l'Italie, faisant suite aux lettres sur la Moree, l'Hellespont et Constantinople: T. 2 / Antoine Laurent Castellan. Paris : A. Neveu, libr. : Impr. de le Normant, 1819. [6], 307, [1] p., 17 pl.
16. Goethe [J. W., von]. Le Faust / Johann Wolfgang von Goethe ; trad. rev. et complete, precedee d'un essai sur Goethe par M. Henri Blaze ; ed. illustree par M. Tony Johannot. Paris : Michel Levy freres., libr.-ed. ; Dutertre, libr.-ed. : Typ. Lacrampe fils et comp., 1847. [6], [373] p., [8] pl., [1] ill.
17. Деф. экз.: нет обл. С. 9–373.

С.Г. Сиротина

*Саратовский государственный
социально-экономический университет*

ПОПЫТКА САМОДЕРЖАВИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ОТ МАНИФЕСТА 17 ОКТЯБРЯ К КОНСТИТУЦИИ)

Современный российский конституционализм основывается на развитии демократических идей и правовых принципов, впервые объявленных Высочайшим Манифестом 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка». Обусловивший переходный период российского государственного строя от абсолютизма к конституционной монархии, Манифест 17 октября 1905 г. положил фактическое начало истории российского конституционализма, когда на уровне Закона были закреплены основные принципы и идеи Конституции.

Манифест 17 октября 1905 г. готовился в условиях крайнего дефицита времени бюрократическими методами без привлечения общественных деятелей с целью успокоения смуты, охватившей всю Россию. Его текст был разработан графом С.Ю. Вите при участии Н.И. Вуича и князя А.Д. Оболенского. Он вводил Россию в новый фазис политического развития и декларировал основные принципы конституционализма – «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов», а также устанавливал, как незыблемое правило, «чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы» [10, с. 91].

В советской историографии характеристика Манифеста 17 октября давалась не на научной основе, а скорее с идеологических позиций. Хотя его изучение предполагало использование инструментария исторической, юридической и политических наук, советские исследователи не использовали научный потенциал, накопленный выдающимися дореволюционными историками, юристами, государствоведами – об этом свидетельствуют труды П.Б. Струве, С.Г. Пушкарева, И.В. Гессена, Б.Э. Нольде, Е. Староградского, В.В. Леонтовича, П.И. Новгородцева и др.

Но после распада СССР все чаще ученые стали сравнивать период современного конституционного строительства России со временем появления в Российской империи конституционных актов. Начало этому процессу положили И.М. Степанов и А.Н. Медушевский [11; 15]. Именно с их плодотворных разработок, в которых прослеживалась тенденция к нестандартным, совершенно отсутствовавшим прежде концепциям, можно вести отсчет новейшей историографии законотворчества России эпохи поздней империи.

Отправной точкой в этих исследованиях послужила доктрина о роли Манифеста 17 октября в развитии конституционализма в России. Так, доктор юридических наук И.М. Степанов в статье «Грани российского конституционализма», анализируя развитие системы российского конституционализма, затронул вопрос о роли Манифеста 17 октября в преобразовании формы правления. Манифест, по мнению ученого, преобразовал самодержавную монархию в конституционную [15, с. 32].

В 1996 г. прошла Международная научная конференция «1905 год – начало революционных потрясений в России» [12, с. 210–211]. К.Ф. Шацилло в докладе «Альтернативы социально-политического развития России в начале XX века» проследил чередование потенциальных вариантов общественного прогресса, отметив при этом, что отрицание возможности либерального пути развития России – абсолютный фатализм. Он доказывал, что после 1 марта 1881 г. у России существовали три пути – реформы, контрреформы или статус-кво. После 1894 г. – реформы или революции? Выбор в пользу революции был сделан практически самим Николаем II, решившим совершенно сознательно подавить силой народное возмущение. Он пошел по стопам отца, подавившего смуту силой, но не учел произошедших в обществе изменений, за что и поплатился.

Но в данную парадигму ученого не вписывался ни Манифест 17 октября, ни четыре созыва Государственной думы. Помимо подавления восстания, были представлены и гражданские свободы, которые по значимости можно сравнить только с реформами 1860-х гг. А значит, вывод о том, что

единственный виновник революционных потрясений – российский самодержец, был, на наш взгляд, слишком односторонен.

Об этом свидетельствует и то, что новая редакция Основных Законов 23 апреля 1906 г. была утверждена государем и обнародована Правительствующим Сенатом при Именном Указе, в котором содержались такие слова: «...Мы повелели свести воедино постановления, имеющие значение Основных Государственных Законов, подлежащих изменению лишь по почину Нашему, и дополнить их положениями, точнее разграничивающими область принадлежащей Нам нераздельно власти верховного государственного управления от власти законодательной» [5].

В первом томе Свода законов Российской империи конституция 1906 г. была опубликована под заглавием «Основные Государственные Законы». Каково же содержание самого термина «Основные Законы» и в чем смысл, суть их новой редакции? Сам автор главных проектов конституционных актов С.Е. Крыжановский отмечал, что он исходил из принципов великого кодификатора, создавшего Основные Законы, М.М. Сперанского [7]. Более того, во время обсуждения этих законопроектов в Особых совещаниях и комиссиях (под руководством императора Николая II или Председателя Государственного Совета графа Д. М. Сольского), участники обсуждений неоднократно подчеркивали, что надобно сохранить преемственность в совершенствовании Основных законов, опираясь на накопленный опыт с тем, чтобы их новая редакция была бы столь же действенной и долговажной, как и создание гениального Сперанского [13].

Самой сильной стороной правового замысла автора основных проектов 1904–1906 гг. С.Е. Крыжановского, сохранившегося в основе при всех обсуждениях и доработках (порой извращавших проект), было почерпнутое у М.М. Сперанского исходное положение о единстве всех органов власти снизу доверху (от волости до Госсовета и Думы Государственной как вершины пирамиды). Триаде этих структур необходимо было придать всероссийский характер, т.е. обеспечить распространение единой государственной системы повсюду «от Москвы до самых дальних окраин».

Конституционные проекты М.М. Сперанского не были осуществлены. Но термин «Основные Законы» он использовал на завершающем этапе работы по кодификации российского законодательства, которую ему поручил Николай I. По замыслу кодификатора, Основные Законы затем надлежало еще дополнить новыми правовыми актами для приведения в стройную систему всего законодательства империи. Однако император посчитал достаточным и простых законов, его предками созданных и приведенных в надлежащий порядок по его воле. Особо же Николай I был

доволен тем, что обошлось без конституционных новаций. На заседании Государственного Совета, утвердившего проделанную М.М. Сперанским работу, он пожаловал кодификатору орден Андрея Первозванного.

Но если до 1906 г. император мог отменить любой закон, то Основные законы 23 апреля 1906 г. превратили Россию в конституционное государство, в котором законодательная и учредительная власть осуществлялась с согласия народного представительства. Этот принцип был выражен словами: «Государь император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным Советом и Государственной Думой» (ст. 7 и 86) [Цит. по: 14, с. 153].

Таким образом, законом стал признаваться лишь такой правовой акт, который был издан при взаимодействии трех факторов: монарха, Государственной Думы и Государственного Совета. Законопроекты, одобренные обеими палатами, поступали на утверждение государя, после чего они получали силу закона.

Обе палаты признавались равноправными: все законопроекты и бюджет должны были быть одобрены обеими палатами, а в случае, когда между ними возникали разногласия, последние разрешались согласительной комиссией. Государю принадлежала инициатива по всем предметам законодательства, но не исключалась и законодательная инициатива обеих палат, которая, однако, не распространялась на пересмотр Основных Законов, изменение которых могло происходить лишь по инициативе монарха.

Власть исполнительная, согласно Основным Законам, принадлежала полностью монарху: «Власть управления во всем объеме принадлежит Государю Императору в пределах всего Государства Российского» (ст. 10). Однако в отношении подчиненного управления она, по силе той же статьи, вверяется подчиненным инстанциям «согласно закону».

Эти ссылки на закон имели существенное значение. Власть исполнительная, особенно в среднем и низшем звеньях управления, «во всем объеме» монарху не принадлежала, действовали органы самоуправления, земства, городские думы. Уже тогда сказывалась и сила «четвертой власти» в лице оппозиционной прессы, повлиявшей на управленческие структуры подчас сильнее императора.

Право монарха назначать и увольнять чиновников (ст. 17) было ограничено условием: «если для последних не установлено законом иного порядка назначения и увольнения». Эта существенная оговорка означает, что институт несменяемости судей, который был признан русским законодательством со времени введения в действие Судебных Уставов в 1864 г.,

остался неизменным. На Особом совещании этот вопрос вызвал острую дискуссию, но император поддержал принцип несменяемости судей.

Прерогативы монарха остались неизменными в отношении: предствительства в международных сношениях, объявления войны и заключения мира, верховного командования вооруженными силами, объявления военного и исключительного положения и издания указов по делам государственного управления, однако такие указы должны издаваться «в соответствии с законами» (ст. 11–15) [6, с. 456].

В 1906 г. новые Основные Законы сделали огромный шаг в направлении признания за подданными гражданских прав, посвятив им постановления особой, 8-й главы. В ней провозглашается: невозможность преследования за преступное деяние и задержание под стражу иначе, как в порядке, установленном в законе, и в случаях, им определенных; неприкосновенность жилища; свобода передвижения и занятий, свобода устраивать собрания и образовывать общества и союзы; далее свобода слова – устного и печатного и, наконец, свобода религиозная (ст. 72–81).

Перечню прав российских подданных Основные Законы предпосылали две статьи об их обязанностях: отбывать воинскую повинность и платить налоги (ст. 70 и 71). Что касается признанных новыми Основными Законами свободы печати, собраний и союзов, то они осуществлялись на основании временных правил, изданных уже раньше, в исполнение Указа 12 декабря 1904 г.

Иностранные исследователи отмечали огромную роль такого феномена, как наличие свободной прессы в «самодержавной» стране. Немалым было удивление Европы, когда обнаружилось, что в России после падения прежних преград как бы внезапно появилась большая политическая печать и довольно развитая партийно-политическая жизнь. «Россия ныне располагает таким большим числом хорошо пишущих журналистов в любой политической группировке, как вообще это встречается лишь в Англии» [1, р. 200–250].

Государственный строй России и Основные Законы, на основе которых он возник после 23 апреля 1906 г., подвергались критике, часто очень недоброжелательной, в особенности со стороны радикальной интеллигенции. В ее среде было распространено мнение, что страна получила лишь «лжеконституцию» и что установленный порядок есть «замаскированное самодержавие». Имелась в виду «верховная самодержавная власть». В соответствующей статье старого текста законов определялось, что Император есть монарх «самодержавный и неогра-

ниченный». Как видно из сравнения нового текста со старым, в новой характеристике власти монарха опущен признак неограниченности, но сохранены признаки верховности самодержавия.

Острые споры по этим проблемам велись уже во время выработки новой редакции и внутри структур верховной власти на Особых совещаниях, в Совмине, в прессе и в научной историко-правовой литературе. Но как бы ни оценивался этот закон и его дополнение, в 1907 г. речь не шла об изменении конституции (Основных Законов). Именно это понятие вкладывается в понятие государственный переворот, если даже он совершается без открытого наглого применения вооруженных сил, артиллерии, как это делал, например, Наполеон Бонапарт. Вслед за пушками появляется новая конституция. В приведенном случае «Кодекс Наполеона» – этот образчик авторитаризма, его юридическое закрепление. Ничего подобного в России не было в 1906 г.

В определении Основных Законов надо учитывать как преемственность норм права, так и развитие их. Отдавая должное традиции, Н.И. Лазаревский подчеркивал еще весной 1906 г.: «Новым в Основных Законах является право Государя решать точно определение дела своей властью (ст. 10–23), а также статьи 69–83 о гражданских свободах и ст. 98–119 о народном представительстве». «Именно эти три статьи являются типичными и существенными для всех вообще конституций. (...) Наши Основные Законы вполне подходят под тип конституционных законов, как бы он был выработан практикой западных держав. Конституцией наши Основные Законы не именуется. Не в имени дело. Да и установившаяся практика не требует непременно именно этого названия. Во Франции в 1814–1830 гг. конституции названы были хартиями, а при Наполеоне – кодексом. В Греции конституция называется “синтагма”, в Италии – “статусом”, во многих государствах – “Основным законом”. Существенно то, что в нашем законодательстве появился отдел, по юридической силе и по содержанию своему вполне аналогичный тому, что на Западе называется Конституцией» [8, с. 346]. Нельзя к вышесказанному не добавить, что память об Основных Законах и в народе, и тем паче среди юристов была достаточно прочной, что с ним, как с фактором большой политики, посчитались создатели советской конституции (сталинской) 1936 года, которая официально именовалась Основными Законами СССР. В деле воспитания правовой культуры советских граждан была задействована память старшего поколения.

По определению В.И. Гессена, под конституцией обычно понимается основной закон, определяющий структуру государственной власти,

распределение между отдельными ее органами функций властвования, основные права и обязанности граждан в отношении к власти. В этом смысле Основные Законы были, конечно, конституцией, хотя в их тексте и в относящихся к ним актах правительства это слово избегалось и вместо него говорилось обычно о представительном строе [4].

По мнению В.В. Леонтовича, Основные Законы провели не только четкое разделение законодательной власти и исполнительной, но и обеспечили независимость судебной власти [9, с. 457].

Марк Шефтель считал, что права русских представительных учреждений не отличались существенным образом от тех, которыми пользовались народные представительства во всех конституционных государствах. Он подчеркивал, что Н.И. Лазаревский и другие видные авторитетные специалисты по русскому государственному праву, рассматривая те особенности Основных Законов, которые как бы несовместимы с принципами конституционализма, находят параллели всем этим отклонениям в истории развития представительных учреждений в других странах. Всюду пережитки абсолютизма продолжали существовать наряду с конституционными принципами не только в период, непосредственно следовавший за введением представительного строя, но и долго после того. Новое право обычно боролось со старым [2, p.262].

Опыт развития европейских представительных учреждений игнорировался оппозиционными кругами русского общества, которые считали воплощением своих политических идеалов парламентский строй современных им Англии и Франции, демонстрируя стремление к немедленному разрыву с вековым прошлым России и требовали безотлагательного введения парламентской ответственности министров и выборов на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Оппозиции не хватало понимания того, что политическое устройство Англии и Франции начала XX в. было результатом длительного и сложного процесса развития. Да и развитие в этих двух странах шло своими, далеко не тождественными путями и отнюдь не в порядке внезапности преобразования их государственного строя.

В Англии, как известно, нет писаной конституции, но ее политическая жизнь протекает в строго соблюдаемых рамках конституционализма. На континенте Европы, наоборот, движение к конституционализму имело исходным пунктом первую французскую конституцию 1791 г. А с этого момента, как отмечал Н.М. Коркунов, в течение 75 лет переменялись одна за другой 12 различных конституций.

Подобно тому, как конституционные нормы, ограничивавшие власть абсолютного монарха, повсюду в Европе развивались постепенно, избирательное право также не сразу стало распространяться на все слои населения и без каких-либо ограничений. Ко времени создания в России народного представительства далеко не во всех развитых странах Европы выборы происходили по формуле: всеобщие, равные, прямые и тайные.

Поэтому требования русской радикальной оппозиции являлись несвоевременными, поскольку не принимались во внимание специфика страны; геополитические факторы, определявшие историческое развитие России; обширность ее евразийской территории; многонациональность ее населения; степень его гражданско-правовой культуры. Требования радикалов в исторической перспективе, указывал С.Н. Булгаков, представляются проявлением максимализма русской интеллигенции [3, с. 41].

Первая русская конституция не была совершенной по своему правовому содержанию и точности юридических формулировок. Она не отвечала требованиям интеллектуальной элиты, отождествлявшей себя с гражданским обществом и говорившей от имени народа. Однако соответствие конституции с идеалами, одушевляющими элитарные круги интеллигенции, которые себя считают передовыми и всегда правыми, само по себе отнюдь не обеспечивает благоденствие страны и ее мирную эволюцию, как показал опыт и России, и Европы.

Старая истина гласит, что писаная конституция – не более как форма, которая должна наполниться живым содержанием. В конституционной монархии им могло стать искреннее сотрудничество и совместные честные усилия монарха с его правительством, с одной стороны, и членами народного представительства – с другой. Но это противостояние «мы» и «они» в устах вечно недовольных переросло в обличение «этого правительства», а затем и «этой страны», «этого народа». В том числе и по этой причине Россия и в начале XXI столетия все еще бьется над решением проблем, поставленных еще М.М. Сперанским в начале XIX в. и не решенных российскими властью и обществом в начале XX в.

Библиографический список

1. Hoetzsch O. Russland. Eine Einfuehrung aufGrund seiner Geschichte von 1904 bis 1912. Berlin, 1912.
2. Szeftel M. The Russian Constitution of April 23, 1906. Bruxelles, 1976.
3. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Изд. 2-е. М., 1909.
4. Гессен В.И. Конституция // Новый Энциклопедический Словарь. М., 2005. Т. 22.

5. Законодательные акты переходного периода (1904–1906) / под ред. Н.И. Лазаревского. СПб., 1907.
6. Коркунов Н.М. Русское государственное право. Изд. 7-е. СПб., 1909. Т. 1.
7. Крыжановский С.Е. Записки консерватора // Вопросы истории. 1997. № 1–4.
8. Лазаревский Н.И. Конституционное право. СПб., 1910.
9. Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. Париж, 1980.
10. Манифест 17 октября 1905 г. // Государственная дума в России в документах и материалах. М., 1957.
11. Медушевский А.Н. Конституционная монархия в России // Вопросы истории. 1994. № 8.
12. Отечественная история. 1996. № 4.
13. Протоколы Особых совещаний // Былое. 1917. № 4.
14. Смирнов А.Ф. Государственная Дума Российской Империи 1906–1917 гг.: Историко-правовой очерк. М., 1998.
15. Степанов И.М. Грани российского конституционализма (XX век) // Конституционный строй России. Вып. 1. М., 1992.

В.А. Тюрин

Самарский государственный университет

П.А. СТОЛЫПИН И РЕФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ГУБЕРНСКОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Выдающийся государственный деятель П.А. Столыпин на посту премьер-министра руководствовался глубокой, комплексной программой реформирования российского государства, построения «Великой России». Этот комплекс включал, помимо самых известных, аграрных преобразований, реформы в области местного управления, образования, военного дела и многие другие. Рассмотрим подробнее обстоятельства воплощения проекта П.А. Столыпина, посвященного пересмотру уездного и губернского управления. В ноябре 1908 года, на сессии Совета по делам местного хозяйства, Петр Аркадьевич подчеркнул, что придает этому проекту огромное значение. По замыслу премьера, преобразование уездной и губернской администрации должно было стать логичным продолжением аграрных преобразований, так как расширялись права поселянина-выделенца и усложнялись взаимоотношения на селе. С другой стороны, безотносительно аграрной реформы, преобразование местного управления нельзя было более откладывать [1, л. 3]. Уездные

и губернские коронные учреждения кардинально были преобразованы лишь в ходе губернской реформы 1775 г., далее, в течение XIX века, местная административная система только слегка обновлялась и корректировалась. При этом явно устарели не только принципы функционирования местной администрации, но и принципы комплектования и финансирования местных учреждений Министерства внутренних дел, и все это имело место в период взрывного экономического и демографического роста государства, усложнения и трансформации социальной структуры Российской империи.

Стержнем административного проекта П.А. Столыпина была мысль об усилении местной администрации в лице губернатора, мысль не новая, однако осуществление этой идеи предполагалось через объединение ведомств, а не традиционным путем предоставления чрезвычайных прав и полномочий.

По замыслу П.А. Столыпина губернатор должен был объединить под своей властью местные структуры различных ведомств. Действительно, на рубеже XIX–XX веков разобщенность ведомств на местном уровне была общепризнанным фактом, например, особняком стояли казенные палаты и казначейства, фабрично-заводские инспекции, подчиняющиеся, минуя губернатора, Министерству финансов; губернские жандармские управления постоянно конфликтовали с общей полицией и так далее. Губернатор лишь надзирал, но реальной власти над ведомственными структурами не имел. Отныне под властью губернатора предполагалось не механическое объединение губернских административных учреждений разных ведомств, но создание из них единого живого организма [2, с. 249].

Проект губернской и уездной реформы П.А. Столыпина включал в себя установление более тесных отношений между администрацией и органами самоуправления, устранение оснований для возможных пререканий и розни между ними. При этом допускалось делегирование более широких полномочий. Кроме того, важной частью проекта являлась полицейская реформа, которая должна была прямо подчинить власти губернатора все виды полиции, и общей, и жандармской [3, л. 117].

Таким образом, мы видим попытку усилить власть губернатора. Возникает резонный вопрос: куда же более? На первый взгляд, действительно, «начальник», он же «хозяин губернии» в России рубежа XIX–XX вв. был наделен огромным объемом власти. Однако если пристальнее всмотреться в фигуру российского губернатора рубежа веков, мы видим гигантскую обремененность многочисленными и разнообразными должностными обязанностями. Губернаторы буквально утопали в не-

обходимости председательствовать в десятках губернских комитетов и присутствий, были чрезвычайно обременены рутинными мелкими обязанностями, которые закон не позволял передоверить подчиненным [5].

Проект П.А. Столыпина должен был разгрузить и освободить губернаторов от рутины, но при этом предоставить больший объем власти в решении действительно серьезных вопросов. Прежде всего, вопросов межведомственного взаимодействия и межведомственной координации. Стратегической целью этих преобразований должна была стать эффективная система государственного управления, построенная на перемещении центра административно-распорядительной деятельности из губернии в уезд [2, с. 249].

Важной частью проекта П.А. Столыпина была забота о кадровом составе служащих ведомства Министерства внутренних дел и их материальном положении. Проект предусматривал существенное увеличение должностных окладов, в среднем в 1,5 раза, причем наиболее серьезные прибавки к окладу предназначались в основном служащим средних и низших категорий. Вопрос материального благополучия и уровня жизни чиновничества на тот момент приобрел необыкновенную остроту, например, оклады чиновников канцелярий губернаторов принципиально не менялись с 1876 года, и это несмотря на существенную инфляцию в России конца XIX – начала XX века. В итоге мелкий чиновник начала XX века буквально выживал [1, л. 247об.].

В полной мере осознавая глубину проблемы, министр внутренних дел П.А. Столыпин (став премьер-министром он сохранил за собой пост министра внутренних дел) решил поддержать канцелярских чиновников, не дожидаясь реализации всего проекта реформы местного управления.

В октябре 1908 года, согласно высочайше утвержденному 11 апреля 1908 года положению Совета министров, П.А. Столыпин внес на рассмотрение Государственной Думы проект новых штатов губернского управления в качестве части проекта Общего преобразования губерний. Ввиду того что весь проект местной реформы с огромным трудом и проволочками рассматривался Государственной Думой, П.А. Столыпин предложил внести в проект бюджета 1909 года сумму в 1 млн 160 тыс. рублей на увеличение в 50 губерниях окладов чиновников губернаторских канцелярий и губернских правлений. Бюджетная комиссия Думы сразу же «торпедировала» это предложение как преждевременное, предлагая вернуться к нему при реализации всей реформы местного управления. Примечательно, что и фракция кадетов поддержала мнение Бюджетной комиссии [1, л. 429].

Однако П.А. Столыпин слишком хорошо знал бедственное положение рядовых канцелярских служащих и искренне сочувствовал им. В итоге Петр Аркадьевич не пожалел времени на этот достаточно частный вопрос и 11 декабря 1909 г. выступил в Думе с речью. Речь Столыпина была пространной, в стенографическом отчете она заняла 3 страницы. П.А. Столыпин говорил о том, что чиновники Министерства внутренних дел находятся в гораздо худших условиях, чем местные чины остальных ведомств. Канцелярские чины и писцы МВД живут часто со своими семьями на 15, иногда на 10 рублей в месяц. Премьер-министр говорил о том, что «обстановка губернских правлений и канцелярий губернаторов настолько убога, что часто, в силу невозможности приобрести лишний шкаф, важные дела, важные бумаги валяются на столах и даже прямо на полу» [4, с. 3408]. Бывший саратовский губернатор П.А. Столыпин горестно восклицал в Думе: «...Господа, нет ни одного губернатора, который горько бы ни пожаловался на совершенно невозможное положение этих подчиненных ему учреждений... но, несмотря на это, эти маленькие люди служат вполне добросовестно, но они выбиваются из сил, живут надеждой только на улучшение своего положения» [4, с. 3408]. В своей речи П.А. Столыпин заявил, что его личная прислуга получает гораздо больше, чем средний чиновник губернаторской канцелярии. Действительно, в начале XX века дворники и швейцары у некоторых вельмож получали до 20 рублей в месяц, частные ремингтонисты (служащие на печатной машинке) – до 75 рублей в месяц, тогда как канцелярские служащие МВД в среднем – 15–20 рублей в месяц.

Столь эмоциональная речь и личная поддержка премьер-министра, как это было уже не раз, произвели положительное впечатление на депутатов, и законопроект был принят Думой уже 18 декабря 1909 года. При этом общее число канцелярских служащих МВД по губерниям России исчислялось в 2300 человек, и этому скромному числу премьер-министр уделил личное внимание и вступил в жаркие дебаты в Думе. Простые канцелярские служащие с воодушевлением приняли известие об утверждении ассигнования. На имя министра внутренних дел были направлены коллективные письма от служащих губернских правлений Ставропольской, Казанской, Уфимской, Владимирской, Вятской, Бессарабской и других губерний [1, л. 445–452].

Проблема, которую затронул в своей речи П.А. Столыпин, действительно была злободневной. Губернаторы буквально заваливали Министерство внутренних дел просьбами дополнительных, чрезвычайных ассигнований на обстановку канцелярий и правлений, прибавку к жа-

лованиям, на увеличение штатов и так далее. Московский губернатор Владимир Федорович Джунковский писал П.А. Столыпину, что обстановка врачебного отделения пришла в такую негодность и «приняла настолько убогий вид, что является непривычной даже для правительственных учреждений. Курьеры вследствие незначительного содержания (15 р. в месяц) ходят в неряшливой, оборванной одежде» [1, л. 350об.]. При этом объем обязанностей местных учреждений МВД в начале XX века продолжал возрастать. Добавились такие обязанности, как регистрация обществ и союзов, заведование полицейской стражей, попечение семей воинов, погибших в русско-японской войне, и многое другое. Более чем за 40 лет не изменились штаты губернских правлений, по-прежнему это 35 штатных чинов, в канцелярии губернатора сохранялся штат в 11 чинов, тогда как население России возрастало на рубеже веков стремительно. Средний расход на содержание учреждений МВД в губерниях составлял 46 тыс. рублей в год, для сравнения, содержание одной только канцелярии губернской земской управы исчислялось в среднем суммой в 40 тысяч рублей, канцелярии городской управы в среднем – 30 тыс. Таким образом, важнейшие коронные инстанции были гораздо менее финансово обеспечены, чем структуры местного самоуправления. Следствие из сложившейся ситуации замечательно сформулировано в одном из губернаторских донесений: «перехода из посторонних ведомств в МВД не замечается, даже на должность советников, за исключением редких случаев...» [6, л. 389].

Что же касается судьбы всего проекта местного управления, она печальна, как и многое другое из задуманного П.А. Столыпиным. С момента начала работы над реформированием местных учреждений в полном объеме о себе заявила дворянская оппозиция, категорически не согласная с подчинением уездного предводителя дворянства, как начальника уезда, коронной администрации. Эта точка зрения была поддержана Государственным Советом, и проект был отклонен. У приемников П.А. Столыпина не хватило политической воли вернуться к столь сложно решаемому вопросу. В итоге сохранился и еще более усилился разрыв между динамично развивающейся социально-экономической сферой Российского государства и устаревшей, восходящей еще к екатерининским временам системой местного управления. Данный факт стал одним из важнейших элементов системного кризиса власти позднеимперской России и краха Империи в 1917 году.

Библиографический список

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 185. Д. 45.
2. Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии. Екатеринбург; Ижевск, 2010.
3. РГИА. Ф. 1284. Оп. 46. 1903. Д. 24.
4. Государственная Дума. Третий созыв. Стенографический отчет. Сессия III. Заседание 29.11.XII.1909 .
5. Блинов И.А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. СПб., 1905.
6. НСБ РГИА. Коллекция печатных записок. ПЗ 481.

А.В. Сыпченко

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

НАРОДНЫЕ СОЦИАЛИСТЫ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Народные социалисты (энесы) выступали за всеобщее избирательное право, создание Государственной думы с широкими законодательными правами и ответственным перед нею правительством. Они рассматривали Государственную думу как представительный орган, единственно способный создать правопорядок в стране. Тактика народных социалистов в отношении Государственной думы не оставалась неизменной. Более того, выработка тактики в отношении Думы 1-го и 2-го созывов в значительной степени способствовала самоидентификации энесов в политической системе Российской империи и их организации в Трудовую народно-социалистическую партию (ТНСП).

Народные социалисты критиковали избирательный закон о выборах в Государственную думу. Они считали, что созданная на его основе Дума будет лишь орудием в руках правительства и окажется бессильной решить актуальные вопросы российской действительности. Поэтому в отношении I Думы энесы выработали тактику бойкота вместе с левыми силами [1, с. 39–40]. Однако когда выяснилось, что массы, особенно крестьянство, бойкот не поддержали, быстро перестроились и приняли активнейшее участие в организации крестьянских депутатов в Думе в особую, трудовую группу. Идеи будущих энесов легли в основу программы этой группы и ее аграрного проекта «104-х», вырази-

вшего интересы большинства российского крестьянства в революции 1905–1907 годов [2]. Добившись существенного влияния на трудовую фракцию, энесы считали тактику бойкота Думы ошибочной и полагали, что если бы ТНСП приняла участие в избирательной кампании, то она смогла бы сформировать самостоятельную фракцию в Думе и оказывать более значительное влияние на депутатов [3, с. 83–87].

Свои ошибки ТНСП постаралась исправить в ходе выборов во II Думу. Народные социалисты приняли активное участие в избирательной кампании. Тактика ТНСП допускала соглашения с партиями не правее кадетов [3]. Под энесовским флагом в Думу прошли 9 депутатов. Несколько энесов прошли в Думу по непартийным спискам. География избранных депутатов свидетельствует о том, что народные социалисты представляли аграрные губернии: Вятскую, Пензенскую, Пермскую, Саратовскую, Тамбовскую, Тверскую и Черниговскую [4, с. 20, 90].

Именно во время II Государственной думы энесы впервые проявили себя как партия во всероссийском масштабе. Тактика ТНСП была направлена на создание в Думе самостоятельной партийной фракции, не связанной какими-либо жесткими инструкциями со стороны партии. Энесы не питали иллюзий в отношении того, что в Думе могут быть справедливо разрешены социальные вопросы, затрагивающие коренные интересы народных масс. Дума, по мнению энесов, могла сыграть значительную роль в борьбе с правительством за созыв Учредительного собрания. Главная задача представлялась в том, чтобы организовать массы в целях поддержки оппозиции в Думе, чтобы II Дума не повторила ошибку I Думы и в критический момент борьбы с правительством смогла бы опереться на эти организованные массы. Таким путем мыслилось не только организовать постоянное давление на Думу и правительство снизу, но и укрепить в народных массах уверенность в том, что добиваться своих требований можно не только насильственными методами, влекущими за собой большие жертвы, но и мирным, парламентским способом [5]. Однако правительство со своей стороны позаботилось о том, чтобы Дума не стала центром организации внедумских сил, запретив депутатам иметь непосредственную связь с местными органами самоуправления, организовывать сходки и собрания с обсуждением думских дел и вынесением заявлений и резолюций для отправки их в Думу. Арестовывались ходоки, перехватывалась депутатская почта, затруднялось общение депутатов с печатью. В связи с этим изменяется и думская тактика энесов. Они стали

обвинять Думу в безвластии. Меняется тон и характер выступлений энесовских депутатов, которые перестали уклоняться от постановки и обсуждения острых вопросов и не стеснялись уже резких выражений в адрес не только правительства, но и кадетов.

Особенно активны энесы были при обсуждении в Думе аграрного вопроса. Народные социалисты внесли в Думу «Основные положения временного закона по земельным делам». Это был не проект закона, а только перечисление основных положений, которые, по мнению фракции, следовало в него включить. «Основные положения» предусматривали отмену всех столыпинских землеустроительных указов и включали в себя требование об образовании местных земельных комитетов на демократической основе путем всеобщих, равных и тайных выборов [6].

Произошедший перелом в думской тактике энесов сказался и в том, что по таким важным вопросам, как вопрос об амнистии, о военно-полевых судах, о терроре, о новобранцах, их фракция безоговорочно голосовала вместе с другими левыми группами. Не случайно, что за время работы Думы влияние и авторитет народных социалистов заметно возросли. Об этом свидетельствует, прежде всего, рост численности энесовской фракции в 2,5 раза (с 9 до 19 депутатов) за счет перехода в состав фракции энесов из других фракций трудовиков и левых беспартийных. Реальное же влияние энесов в Думе нельзя оценить численностью фракции, так как оно распространялось на значительную часть депутатов вплоть до левых кадетов.

Роспуск II Думы энесы оценивали как конец конституционных надежд и критически относились к новому избирательному положению [7]. Вместе с тем народные социалисты прекрасно понимали, что в постреформенных условиях узкой легитимности возможности их партии влиять на массы ограничены. Насилие, проявленное в годы первой российской революции, еще больше убедило энесов в целесообразности использования легальных методов государственного переустройства. Поэтому ТНСП придавала еще большее значение деятельности Государственной думы.

Энесы прекрасно понимали, что в случае участия в выборах в III Государственную думу максимально могут рассчитывать лишь на образование в ней блока левых партий и групп, а не на создание самостоятельной партийной фракции. Поэтому амплитуда настроений в партии по вопросу об участии в Думе была большая. Для выработки тактики партии было решено созвать III партийную конференцию. Уже при выдвижении делегатов на конференцию обозначился доста-

точно широкий спектр взглядов по вопросу об участии в выборах [8, л. 1–2]. Третья партийная конференция проходила 25–29 июля 1907 г. Характерным явилось то, что при выработке тактической линии энесы основывались не на отвлеченных от действительности теоретических рассуждениях о целесообразности бойкота или отсутствии таковой, а на конкретном анализе настроений в целом ряде российских губерний. Сообщения представителей местных организаций и письма из провинции выявили пеструю картину местной обстановки. Не случайно, что при обсуждении проблемы об участии в выборах, делегаты конференции разделились на два главных течения, возглавлявшихся А.В. Пешехоновым и В.А. Мякотиним: за и против участия в выборах. В результате острой полемики, народные социалисты приняли решение об активном участии в избирательной кампании в III Думу, поставив себе, кроме обычных целей, специальную задачу: «помешать правительству воспользоваться в лице Третьей Думы фальсифицированным народным представительством для осуществления его реакционных планов». Кроме того, было решено использовать избирательную кампанию для пропаганды партийной программы и привлечения новых сил. Затем они предполагали перенести свою деятельность в Думу. Было решено на первой стадии выборов вступать в соглашение с социалистическими партиями, на последующих допускалась возможность блока с кадетами. Вместе с тем указывалось, что партия должна резко отмежеваться от всех партий и организаций, которые обнаружат склонность считать III Государственную думу полномочным органом народного представительства. Отмечалось, что условия переживаемого момента таковы, что нельзя сосредоточить борьбу в какой-либо одной форме, а необходимо развить во всех возможных видах. Но при этом участники конференции категорически высказались против экспроприации как приема политической и экономической борьбы, а также против создания при группах ТНСП боевых дружин [9].

Согласно постановлению конференции, в августе 1907 г. Оргкомитет партии энесов обратился к избирателям с предвыборной прокламацией, в которой призывал голосовать не только за народных социалистов, а за всех оппозиционных правительству кандидатов [10, л. 1]. В то же время вышла брошюра энеса С.П. Мельгунова, в которой с еще большей определенностью, чем в предвыборной прокламации, в оппозицию включалась и партия кадетов [11, с. 6–34]. Вскоре Оргкомитет партии энесов составил и гектографированным способом размножил инструкцию местным группам народных социалистов. В ней члены

партии информировались о работе третьей конференции и получали указания о направлениях практической деятельности. Как важнейшее направление деятельности партии в деревне указывалась «организация сельского населения на парализование закона 9 ноября 1906 года» [12]. Однако достаточных сил для этого у энесов не было. И хотя лидеры народных социалистов и говорили о необходимости внедумской деятельности в массах, даже рекомендовали уделять ей первостепенное внимание, на практике участие в избирательной кампании для многих местных организаций было, очевидно, единственным реальным делом, которое оказалось для них доступным.

Как удалось установить, в ходе избирательной кампании народные социалисты заключали предвыборные соглашения с трудовиками. В Петербурге энесы объединились с трудовой группой и беспартийными левыми избирателями в трудовой блок. В обращении «От трудового блока к избирателям второго разряда в С.-Петербурге» по поводу Государственной думы проводились идеи, высказанные ранее народными социалистами [13, л. 1]. Кандидатами трудового блока были выдвинуты 3 человека: Александр Алексеевич Демьянов (народный социалист), Александр Сергеевич Зарудный (беспартийный левый) и Леонид Иванович Лутугин (трудовик, бывший член Организационного комитета ТНСП) [14]. Результаты таких объединений были незначительны. Ни одного представителя от трудового блока в Думу провести не удалось. Как известно, трудовики в III Думу провели 14 депутатов, энесы – ни одного. Подобные объединения имели место и позднее; известно, что в 1909 г. на дополнительных выборах в Петербурге в большинстве случаев они выступали совместно [15, с. 946]. Имели место частные объединения энесов и эсеров, проходившие не под партийным флагом (как известно, партия эсеров бойкотировала выборы). Во втором разряде избирателей города Москвы эсеры и энесы собрали 1,4 % голосов (социал-демократы – 8,3 %) [16, с. 24–25].

Не сумев провести своих депутатов в III Думу, энесы, тем не менее, оказывали воздействие на часть парламентариев. Как удалось установить, народные социалисты поддерживали постоянные контакты с трудовой фракцией III Думы [17, л. 13].

Не считая III Думу полномочным народным представителем, энесы, однако, не видели других сил, способных играть столь значительную роль, как Государственная дума. Поэтому они уделяли большое внимание анализу ее деятельности. Немало усилий со стороны народных социалистов было направлено на то, чтобы III Дума не утвердила сто-

лыпинские землеустроительные указы: энесы вели активную критику этих указов в печати, пытаясь определенным образом сформировать общественное мнение.

Государственную думу IV созыва, как и III Государственную думу, народные социалисты считали реакционной, господской, лишенной самостоятельности и не способной быть «орудием обновления страны». Поэтому вопрос об участии в IV Думе для энесов был не принципиальным, а тактическим. Тактика ТНСП была направлена на поддержку всех оппозиционных правительству кандидатов. Энесы приняли активное участие в избирательной кампании, но ни одного депутата по партийному списку им не удалось провести в IV Думу. Тем не менее, они оказывали идейное влияние на часть депутатов IV Думы вплоть до левых кадетов. Особенно значительным было их взаимодействие с трудовой фракцией, усилившееся с началом первой мировой войны и развивающееся по нескольким направлениям: использование через трудовиков думской трибуны для пропаганды своих идей; объединение народнических групп (трудовиков, энесов и эсеров); попытки создания общенароднических изданий [18].

Таким образом, народные социалисты придавали большое значение деятельности Государственной думы как представительного органа. Тактика ТНСП в отношении Государственной Думы менялась. Переход энесов к тактике, направленной на поддержку всех оппозиционных правительству кандидатов, представляется вполне логичным для такой малочисленной легальной партии, какой являлась ТНСП, так как позволил ей вести пропаганду партийной платформы и повести за собой определенную часть электората. Кроме того, объединения энесов с трудовиками способствовали сближению представителей двух родственных направлений в народничестве, а затем установлению контактов народных социалистов с Думой через трудовую фракцию. Политический опыт совместных выступлений энесов и трудовиков являлся важным этапом на пути создания ими единой Трудовой народно-социалистической партии в июне 1917 года.

Библиографический список

1. Мякотин В.А. Надо ли идти в Государственную думу. СПб., 1906.
2. Программа трудовой (народно-социалистической) партии // Народно-социалистическое обозрение. 1906. № 1. С. 11; Известия крестьянских депутатов. 1906. 19 мая; 24 мая.
3. Народно-социалистическое обозрение. 1906. № 8.
4. Члены 2-й Государственной Думы. Биографии. Сравнительная характеристика членов 1 и 2 думы. Алфавитный указатель. СПб., 1907.
5. Листовка ТНСП по поводу выборов во II Государственную думу // ГОПБ. ОРК. Коллекция листовок, обращений и прокламаций Трудовой (н.-с.) партии.
6. Государственная дума. Стенографический отчет. Сессия II. СПб., 1907. Т. 1. Стб. 1082–1083.
7. Листовка ТНСП по поводу роспуска 2-й Государственной думы // ГОПБ. ОРК. Коллекция листовок, обращений и прокламаций Трудовой (н.-с.) партии.
8. Государственный Архив Российской Федерации (далее: ГАРФ). Ф. 1732. Оп. 1. Д. 785.
9. ГАРФ. Ф. 102. Д-4. 1907. Д. 147. Л. 1-20; ГА РФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1907. Д. 15. Л. 49–52; Ф. 4653. Оп. 1. Д. 5. Л. 1об.
10. Там же. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 8886.
11. Мельгунов С.П. Где выход? Крушение надежд и междоусобная война. СПб., 1907.
12. ГАРФ. Ф. 102. Д-4. 1907. Д. 15. Л. 81-81об.; Ф. 102. Д-4. 1907. Д. 147. Л. 23.
13. Там же. Ф. 4653. Оп. 1. Д. 11.
14. Там же. Л. 1об.
15. Новый энциклопедический словарь. Т. XXVII. Пг., 1916.
16. Выборы по г. Москве в Государственную думу третьего призыва. М., 1908.
17. ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1910. Д. 112.
18. Там же. Ф. 1732. Оп. 1. Д. 785. Л. 1-2; Ф. 102. Д-4. 1907. Д. 147. Л. 1-20; Ф. 102. ДП. ОО. 1907. Д. 15. Л. 49-52; Ф. 4653. Оп. 1. Д. 5. Л. 1об.; Ф. 4653. Оп. 1. Д. 11. Л. 1; Ф. 1741. Оп. 1. Д. 8886. Л. 1; Ф. 102. ДП. ОО. 1910. Д. 112. Л. 13.

**П.А. СТОЛЫПИН И III ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА:
ПРЕРВАННЫЙ ДИАЛОГ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СЛЕДСТВЕННОЙ
КОМИССИИ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА)**

С началом деятельности представительного органа России – Государственной думы – сразу же определилась и закрепились конфронтационная составляющая в ее взаимоотношениях с правительством. Постоянно сталкиваясь с противостоянием депутатского корпуса, власти стремились изменить его качественный состав, преградив путь к думской трибуне представителям оппозиционно настроенных движений. Этап плодотворной деятельности парламента начался, по мнению Б.Н. Миронова, только «...после изменения избирательного закона, получившего в историографии название третьеиюньского переворота. <...> В результате изменения избирательного закона цензовые граждане, которые имели опыт участия в земских и городских выборах, получили 65 % голосов, что и обеспечило стабильность думы. Наличие в составе депутатов первой и второй думы около 44 % полуграмотных крестьян, не способных к законодательной работе, служило важным фактором ее роспуска»[1, с. 160].

16 ноября 1907 г., спустя две недели после начала работы III Думы, премьер-министр П.А. Столыпин выступил перед ней с правительственной декларацией, которая фактически приглашала народных избранников к совместной и конструктивной работе с исполнительной властью. Однако новый глава правительства натолкнулся со стороны многих депутатов на глухую стену недоверия, непонимания, а подчас и нежелания сотрудничать. А.И. Гучков объяснял это всеобщим революционным настроением, царившим в среде общественных деятелей, накоплением различных претензий к старому строю и наивной верой в то, что «...добиться новых основ жизни можно в порядке насильственном, революционном, а попытка компромисса не приведет ни к чему серьезному». «Сотрудничество с властью – это значит, человек предает себя, – пояснял он кредо оппозиции. – Потом перемена пришла со Столыпиным. Сотрудничество можно было наладить с правительством Столыпина» [2, с. 189]. При этом лидер октябристов даже сетовал Сто-

лыпину, что «все время был проникнут недоверием к государственным способностям общественности. <...> Я был против парламентского принципа, против парламентского кабинета и даже Столыпину не рекомендовал отдельных лиц вводить туда» [2, с. 189].

Первой и основной задачей правительства, как считал А.Я. Аврех, Столыпин провозгласил не реформы, а «борьбу с революцией» [3, с. 36]. Очевидно, историк имел в виду знаменитую тактическую формулу премьера: «сначала успокоение, потом реформы». Второй центральной задачей правительства Столыпин назвал проведение аграрного закона 9 ноября 1906 г., являющегося, по его словам, «коренной мыслью теперешнего правительства, руководящей его идеей», а также реформы местного самоуправления, просвещения, страхования рабочих и др., озвученные им уже во II Думе [4, стб. 309–310]. Правые фракции полностью поддержали курс Столыпина. «Нельзя упускать из виду, – утверждал граф В.А. Бобринский, – что буря еще не вполне утихла; что существует еще скверная мертвая зыбь, которая качает государственный корабль; что корабль этот еще не достиг тихой гавани». Правительство без поддержки Думы «не может завершить <...> дело умиротворения и успокоения страны <...> а потому оно ждет от нас содействия» [4, стб. 315–316]. Октябристы также приняли решение избегать всякой критики и подчеркивали необходимость совместной работы Думы с правительством [5, л. 12–15]. Даже кадеты, понимая неуместность и нелогичность открытого противостояния в подобной ситуации, решили воздержаться от «бесполезных шагов и критики». «Не будем неумелыми шагами отбрасывать Думу вправо», – выразил общее мнение соратников Ф. И. Родичев, а лидер партии П.Н. Милюков констатировал: «Очевидно, никто не предлагает фракции открыть атаку» [6, л. 134–136].

После того как П.А. Столыпин выступил в III Думе со своим программным заявлением, П.Н. Милюков сделал основным содержанием своей речи сопоставление требований дворянских организаций с поведением правительства и попытался по пунктам показать, что глава правительства солидаризовался с требованиями этих организаций и проводил их политику. Лидер кадетов считал, что к моменту начала деятельности III Думы союз самодержавно-монархических элементов с дворянскими организациями и, прежде всего, с советом объединенного дворянства, стоящим во главе их, окончательно сложился и окреп. «Столыпин уже является продуктом этого союза. Конечно, Столыпин

вносит еще нечто свое, – отмечал П.Н. Милюков. – И все-таки такой крутой переворот не мог совершиться сразу! Поэтому Столыпин является, прежде всего, под флагом конституционализма и желания сохранить этот конституционализм, на чем и основывается его союз с Гучковым и с октябристами» [7, т. 6, с. 300].

В период нахождения Столыпина во главе правительства современники отмечали, что он испытывал влияние с двух противоположных сторон: с одной – на него очень сильно влиял государственный контролер П.Х. Шванебах, доказывавший необходимость роспуска непослушной Думы, а с другой – министр иностранных дел А.П. Извольский, пытавшийся внедрить западноевропейские образцы на российскую почву и ссылавшийся при этом на дипломатические сведения и материалы иностранной прессы. В связи с этим произошел весьма характерный и почти анекдотичный эпизод. «В одном из заседаний совета министров, когда настойчиво пошли разговоры, что нужно ускорить разработку избирательного закона, Шванебах играл очень решительную роль, очень настаивал и в этом смысле поддерживал покойного Столыпина, – вспоминал В.Н. Коковцов. – И я лично <...> был поражен, когда Извольский перекинулся на сторону противоположную и объяснил свое изменение прочитанной им тут же телеграммой от нашего посланника в Лиссабоне, который заявлял, что кортесы распущены» [7, т. 7, с. 100].

В III Государственной думе в результате выборов сложилось неустойчивое равновесие между правыми (черносотенцами) – 144 депутата, либерально-консервативным центром (октябристами) – 148 депутатов и левыми фракциями, наиболее значительной из которых была либерально-демократическая группировка кадетов – 54 депутата. Радикально настроенные фракции, представленные 14 трудовиками и 19 социал-демократами, держались обособленно и серьезно повлиять на расстановку сил и ход думской деятельности не могли. При таком соотношении депутатских мест ни одна из группировок не могла при голосовании в одиночку ни провалить, ни провести тот или иной законопроект. В подобной ситуации все решала позиция центра – октябристов. В результате этого в III Думе функционировал простой, но действенный механизм, получивший название октябристского маятника.

Теперь, когда в Думе требовалось принять консервативное решение, октябристы голосовали с черносотенцами, образуя правооктябристское большинство. В том случае, если на повестке дня стоял законопроект, связанный с преобразованиями, октябристы солидаризовались с

левым флангом, образуя левооктябристское большинство. Таким образом, глава правительства П.А. Столыпин, грамотно конструируя то или иное большинство в Думе, проводил законопроект необходимый для реализации его политического курса. В том случае, если не удавалось составить необходимое большинство, принятие закона проводили по ст. 87 Основных законов.

Подобная практика «творить законодательство в порядке ст. 87...» впоследствии в докладе председателя Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Н.К. Муравьева получила весьма жесткое обозначение – «политические игры» [8]. Злоупотребление эксклюзивными возможностями ст. 87 подчас приводило к серьезным столкновениям Думы с правительством. Так, в III Думе произошел конфликт депутатов с председателем Совета министров П.А. Столыпиным, в результате которого серьезно пострадал авторитет и влияние последнего. События развивались таким образом, что он, по словам А.И. Шингарева, постепенно все больше терял полноту власти, которая, как он думал, у него есть: «Большинство членов Думы также теряло веру в Столыпина, и обаяние его быстро утрачивалось» [7, т. 7, с. 7]. Последним происшествием, причинившим ему большие осложнения в этом смысле, была история с западным земством. Заключалась она в том, что в Думе, несмотря на протесты левых фракций, проект, внесенный Столыпиным, прошел с некоторыми ограничениями. В Государственном совете тот же проект был отклонен, несмотря на его защиту Столыпиным. Тогда был устроен искусственный трехдневный перерыв, во время которого указом царя по 87-й ст. было проведено положение о западном земстве.

Это было грубое нарушение самого смысла ст. 87 Основных законов, поэтому и в Думе, и в Государственном совете одновременно были внесены запросы председателю Совета министров по поводу неправомερных действий власти. Несмотря на сильную аргументацию и объяснения Столыпина по поводу этого инцидента, и в верхней, и в нижней палате запросы были приняты. «Наиболее близкий Столыпину человек, Гучков, до такой степени расстроился этим фактом, что сложил свои полномочия, как председатель Думы, – вспоминал Шингарев. – Ему это было непонятно. Он протестовал всеми силами своей души против такого изнасилования законодательных учреждений, но в то же время дружба со Столыпиным была так велика, что он предпочел уйти сам. Я так себе объясняю это психологически» [7, т. 7, с. 7].

Либералы считали, что по мере того, как проводилась дворянская политика, и большинство, которое ее проводило, укрепляло свои позиции, П.А. Столыпин постепенно терял то политическое значение, которое он имел на первом этапе своей деятельности. В это же самое время возрастало оппозиционное настроение у октябристов. «Настроение в стране, – пояснял Милюков, – производило на них известное воздействие: после каникул они возвращались в Думу несколько более оппозиционно настроенными. Правда, они в течение сессии обыкновенно смягчали свою оппозиционность, но извне на них известное давление было, и это сказалось в том, что они сделали попытку борьбы на конституционных вопросах: борьба эта разыгралась на вопросах о вооружении» [7, т. 6, с. 301].

Суть этого конфликта заключалась в том, что А.И. Гучков поставил вопрос о существенном преобразовании морского ведомства, и для того, чтобы принудить правительство произвести это преобразование, захотел впервые воспользоваться бюджетным правом Думы, перекрыв ассигнование на постройку новых броненосцев. Эта попытка и стала началом новой борьбы между октябристами и П.А. Столыпиным, и это явилось началом разрыва этого союза. «Таким образом, – резюмировал П.Н. Милюков, – борьба с ассигновкой на броненосцы и отказ Гучкова от председательствования в Думе, – этими двумя датами определяется начало и конец борьбы между бывшими союзниками. Надо сказать, что в некоторых отношениях они исполняли союз честно: они провели крестьянскую реформу в дворянском духе и слепо шли за правительством во всех его националистических начинаниях, так что все финляндские меры, например, – все это прошло единодушно <...> Но тут – они разошлись» [7, т. 6, с. 301].

Вторая половина деятельности III Думы запомнилась оппозиционерам тем, что П.А. Столыпин пытался найти себе новых союзников. Этот поворот, эта попытка искания нового большинства обозначались уже в последней сессии III Государственной думы. Эту ситуацию П.Н. Милюков обозначил как «искание нового большинства» [7, т. 6, с. 302].

Между тем, несмотря на серьезные проблемы в поисках консенсуса III Государственной думы и исполнительной власти, даже скептики признавали, что в этот период была достигнута большая гласность в деятельности правительства, с его помощью осуществлялся общественный контроль за работой ведомств и все финансовое хозяйство

страны приведено в ясность, «вся администрация подтянулась», как выразился один из лидеров Совета съездов представителей промышленности и торговли В.В. Жуковский [9, с. IX–X]. Положительно оценивал свой опыт взаимодействия с представительным органом власти и министр финансов, а затем и премьер-министр В.Н. Коковцов. Особенно конструктивным он считал сотрудничество с депутатами Государственной думы третьего созыва: «...в течение длинных шести лет вся моя работа по должности министра финансов, а потом, с сентября 1911 года, и в должности председателя Совета министров протекала неразрывно в связи с Государственной думой, <...> и можно сказать, что мой 14-часовой труд в сутки столько же протекал на трибуне Думы, сколько и в кабинете министра финансов на Мойке» [10, с. 254]. Правда, при этом Коковцов не уточнял, что подобный стиль работы и модель взаимодействия с депутатами была сформирована его предшественником – П.А. Столыпиным.

Подводя итог, следует констатировать, что противостояние правящего класса (правительства) и членов Государственной думы (общества) нередко принимало крайние формы, как, например, в случае роспуска I и II Думы, или характер затяжной, изнурительной борьбы, как это было в случае с III и IV Думой. В конечном итоге этот конфликт вылился в феврале 1917 г. в тяжелые революционные потрясения. «Разрешение конституционных кризисов в условиях перехода от авторитаризма к демократии представлено двумя идеальными моделями принятия конституций – на основе договора (консенсусная модель) и на основе разрыва согласия (по существу, октроированная модель), – отмечает А.Н. Медушевский. – Первая, договорная модель, может быть определена как осознанная стратегия достижения согласия политических сил о признании некоторых базовых ценностей гражданского общества и перспективных целях движения. Вторая модель, напротив, определяется как непреодолимый раскол политических сил, завершающийся торжеством одной из них над другими и подчинением их своей воле. Первая (договорная) модель оптимальнее второй (модели разрыва) с точки зрения стабильности, легитимности и преемственности правового развития» [11, с. 476]. Получается, что единственной альтернативой разрешения конституционного кризиса в России в нач. XX в. являлась политика премьер-министра П.А. Столыпина, пытавшегося реализовать «консенсусную модель», т.е. организовать конструктивный диалог и совместную деятельность правительства и Государственной думы.

Библиографический список

1. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): в 2 т. СПб., 2000. Т. 2.
2. Александр Иванович Гучков рассказывает... // Вопросы истории. 1991. № 9–10.
3. Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991.
4. Государственная дума. Третий созыв: Стенографические отчеты. Сессия первая. Часть 1. СПб., 1908.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 669. Оп. 1. Д. 3.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 523. Оп. 1. Д. 1.
7. Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства в 1917 г.: в 7 т. М.; Л., 1924–1927.
8. Муравьев Н. К. «О работе Чрезвычайной следственной комиссии». Доклад на Первом Всероссийском съезде Рабочих и Солдатских депутатов // Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских депутатов. 1917. № 95. 18 июня.
9. Промышленность и торговля в законодательных учреждениях 1907–1912 гг. СПб., 1912.
10. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919 гг.: в 2 кн. М., 1992. Кн. 2.
11. Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. М., 2005.

А.В. Лопухова

Самарский государственный университет

П.А. СТОЛЫПИН И ВСЕРОССИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ СОЮЗ

Партия русских националистов – Всероссийский национальный союз (ВНС) – была образована в начале 1910 г. на базе думской фракции. Этому предшествовал процесс размежевания в правом секторе, выделения умеренно-правых и национальной группы с образованием соответствующих партий, а затем их слияния в одну русскую национальную фракцию. Думская деятельность будущих националистов стала, таким образом, решающим фактором в их организационном становлении.

Столыпин рассматривал III Государственную думу как важный инструмент успокоения и реформирования страны. Его стратегия предполагала проведение реформ совместными усилиями правительства и Думы. В произнесенной им речи перед депутатами III Думы есть такие слова: «Россия не может не быть недовольной... Недовольство это пройдет, когда обрисуется и укрепится русское государственное самосознание. Когда Россия почувствует себя опять Россией! И достигнуть этого возможно при одном условии: при правильной совместной работе правительства с представительными учреждениями» [1, с. 263–264].

Именно для этой правильной «совместной работы» Столыпину необходимо было создать в Думе устойчивое большинство, на которое он мог бы опереться. Главную ставку Столыпин сделал на «Союз 17 октября», но настоящую поддержку он получил только благодаря фракции русских националистов. Октябристы не давали гарантированного большинства в Думе. Им необходимо было искать поддержку либо в правом, либо в левом секторе Думы. Однако, несмотря на попытки кадетов договориться с октябристами и их стремление создать в Думе «конституционный центр», правительство предпочло право-октябристский альянс.

Советская историография в вопросе взаимоотношений правительства и Думы опиралась на высказывания В.И. Ленина, который утверждал, что новый избирательный закон целенаправленно создавал в Думе два большинства – черносотенно-октябристское и октябристско-кадетское, попеременно опираясь на которые намерено балансировать правительство Столыпина [2, с. 111]. Работа Думы изучалась с точки зрения существования механизма «двух большинств», где октябристы рассматривались как партия «центра», которая обладала возможностью проголосовать либо с правым крылом Думы, чтобы провести законопроекты, направленные на борьбу с революцией, либо с кадетами, чтобы создать иллюзию о возможности реформ [3].

Но правые не были едины. Существование в Думе фракции русских националистов, выделившихся из правого сектора Думы, разрушало эту схему. Вместе с октябристами они составляли думское большинство, которое поддерживало предлагаемые Столыпиным законопроекты. Изучение взаимоотношений националистов и Столыпина позволяет раскрыть принципы работы III Государственной думы в складывающемся механизме взаимодействия новых органов власти.

Идея сотрудничества октябристов и правых возникла еще до начала работы Думы. Октябристы и правые смогли договориться о составе президиума, поделив должности между собой. «Россия» приветствовала это «единение правых и центра, которое дало столь блистательные результаты» [4]. Однако трения в группе правых начались практически сразу. Далеко не все правые разделяли идею сотрудничества с октябристами. Другим серьезным поводом для разногласий стало отношение к Государственной думе, что отчетливо проявилось во время обсуждения всеподданнейшего адреса. Все правые стояли за самодержавие, но к Государственной думе отношение было неодинаковым. В отличие от крайне правых, умеренно-правые признавали законодательный характер Думы и в своих речах заявляли о представительном образе правления. Государственная дума рассматривалась ими как полноправный участник законотворческого процесса.

Дискуссия, в которую были втянуты депутаты, восторга у них не вызывала. В итоге октябристы в обмен на снятие милюковской поправки проголосовали против включения слова «самодержец». Адрес был принят 13 ноября фактически в первоначальной редакции, т.е. без указаний на самодержавие и на конституцию. Умеренно-правые присоединились к тексту адреса, выработанному октябристами.

П.А. Столыпин, выступивший через три дня в Думе с правительственной декларацией, произнес речь об исторической самодержавной власти и о новом представительном строе, закончив ее под аплодисменты в центре и справа. После этого и определилось думское большинство, состоящее из октябристов и умеренно-правых, объединявшееся вокруг Столыпина. Совместное голосование октябристов и кадетов против поправки о «самодержавии» носило компромиссный и случайный характер. По мнению Ольденбурга, союз, сложившийся 13 ноября, «совершенно не соответствовал общей политической обстановке. В пылу борьбы октябристы проголосовали вместе с кадетами, но по существу оставались их противниками. Столыпин сумел восстановить положение. Он искренне верил в необходимость представительного строя, он считал, что в думе есть большинство, желающее сотрудничать с властью» [5, с. 332].

В ответ на декларацию правительства А.И. Гучковым от имени «Союза 17 октября» и фракции умеренно-правых была внесена формула перехода к очередным делам. Это предложение можно расценивать как первое серьезное совместное выступление думского большинства, складывающегося из октябристов и умеренно-правых. Кро-

ме этой формулы было предложено еще пять. 22 ноября состоялось голосование. Все шесть формул были отклонены, причем формула октябристов и умеренно-правых – всего лишь 182 голосами против 179. Председатель объявил, что вопрос исчерпан, и Дума приступила к другим делам, так и не приняв формулы перехода.

По воспоминаниям Н.В. Савича, Столыпин сразу после неувязки с формулой перехода усилил свою работу в смысле организации прочного большинства, благодаря своему громадному престижу и влиянию среди депутатов. Он показал себя другом народного представительства и человеком, понимавшим сущность работы законодательного учреждения [6, с. 33]. А уже 23 ноября «Россия» сообщала: «Вопрос о соглашении между умеренно-правыми и октябристами, по словам первых, за последние дни сильно подвинулся вперед. Обе стороны, входящие в соглашение, вполне довольны взаимным корректным поведением в Государственной Думе, отвечающим высокому ее назначению» [7].

После прений по правительственной декларации жизнь III Думы вошла в колею. Началась будничная работа, язвительно прозванная «законодательной вермишелью». В декабре-январе от крайних правых отмежевалась национальная группа, лидер которой, князь А.П. Урусов, заявил, что группа будет действовать совместно с фракцией умеренно-правых [8].

Наиболее важным для Столыпина среди его проектов был указ 9 ноября 1906 г., рассмотренный Думой во вторую сессию. При постановочном чтении наиболее остро встал вопрос о принципе личной собственности. Этот принцип отстаивал сам Столыпин, выступивший в Думе 5 декабря. Интересно отметить, что крестьяне, состоявшие во фракции умеренно-правых, в отличие от крестьян из других фракций, полностью поддержали премьера. Принятие законопроекта «Россия» комментировала следующим образом: «Представители оппозиции стараются мелочными поправками исказить смысл и существо закона, но твердое соединение центра и части правых дает все время около 2/3 голосов в его пользу». В итоге указ был принят голосами октябристов, умеренно-правых, национальной группой, частью крайне правых, польским колом, частью прогрессистов. Это было внушительное большинство. Та же ситуация повторилась в Думе и при обсуждении закона 29 мая 1911 г.

Вопрос о наличии в Думе прочного большинства, поддерживающего правительство, с особой остротой встал в связи с министерским

кризисом 1909 г. В разгар министерского кризиса произошло конституирование партии умеренно-правых, что стало отправной точкой в создании объединенной фракции и партии националистов. Одни были склонны видеть в этом интригу правых, стремившихся сместить главу правительства и тем самым подготавливающих почву для нового премьера. Другие, наоборот, утверждали, что националисты выдвигаются по инициативе Столыпина, что свидетельствует о «поправлении» правительства и перемещение любви и благосклонности премьера с октябристов на новую партию. На самом деле положение о разладе между Столыпиным, октябристами и умеренно-правыми во время министерского кризиса 1909 г. весьма спорное. Возникновение партии умеренно-правых следует рассматривать в свете возможных политических комбинаций в Государственной думе, куда Столыпин собирался внести очень важные для него законопроекты. Для этого он должен был быть уверен в устойчивости думского большинства. Во время министерского кризиса стало ясно, что крайне правые не поддерживают премьера и их соединение с оппозиционными группами в Думе делает возможным провал правительственных проектов. Необходимо было укрепить правительственное большинство, и шаги в этом направлении были предприняты. 9 апреля состоялся политический обед, в котором участвовали президиум Думы и лидеры октябристов и умеренно-правых. Лидеры большинства пришли к заключению, что законодательной работе Думы ничто не угрожает и что она будет продолжаться нормально совместно с теперешним правительством [9].

Также весьма спорно и предположение о претензии умеренно-правых на роль нового центра в Думе, поскольку надежда на устойчивый центр из правых элементов была весьма призрачна. Этот вопрос был рассмотрен на заседании совета фракции. Вопрос был поставлен так: что выгоднее для фракции умеренно-правых – выделение правых октябристов и их слияние с умеренно-правыми или сохранение status quo? Почти все члены совета единодушно высказались за желательность сохранения status quo. Совместная работа с крайними правыми, как показал опыт, невозможна. Таким образом, новый центр мог бы образоваться только из умеренно-правых, небольшой группы националистов и правых октябристов, а этого недостаточно для устойчивого центра. Поэтому раскол во фракции октябристов, который неизбежно приведет к уходу левого крыла в 50–60 человек в оппозицию, признан нежелательным [10]. После этого совет решил возобновить

попытку устройства клуба центра для закрепления связей с фракцией 17 октября.

Тем не менее разногласия между правительственными партиями все же возникли. Причиной стали вероисповедные законопроекты, которые стали рассматриваться Думой сразу после завершения министерского кризиса. Правых не устраивали поправки, внесенные в правительственные законопроекты думской комиссией, состоявшей из октябристов. Умеренно-правые, считая, что редакция вероисповедной комиссии неприемлема, отстаивали свою точку зрения совместно с правыми.

В конце мая – начале июня все три вероисповедных законопроекта были приняты Думой голосами октябристов и оппозиции и переданы в Госсовет. Вся левая печать ликовала: «Октябристско-кадетское большинство в действии!» Но нельзя рассматривать это голосование как характерный пример бонапартистской политики Столыпина, осуществляемой им через Думу, как это делалось в советской историографии. Во-первых, Столыпин не опирался на октябристско-кадетское большинство, напротив, правительственный вариант реформы поддержали правые, во-вторых, думской практикой принятие законопроектов подобной комбинацией не стало. Да и сами октябристы и умеренно-правые оценивали ситуацию иначе. Хомяков еще во время обсуждения законопроектов замечал: «Левый фланг потому и голосует с октябристами, что другого выхода у него нет. Лучше получить что-нибудь, чем ничего». А лидер умеренно-правых П.Н. Балашов упрекал печать в том, что та напрасно раздула разногласия умеренно-правых с октябристами по старообрядческим законопроектам.

Эти законопроекты действительно не имели столь принципиального значения, куда большую важность для Столыпина имели проекты волостного управления и реформы местного суда, которые должны были быть рассмотрены Думой в ближайшее время.

Несомненную важность для премьера имело объединение умеренно-правых и национальной группы, в результате которого появилась русская национальная фракция. С ее появлением укреплялось прежнее столыпинское большинство. По отношению к III Думе, общала «Речь», правительство было озабочено только одним – созданием прочного думского большинства. Правительство, естественно, интересовалось при этом соотношением различных думских групп, но определенного плана создать вместо теперешнего большинства

другое у правительства никогда не было. В последнее время, как утверждают, представителям думского большинства удалось вообще доказать, что помимо умеренно-октябристского большинства никакое другое большинство, на которое могло бы опираться правительство, невозможно [11].

В Думе, по сообщениям в прессе, только и говорили о том, что с образованием новой национальной фракции думский центр упрочился и получил устойчивость. П.Н. Балашов в интервью так определял политическое значение нового факта: «Теперь центр, т.е. мы и октябристы, обладает абсолютным большинством голосов – 230. Мы не зависим больше в своих голосованиях ни от крайних правых, с одной стороны, ни от прогрессистов, с другой» [12]. Литовцев язвительно замечал по этому поводу: «Сердечная гармония умеренно-правых и октябристов, кажется, празднует новый медовый месяц. В приданое умеренно-правые приносят октябристам националистов, еще недавно почти не отличавших себя от правых... хотя по существу их симпатии вполне на стороне законопроекта о местном суде» [13].

Расчеты Столыпина вполне оправдались. Проект местной реформы суда, который обсуждался в течение третьей сессии, и волостной законопроект, рассмотренный Думой в четвертую сессию, были приняты благодаря совместным усилиям националистов и октябристов.

Законопроект о западном земстве, ставший поводом для второго министерского кризиса 1911 г., вызвал критику премьера всеми партиями. Националисты были единственными, кто полностью оправдывали действия Столыпина. Гучков, как известно, ушел с поста председателя Думы, но все же готовность идти на сотрудничество с Кабинетом министров у октябристов сохранилась. Родзянко был избран голосами правооктябристского большинства. «Утро России» писало: «Решались вопросы: Алексеенко и полный разрыв с правительством или Родзянко и тесный союз с правыми фракциями». Кадеты расценивали избрание Родзянко как полную капитуляцию октябристов перед правыми. «Выбор Родзянко, – писала “Речь”, – есть примирение со Столыпиным. Точнее говоря, это есть сдача руководства той части III Думы, которая с премьером и не ссорилась» [14].

Таким образом, если детально рассматривать деятельность Думы, то станет очевидным, что в ней фактически действовало одно большинство, состоящее из националистов и октябристов. Все наиболее

значимые для Столыпина законопроекты были проведены через Думу при содействии умеренно-правых и октябристов. Ими были поддержаны указ 9 ноября, законопроект о землеустройстве, проект волостного управления и реформа местного суда. Трещина в этом сочетании возникла при обсуждении вероисповедных законопроектов, которые прошли голосами октябристов и оппозиции. Прежний механизм сотрудничества вскоре был восстановлен при помощи объединения умеренно-правых и национальной группы в русскую национальную фракцию, которая не создавала новый центр, как считают многие историки, а укрепляла прежнее столыпинское большинство.

Невероятная преданность и строгая приверженность политике Столыпина связана с двумя обстоятельствами. Во-первых, процесс идеологического становления и организационного оформления Всероссийского Национального Союза еще не был завершен, в то время как его создатели уже оказались в водовороте политических событий и начали непосредственно участвовать в законотворческой работе. Столыпин аккумулировал для них те идеи и принципы, которые еще не были четко сформированы в программных терминах, но следование и проведение в жизнь которых они считали своим долгом.

Во-вторых, в среде националистов не было руководителя, который мог бы силой своего авторитета создать столь прочное объединение. Отсутствие авторитетного лидера имело большое значение в формировании отношений между националистами и премьером. Для них Столыпин был тем политиком, с которым они связывали надежды на преобразование России, вокруг которого они объединились и которого полностью поддержали.

Столыпин был главным политическим союзником националистов. Вплоть до кончины Столыпина между ними продолжалось тесное сотрудничество. В Думе националисты всегда отстаивали правительственный вариант проектов. Созвездие «Столыпин-Гучков-Балашов» было, по выражению В.В. Шульгина, «поясом Ориона» – все, что предлагалось Столыпиным, если с ним были согласны Гучков и Балашов, имело большинство и проходило через Думу [15, с. 123]. Таким образом, анализируя отношения националистов с правительством Столыпина, можно заключить, что на протяжении всего периода их отличало дружное взаимодействие, основанное на совпадении интересов и воззрений. В лице Столыпина националисты получили прежде всего лидера, а Столыпин приобрел единомышленников.

Библиографический список

1. Речь П.А. Столыпина в Государственной Думе 31 марта 1910 г. // П.А. Столыпин. Нам нужна Великая Россия. М., 1992.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1947. Т. 13.
3. Аврех А.Я. Царизм и третьеиюньская система. М., 1966; Черменский Е.Д. История СССР. Период империализма. М., 1959; Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907–1911 гг. Л., 1978; Его же. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 гг. Л., 1988.
4. Россия. 1907. 6 ноября.
5. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Ростов-на-Дону, 1998.
6. Савич Н.В. Воспоминания. СПб., 1993.
7. Россия. 1907. 23 ноября.
8. Речь. 1907. 6 декабря.
9. Там же. 11 апреля.
10. Там же. 30 апреля.
11. Там же. 24 октября.
12. Там же. 27 октября.
13. Там же. 25 октября.
14. Там же. 1911. 23 марта.
15. Шульгин В.В. Годы. М., 1990.

О.А. Чернов

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

П.А. СТОЛЫПИН И Н.В. ЧАРЫКОВ В ПЕРИОД БОСНИЙСКОГО КРИЗИСА

25 января 1908 года Н.В. Чарыков был назначен товарищем министра иностранных дел. А 13 апреля того же года получил повышение и при Дворе стал гофмейстером [1]. В августе 1908 года А.П. Извольский отправился в отпуск. Во главе Министерства иностранных дел оказался Н.В. Чарыков.

Между тем в Австро-Венгрии начинается процесс по аннексии Боснии и Герцеговины. 17 августа Н.В. Чарыков получает записку от начальника Генерального штаба российской армии Ф.Ф. Палицына, в которой сообщалось о принятом правительством Австро-Венгрии решении аннексировать Боснию и Герцеговину [2, с. 116]. Н.В. Чары-

ков выразил сомнение в возможности подобного развития событий, целиком полагаясь на русско-австрийское соглашение 1897 года, которое основывалось на признании ситуации статус-кво на Балканах [2, с. 116].

Но уже 20 августа А.П. Извольский рассеял его сомнения. В своем письме он сообщал, что, находясь на отдыхе в Карлсбаде, встречался с Берхтольдом – послом Австрии в России, который передал ему послание министра иностранных дел Австро-Венгрии Эренталя. Последний сообщал, что Австро-Венгрия намерена присоединить обе славянские провинции, и предлагал Извольскому обсудить условия компенсации для России. Извольский совершенно справедливо полагал, что в любом случае эти провинции будут аннексированы, раз уж такое решение было принято (ведь Босния и Герцеговина были оккупированы еще со времен А.М. Горчакова по условиям Рейхштадтского соглашения 1876 года. – О.Ч.), а потому было необходимо воспользоваться ситуацией и потребовать для себя компенсаций. Прежде всего, в вопросе о статусе проливов Босфор и Дарданеллы [2, с. 116–117].

Так начинался «самый важный политический случай 1908 года», которым была «односторонняя отмена Австро-Венгрией статьи 25 Берлинского трактата, изменяя оккупацию Боснии и Герцеговины на аннексию этих сербских областей» [3, р. 269].

Н.В. Чарыков ознакомил с ходом переговоров Николая II сразу после того, как получил от Извольского уведомление, что русские предложения о компенсациях приняты Эренталем.

Император принял точку зрения руководителей русского МИДа и заметил, что в случае изменения режима проливов на основаниях, выдвинутых ими в качестве компенсации России, «...нечего хлопотать о Константинополе», и добавил, что успешное решение было бы «решением векового вопроса» [2, с. 125].

Все это время Извольский и Чарыков держали переговоры втайне. Но, как следует из воспоминаний В. Н. Коковцова, П.А. Столыпин был уже в курсе событий.

Во-первых, П.А. Столыпин показал В.Н. Коковцову... вырезку из венских газет, сообщавшую в виде слуха, что во время пребывания в имении гр. Берхтольда, австрийского посла в Петербурге – австрийского министра иностранных дел Эренталя и нашего министра иностранных дел А.П. Извольского состоялось принципиальное соглашение относительно... аннексии... Боснии и Герцеговины» [4].

Во-вторых, «он получил извещение, подтверждающее венское сообщение и из нашего Нового Времени, с которым он поддерживал близкие отношения через своего брата А.А. Столыпина» [4].

В связи с этим П.А. Столыпин спросил у Н.В. Чарыкова, «что ему известно по этому поводу, и тот отозвался, что Извольский не оставил ему никаких указаний перед своим отъездом, ничего не писал с дороги и никаких сообщений о своем пребывании в Бухлау ему не присылал, но, несомненно, был в этом имении и провел там довольно долгое время.

Чарыков прибавил, что вообще в министерстве никакой подготовки по этому вопросу перед выездом Извольского из Петербурга делается не было, как не было представляемо Государю никаких записок или мемуарий, которые обычно составляются всегда, когда министр имеет в виду доложить государю какой-либо принципиальный вопрос, а тем более испросить определенных Его указаний» [5, р. 19].

Тем не менее «Чарыков как бы вскользь оказал ему (Столыпину. – О.Ч.), что, вероятно, газетная заметка повторяет какой-либо слух, заимствованный из прежнего времени и неоднократных разговоров Извольского с Эренталем, еще в бытность последнего послом в Петербурге, на излюбленную комбинацию Извольского о желательности соединить наше согласие на аннексию Австрией Боснии и Герцоговины, – от чего нам, все равно рано или поздно, не уйти, да мы в этом, по его мнению, и мало заинтересованы, – с получением согласия Австрии на принципиальную поддержку нас и в давнем предположении Извольского добиться этим дешевым для нас путем открытия для нас проливов, на что он очень надеется, если только мы заручимся согласием Австрии и этим путем нейтрализуем отношение Германии» [4].

И только теперь Извольский просит поставить в известность о ведущихся им переговорах П.А. Столыпина и Совет министров. П.А. Столыпин выступил «с большой силой и красноречием, что Россия не должна давать ее согласие на аннексию славянской земли германцам» [6, р. 448]. Особенно возмутило П.А. Столыпина то, что А.П. Извольский вел переговоры втайне от российского правительства.

Между тем Н.В. Чарыков понимал ситуацию так, что «согласно Конституции [так Н.В. Чарыков именуется «Основные законы Российской империи». – О.Ч.]... все иностранные дела были переданы к исключительному усмотрению Его Величества. Таким образом, когда Извольский намеревался конфиденциально вести переговоры... министр, получив согласие императора, имел формальное право переходить к действиям

без ознакомления любого члена Кабинета и даже премьер-министра» [6, р. 447].

Как отмечает Б. Шмит, позиция П.А. Столыпина по вопросу о Боснии стала для Н.В. Чарыкова «большим сюрпризом» [7, р. 35–36]. Тем не менее Чарыков указывает, что «После хорошо обдуманного размышления я решил примкнуть к П.А. Столыпину, и это было бы лучше, чем вызвать его отставку, поскольку она могла бы неизбежно ускорить процесс той реакции, которую до сих пор он один был в состоянии остановить» [3, р. 270].

В более ранних воспоминаниях Н.В. Чарыкова имеется еще более конкретное объяснение – необходимо было избежать отставки П.А. Столыпина, «чье присутствие во главе правительства было нашей последней надежда на спасение России от революционных катаклизмов» [6, р. 447; 7, р. 36].

Кроме того, Н.В. Чарыков был сам «удивлен» тому, что А.П. Извольский держал факт переговоров втайне от П.А. Столыпина и других членов правительства [6, р. 448; 3, р. 270]. Чарыков объяснял свое поведение также приверженностью принципам «британской парламентской традиции – никогда не позволять развиваться правительственному кризису по вопросам внешней политики» [6, р. 448].

Между тем и П.А. Столыпин считал так же, заявив еще 26 августа 1908 года, во время решения вопроса о католикосе, что внешнеполитические аспекты не могут довлеть над внутренней политикой [8]. И, таким образом, позиция П.А. Столыпина Н.В. Чарыкову была прекрасно известна.

У Лангер несправедливо объясняет поведение Н.В. Чарыкова тем, что он был якобы «конкурентом» А.П. Извольского и «использовал первый удобный случай, чтобы проговориться, так сказать, премьер-министру Столыпину, министру финансов Коковцову и военному министру генералу Редигеру» [9, р. 322].

По его мнению, Извольский не узнал о «двуличности Чарыкова и действительно считал Эррентала ответственным за его замешательство», между тем Чарыков «работал рука об руку со Столыпиным, увидев свободное поле для осуществления его собственной политики» [9, р. 323].

В своих воспоминаниях Н.В. Чарыков показывает, что Николай II принял его и П.А. Столыпина на борту своей яхты. Николай II хотя в результате и принял доводы П.А. Столыпина, но отнесся к нему и его идеям крайне холодно [6, р. 448].

Холодность императора, возможно, объясняется тем, что Столыпин поставил Николая II перед тяжелым выбором, предъявив ему, по сути, ультиматум. В случае продолжения переговоров Извольского с Эренталем он требовал своей отставки [10, р. 292].

В результате А.П. Извольскому было направлено указание – вместо переговоров заявить протест. Как показало дальнейшее развитие событий, это решение оказалось верным, ибо, не дожидаясь официальной реакции российского правительства, министр иностранных дел Австро-Венгрии Эренталь объявил об аннексии Боснии и Герцеговины, не дожидаясь согласия России [11].

Далее, как указано в мемуарах Н.В. Чарыкова, 10 марта 1909 года «германский посол предъявил Извольскому ноту, которая была, по существу, ультиматумом в поддержку австро-венгерских претензий» [11]. Чарыков вспоминал, что «ультиматум, изложенный... в самой любезной форме, поэтому был принят, и первая угроза мировой войны была, таким образом, предотвращена» [3, р. 270].

Зато в России «последовал внутренний кризис: Столыпин был очень сердит на Извольского за его секретный демарш, и националисты в Думе осудили Извольского... Царь отрицал его соучастие в деле Извольского–Эренталья и отказался поддержать Столыпина или Извольского, поскольку между ними усилилась напряженность» [11, р. 139].

Между тем 27 сентября 1908 года Н.В. Чарыков направляет П.А. Столыпину письмо, в котором содержался проект соглашения с Турцией, в котором намечалось сближение с последней для решения вопроса о проливах и ряда других проблем на Балканах и Ближнем Востоке. Однако в результате несолидарных действий союзных с Россией держав Турция заняла уклончивую позицию.

Стремясь осуществить намеченную программу [12, л. 7–8.], Н.В. Чарыков получает назначение на пост российского посла в Турции [13, с. 130–144].

Библиографический список

1. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 1405. Оп. 528. Д. 230. Л. 7–8.; Ежегодник Министерства иностранных дел за 1908 г. СПб., 1908. С. VII, 11.
2. Бестужев И.В. Борьба в правящих кругах России по вопросам внешней политики // Исторический архив. 1962. № 5. Док. № 1.
3. Tcharykow N. V. Glimpses of high Politics. London, 1931.

4. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. М., 1992 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hrono.ru/libris/lib_k/kok0_00.php
5. Его же. Из моего прошлого...; Schmitt В. Е. The annexation of Bosnia, 1908–1909. Cambridge, 1937.
6. Tcharykow N. V. Reminiscences of Nicolas II // Contemporary review. 1929. № 3.
7. Schmitt В.Е. The annexation of Bosnia, 1908–1909. Cambridge, 1937.
8. Столыпин П.А. Переписка. М., 2004. С. 158; Особые журналы Совета министров царской России. 1908 год. Т. 3. М., 1988. С. 631–637.
9. Langer W. L. Russia, the Straits Question and the Origins of the Balkan League, 1908–1912 // Political Science Quarterly, Vol. 43, No. 3 (Sep., 1928).
10. McDonald D. A lever without a fulcrum: domestic factors and Russian foreign policy, 1905–1914 // Imperial Russian foreign policy. Cambridge, 1993.
11. Tuminez A.S. Russian nationalism since 1856: ideology and the making of foreign policy. Oxford, 2000.
12. РГИА. Ф. 1405. Оп. 528. Д. 230.
13. Чернов О.А. Дипломатическая деятельность и исторические взгляды Н.В. Чарыкова. Самара, 2010.

Г.Н. Шумкин

*Институт истории и археологии
Уральского отделения РАН, Екатеринбург*

ПЛАНЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ВОЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА НА КАЗЕННЫХ ГОРНЫХ ЗАВОДАХ В 1910–1912 ГГ.

При изучении деятельности Петра Аркадьевича Столыпина на посту председателя Совета министров Российской империи историки в основном уделяют внимание политике в аграрной сфере, попыткам русификации Западного края и усилению армии и флота. Однако в его сферу профессиональных интересов входил любой вопрос, выносимый на обсуждение Совета министров. В числе таких проблем, требовавших вмешательства высших должностных лиц, был вопрос о судьбе казенных горных заводов. К 1907 г. в управлении Горного департамента находилось 12 казенных горных заводов на Урале: Пермский пушечный, Воткинский, Златоустовский, Саткинский, Кусинский, Артинский, Кушвинский, Верхнетуруинский, Нижнетуруинский, Баранчинский, Се-

ребрянский, Каменский; заводы Олонецкого округа в Карелии: Александровский, Валазминский, Суоярвский и Кончозерский, а также Сучанские каменноугольные копи на Дальнем Востоке.

Из тех задач, которые были определены законом для заводов: 1) снабжать армию и флот предметами вооружения и металлом, 2) содействовать развитию частной промышленности и 3) приносить государству прибыль на затраченный капитал в размере не меньше банковского процента на ту же сумму, – они выполняли только первую. По заказам армии и флота заводы изготовляли около 40 % артиллерийских снарядов, все холодное клинковое оружие, а также артиллерийские орудия, шанцевый инструмент и металл для заводов и arsenалов Военного и Морского министерств. Что касается остальных задач, то вторая перестала выполняться ими еще во время отмены крепостного права. А запутанность финансовой отчетности делала проблематичной выполнение третьей задачи.

В 1890-е гг. министр государственных имуществ А.С. Ермолов принял попытку реформировать заводы таким образом, чтобы они смогли выполнять все свои функции. По его замыслу, перевод заводов на коммерческие (хозрасчетные) основания и расширение объемов выпуска металла для свободного рынка создали бы условия для превращения государственного горнозаводского хозяйства, во-первых, в рентабельное предприятие, приносящее государству прибыль, а во-вторых, в инструмент корректировки цен (в сторону понижения) на рынке металлопродукции. Однако реализация этой реформы встретила непреодолимое препятствие в лице министра финансов С.Ю. Витте, узревшего в развитии казенных заводов подрыв благоприятных условий роста (в первую очередь – высокие цены) частной металлургической промышленности [1, с. 3–26]. Экономический кризис 1900–1903 г., а затем депрессия превратили проект А.С. Ермолова в возможность, которой не суждено было реализоваться. Тем не менее широко разрекламированные планы Горного ведомства относительно будущего казенных предприятий вызвали тревогу и раздражение среди заводладельцев, а явное ухудшение их финансового состояния в 1907–1909 гг. создало благоприятные условия для острой критики прямых методов государственного управления горнозаводской промышленностью. В 1909 г. Совет съездов потребовал ликвидировать казенные заводы, чтобы искоренить «громадный вред», наносимый частной промышленности [2, с. 418].

Выход из создавшегося положения чиновникам горного ведомства виделся в специализации заводов на выполнении заказов государственных учреждений, в первую очередь Военного, Морского ведомств. Однако в

годы депрессии в условиях бюджетного дефицита и частой смены главы Министерства торговли и промышленности (в 1905–1909 гг. в этой должности побывало 6 человек) установка на развитие военного производства не могла быть реализована.

В 1909 г. было создано «Совещание по выработке мер к подъему горнопромышленной жизни Урала». На нем был поднят вопрос о состоянии казенных горных заводов. Однако из-за существенных противоречий участники совещания не пришли к единому решению. Они сошлись только в том, что основной задачей заводов должно быть обеспечение армии и флота и предупреждение «поднятия частными заводами цен на необходимые для казны изделия». Кроме того, эти заводы, в отличие от частных, «до некоторой степени» несут ответственность за качество своей продукции. Частные предприниматели, по мнению чиновников горного ведомства, были «заинтересованы лишь в том, чтобы сдать заказ» [4, л. 119–120].

В начале 1910 г. было образовано Особое совещание чиновников горного ведомства и представителей Съезда горной промышленности под председательством министра торговли С.И. Тимашева. Оно должно было выработать меры по выведению промышленности Урала из кризиса. Затронув вопрос казенных заводов, Совещание «нашло, что деятельность их должна быть сосредоточена в будущем, главным образом, на изготовлении предметов государственной обороны с постепенной ликвидацией самостоятельного производства изделий частного обихода». В руках казны должны были остаться Пермский, Златоустовский, Кушвинский, Баранчинский, Кусинский, Саткинский и Верхнетурунский заводы. Их следовало переоборудовать, «упорядочить хозяйство и счетоводство», «урегулировать выдачу нарядов на изготовление предметов государственной обороны» и ввести более четкую специализацию. Пермский пушечный завод должен был производить орудия и крупнокалиберные стальные снаряды; Верхнетурунский – мелкокалиберные стальные снаряды; Златоустовский – холодное оружие и мелкокалиберные стальные снаряды; Баранчинский – чугунные крупнокалиберные; Саткинский и Кусинский – чугунные мелкокалиберные снаряды. Производство чугуна должно было быть сосредоточено в Сатке и Кушве [5, л. 59, 63, 91, 96].

В августе 1910 г. министр торговли С.И. Тимашев обратился в Совет министров. Он считал нужным оставить в государственном управлении Пермский, Златоустовские и Гороблагодатские заводы, а остальные сдать в аренду [6, л. 443–476]. 19 октября, 19 и 25 декабря Совет министров рассмотрел перспективы развития казенных горных заводов. С.И. Тимашев

еще раз высказал свое мнение: в руках казны должны были остаться заводы, изготовлявшие «предметы государственной обороны», так как, во-первых, «в деле снабжения армии и флота орудиями и снарядами особенно важно не находиться в зависимости от частных заводов, а тем более от заграничных фирм»; во-вторых, «само расположение уральских заводов в отдаленной от границ Империи местности делает их наиболее подходящими поставщиками указанных предметов». Производство изделий рыночного ассортимента было побочным, оно значительно понижало стоимость выполнения казенных заказов и, когда не было государственных заказов, обеспечивало занятость рабочих.

Совет министров поддержал С.И. Тимашева и постановил: «В непосредственном заведовании казны подлежат оставлению лишь заводы, изготовляющие предметы государственной обороны» [3, с. 416]. Военное и Морское министерства обязали представить горному ведомству сведения о заказах на ближайшие 10 лет, в соответствии с которыми должны были быть выработаны «подробные предположения» о переоборудовании заводов. Остальные заводы, т.е. Каменский, Нижнетурицкий, Артинский, Серебрянский, подлежали передаче в частные руки. Судьба Воткинского завода, выполнявшего, в основном, заказы МПС, должна была решаться особо.

В марте 1911 г. был разработан предварительный план реконструкции заводов, рассчитанный на три года. По этому плану на реконструкцию предполагалось выделить 8,8 млн руб. В результате ежегодная производительность Пермского пушечного завода, заводов Гороблагодатского, Златоустовского и Олонцкого округов должна была увеличиться более чем в три раза – с 6,8 до 22,5 млн руб. [6, л. 420].

Однако на совещании 19 марта 1911 г. выяснилось, что потребности Военного и Морского ведомств в снарядах и орудиях весьма умеренны. ГАУ планировало заказать орудий на 20 млн руб. и снарядов на 47 млн руб., ГУК – на 35 млн руб. снарядов. Причем ГАУ не распланировало сроки «дачи» и выполнения заказов, а ГУК распределило заказы на 6 лет – с 1912 по 1917 гг., примерно по 6 млн руб. в год. Более того, заказчики еще не определили, какая часть заказов достанется казенным горным заводам, но уже совершенно определенно заявили, что казенным горным заводам не стоит рассчитывать на снаряды малых калибров и крупнокалиберные орудия, так как заказы на первые были предназначены Ижевскому заводу, а вторые – Обуховскому. При таких перспективах реконструкция становилась бесполезной. Имеющегося уровня производительности заводов было вполне достаточно и, более того, Пермский и Златоустовский заводы могли пострадать от нехватки заказов.

Летом 1911 г., не добившись от Военного и Морского ведомств никаких разъяснений, С.И. Тимашев обратился к председателю Совета министров П.А. Столыпину: «Следует ли считать заявленные заказы предметов обороны, согласно уже выявившейся потребности, окончательными – и в таком случае вопрос о коренном переоборудовании казенных горных заводов отпадает, или же надлежит поручить военному и морскому ведомствам представить дополнительные по сему предмету данные, в согласии с коими министерство торговли и промышленности было бы обязано выработать окончательный план переоборудования казенных горных заводов» [6, л. 424]. 23 августа 1911 г. на заседании Совета министров встревоженный П.А. Столыпин поднял вопрос о переоборудовании казенных горных заводов, но помощник военного министра А.А. Поливанов сообщил, что сведения о заказах на вооружение на предстоящее десятилетие уже направлены в горный департамент. Согласно этим сведениям, Военное министерство в ближайшие 10 лет планировало заказать на 10965 тыс. руб. артиллерийских орудий, на 54918,6 тыс. руб. снарядов, на 2990 тыс. руб. чугуна и стали, на 9,8 млн руб. холодного оружия и шанцевого инструмента. Морское министерство – снарядов на 65049 тыс. руб., металла на 22596 тыс. руб., крупнокалиберных дальнобойных орудий (120 14-дюймовых (356 мм) пушек) на 22800 тыс. руб. Всего оба ведомства в течение 10 лет планировали разместить заказов на 189418 тыс. руб. [6, л. 432–435].

Осенью 1911 – зимой 1912 гг. совещание под председательством министра торговли С.И. Тимашева составило новый план реконструкции. После реконструкции казенные горные заводы должны были ежегодно выпускать на 2280 тыс. руб. крупнокалиберных орудий, на 1096,5 тыс. руб. орудий средних и малых калибров, на 12026,7 тыс. руб. снарядов, на 980 тыс. руб. холодного оружия и шанцевого инструмента, на 2558,6 тыс. руб. чугуна и стали. Всего – на 18 млн 941,8 тыс. руб., т.е. одну десятую часть тех заказов, сведения о которых были представлены в августе 1911 г. С учетом того, что в 1912 г. производительность казенных горных заводов составила 7269 тыс. руб., после реконструкции она должна была увеличиться более чем в 2,6 раза. Реконструкция Пермского завода должна была обойтись государству в 9163 тыс. руб., Гороблагодатских заводов – в 374 тыс., Златоустовских – в 872 тыс. и Олонекских заводов – в 109 тыс. руб., что в сумме с расширением штата специалистов (на 11 тыс. руб.) составило 10628 тыс. руб. [7, с. 499].

Из-за противодействия Военного и Морского ведомств окончательный вариант плана реконструкции был одобрен Николаем II только 14 декабря 1912 г. Дума и Государственный совет приняли законопроект 23 июня 1913 г.

План реконструкции был рассчитан на три года (1913 – начало 1916 гг.), но историей на его выполнение было отпущено чуть больше одного года.

В реальности реконструкция военного производства имела мало общего с принятым планом. Так, по плану на Пермском заводе предполагалось построить отделение дальнобойных орудий производительностью 12–14-дюймовых (356 мм) пушек. Но через два месяца после утверждения плана – в сентябре 1913 г. – было решено разрабатывать проект отделения для производства 16-дюймовых (406 мм) пушек.

Тем не менее в 1912–1913 гг. военное производство на казенных горных заводах достигло больших успехов. Если в 1911 г. было выполнено заказов ГАУ и ГУК на 8 млн руб., то в 1913 г. – на 17,7 млн руб. Производство по заказам гражданских ведомств и продукции рыночного ассортимента сократилось с 7,8 млн руб. до 5,8 млн руб. В целом в 1891–1911 гг. доля военных заказов в общей стоимости произведенной казенными горными заводами продукции составляла от 44,5 до 64,8 % (в среднем – 52,2 %), только в предвоенные 1912–1913 гг. она увеличилась до 70–73 %. Доля государственных невоенных заказов составляла от 3,4 до 25,2 % (в среднем – 15,9 %), доля продукции для рынка – от 19,1 до 43,2 % (в среднем – 30,7 %) и только в 1913 г. она сократилась до 14,8 % [8, с. 276].

Библиографический список

1. Железкин В.Г. Казенные горные заводы Урала в экономической политике царского правительства в период доомонополистического капитализма (1861–1900 гг.) // Вопросы экономической истории горнозаводской промышленности Урала периода капитализма (1861–1917 гг.). Свердловск, 1989.
2. Кризис самодержавия в России. 1895–1917 гг. Л., 1984.
3. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1910 г. М., 2000.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 37. Оп. 73. Д. 181.
5. Там же. Д. 1520.
6. Там же. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 154.
7. Шацилло К.Ф. Государство и монополии в военной промышленности России конца XIX в. 1914. М., 1992.
8. Шумкин Г.Н. К вопросу о динамике производства казенных горных заводов в конце XIX – начале XX вв. (1891–1913 гг.) // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Екатеринбург, 2005.

ПРАВОВОЙ СТАТУС ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В начале XX века Россия вступила в полосу широкомасштабных социально-политических потрясений, радикально изменивших и складывающийся столетиями облик державы, и направление ее дальнейшего развития. Первая русская революция 1905–1907 гг. оказала решающее воздействие на все стороны жизни страны, в том числе и на государственный аппарат. Проблема эволюции самодержавия в начале XX века остается одной из наиболее спорных в современной российской историографии. Сущность споров заключается в решении вопроса: произошла эволюция государственного строя страны после первой русской революции или он оставался в форме абсолютизма? Другими словами, можем ли мы назвать русскую монархию начала XX в. ограниченной или она по-прежнему оставалась самодержавной? Можно ли считать Государственную думу полноценным представительным органом? Цель нашего доклада состоит в том, чтобы дать оценку правовому статусу Государственной думы и определить ее место в системе органов государственной власти Российской империи.

На пути конституционного строительства в России важнейшими этапами стали: Манифест 17 октября 1905 года, провозгласивший введение гражданских свобод и организацию законодательного органа, и Основные законы 23 апреля 1906 года, определившие двухпалатную парламентскую систему, но сохранившие весьма широкие пределы для императорской власти [1].

Документ Манифеста, будучи крайне небольшим по объему, по содержанию явился поворотным моментом в истории страны. В нем, в частности, декларировалось высочайшее повеление:

1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов

2. Установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей.

3. Обещано привлечь теперь же по мере возможности к участию в выборах в Государственную думу те классы, которые лишены были вообще избирательных прав.

С другой стороны, свободы, обещанные Манифестом 17 октября 1905 г., в условиях революции оказались пустым звуком. Их несоблюдение было естественным. Свобода слова также была минимизирована Законом от 13 февраля 1906 г., согласно которому любое лицо могло быть подвергнуто преследованию за «антиправительственную пропаганду». Свобода забастовок была резко сужена Законом от 2 декабря 1905 г., запрещающим бастовать государственным служащим и рабочим предприятий, имеющих жизненно важное для экономики страны значение. И все же Манифест 17 октября был выполнен в главном – в части выборов в Государственную думу.

Давая России гражданские права и парламент в то самое время, когда практически все оппозиционные самодержавию слои населения желали только одного – отнять у царя как можно больше, а по возможности и всю власть, Николай II либо демонстрировал непонимание политической ситуации, либо просто «умыл руки», вняв советам премьер-министра Витте, который проделал основную работу по подготовке Манифеста 17 октября [2].

Учреждение Государственной думы явилось последствием широкого общественного движения всех слоев населения России, особенно сильно проявившегося после неудач русско-японской войны 1904–1905 гг., раскрывшей все недостатки бюрократического управления. В рескрипте 18 февраля 1905 года император Николай II выразил обещание «отныне привлечь достойнейших, доверием народа обремененных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений». Однако выработанное комиссией под председательством министра внутренних дел Булыгина и изданное 6 августа положение о Государственной думе создало не законодательный орган, не парламент в европейском смысле, а законосовещательное учреждение с весьма ограниченными правами, избираемое ограниченными категориями лиц: крупными собственниками недвижимых имуществ, крупными плательщиками промыслового и квартирного налога и на особых основаниях крестьянами.

Окончательное законодательное закрепление правовое положение Государственной думы получило в 1906 г., после выхода в свет Основных законов Российской империи. Они законодательно оформили пер-

вое представительное учреждение парламентского типа (в новейшем понимании этого термина). Оно получило название Государственная дума. Дважды ее разгоняло правительство, но она просуществовала около 12 лет, вплоть до падения самодержавия, имея четыре созыва (первая, вторая, третья, четвертая государственные думы).

Официально всесословное представительство в России было учреждено Манифестом и законом о создании Государственной думы, изданными 6 августа 1905 года.

Председателем Думы был избран кадет, профессор права С.А. Муромцев. В своей вступительной речи он поправил Николая, заявив, что Дума будет работать, исходя не из факта ее «дарования», а в соответствии с ее природой, то есть опираясь на закон естественного права. Уже этим он поставил Думу в оппозицию к самодержавию [3, с. 74–83].

Порядок выборов в первую Думу определялся в законе о выборах, изданном в декабре 1905 года. Согласно ему, учреждались четыре избирательные курии: землевладельческая, городская, крестьянская и рабочая. По рабочей курии к выборам допускались лишь те пролетарии, которые были заняты на предприятиях с числом работающих не менее 50. В результате сразу же избирательного права лишались 2 миллиона мужчин-рабочих. Сами выборы были [4]:

не всеобщими. Исключались женщины, молодежь до 25 лет, военно-служащие, ряд национальных меньшинств;

не равными. Один выборщик приходился в землевладельческой курии на 2 тысячи избирателей, в городской – на 4 тысячи, в крестьянской – на 30, в рабочей – на 90 тысяч;

не прямыми – двухстепенными, а для рабочих и крестьян трех- и четырехстепенными.

23 апреля 1906 года Николай II утвердил «Свод основных государственных законов», который Дума вообще могла изменить только по инициативе самого царя. В этих законах, в частности, предусматривался целый ряд ограничений деятельности будущего российского парламента. Главным из них было то, что законы подлежали утверждению царем:

«п. 107. Государственному Совету и Государственной Думе в порядке, их учреждениями определенном, предоставляется возбуждать предположения об отмене или изменении действующих и издании новых законов, за исключением Основных Государственных Законов, почин пересмотра которых принадлежит единственно Государю Императору» [4].

По Основным законам, изданным 23 апреля 1906 года, Государь Император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным советом и Государственной думой: никакой новый закон не может последовать и воспринять силу без одобрения Государственной думы и Государственного совета.

Государственной думе было предоставлено право законодательной инициативы – она имела право возбуждать предположения об отмене или изменении действовавших и издании новых законов (за исключением Основных законов). К предмету ведения Государственной думы отнесены законодательные предположения, требовавшие издания законов и штатов, их изменение, дополнение, приостановление их действия или отмена; рассмотрение государственной росписи доходов и расходов вместе с финансовыми сметами министерств и главных управлений, а также отчета государственного контроля об исполнении росписи; дела об отчуждении части государственных доходов и имуществ, о постройке казенных железных дорог, об учреждении компаний на акциях (когда испрашивались изъятия из действующего законодательства); дела, вносимые на рассмотрение Государственной думы Высочайшими повелениями; сметы и раскладки земских повинностей (в местностях, где не введены земские учреждения) и о повышении земского и городского обложения [4].

Законопроекты вносились в Государственную думу министрами, комиссиями Государственной думы или поступали из Государственного совета.

В перерывах между заседаниями Государственной думы законодательные функции передавались императору, с тем чтобы действие принятой им меры прекращалось с началом заседаний Государственной думы (в случае непредставления закона на ее рассмотрение) или если ее не примет Государственная дума либо Государственный совет (статья 87-я Основных законов).

Царь назначал министров, единолично руководил внешней политикой страны, ему подчинялись вооруженные силы, он объявлял войну, заключал мир, мог вводить в любой местности военное или чрезвычайное положение. Более того, в «Свод основных государственных законов» был внесен специальный параграф 87, который разрешал царю в перерывах между сессиями Думы издавать новые законы только от своего имени. В дальнейшем Николай II использовал этот параграф для того, чтобы проводить законы, которые Дума наверняка не приняла бы.

Особо оговаривалось право царя самолично распускать Думу:

«п. 105. Государственная Дума может быть до истечения пятилетнего срока полномочий ее Членов распущена указом Государя Императора. Тем же указом назначаются новые выборы в Думу и время ее созыва» [4].

Государственному совету и Государственной думе предоставлялось право обращаться к Министрам и прочим должностным лицам, подчиненным по закону Правительствующему Сенату, с различного рода запросами по поводу интересующих депутатов действий, которые представлялись им незаконными.

Законодательные предположения рассматривались в Государственной думе и, по одобрении ею, поступали в Государственный совет. Законодательные предположения, предначертанные по почину Государственного совета, рассматривались в Совете и, по одобрении им, поступали в Думу. Законопроекты, прошедшие через обе палаты, представлялись царю Председателем Государственного совета.

Депутаты Думы пользовались депутатской неприкосновенностью [5].

Ведению Думы подлежали многочисленные вопросы, среди которых:

1) предметы, требующие издания законов и штатов, а также их изменения, дополнения, приостановления действия и отмены;

2) государственная роспись доходов и расходов вместе с финансовыми сметами министерств и главных управлений, равно как денежные из казны ассигнования, росписью не предусмотренные, на основании установленных правил;

3) отчет Государственного контроля по исполнению государственной росписи;

4) дела об отчуждении части государственных доходов или имуществ, требующем Высочайшего соизволения;

6) дела об учреждении компаний на акциях, когда при сем испрашиваются изъятия из действующих законов;

7) дела, вносимые на рассмотрение Думы по особым Высочайшим повелениям.

Первая Дума просуществовала с апреля по июль 1906 года. Состоялась всего одна сессия. Председателем первой Думы был избран кадет С.А. Муромцев, профессор Петербургского университета.

С самого начала своей деятельности Дума продемонстрировала, что она не намерена мириться с произволом и авторитаризмом цар-

ской власти. Это проявилось с первых дней работы российского парламента. В ответ на «тронную речь» царя 5 мая 1906 года Дума приняла адрес, в котором потребовала амнистии политических заключенных, реального осуществления политических свобод, всеобщего равенства, ликвидации казенных, удельных и монастырских земель и т. д.

Через восемь дней председатель Совета министров И.Л. Горемыкин отменил все требования Думы. Последняя, в свою очередь, провела резолюцию о полном недоверии правительству и потребовала его отставки. Вообще за 72 дня своей работы первая Дума приняла 391 запрос о незаконных действиях правительства. В конце концов она была распущена царем, войдя в историю как «Дума народного гнева».

Роспуск I Думы ознаменовался сменой премьер-министра. Вместо бесхарактерного царедворца Горемыкина председателем правительства был назначен П.А. Столыпин, человек волевой, одержимый идеей действительного осуществления в сотрудничестве правительства с Думой либеральных реформ. Именно он отстаивал сам институт представительной-законодательной власти, хотя в придворных кругах муссировался вопрос о ее ликвидации [6]. Назначение премьером Столыпина думские кадеты оценили как торжество реакции, ибо он последовательно и жестко проводил политику подавления террора в стране, который не обошел и его лично, и его семью. Но главное, с чем Столыпин шел в правительство, была идея осуществления крестьянской реформы, в которой он видел базис формирования гражданского общества в стране. Однако в отличие от думцев он стремился следовать букве закона, осуществив крестьянскую реформу на основе записанного в Основных законах права частной собственности на землю [7, с. 60–70].

Итак, Государственная дума была создана потому, что она была необходима самодержавию, помещикам и особенно буржуазии. В.И. Ленин писал, что представительные учреждения неизбежно порождают в капиталистических странах своеобразные формы влияния капитала на государственную власть. «И капиталисты, и помещики имеют в лице Думы готовый аппарат для проведения законов о «премиях» (себе самим), о таможенной охране (т. е. другой форме премий себе самим), о концессиях (третья форма премий себе самим) и так далее без конца» [8, с. 113].

Вместе с тем создание Государственной думы было полезно для пролетариата, поскольку ее существование облегчало организацию борьбы с самодержавием и буржуазно-помещичьим гнетом и явилось одной из легальных возможностей для организации классово-борьбы и подготовки народа к революции. В результате существования Государственной думы в России появилось законодательство, которое хотя формально, но ограничивало самодержавие.

Парламентаризм в России был «нежеланным ребенком» для правящих кругов. Его становление и развитие происходило в острой борьбе с авторитаризмом, самодержавием, самодурством чиновничества и исполнительной власти. В ходе становления российского парламентаризма был накоплен ценный опыт работы и борьбы с авторитарными тенденциями в деятельности властей, который не по-хозяйски забывать и сегодня.

Библиографический список

1. Исаев И.А. История государства и права России. М.: Юристъ, 1999.
2. История отечественного государства и права: учебное пособие. Ч. II. М.: Юридический колледж МГУ, 2000.
3. Новикова Л.И. Истоки русского парламентаризма: Уроки и ошибки // Власть. 2004. № 3.
4. Основные законы Российской империи // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / отв. ред. О.И. Чистяков. М.: Юридическая литература, 2002.
5. Закон о выборах в Государственную думу от 11 декабря 1905 г. // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / отв. ред. О.И. Чистяков. М.: Юридическая литература, 2002.
6. Зырянов П. Государственная Дума: как она работала // Политическое образование. 1989. № 15.
7. Новикова Л.И. П.А. Столыпин как государственный деятель // ПОЛИС. 2001. № 4.
8. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 18.

**ОБСУЖДЕНИЕ ВОПРОСОВ О ТЕРРОРЕ, АМНИСТИИ
И СМЕРТНОЙ КАЗНИ В I И II ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДУМАХ:
ПОЗИЦИЯ ЛИБЕРАЛОВ**

Российский либерализм начала XX в. представляет собой достаточно сложную систему, включающую в себя консервативное, умеренно-прогрессивное и демократическое («радикальное») направления. Отсутствие своевременной адекватной реакции верховной власти на события в России, запаздывание в проведении назревших реформ, нежелание самодержавия расстаться с неограниченной властью вели к эскалации социальной напряженности, радикализации массового сознания и нарастанию отчуждения между обществом и государственными структурами.

На рубеже XIX–XX веков начался качественно новый этап в эволюции русского либерализма. В либерализме возникает и начинает набирать силу новое течение, носителем которого становится интеллигенция. Изменилась и сама тактика нового либерализма. Либералы-интеллигенты оказывали материальную и техническую помощь леворадикальным партиям и организациям [1, с. 140].

Систематический индивидуальный политический террор вызывал специфический общественный резонанс, поскольку являлся крайним выражением неприятия власти и противостояния ей. Либеральная общественность конца XIX – начала XX в. видела в действиях террористов примеры самопожертвования и героизма, а в них самих – людей редких гражданских качеств, которыми двигал глубокий гуманизм, и поэтому им прощали даже преступления [2, с. 25–26]. Так, В.А. Маклаков вспоминал: «Мне приходилось в судах защищать революционеров-фанатиков, которые ставили ставку против власти... я уважал их героизм, бескорыстие, готовность жертвовать собой и для других, и для дела: я мог искренно отстаивать их против жестокости и беспощадности репрессий государственной власти, тем более что она часто на них вымещала свои же грехи и ошибки» [3, с. 352].

В начале XX в. политический террор в России разросся до огромных размеров. Его жертвами с 1901 по 1911 гг. стали около 17 тысяч человек, причем пик террора пришелся на 1905–1907 гг., когда было убито и ранено более 9 тысяч человек, в большинстве своем – сотрудники государственного аппарата [2, с. 31–33]. Власть воспринималась интеллигенцией, в том

числе и либерально настроенной, как воплощение абсолютного зла, поэтому убийство или покушение на убийство для достижения определенных политических целей было обусловлено убежденностью в бесчеловечности существующего строя [4, с. 178]. Постепенно общество привыкало к постоянным терактам и политическим убийствам. До революции 1905–1907 гг. многие либералы, не принимая непосредственного участия в покушениях, одобряли террор и финансировали террористические предприятия.

Беспрецедентный размах террористической деятельности, ставший неотделимой частью общественной жизни в период революции 1905–1907 гг., заставлял все политические партии и группировки определять свое отношение к политическим убийствам.

Кадеты приветствовали издание Манифеста 17 октября 1905 г., но требовали созыва Учредительного собрания, которое должно было принять конституцию страны, а также немедленного проведения целого комплекса политических, экономических и социальных реформ [5, с. 158–159]. Поэтому, надеясь ослабить царское правительство, создать «деловой кабинет» из либеральных общественных деятелей и реализовать свои требования, партия Народной свободы стремилась поддерживать террористическую деятельность радикалов. Например, 23 ноября 1905 г. на заседании ЦК кадетов Н.Н. Щепкин выразил мнение, тогда доминировавшее в партии: «Не время борьбы с крайними партиями. Кто хочет бороться с революцией, тот должен выйти из партии. По-моему, не из партии, а из политической жизни» [6, с. 44].

Уже на заседании ЦК в Петербурге 8–9 апреля 1906 г. было принято решение разработать законопроекты по вопросам «об отмене смертной казни и об отмене юрисдикции военных судов по общим преступлениям» и «об отмене исключительных законов об усиленной и чрезвычайной охране (в связи с законом о свободах)». Предполагалось, что указанные законопроекты будут предложены в I Думе для их принятия, поэтому к 19 апрелю они были подготовлены и обсуждены на заседании ЦК партии [6, с. 68–70].

Доклад, сделанный М.М. Винавером на заседании ЦК 19 апреля 1906 г. по вопросу об амнистии, раскрывает и полностью отражает позицию кадетов, занятую ими на заседаниях I Государственной думы. Кадеты требовали амнистии для лиц, деяния которых были направлены на изменение политического или экономического строя [5, с. 488]. Иными словами, гуманность должна была коснуться террористов-революционеров. По вопросу смертной казни стоит отметить, что кадеты добивались ее полной отмены.

Неуступчивость правительства И.Л. Горемыкина в проведении реформ заставила кадетов перейти к открытой критике власти: «раз нас призывают к борьбе, – говорил Набоков, – раз нам говорят, что правительство является не исполнителем требований народного представительства, а их критиком и отрицателем, то, с точки зрения принципа народного представительства, мы можем сказать только одно: “Исполнительная власть да покорится власти законодательной”» [7, стб. 326].

Вопрос об отсрочке исполнения смертных приговоров волновал и консервативно настроенных либералов. Основатель и лидер Партии демократических реформ М.М. Ковалевский уже в начале заседаний I Государственной думы написал обращение Николаю II, в котором призвал: «...отсрочить исполнение приговоров до того момента, когда Государственной думой положено будет начало приближению нашей системы наказаний к требованиям народной совести и к мнениям русской юридической науки» [8, с. 286–287].

После обсуждения кадетского законопроекта об отмене смертной казни в комиссии он вернулся на рассмотрение заседания I Думы. Представители правительства (министр юстиции Щегловитов, главный военноморской прокурор Матвеевко, главный прокурор Павлов) на заседании 19 июля 1906 г. заявили, что отмена смертной казни не является своевременной мерой и не относится к компетенции Думы [9, стб. 1482]. В ответ кадеты выступили в поддержку предложения трудовиков о немедленном принятии закона об отмене смертной казни. В тот же день он был принят и направлен для утверждения в Государственный совет, который его отклонит.

В отличие от кадетов, лидеры «Союза 17 октября», как и другие консервативно настроенные и умеренно-прогрессивные либеральные партии, осознавали дестабилизирующую силу ежедневных покушений, подрывающих сам принцип законности и порядка, и считали, что необходимо осудить любой террор для восстановления стабильности в обществе [2, с. 286–287]. Именно неизменная приверженность принципу ненасилия в политической деятельности способствовала консолидации умеренных сил, прежде всего в Государственной думе.

Е.Н. Трубецкой в своей публичной лекции, прочитанной на «политическом турнире», организованном партией мирного обновления в Петербурге 21 декабря 1906 г., осветил позицию либеральных партий в I Государственной думе по вопросам осуждения политических убийств и амнистии. Так, по его мнению, «Союз 17 октября осуждает политические убийства, но допускает свободу мнений по вопросу о смертной

казни. Многие из них с нею мирятся и даже одобряют военно-полевые суды». Также в указанной лекции была объективно вскрыта тактика кадетов: «Конституционно-демократическая партия никогда не выражала одобрения политическим убийствам, но она никогда не выражала им осуждения. Слово осуждения раздавалось иногда со стороны отдельных ее представителей, но партия безмолствовала. И оттого-то прекрасные слова против смертной казни в ее устах теряли силу и аргументы в пользу амнистии недостаточно убеждали» [8, с. 115–116].

Руководство партии кадетов в лице П.Н. Милюкова полагало, что террористическая деятельность была «логична» при сложившихся обстоятельствах, когда террористы являлись лишь невинными жертвами тирании и беззакония, идущего сверху [10, с. 353]. В. Маклаков не без оснований утверждал, что кадетское руководство считало революционеров «не врагами конституционного строя, а “союзниками слева”... Уже в 1-ой Государственной Думе, которой кадетская партия руководила тогда, она отказалась вынести даже на будущее время моральное осуждение террору, как средству борьбы, и это в момент, когда за прошлое она для всех просила амнистии» [3, с. 351].

Готовясь к заседаниям II Думы, ЦК партии кадетов 10 февраля 1907 г. постановил, что необходимо выработать обязательное для фракции партийное решение по вопросу отношения к террору, с учетом того, что «при предложении осуждения террора такое должно быть отвергнуто» [6, с. 177]. Составление проекта резолюции с подробной мотивировкой было поручено М.М. Винаверу и В. Гессену. 16 февраля 1907 г. в своем докладе на пленарном заседании ЦК Милюков предполагал, «что правые, вероятно, потребуют от Думы осуждения революционного террора», но «такое провокационное предложение следует категорически отклонить» [11, с. 257]. Уже 17 февраля 1907 г. на заседании ЦК М. Винавер сделал сообщение по вопросу о политических убийствах, смысл которого заключался в том, что предлагалось их не осуждать, поскольку зло, неизбежное при конкретных условиях политического строя [6, с. 505–506]. Кадеты пытались внушить публике, что все убийства с политической целью совершались в ответ на зверства правительственных функционеров.

Во II Думе дебаты о терроре велись постоянно. Стоит отметить, что правительство П.А. Столыпина не внесло во II Думу законопроект о военно-полевых судах, поэтому, согласно Основным законам, их действие должно было автоматически прекратиться 20 апреля 1907 г. Иными словами, вопрос об отмене военно-полевых судов был предрешен. Кадеты, пытаясь поднять свой авторитет за счет демонстрации своей оппози-

ционности, решили внести в Думу законопроект о немедленной отмене военно-полевых судов, не дожидаясь формального срока их отмены.

Позицию кадетов по этому вопросу предельно четко сформулировал докладчик от фракции кадетов В.А. Маклаков, заявив: «Я думаю, что это ошибочный путь – ударять по революции для ее прекращения. Я не менее, чем власть, хочу конца революции... Я скажу, что, ударяя по революции военно-полевыми судами, вы ударяете по нам, мирным гражданам, по всем тем, которые хотят суда и законности» [12, стб. 389–390].

В ходе прений 12–13 марта по данному вопросу выявилось, что октябристы и близкие к ним депутаты требовали осуждения как революционного, так и правительственного террора. Кадеты, осуждали смертные приговоры, выносимые военно-полевыми судами, но отказывались порицать террористов [12, стб. 354–525]. В ответ 13 марта 42 правых и умеренных депутата выступили с заявлением «О выражении Государственной Думой порицания политическим убийствам и террору», но запрос был отклонен [12, стб. 526–528].

Во II Государственной думе кадетам весной 1907 г. в течение длительного времени удавалось противодействовать дебатам о революционном терроре и стремлениям вынести резолюцию с его осуждением [13, с. 75]. Раз за разом они голосовали за то, чтобы отложить дебаты о революционных убийствах [12, стб. 1714–1715]. Наконец, 15 мая 1907 г. они официально объявили о своем решительном и безоговорочном отказе голосовать за резолюцию «о порицании убийств, террора и насильий» [14, стб. 608–610].

Ситуация для кадетов усугублялась переговорами с П.А. Столыпиным о легализации кадетской партии и условием сохранения II Думы взамен за осуждение революционного террора. Милюков должен был опубликовать в партийной газете «Речь» статью с осуждением политических убийств, но после разговора с Петрункевичем, который был категорически против подобной уступки, мотивировав это тем, что «Вы губите собственную репутацию, а за собой потянете и всю партию», отказался печатать подобную статью [15, с. 430–432].

Следовательно, радикализация политической жизни России была удобна кадетам, так как угроза усиления революции могла заставить власть идти на уступки. Таким образом, становится ясно, что, несмотря на все уверения кадетов, что будто бы они действуют в соответствии с законом, эта партия не могла заставить себя публично отречься от политических убийств.

По результатам работы II Государственной думы князь Е.Н. Трубецкой изменил свое отношение к «Союзу 17 октября», поскольку «в Думе второго созыва нельзя было отметить уклонений этой партии от строго-конституционной линии», так как парламентская фракция октябристов высказывалась «против военно-полевых судов» [8, с. 164].

Таким образом, умеренные и консервативные либералы во II Думе не отказывались от жесткой критики правительственного террора, потому что насилие со стороны государства препятствовало установлению уважения к праву и добровольному подчинению закону. Но, с другой стороны, осуждались и всякие террористические акты революционеров: экспроприации, убийства, вооруженные восстания и т. д., поскольку такая революционная деятельность – вредное и преступное проявление насилия, торжество которого может привести лишь к поклонению грубой силой и создать почву для новых насилий. Только путь конституционной борьбы представлялся им перспективным в борьбе за установление в стране законности и порядка.

Примечательно, что правый («черносотенный») террор практически все либералы осуждали, особенно кадеты. Поэтому не случайно черносотенцы избрали объектами индивидуального террора представителей либерального течения. Известно, что нападению черносотенцев подвергся лидер кадетов П.Н. Милюков. Но наиболее на шумевшими террористическими актами черносотенцев были убийства двух членов ЦК кадетской партии – М.Я. Герценштейна и Г.Б. Иоллоса. Обе жертвы олицетворяли для черносотенцев ненавистного врага: они были либералами, бывшими депутатами «мятежной» I Государственной думы, подписавшими Выборгское воззвание, и евреями. Не удивительно, что кадеты уже изначально в своем законопроекте по вопросу амнистии оговаривались, что «в основе проекта об амнистии лежит мысль, что от наказания должны быть освобождены те, кто стремится к цели, признаваемой нами ныне справедливой. Сюда подходят как деяния, направленные к изменению политического, так и деяния, направленные к изменению экономического строя. Ничего общего не имеют с оправдываемыми, с нашей точки зрения, целями избиения и грабежи, производимые из побуждений религиозной и национальной вражды... Распространение амнистии на лиц, учинивших погромы, явилось бы ничем не оправдываемым помилованием грабителей и насильников и – что главное – освобождением от кары их подстрекателей. А поскольку погромы являлись одним из средств борьбы правительства с освободительным движением, такая амнистия покрывала бы собой... противозаконные действия правительственных

агентов» [6, с. 488]. Стоит сказать, что и другие более консервативные либералы ограничивали требование политической амнистии в отношении убийц и грабителей, например, лозунгом: «Нет амнистии преступникам, пролившим человеческую кровь и собирающимся ее проливать! Их место в тюрьме и каторге, как и всех уголовных преступников, а не среди мирного населения! Этого требует общественная безопасность и здравая логика! Это необходимо!» [16, с. 129], но они старались, в отличие от кадетов, не делать различий в направлениях террора и исключений для кого-либо.

3 июня 1907 г. Николай II распустил II Думу и изменил избирательный закон. Пророчески прозвучали слова октябриста М.А. Стаховича: «Помните, господа, что если Государственная дума не осудит политических убийств, то она совершит его – над собою» [14, стб. 756]. Со второй половины 1907 г. обнаруживается охлаждение всего либерального лагеря к революционерам вообще и к террору в особенности. Постепенно путь террора становится непривлекательным и для общества, поскольку вакханалия убийств и ограблений способствовала «дегероизации» террористов. В итоге общество осознало бесперспективность и крайнюю неэффективность пути террора в борьбе с государством за выполнение своих требований. Власть пошла на некоторые уступки и предоставила политические права и свободы населению. Даже в условиях окончания революции Николай II не стал полностью ликвидировать Государственную думу, ограничившись лишь изменением механизма ее избрания. Постепенно террор практически полностью уходит из жизни и политической борьбы, так как проведенные властью реформы позволили общественному недовольству найти легальные пути для своего выражения и возможности самореализации.

Значение террора в истории России трудно переоценить. Терроризм своеобразно и идейно «воспитывал» русское общество [17, с. 354]. Проблема отношения к различным видам террора и оценки этого явления, по сути, расколола либералов. Если для «демократического» либерализма (например, кадетов) это во многом было тактическим вопросом, то для умеренных и консервативных либералов любой террор никогда и ни при каких условиях не мог быть оправдан с нравственно-этической точки зрения, хотя это и приводило к косвенной критике правительства, которое вело борьбу с экстремистами, поскольку многие из них считали, что именно нежелание государства в проведении реформ и демократизации власти было источником, порождающим подобные методы борьбы,

а путь выхода из сложившегося положения виделся в созидательной деятельности Государственной думы, ориентации на поиски консенсуса, на согласование интересов различных слоев общества, создание широкого блока реформистских сил, проведение необходимых, с их точки зрения, преобразований, установление твердого и стабильного конституционного строя и т. д.

Библиографический список

1. Секиринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России: очерки истории (середина XIX – начало XX в.) М., 1995.
2. Гейфман А. Революционный террор в России. 1894–1917. М., 1997.
3. Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954.
4. Леонов М.И. Террор и смута в Российской империи начала XX в. // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2007. № 5 / 3 (55).
5. Политические партии России: история и современность. М., 2000.
6. Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп конституционно-демократической партии: в 6 т. Т. 1. М., 1994.
7. Государственная дума: Созыв первый. Сессия первая. Стенографические отчеты. Т. 1. СПб., 1906.
8. Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. 1906–1916 гг. Документы и материалы. М., 2002.
9. Государственная дума: Созыв первый. Сессия первая. Стенографические отчеты. Т. 2. СПб., 1906.
10. Милюков П.Н. Год борьбы. СПб., 1907.
11. Шелохаев В.В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983.
12. Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Т. 1. СПб., 1907.
13. Леонов М.И. «Заговор против императора» и II Государственная Дума // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2009. № 7 (73).
14. Государственная дума. Второй созыв. Стенографические отчеты. 1907 год. Сессия вторая. Т. 2. СПб., 1907.
15. Милюков П.Н. Воспоминания: в 2 т. Т. 1. Нью-Йорк, 1955.
16. Партии российских промышленников и предпринимателей: документы и материалы. 1905–1906 гг. М., 2004.
17. Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). М., 2000.

ОБСУЖДЕНИЕ ЗАКОНОПРОЕКТА О РЕФОРМЕ МЕСТНОГО СУДА В III ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

Законопроект о реформе местного суда, бывший частью столыпинской программы реформ, направленных на оформление конституционной монархии [5, с. 24], 1 ноября 1907 г. был представлен в III Государственную думу и 27 января 1908 г. оглашен в общем собрании Думы, по постановлению которой передан в комиссию по судебным реформам. Доклад комиссии был внесен в общее собрание 20 сентября 1909 г. Обсуждение законопроекта проходило с 30 октября 1909 г. по 31 марта 1910 г. Одной из основных проблем, по словам В.И. Герье, был дуализм, существовавший в судебной системе России: наряду с судьями, судящими по писаным законам, существовал собственно крестьянский волостной суд, руководствующийся обычным правом [1, с. 42].

Докладчиком Комиссии по судебным реформам был ее председатель, член фракции «Союза 17 октября» [3, с. 16, 36] депутат Н.П. Шубинской. По его словам, несмотря на объемность законопроекта, его главная суть в том, что предстоит восстановить институт мировых судей в том объеме, в котором он был введен в годы Великих реформ 1860-х гг. [2, с. 1024 и 1026]. Волостные же суды председатель комиссии по судебным реформам критикует, упрекая их членов в недобросовестности и малограмотности. Волостной суд для Шубинского – это и не суд вовсе [2, с. 1029], он предлагает упразднить его. Земских начальников он вообще назвал гувернерами при волостных судах [2, с. 1026 и 1034].

Стоит также отметить, что в отличие от кадета Гессена, докладывавшего по тому же законопроекту, октябрист Шубинской вовсе не считает изъяном в правительственном законопроекте то, что для мировых судей требуется имущественный ценз. Напротив, он говорит о нем как «о важном придатке» для мировых судей [2, с. 1035], т. к. только человек, обладающий имущественным цензом, знает все тяготы домовладательства и землевладательства, а значит, не будет простым кабинетным работником.

Однако Комиссия решила все же ограничить имущественный ценз, и внесла в правительственный законопроект поправку следующего содержания: лица, прожившие в данной местности 5 лет, вовсе освобождались от имущественного ценза. Но это мнение вовсе не было единодушным. Подобно тому, как и во II Госдуме, в 3-м созыве в Комиссии вызвал дискус-

сию вопрос об апелляционной инстанции для мировых судей. Комиссия III Думы согласилась с правительством, что председатель апелляционной инстанции будет назначаться министерством [2, с. 1036–1037].

Если Комиссия по преобразованию местного суда II Государственной думы во главе с Гессеном высказалась за полную отмену обычного права, то Комиссия по судебным реформам III Государственной думы во главе с Шубинским высказалась за сохранение его в наследственных и семейственных делах [2, с. 1038].

Далее слово было предоставлено министру юстиции – Щегловитову. Министр говорил в полном единодушии с докладчиком. Критикуя волостной суд, министр говорит, что эта инстанция пользуется в народе лишь презрением, что судьями становятся худшие из крестьян, так как лучшие не бросят своего хозяйства. При этом Щегловитов подвергает сомнению существование у крестьян того времени обычного права [2, с. 1048–1051].

По-мнению исследователя реформы местного суда начала XX века Р.В. Терентьева, правительство вводило имущественный ценз, руководствуясь политическими соображениями, т. к. не хотело допустить в судьи те слои населения, что были сторонниками оппозиции [6, с. 88–89]. Это же подтверждается процитированной депутатом М.Д. Чельшовым запиской Министерства юстиции [2, с. 1067–1068].

При обсуждении законопроекта в Думе выделилось несколько точек зрения. Правые, националисты и часть октябристов высказались за сохранение волостного суда и преобразование его по подобию гминного суда Привислинского края. Резко критиковался ими имущественный ценз.

Сразу после министра выступил депутат от Самарской губернии октябрист [3, с. 16] М.Д. Чельшов. В ответ на бесцеремонную критику волостного суда он обвинил правительство в недостаточном финансировании крестьянских волостных судов. Крестьянство всегда исправно платило налоги, однако на эти деньги не учили и не образовывали крестьян. Вместо этого правительство обогащает чиновников, поддерживает винокуренных заводчиков. По словам М.Д. Чельшова, даже если поставить в такие же финансовые условия городских просвещенных судей, в какие поставлены крестьянские суды, они будут судить не лучше. Правительство вовсе не советуется с многомиллионной массой крестьян, отменяя волостные суды [2, с. 1059–1061].

На порядок выборов мирового судьи и на земское самоуправление октябрист М.Д. Чельшов имел воззрения, не совпадающие ни с правительством, ни с большинством своей фракции: «Нам говорят, что исходя из правильных принципов, суд надо сделать выборным, но каким

выборным? Во-первых, кто будет выбирать? То земство, которое сейчас имеется? Гг. да ведь вы знаете, из кого оно состоит. В земство крестьянин допущен только для запаха» [2, с. 1062]. Чельшов также не соглашается с единоличностью местного суда, говоря, что единоличный судья – тот же чиновник, выступает депутат и против имущественного ценза, и вообще, по его словам, «весь этот законопроект направлен на то, чтобы судьями могли быть лица других сословий, но никак не крестьянского» [2, с. 1063].

Далее Чельшов зачитал обращение 45 крестьян-депутатов Государственной думы, написанное в Комиссию по судебным реформам, где те прямо говорят, что крестьянам заказан путь в такой мировой суд. Депутаты-крестьяне предложили, чтобы местный суд был коллегиальным и состоял из двух местных жителей с низшим образованием, а председател – местный житель со средним или высшим образованием. В пример ставились гминные и верхне-крестьянские суды в Царстве Польском и Прибалтике, где председателем был, как правило, помещик, а двумя заседателями крестьяне [2, с. 1066–1067].

Правый депутат от Волынской губернии М.С. Андрейчук высказался в защиту волостного суда, говоря, что среди мировых судей также есть пьяницы и взяточники [2, с. 1075]. Он говорил о необходимости преобразования волостного суда, написания для него законов, создания для него нормального материального обеспечения [2, с. 1077].

Националист Н.И. Крылов указал на отдаленность мировых судей, т. к. один судья предполагался на несколько волостей. Кроме того, у мирового судьи нужно будет платить пошлину [2, с. 1082–1083]. Примерно то же в своих речах сказали правые депутаты – старший товарищ секретаря Госдумы Замысловский, Данилюк и Шечков.

Член фракции националистов, избранный от православных Люблинской и Седлецкой губерний, епископ Евлогий заявил, что между народом и интеллигенцией лежит глубокая пропасть. Следовательно, отдавать суд в руки интеллигенции нельзя [2, с. 1270].

Если правые избегали критики волостного суда и земских начальников, то кадеты и прогрессисты критиковали их по всем пунктам. Прогрессист А.М. Масленников безоговорочно поддержал ликвидацию волостных судов и института земских начальников, назвав эти два учреждения сиаемскими близнецами [2, с. 1088]. Он подчеркивает, что имущественный ценз не требуется даже для министра, так зачем же требовать его для мировых судей [2, с. 1092]. Говорит прогрессист и о необходимости сначала демократизировать земство, а уж потом вводить мировой суд, иначе нынеш-

нее земство сделает мировыми судьями тех же земских начальников [2, с. 1095].

Главным критиком положений правительственного законопроекта стал кадет К.К. Черносивтов. Главной претензией его к законопроекту было то, что мировые судьи отдавались под надзор министра юстиции, а также то, что Министерство юстиции посылало на их съезд своего чиновника – коронного председателя [2, с. 1102]. Недоволен был Черносивтов и тем, что надзор за мировыми судьями поручается не только особому присутствию Правительствующего Сената, но и различным учреждениям при окружных судах и судебных палатах. Ограничивает несменяемость мировых судей, по мнению кадета, еще и то, что судью можно сместить, если судья не только делом, у него разбиравшимся, но и своим поведением заставил сомневаться в своей беспристрастности, его можно сместить, и в течение трех лет после этого он не может выставлять свою кандидатуру, для избрания на должность мирового судьи. Доказывает он и то, что имущественный ценз не обеспечивает судьям ни независимости, ни беспристрастности [2, с. 1103–1106, 1108–1109, 1136–1140]. Черносивтов также потребовал не распространять запрет занимать должности мировых судей на лиц, осужденных по политическим статьям [2, с. 1141–1143].

Свою речь Черносивтов закончил словами: «Господа, если вы хотите образовать самостоятельный суд, то не отдавайте его в руки министра юстиции, отданный в руки министра юстиции, этот суд будет не только плохой, это будет синоним никуда не годного суда» [2, с. 1151].

По поводу законопроекта выступал и правый кадет, московский адвокат В.А. Маклаков. В первую очередь он сказал, что, несмотря на то, что он является противником волостного суда, вполне понятно, почему у него столько защитников. Он также прямо заявил: «Покуда вы идею бессловного суда втискиваете в нашу жизнь, построенную на сословном начале, создастся то, что эта реформа покажется не триумфом бессловного начала, а подчинением одного сословия другому, подчинения крестьянства дворянству» [2, с. 1205–1206]. Поэтому необходима сначала демократизация земства. Но т. к. земская реформа пройдет нескоро, а деревню без суда оставить нельзя, необходимо выбирать судей собраниями избирателей вплоть до осуществления демократизации земства [2, с. 1206].

В вопросе же имущественного ценза, по сути дела, Маклаков обвинил правительство в двойных стандартах, говоря, что когда министерство назначает судей окружных судов и прочих высших инстанций, оно не требует никаких цензов. Наличие недвижимой собственности вовсе не является доказательством состоятельности и независимости судьи, ведь

эта собственность может быть заложена и перезаложена – вот главный аргумент Маклакова против имущественного ценза [2, с. 1209–1211]. Однако кадеты предлагали одобрить законопроект, надеясь внести в него поправки при постатейном втором чтении.

От Трудовой группы выступали Н.Я. Ляхницкий, А.И. Шило, А.А. Булат, Г.Е. Рожков. Ляхницкий прямо заявил, что уничтожение волостного суда – правильно. Однако пороки волостного суда не в том, что крестьянские судьи – пьяницы, как сказал докладчик Шубинской, а в его плохой организованности, в подчинении его земскому начальнику, в его зависимости от волостного писаря, в отсутствии писаного закона. Трудовик ясно заявил, что самостоятельность местного населения – то начало, которое нужно сохранить, и, отменяя волостной суд, не выплескивать с водою ребенка. Н.Я. Ляхницкий также говорил, что Трудовая группа обсуждала со своими избирателями вопрос о том, каким должен быть местный суд. Трудовики выступили за то, чтобы мировой судья был избираем населением участка. Ляхницкий ссылаясь на проведенное Трудовой группой анкетирование в 65 губерниях. По его данным, 72 % высказалось за избрание его населением, 28 % – за избрание домохозяевами, и лишь 4 % – за избрание земством. Трудовики выступали за отмену всех цензов, кроме образовательного, требуя непременно юридического образования или сдачи экзамена. При этом они были не против того, чтобы право быть мировыми судьями распространилось и на женщин. Мировой суд должен быть непременно коллегиальным (в анкетировании, проведенном трудовиками, за это высказалось 92 %). Трудовики предполагали участие в нем мировых заседателей, при этом их участие должно было бы оплачиваться [2, с. 1285–1295].

Трудовик А.А., Булат, подобно правым, ставит в пример организации местного суда – польский гминный суд [2, с. 1412]. При этом стенограмма ясно зафиксировала: Булату аплодировали не только на левых, но и на некоторых правых скамьях [2, с. 1412]. Подобно правым, трудовики требовали вернуть законопроект в комиссию на доработку.

Один из лидеров трудовиков Г.Е. Рожков прямо спросил: могут ли люди одного образования, но с разным имущественным цензом отличаться умственными способностями? Он подытожил выступления членов Трудовой группы тем, что зачитал их предложения: мировые судьи должны избираться на три года всем населением обоого пола мирового участка, из граждан обоого пола в возрасте от 25 лет, с высшим юридическим образованием или выдержавших соответствующее испытание. Также предполагался оплачиваемый институт мировых заседателей с

решающим голосом при рассмотрении всех дел, как уголовных, так и гражданских. Судопроизводство должно было вестись на местном языке [2, с. 1469, 1771].

Достаточно сдержанно отреагировали на реформу социал-демократы. Депутат Т.О. Белоусов сказал, что все реформы правительства нужно оценивать с классовых позиций. Однако по сути законопроекта сказал только то, что понимает, зачем власть и проправительственные партии настаивают на имущественном цензе. Только судья-землевладелец «несомненно создаст такой приговор, попросту покажет кузькину мать» [2, с. 1436]. Он сказал, что, судя по законопроекту, «судьями будут... или далекие по своему классовому положению от интересов демократии, или враждебно относящиеся к неимущим, и судьи по назначению» [2, с. 1578]. Кроме того, от имени социал-демократической фракции Белоусов также поддержал коллегиальное устройство местного суда.

Трудно согласиться с утверждением Терентьева, что фракцию октябристов можно отнести к безусловным сторонникам законопроекта [6, с. 94]. Среди октябристов не было единства. И показала это не только речь Чельшова, но и выступление С.В. Андропова, который высказал мнение, что мировых судей нужно назначать, а не выбирать [2, с. 1185–1186]. Его мнение вполне поддержал октябрист А.З. Танцов [2, с. 1224]. Октябрист Н.И. Капустин выступил против упразднения волостного суда [2, с. 1196]. Но большинство фракции «Союз 17 октября» поддерживало правительство.

Рассмотрение в Думе законопроекта о реформе местного суда характеризуется тем, что критиковался он как справа, так и слева. При этом и те, и другие выступали под вполне демократическими лозунгами. Оба крайних течения сходились в том, что при такой организации местного суда непременно будут ущемлены права крестьянского населения, т. к. крестьяне не смогут стать судьями. И те и другие сходились в том, что необходимо отменить имущественный ценз, а местный суд сделать коллегиальным по образцу гминного: председатель – с высшим образованием, а заседатели – простые крестьяне. Несколько раз в выступлениях представители двух крайних течений с удивлением говорили о своем согласии. Пуришкевич сказал, что согласен с кадетом Маклаковым, что законопроект нуждается в переработке [2, с. 1277]. Позиция левых вполне понятна. Для них было неприемлемо то, что данный закон не допускает в судьи демократические слои населения. У правых же были различные мотивы не поддерживать столыпинскую судебную реформу. Правые крестьяне, так же как и левые, защищали свои классовые инте-

ресы, правые дворяне были противниками данной реформы, т. к. для них был неприемлем курс П.А. Столыпина на построение правового государства [4, с. 88].

Стоит также отметить, что та организация суда, которую защищали социалисты и правые, затем будет воплощена в советской судебной системе. С этой точкой зрения соглашается и Р.В. Терентьев, говоря, что такое представление о справедливости – основа для упрочнения власти большевиков после 1917 г., основанной на диктатуре большинства над меньшинством [6, с. 93]. При этом, как видно из приведенного выше, ближе всех к советской форме организации суда оказались трудовики, требующие обязательного юридического образования для судьи-председателя.

Библиографический список

1. Герье В.И. Значение Третьей Государственной думы в Истории России. М., 1912.
2. Государственная дума. Третий созыв. Сессия третья. Стенографические отчеты. Ч. 1. СПб., 1910.
3. Государственная дума. Третий созыв. Сессия третья. Указатель к стенографическим отчетам. СПб., 1910. С. 16, 36
4. Дорошенко А.А. Правые в Государственной думе Российской империи. Самара, 2004.
5. Кабытов П.С. Столыпин и Государственная дума // Государственная дума Российской империи: традиции прошлого и настоящее. Пенза, 2006.
6. Терентьев Р.В. Реформа местного суда в России в начале XX в.: Историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005.

СЕКЦИЯ III.

**ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ИСТОРИИ РОССИИ
XVII – СЕРЕДИНЫ XX ВЕКОВ**

ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ ОБЩЕСТВО В ФОРМИРОВАНИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ОКРУГИ ПОНИЗОВЫХ ГОРОДОВ В XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВВ. (НА ПРИМЕРЕ САМАРЫ)

Вопрос о тесном хозяйственном взаимодействии русского средневекового города с прилегающей к нему сельской округой, окружающим крестьянским «миром» до настоящего времени сохраняет свою актуальность и значимость. Городские окраины плавно перетекали в пахотные земли, сенокосные и лесные угодья, конские и «скотские» выпасы. Жители предместий нередко занимались сельским хозяйством едва ли не в той же степени, что и крестьяне окружающих селений. Горожане упражнялись в огородничестве, садоводстве, имели приусадебные участки [1, с. 176–179; 2, с. 299]. В частности, самарские огороды находились «за городом, за Вознесенскою слободою» [3, д. 59, л. 18об.]. Среди надворных построек постоянно упоминаются конюшни, коровники и т. д. Жилая застройка Самары была опоясана широким кольцом огородов, конских и скотских выпасов. Конские табуны пасли на волжских островах, в пойменных лугах «Самарского урочища», в междуречье, у «надолб». Неоднократно эти табуны подвергались нападениям кочевников, порой их воровски отгоняли [4, д. 1, л. 530, 533]. Отдельные участки таких выпасов, «сенных покосов» могли находиться во владении одной семьи. Например, в начале 1680-х гг. «самаренин» Кирилл Чигров владел «...отцовскими сенными покосами за Самарою рекою» [3, д. 230, л. 240, 462]. Далее за выпасами находились леса для общего пользования – дровяники и т. д. В эту пригородную сельскохозяйственную округу входили: «Самарское урочище», острова по рекам Волге и Самаре, лесные и степные пространства – вплоть до современных Студеного оврага и Семейкинского леса.

Интерес к землям, окружающим город, проявлялся у представителей всех групп местного населения. Для значительной части местных жителей, церковных корпораций это была реальная возможность экономического выживания, обеспечения своих жизненных потребностей. Власти городских монастырей всеми правдами и неправдами добивались вотчинной земли в пределах своего уезда. Дворяне и дети боярские, составлявшие служилый город, здесь же

«испомещались» дачами. Иноземцы и приборные люди при каждом удобном случае пытались также приобрести земли и уголья. Если для жителей внутренних русских городов препятствием для таких раздач являлся, прежде всего, недостаток удобных земель, то в пограничье, на окраинах государства трудности складывания сельской округи объяснялись другими причинами. В зоне фронта, непосредственного соприкосновения с кочевьями степняков, сельское расселение было возможно только под защитой засечных линий, военных гарнизонов. Государство нередко не имело возможностей в кратчайшие сроки создать такую систему. Так, на юго-востоке Европейской России у многих городов, возникших, прежде всего, как крепости, перевалочные пункты на волжском транзитном пути, не имелось своей земледельческой округи, уездов с разветвленной системой сельских поселений (Астрахань, Саратов, Царицын, Черный Яр, отчасти Самара и другие) [5, с. 227].

Военизированное и немногочисленное посадское население таких городов могло обеспечить свои экономические потребности только обслуживанием волжского судоходства, караванных дорог из Средней Азии, рыболовецких и других местных промыслов. Саратов, например, смог обзавестись земледельческой округой только в первой половине XVIII в., а Царицын и Астрахань и того позже. Счастливым исключением в этом ряду стала Самара, вскоре после завершения Смуты обретшая свой уезд на территории Самарской Луки. В данном случае произошло достаточно парадоксальное явление: город и горожане сами создавали свой уезд, в значительной степени способствовали его заселению, формированию различных форм землевладения, типов хозяйствования. Там, на сравнительно локальном пространстве, под контролем местных воевод начал складываться земледельческо-промысловый район с постоянными сельскими поселениями и оседлыми жителями. Первое известное нам упоминание о Самарском уезде появилось во второй половине 1620-х гг. [6, д. 562, л. 114–116; 7, с. 955–959] Трудно судить о размерах его территории. На всем протяжении XVII в. «под Самарой» находилось население, размещавшееся в восточной и центральной части Самарской Луки, до границ с Надеинским Усольем (примерно по линии между современными с. Брусяны – г. Жигулевск). Кроме того, самарская администрация ведала волжскими рыбными ловлями и примыкающими к ним незаселенными землями от «Атрубы», напротив современного Тольятти (Ставрополя), и до устья

Большого Иргиза. Как далеко простиралась власть местных воевод в Заволжье, выявить невозможно. Такая неупорядоченность границ была обычной для уездов, находившихся в окраинных и мало-заселенных районах России. Администрация Самары, хотя и ограниченная жесткими рамками правительственной регламентации, могла практически полновластно распоряжаться на вверенной ей территории.

Сельское расселение происходило только на Правобережье (Самарской Луке). Плодороднейшие земли Заволжья до начала XVIII в. практически не осваивались. В 1688 г. к Самаре приписали по государеву указу 120000 десятин земли на левом «степном» берегу Волги. К началу XVIII в. эти угодья наконец-то были размежеваны. Вокруг города, в междуречье рек Самары и Сока, начала складываться сельскохозяйственная округа, состоявшая из небольших участков пашни, «конских и скотских выпасов», лесных и промысловых угодий. Однако всерьез заниматься здесь земледелием городское население не могло [8, д. 63]. Освоению Заволжья, прежде всего, препятствовала угроза нападения кочевников. Самарские служилые люди в большинстве своем предпочитали устойчивое денежное и хлебное государево жалованье поместным «дачам» на опасных землях.

Почти всеми удобными для земледелия «подгорными» землями восточной части Луки уже в начале XVII в. завладел самарский мужской Спасо-Преображенский монастырь. В его вотчине расположились крупнейшие селения уезда – Рождествено, Подгоры, Новинки и др.; возник крупный сельскохозяйственно-промысловый район. Позднее, в начале 1670-х гг., все эти владения отошли в дворцовое ведомство [9, с. 23–24].

Первые сведения о появлении поместий служилых людей по отечеству на территории Самарского уезда относятся к началу 1640-х гг. [10, с. 336–338; 9, с. 23–24]. В 1643 г. М. Филитов получил 30 четвертей земли в прибрежной части Ширяевского оврага и поселил там д. Ширяев Буерак [11, д. 3609, л. 198–198об.]. Еще одному сыну боярскому В. Порецкому в межгорных долинах на севере и юге Луки дали землю в поместье (100 четв. и сенные покосы) в 1644 г., где он основал д. Моркваши и Осиновый Буерак [12, д. 67, л. 99]. Но только в конце XVII – начале XVIII в. наблюдается повышенная активность самарских дворян и детей боярских, стремившихся заменить причитавшееся им хлебное и денежное жалованье помест-

ным окладом. Такой резко усилившийся интерес провинциальных служилых людей к земле можно объяснить изменением ситуации, сложившейся в южных районах Средневолжья. Граница оседлого земледельческого расселения на Правобережье охватывает Самарскую Луку и уходит дальше на юг, к Саратову. На Левобережье пока еще робко поток переселенцев переваливает через Закамскую линию, через «вал» и шаг за шагом начинает осваивать земли к югу от р. Б. Черемшан, прибрежную полосу Волги, среднее течение Сока. Правительство, заинтересованное в том, чтобы посадить служилых людей окраинных городов на землю, рассылало в местные приказные избы указы с требованием найти удобные для испомещения земли.

Однако удобной и безопасной земли для такого испомещения на Правобережье почти не было. В описаниях земельных угодий (1697 г.) традиционно говорилось: «... в Самарском де уезде на нагорной стороне порозжих земель для селидьбы... нет, вся в дачах. А на луговой стороне в степи за Самарою посадить... от приходу воинских людей опасно» [13, д. 10845, л. 1]. И все же владения самарских помещиков на Луке продолжали расти. Так, в 1693 г. получают в поместье: И. Кротков – 50 чет. «примерной» земли, И. Перфильев и С. Исаков – 100 чет. [12, д. 66, л. 83–85]; в 1684 гг. из наследства А. Кроткова в д. Мордове получает 9 чет. его дочь Ульяна [12, д. 66, л. 166]. Однако к концу XVII – началу XVIII в. случаи наделения землей на Самарской Луке становятся все более редкими. Часто они сопровождаются попыткой обмануть местные власти и ввести их в заблуждение. Например, в 1702 г. по челобитью самарцев Ивана и Трифона Вотмоновых им дали: Ивану 50, а Трифону 30 чет. пахотной земли и по 500 копен сена рядом с «новодесятинной пашней» у Брусянского оврага. При проверке документов одного из Вотмоновых в 1723 г. на пожалованную его родственникам землю выяснилось, что в 1703 г. глава приказа Казанского дворца Б.А. Голицын запретил их испомещать, а все излишние земли велел приписать к новодесятинной пашне «в прибыль». Это указание и было выполнено, но только в 1723 г. [14, д. 1407, л. 66–73].

В 1704 г. на земле запустевшей чувашской д. Винновки («Высокая Поляна тож») поселили своих крестьян и посеяли хлеб самарские дворяне Я. и К. Племянниковы, Б. и П. Бронсковы (Бронские). Эта акция со стороны местных помещиков также была не санкционирована уездными властями, и поэтому в 1705 г. началось

расследование. В итоге владельцам было велено освободить самовольно занятую землю и выселить с нее своих крестьян [13, д. 10847, л. 1–10б.].

Выборочная сверка данных переписной книги 1702 г., составленной приказными людьми Генерального двора в с. Преображенском, о поместном землевладении дворян и детей боярских Самары с совпадающими с ней хронологически другими документами этого же учреждения («Алфавитными указателями ...» и «Книгами сборными с даточных людей...») показала, что они в значительной степени уточняют и дополняют данные переписной книги [13, д. 10847, л. 1002об.]. Нередко отдельные самарские дворяне, не владея землей в своем уезде, получали ее в смежных уездах Среднего Поволжья. Например, Д. П. Топорнин имел такие владения с 6 крестьянскими дворами в с. Манакове Симбирского уезда; И.Б. и М.Б.Ленивцовы – 4 двора в д. Ивановке Симбирского уезда и т. д. [15, д. 5039, л. 140об.].

В целом местные служилые люди, если судить по количеству дворов им принадлежащих, относились к группе мелких землевладельцев.

В сводной ведомости 1 ревизии (1719 г.) по Самарскому уезду указаны 7 селений с помещичьими крестьянами, из которых в одном самом крупном – с. Моркваши – жили вместе дворцовые и помещичьи крестьяне. За исключением с. Осиновки, все они располагались на волжском побережье, занимая окраинные, по сравнению с дворцовыми и монастырскими вотчинами, территории. Всего показано 25 владельцев, в среднем на одного приходилось по 21,7 душ м.п. Самым богатым из помещиков был Г.М. Воейков, владевший в с. Ермаково 125 д.м.п. На втором месте находился И.Г. Порецкий (с. Осиновка, 93 д.м.п.). Значительно уступали им И.Г. Порецкий (35 д.м.п.), А.Н. Кольцов (32 д.м.п.) и П.Г. Филитов (Филатов?) (32 д.м.п.). За исключением этих 5 помещиков, владевших 58,5 % всех помещичьих крестьян (317 д.м.п.), на долю остальных 20 в среднем приходилось по 11,3 д.м.п. Только в Осиновке и Кольцовке состояло по 1 владельцу-помещику, в Мордове – 2, в Морквашах – 8 (и еще дворцовое ведомство), в Ермаково – 6, в Ширяево – 7. Большинство из многочисленных собственников, бывших наследниками первых владельцев, перероднились между собой. Складывались кланы помещиков. Например, в Морквашах трое Ярцовых владело 39 д.м.п., трое Чириковых – 62 д.м.п., двое Бронских – 20 д.м.п. В Ермаково

трое Филитовых (Филатовых) – 55 д.м.п. Среди помещиков указаны 4 женщины (вдовы), которым принадлежали 41 д.м.п.

Помимо служилых людей по отечеству, интерес к получению земель проявляли представители и других групп самарского гарнизона, прежде всего так называемые иноземцы. В 1697 г. в ответ на указную грамоту из Москву с требованием испоместить 72 служивших по Самаре иноземцев местный воевода И. Колюбакин писал об отсутствии удобных для поселения земель [13, д. 10845, л. 1]. Сами иноземцы также считали, что «в Самарском де уезде порозжей земли ныне нет, а которая де самарская порозжая земля была, и на той земле от Сызрану вверх по Волге реке построена Вознесенского монастыря слобода, а от той слободы вверх ж Волгою рекою на Печерских горах построена станишная слобода к городу Синбирску...» [13, д. 0845, л. 2]. Составители этого дела приходят к выводу, что испоместить такое количество иноземцев, или даже часть из них, в Самарском уезде невозможно. Характерно, что обозримые границы удобного для наделения землей района, судя по вышеприведенному тексту, простираются на запад до Печерской и Городищенской (сегодняшний г. Октябрьск) слобод, то есть охватывают территорию всей большой Самарской Луки (граница на западе – Сызрань-Усолье).

Как и на других окраинных территориях, в Самарском уезде в XVII в. появляется так называемая «десятинная пашня». Ее должны были обрабатывать местные государственные и дворцовые крестьяне; урожай с нее шел для обеспечения местного гарнизона и других нужд. Первые сведения о десятинной пашне появляются в 1650 г., когда «дворцовые крестьяне Иван Опара с товарищи» подали челобитную самарскому воеводе И.А. Головачеву, в которой говорилось о том, что поселили их у р. Брусяны «на новодесятинной государевой пашенной земле своими дворами» [11, д. 3609, л. 198]. Видимо, через некоторое время эта пашня была заброшена и возобновлена вновь в начале 1670-х гг., когда самарскому воеводе В. Эверлакову в 1671 г. было поручено «десятинную пашню завести вновь». Еще в одном документе, уже в 1677 г., было «велено в дворцовых самарских селах... и у десятинной пашни быть жильцу Даниле Аккерменеву». Об этом же свидетельствуют споры, разгоревшиеся несколько между уездными и монастырскими (Надеинского Усолья) властями, по вопросу размещения новодесятинной пашни, для которой было подыскано место в окрестностях Брусянского

оврага [13, д. 10845]. По данным писцовых книг Самарского уезда 1684–1685 гг., ее размеры составляли 120 десятин в 3 полях; сами крестьяне сообщали о 500 десятинах «а в дву потому ж» [14, д. 1407, л. 64об.]. Последняя цифра, скорее всего, завышена. Первоначально эту повинность должно было нести все население дворцовых сел и деревень – русских, мордовских и чувашских; затем только русских. Обрабатывать брусянскую десятинную пашню действительно было тяжело, прежде всего из-за дальности. Крестьяне сообщали, что они вынуждены были постоянно жить у этой пашни (д. Брусяна); не могут ее хорошо обрабатывать, многие из них разорились от этой повинности. В 1711 г. они подали челобитную о том, что «разбредлись врозь». Это, скорее всего, отражало реальную ситуацию. В том же 1711 г. их освободили от данной повинности, а землю у Брусянского ключа передали в оброчное пользование [14, д. 1407, л. 64об.].

Таким образом, сельскохозяйственное производство смогла наладить лишь небольшая группа жителей Самары. На протяжении всего XVII в. земледельческая округа не могла обеспечить городских жителей хлебом. Его приходилось завозить из других районов страны. Подавляющее большинство служивых людей в местных гарнизонах получало жалованье не земельными дачами, а деньгами и хлебом [16, с. 51–65].

Библиографический список

1. Шенников А.А. Поселения // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 1.
2. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2003. Т. 1.
3. Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 233. Оп. 1.
4. Там же. Ф. 119. Оп. 1.
5. Гераклитов А.А. Самара и Самарский уезд в XVII в. (по записным книгам Печатного приказа) // Классика самарского краеведения: антология. Вып. 1. Самара, 2006.
6. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 303 I.
7. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб., 1907. Т. 15.

8. Государственное учреждение Самарской области «Центральный государственный архив Самарской области». Ф. 873. Оп. 1.
9. Самарская Лука в XVI – начале XX вв. / Смирнов Ю.Н. [и др.]. Самара, 1995.
10. Дубман Э.Л. Дворяне и дети боярские Самары в конце XVII – начале XVIII века: состав и землевладение // Аграрная сфера в контексте российских модернизаций XVIII – XX веков: макро- и микро-процессы: сб. статей. Оренбург, 2010.
11. РГАДА. Ф. 396. Оп.2. Ч. 5.
12. Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН. Ф. 38. Оп. 1.
13. РГАДА. Ф. 281.
14. Там же. Ф. 1239. Оп.52.
15. Там же. Ф. 1209. Оп.4.
16. Окладная расходная роспись денежного и хлебного жалованья за 1681 год // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1893. Кн. 4.

Л.М. Артамонова

Самарская государственная академия культуры и искусств

**«ПРЕЖДЕ ДОЛЖНО УЧИНИТЬ СВОБОДНЫМИ ДУШИ,
А ПОТОМ УЖЕ ТЕЛА»: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ДЕЯТЕЛЕЙ 1780-Х ГОДОВ О ПРОСВЕЩЕНИИ КАК УСЛОВИИ
ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ РЕФОРМ**

150-летие отмены крепостного права, которое отмечается в этом году, подвигло научную общественность обратить более пристальное внимание как на проведение и последствия «Великой реформы», так и на ее предысторию. Путь к этому событию был долгим и нелегким. Он начался еще до начала 19-го столетия, причем не столько с реальных административных и законодательных шагов, сколько с идеальных представлений и перемен в сознании. Свой след на этом пути оставили идеи, рожденные в «эпоху Просвещения», которая в России ассоциируется с последней третью XVIII века и правлением Екатерины II.

Историю русской общественно-политической мысли не стоит рассматривать исключительно через призму трактатов мыслите-

лей, проектов публицистов, предложений сановников, манифестов правителей. Реальные дела политиков и события в государственной жизни сами по себе часто были насыщены богатым идейным содержанием, о котором могло не говориться прямо. Конечно, надо внимательно анализировать тексты законодательных актов, правительственных распоряжений, протоколов важных совещаний, воззваний или газетно-журнальных статей. Однако также необходимо прислушиваться к мнениям осведомленных участников или современников исторических деяний и происшествий, зафиксированным в мемуарах, дневниках, письмах.

Юная немецкая княжна Ангальт-Цербстская, будущая великая княгиня и царица Екатерина Алексеевна, появилась в далекой России вовсе не убежденной сторонницей идей французских просветителей. Ей таковой еще предстояло стать. Важнейшими в движении по этому пути стали два фактора: 1) культурный шок середины 1740-х гг. по приезде в Россию, где ее поразила отсталость и государственное неустройство; 2) личная драма и душевный перелом середины 1750-х гг., когда ее главными друзьями и советчиками стали книги, а целью жизни – самообразование, самовоспитание, самосознание, самостоятельность. Привязанность к новой родине, стремление помочь ей обрести более совершенные государственные порядки в совокупности с осознанием своего умственного и эмоционального превосходства над мужем и другими придворными в итоге породили в Екатерине жажду борьбы за власть, максимально полную внутреннюю и внешнюю свободу. Вместе с тем она почувствовала духовную связь со своими заочными наставниками, Вольтером и французскими энциклопедистами, стала ощущать себя «сочленом космополитической партии просветителей», а затем и была признана таковой своими идейными учителями [15, с. 4, 6, 7].

Просветительская самооценка и самоидентификация Екатерины II обязывали ее обращать внимание на положение рядовых подданных, в том числе зависимых людей. Историки, литературоведы, философы, то есть все, кому интересны взгляды и дела императрицы, давно обсуждают вопрос о том, насколько искренне она разделяла идеи эмансипации человеческой личности, упразднения рабства, крепостной зависимости и иных проявлений несвободы. При всех разногласиях большинство ученых согласно с тем, что «Екатерина прекрасно сознавала проблему крепостничества и не раз задумывалась над путями ее решения», а «своих намерений довести дело до

конца она не оставляла» никогда [6, с. 30]. Однако, «понимая всю бесчеловечную сущность крепостничества, Екатерина была убеждена, что Россия еще не готова к принятию иного общественного устройства» [8, с. 15].

Уже современники императрицы размышляли над тем, каковы были ее цели в крестьянском вопросе и что помешало принять для их достижения решительные меры. Смысл подобных рассуждений, мы считаем, точнее всего передал князь Федор Николаевич Голицын, который в 1809 г. оглядываясь назад: «Екатерина остановилась на той точке, которой перейти без большей опасности невозможно было: дать народу законную свободу, т.е. уничтожить собственность над крестьянами. О сем подумывали и в ее царствование, но исполнить не смели; да и трудно к сему приступить» [2, с. 286].

В первые годы царствования Екатерины II действительно шло непосредственное обсуждение хозяйственной, правовой, этической сторон крестьянского вопроса. Такое обсуждение инициировала сама императрица, объявив конкурс в Вольном Экономическом обществе, созвав Уложенную комиссию, разрешив открыть вольные типографии и издавать в них сатирические журналы.

Однако вскоре она поняла, что вступила на зыбкую почву и может лишиться всего: «Едва посмеешь сказать, что они (крепостные. – Л.А.) такие же люди, как мы, и даже когда я сама это говорю, я рискую тем, что в меня станут бросать камнями». Ее удивляло, как даже «невежественные дворяне, число которых было неизмеримо больше, чем я когда-либо могла предполагать», быстро догадывались, какие предполагаемые изменения «могут привести к некоторому изменению в настоящем положении земледельцев». Почувяв это, даже самые милые, добрые и услужливые люди «с негодованием и страстью» перечили государыне, защищая «дело рабства». Екатерина полагала, что среди российских дворян «не было и двадцати человек, которые бы по этому предмету мыслили гуманно и как люди» [4, с. 174–175].

Разговоры на фоне бездействия в крестьянском вопросе несли опасность и с другой стороны. Рухнули надежды низших сословий на улучшение своего положения в результате деятельности Уложенной комиссии и иных правительственных мероприятий. Это стало одной из причин их массового выступления на стороне Е.И. Пугачева.

Некоторые исследователи считали, что активность Екатерины в крестьянском вопросе не пережила драматических событий 1773–1775 гг. Так, В.В. Мавродин утверждал, что после подавления восста-

ния Пугачева на смену политике «просвещенного абсолютизма» пришло «время открытой дворянской реакции» [5, с. 395]. В реальности же эта активность переместилась в иную плоскость.

Осознав неготовность русского общества, особенно нежелание его верхов, к скорому и принципиальному решению крестьянского вопроса политическими мерами, Екатерина II перенесла свои абolicционистские намерения и ожидания в сферу образования и воспитания, т.е. просвещения в первоначальном и узком смысле этого слова. Российский «просвещенный» абсолютизм, который вовсе не исчез после Пугачевщины, начал в 1780-е гг. школьную реформу – самую просветительскую, на наш взгляд, в своей истории. Она заслуживает разностороннего рассмотрения. В данном же сообщении, прежде всего, хотелось остановиться на взглядах современников, которые увидели взаимосвязь реформы образования с идеей гражданских свобод, зародившейся и постепенно закрепившейся в русской общественно-политической мысли XVIII века.

Просвещение как необходимое условие освобождения и первый шаг к нему – частый мотив в сочинениях и западноевропейских мыслителей, даже весьма радикально настроенных. Г. Рейналь, выдвигавший революционные идеи и оказавший заметное влияние на А.Н. Радищева, тем не менее, из уроков восстания Пугачева делал вывод о необходимости в России предварить политическое освобождение духовным: «Едва эта знаменитая государыня взяла в руки бразды правления, как со всех сторон стало слышно, что она хотела бы царствовать над свободными людьми. В тот момент, когда стали обнаруживаться сии намерения, более ста тысяч крепостных подготовили мятеж против своих господ... Сие волнение, продолжение которого могло опрокинуть государство, заставило понять, что надобно было приручить медведей, прежде чем снять их оковы, а также, что хорошие законы и просвещение должны предшествовать свободе» [12, с. 204].

В книге Г. Рейналя, которую также частично дописывал и редактировал Д. Дидро, слышны отзвуки переписки Екатерины II с западноевропейскими просветителями о готовящейся школьной реформе. В мае 1780 г. она написала М. Гримму и другим корреспондентам о беседе с императором Иосифом II в Могилеве, после которой решила положить в основу этой реформы австрийские «нормальные» (образцовые. – Л.А.) школы, которые представлялись ей замечательным изобретением, к которым следовало бы только добавить «нормальных» учителей (Normalschulmeister) [10, с. 181].

Гримм и барон Дальберг тут же стали называть Екатерину II на смешанном французско-немецком жаргоне божественной или бессмертной «нормальной школьной учительницей» (divine, immortelle Normalschulmeisterin) [9, с. 42, 68]. Я.К. Грот ошибался, относя появление этого прозвища к 1784 г. [3, с. 27].

Гримм выражал надежды единомышленников, что «из этого выйдет великое благо: народы станут образованнее, смышленнее, разумнее; только большие негодяи или презренные плуты боятся таких народов; те же, кто рожден повелевать, предпочитают повелевать людям, а не зверям» [9, с. 68–69]. Именно тогда Екатерина II сочла необходимым сформулировать свое кредо и отречься от упомянутых Гриммом «плутов и негодяев», заявив, что уж ее-то никогда не испугает образованность народов [10, с. 193].

В соответствии с идеалами «века Просвещения» среди государственных деятелей, привлеченных к реализации школьной реформы, было распространено убеждение, что право на образование принадлежит к числу естественных прав. По мнению Осипа Петровича Козодавлева, «путь к просвещению... не долженствует быть возбранен ни единому человеку», включая «несвободных», то есть крепостных людей [13, с. 70, 71].

Насколько важное значение, выходящее за рамки школьных дел, придавала реформе сама императрица, свидетельствуют высказывания, зафиксированные в дневнике ее секретаря А.В. Храповицкого. Она считала, что заведение и утверждение народных училищ приведет к тому, что «в 60 лет все расколы исчезнут», а «невежество истребится само собой», при этом «разнообразные в России обычаи приведутся в согласие и исправятся нравы» [14, с. 2–3].

Еще дальше в объяснении планов императрицы, на которое не решалась она сама даже в беседах с доверенным секретарем, пошел генерал-майор, прокурор Военной коллегии И.Н. Болтин. Когда началась школьная реформа, он как раз писал свои «Примечания» на книгу Леклерка о России. В них провозглашалась не только теоретическая зависимость между идеями просвещения и свободы, но и практическая связь между школьной и крестьянской реформами: «Прежде должно учинить свободными души рабов, говорит Руссо, а потом уже тела. Мудрому сему правилу последовала великая Екатерина: желая снять узы с народов, скипетру ее подверженных, предначинает сие великое и достойное ее намерение освобождением душ их от тяжкой и мрачной неволи невежества и суеверия. Не на иной конец

устраиваются, по высочайшей ее воле, по всему государству училища для нижних чиновостояний, дабы приуготовить души юношества, в них воспитываемого, к восприятию сего великого и божественного дара, дабы учинить их достойными вольности и способными к снесению ее. Не могу сказать, какое из двух благоденствий есть вящее: то ли, чтоб дать вольность рабу, или то, чтоб открыть ему таинство учиниться счастливым, то есть, чтоб научить его употреблять вольность на пользу самого себя и вкупе на пользу ближнего и отечества. Боже, помоги делательнице премудрой и человеколюбивой то и другое совершить, и сподоби вкусити плоды трудов своих» [1, с. 236–237].

Книга Болтина была издана в России на русском языке и была обращена она не к европейским просветителям, а к образованной российской публике. Думала ли так, как он писал, сама императрица, с полной уверенностью сказать нельзя. Однако, безусловно, Болтин выразил мнение тех современников, кто подобным образом воспринимал стратегическую цель школьной реформы, видимо, имея на то основания. Без сомнения, Екатерина II не возражала, чтобы, по крайней мере, часть русского общества воспринимала появление народных училищ как первый шаг на пути отмены крепостного права. Более того, она отдала распоряжение напечатать книгу Болтина за государственный счет.

Характерно то, что в одном 1786 году наряду с «Уставом народным училищам в Российской Империи» вышел указ императрицы об отмене употребления слова «раб» в прошениях на высочайшее имя [11]. Считаю возможным дополнить объяснения этому решению, которые предлагают современные исследователи [7], предположением о его идейной связи со школьной реформой.

В преамбуле Устава народных училищ 1786 года социально-политические аспекты реформы были не заявлены, уступая место общим гуманитарным ценностям: «Воспитание, просвещая разум человека различными другими познаниями, украшает его душу; склоняя же волю к деланию добра, руководствует к жизни добродетельной и напояет наконец человека такими понятиями, которые ему в общежитии необходимо нужны». Однако в законе, безусловно, утверждались принципы всеобщей светской бесплатной школы с совместным обучением детей обоего пола и преподаванием на родном языке.

Тем самым Екатерина II задала загадку, не разрешимую в рамках узкого классового подхода. Можно ограничиться оценкой мероприя-

тий по созданию профессиональных и закрытых сословных учебных заведений в XVIII в. как соответствующих интересам самодержавного государства и господствующих слоев. Объяснить же подобным образом появление всесословных общеобразовательных народных училищ и трату казенных денег на обучение простонародья невозможно. Следует, видимо, внимательно прислушаться к представленным мнениям современников школьной реформы и признать наличие в ней глубоких модернизационных замыслов.

К такому выводу склоняет и историческая перспектива. Российский абсолютизм, начиная с Екатерины II, по сути, не переставал оставаться «просвещенным» в прямом смысле этого слова, т.е. понимающим необходимость широкого распространения образования и принимающим на себя ответственность за это дело. Создание общеобразовательной школы в масштабах государства смогло не только закрепить результаты уже проведенных преобразований в общественно-экономической жизни, но и подготовить почву для будущих перемен. В отношении распространения новых идей и воспитания новых людей образовательные реформы в России, включая школьную реформу 1780-х годов, сыграли важную роль в подготовке отмены крепостного права. Элита и рядовая масса русского общества, во многом благодаря распространению просвещения, оказались готовы принять коренные преобразования 1860–1870-х годов в отличие от поколения, жившего на столетие раньше.

Библиографический список

1. Болтин И.Н. Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклера. СПб., 1788. Т. 2.
2. Голицын Ф. Н. Записки // Золотой век Екатерины II. М., 1996.
3. Грот Я.К. Заботы Екатерины II о народном образовании, по ее письмам к Гримму // Сборник отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. Т. XX. СПб., 1880.
4. Екатерина II. Записки императрицы Екатерины II. М., 1989.
5. История СССР. С древнейших времен до 1861 года / под ред. П.П. Епифанова, В.В. Мавродина. М., 1983.
6. Каменский А.Б. Юбилей упущенных возможностей // Родина. 2010. № 2.
7. Марасинова Е.Н. О политическом сознании русского общества во второй половине XVIII в. // Вопросы истории. 2007. № 12. С. 81–92.

8. Михайлов О.Н. Екатерина II – императрица, писатель, мемуарист // Сочинения Екатерины II. М., 1990.
9. Письма барона Мельхиора Гримма императрице Екатерине II // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1881. Т. 33.
10. Письма императрицы Екатерины II барону Мельхиору Гримму // Сборник Русского исторического общества. СПб., 1878. Т. 23.
11. ПСЗ–I. СПб., 1830. Т. XXII. № 16329, 16421.
12. Рейналь Г. Философская и политическая история заведений и торговли в обеих Индиях // Моряков В.И. Из истории эволюции общественно-политических взглядов просветителей конца XVIII века (Рейналь и Радищев). М., 1981. Приложение I.
13. Сухомлинов М.И. История Российской академии. Вып. 6. СПб., 1877.
14. Храповицкий А.В. Дневник с 18 января 1782 по 17 сентября 1793 года. М., 1901.
15. Шарф К. Ветер перемен из Штеттина и Галле: немецкие корни политического самосознания Екатерины II // Родина. 2010. № 2.

Ю.Н. Смирнов

Самарский государственный университет

ОБОСТРЕНИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВЛАСТЕЙ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ С НАСЕЛЕНИЕМ ЗАВОЛЖЬЯ В 1764–1768 ГГ.

Начало 1760-х гг. в истории лесостепных и степных территорий Заволжья связано с пребыванием во главе Оренбургской губернии, в которую эти территории тогда входили, видного государственного деятеля Д. В. Волкова, чью деятельность можно рассматривать в контексте общегосударственной политики «просвещенного абсолютизма» [10]. Волков из-за кратковременности пребывания на губернаторской должности не успел приступить к исполнению того, что предлагал. Его предупреждения о недостатках местного управления не были услышаны ни верховной властью, ни местными дворянами и чиновниками. После отставки Волкова в октябре 1763 г. до восстания Е.И. Пугачева оставалось ровно 10 лет, которые так и не были использованы не только для решения глубоких и острых социальных проблем в крае, но даже для приведения в порядок вооруженных сил, размещенных на юго-восточной окраине империи.

Новым губернатором 21 августа 1764 г. был назначен тайный советник князь А.А. Путятин. В годы его руководства губернией тревожные разговоры о неблагополучии дел на юго-восточной окраине усилились.

Возможности для открытого проявления озлобленности и недовольства представились в ходе выборов и составления наказов для депутатов Уложенной комиссии в 1767 г. В этих мероприятиях приняли участие почти все сословия, кроме крепостных крестьян и солдат регулярной армии.

В ходе выборов и составления наказов были отмечены случаи совместных действий государственных крестьян различных сословных категорий и национальных групп: подача общих наказов, выборы общих депутатов и поверенных, помощь и взаимодействие в составлении наказов представителей разных сословий, народов, вероисповеданий. Особый интерес представляют те из наказов, которые позволяют проследить борьбу крестьян за более полное отражение в них своих нужд и требований против давления со стороны властей [1, с. 33].

По своему содержанию указы крестьян имели между собой много общего. Основное место в них занимали вопросы обеспеченности земель и угодьями (в том числе в связи с захватами их помещиками), жалобы на тяжесть налогов и повинностей, на злоупотребления чиновников.

Нередкими были случаи взаимодействия представителей крестьянства и отставных военнослужащих при организации и проведении выборов. Во многом были схожи требования и их наказов по земельным вопросам, по отношению к действиям местной администрации. Взаимное сочувствие крестьян и нижних чинов армии положению друг друга ставило под сомнение надежность пограничных войск в случае внутренних конфликтов.

То же касалось казачества. От казаков, близких по положению к крестьянам и отставным нижним армейским чинам, исходили в казаках жалобы на тяготы службы и малоземелье.

Были переключки с требованиями крестьян и непривилегированных служилых сословий и в городских наказах. В них, в частности, выражалось недовольство земельными притязаниями помещиков, казенными сборами и повинностями, злоупотреблениями чиновников [8, с. 461–462, 464–465].

Заметно противопоставляло себя всем остальным одно дворянское сословие. Самарское, ставропольское и оренбургское дворянство избрало общим депутатом самарского помещика майора И. Толстова, который и получил совместный наказ дворян трех уездов. Среди требований этого наказа по упорядочению деятельности судов и местной администрации, расширению прав «благородного сословия» выделялась просьба отдать помещикам земли, которыми владеют «на Самарской дистанции состоящие в крепостях жители, то есть отставные драгуны, и солдаты, и служащие казаки». У казаков дворяне не просто требовали отобрать часть земель, а предлагали вообще выселить всех их «выше по Яику на линию», то есть дальше на восток. Помещики заверяли, что охотно возложат на своих крестьян несение повинностей, исполняемых казаками. Вторым районом после Самарской дистанции, возбуждавшим помещичьи земельные аппетиты, был север-восток Заволжья: «Также и в Бугульминском ведомстве при жительствовах не помнящих родства, и при иноверческих на новой дороге, и прочих новокрещенских деревнях излишних земель есть не мало, а точных по числу их душ отводов еще не учинено. Того ради всенижайше просим, дабы повелено было для тех живущих в самарских крепостях козаков и отставных от службы, для непомнящих родства, татарских и новокрещенских деревень землям и угодьям учинить точные отводы по числу душ, или как заблагоразсуждено будет; и оставшия за тем излишния для размножения земледельства позволить из казны покупать помещикам» [9, с. 5].

Требования дворянского наказа по вопросу освоения земель края задевали интересы остальных сословий, участвовавших в заселении края, но совпадали в принципе с позицией администрации Оренбургской губернии, которая также прозвучала в Уложенной комиссии в виде доношения А.А. Путятина. Доношение это было составлено 21 марта 1766 г. и появилось раньше дворянского наказа, который был написан 18 мая 1767 г. Оно рассматривалось 26 февраля 1767 г. в Сенате, который вынес определение, что «представление простирается к завершению и установлению нового порядка и закона», а потому следует этот документ сообщить в Уложенную комиссию. Представление Путятина было зачитано в Уложенной комиссии 13 декабря 1767 г., было приложено к ее делам, среди которых и сохранилось [7, л. 3–13об., далее цитируется по этому источнику].

А.А. Путятин по некоторым позициям открыто полемизировал с «просвещенным абсолютизмом» Волкова. Особенно резко противо-

стояние Путятину предшественнику заметно в вопросах веротерпимости и переселения на новые земли иноверцев и новокрещен из народов Поволжья. Путятин заявлял, что все они, исключая только мордву, «к доброму поселению неудобны и безнадежны, кои по умножению их в здешней губернии... легко могут, отступя от восприятой ими православной веры, тайно возобновить свое суеверие (кое частию уже и оказывается)». Губернатор требовал, чтобы «ни под каким видом впредь таковых иноверцов в Оренбургскую губернию к поселению из внутренних губерний же отнюдь не увольняли, ибо когда они в тех внутренних губерниях между христианскими жителями имеют оставаться, то и восприятой ими вере от времени до времени укреплятьца будут». Путятин настойчиво сводит к религиозным мотивам причины переселения: «Все они, иноверцы и новокрещены, и перешли, как видимо, не все от тесноты земель в прежних их жилищах, но некоторые от воровства и от лености; а особливо новокрещенныя татара, ис коих ни один добровольно креститься не пожелал., а чуваша, чтоб им не жить в христианском благчестии, но быть в их суеверии и идолопоклонстве, как некоторыя в том уже и найдены; а некрещенныя татара не для чево инова, как в близость и сообщество их же к их же братье иноверцам и татарам».

Надо отметить, что аргументацию Путятину о преимущественном значении религиозных факторов в переселении за ним повторяли и позднейшие исследователи. Не отрицая наличия этих факторов, следует, однако, указать, что губернатор при этом лукавил, шантажируя столицу мусульманскими и языческими угрозами делу христианской проповеди. Горячие обличения иноверцев и «суеверов», от которых в «прямом поселении, домостроительстве, хлебопашестве, скотоводстве, сбережении лесов и во всем мирном и добром житии никакова успеха не видно, а паче и безнадежно», были несправедливыми. Они расходились и с наблюдениями участников академических экспедиций, проводившихся в то время, и с материалами книг П.И. Рычкова, и с сообщениями Д. В. Волкова. За административным и религиозным рвением Путятину проглядывали более приземленные и корыстные интересы.

Самовольные захваты заволжских земель, чинимые часто под видом покупок и аренды их у номинальных владельцев – башкир, происходили тогда как со стороны «ненасытных помещиков», так и государственных крестьян из разных народов. Однако данные заволжские земли являлись, согласно правительственному определе-

нию 1742 года, не башкирскими, а казенными. Получать их, как был уверен Путятин, можно было только в виде пожалований и других разрешений со стороны властей. Преимущественно эти места были предназначены, по мнению губернатора, для раздачи именно помещикам.

Предлагаемые Путятиным решения по запутанным земельным отношениям показывали абсолютно однозначную социальную позицию губернской администрации. Конфискации в казну подлежали все земли, незаконно проданные или сданные башкирами как помещикам, так и государственным крестьянам. Однако дальше земельное обустройство шло по разным сценариям.

Если у помещиков уже поселены здесь деревни, то «в разсуждении малого и нужно требующегося в Оренбургской губернии поселения», губернатор предлагал отвести «под те их деревни назначенное Межевою инструкциею число земель и угодья, сколько по числу ж душ причтется». Земли, отрезанные у помещиков как излишние, а также остающиеся пустыми, следовало продать «за определенную цену» дворянам же, «желающим для поселения крестьян».

Государственным крестьянам право оставаться в уже устроенных поселениях, по замыслу Путятина, не предоставлялось. После урезания занятых ими угодий этим крестьянам предполагалось выделять округи, куда сводилось на поселение не менее 300 душ. Проживание «малыми деревнями» запрещалось, поскольку в них нельзя было, считал губернатор, учредить «доброе порядка».

«Добрый порядок», по Путятину, в казенной деревне сводился к жесткому полицейскому контролю как за ее обитателями, так и за людьми пришлыми и проходящими, в которых он априорно подозревал беглых. В губернаторских предложениях Сенату и Уложенной комиссии рисовалась картина усиления крепостного режима в казенной деревне, доходящего до самой мелочной административной опеки. Например, предлагалось, «чтоб без ведома бурмистра из того села или деревни более 3-х дней никто отлучаться не мог, а естли кто возымеет нужду отлучиться более 3-ех дней, тем являться к бурмистрам и объявлять, куда и для чего он отъезжает, почему и отпускает». Предписывалось также «накрепко смотреть, чтоб никто из обывателсй сыраго лесу, кроме валежнику и сучья, на дрова не рубили, а подбирали б сперва валежник и сучья, а когда валежник весь выбран будет, то бурмистру с помощниками и с приговору всего села определить рубить и сы-

рой стоячей такой лес, кой ни на какое строение не годится; кому ж и на строение потребен, то чинить же по вышеписанному; тако ж бы и крыши были б по примеру других народов соломенные...; а лубков бы по здешнему обыкновению на крыши с стоячих дерев отнюдь не снимали». Виды наказаний для крестьян предусматривалось разнообразить «забитием на несколько часов в колоду», как это практиковалось в Малороссии и Польше.

Радение о соблюдении законов государства и интересов православия в трактовке Путятина на самом деле обернулось требованиями: 1) сохранения помещичьих захватов земли (с частичной урезкой в случае их чрезмерной величины), 2) предоставления дворянам преимущественного права наделения и покупки земли в районах заселения, 3) ограничения землепользования и хозяйственной самостоятельности государственных крестьян. Совпадения в губернаторском представлении и дворянском наказе не были случайными. Объяснения тому кроются и во влиянии на позицию губернатора со стороны «благородного сословия», занимавшего практически все ответственные должности в местном управлении, и в активности дворян в ходе выборов в Уложенную комиссию.

П.И. Рычков сообщал своему знакомому и коллеге по научным занятиям Г.Ф. Миллеру: «Оренбургского депутата для любопытства не изволите ли узнать? Он фаворит губернаторский, без сумнения его видам инструктирован». Были и другие группировки, имевшие своих кандидатов в Уложенную комиссию: «В числе баллотированных два генерала-майора и несколько полковников находились». Были дворяне, которые поддерживали кандидатуру самого Рычкова, «но губернаторская сторона превозмогла». Толстов ненамного опередил первого члена-корреспондента Петербургской Академии наук, который сообщил Миллеру: «Он, сказывают, предо мною два бала лишних имел» [5, с. 55].

П.И. Рычкову вообще в то время не везло в делах службы и карьеры. То ли из-за ухудшения отношений с губернскими властями, то ли по состоянию здоровья, а скорее по обеим этим причинам, но в марте 1760 г. Рычков оставляет государственную службу и уходит в длительный отпуск. В 1767 г. он попытался вернуться на пост в губернской администрации, но безуспешно [3, с. 55–56].

Однако, кроме субъективных причин, за удалением Рычкова от дел губернского управления проглядывал общий поворот в правительственной политике на юго-восточной окраине державы. На смену

сторонникам линии И.К. Кирилова, организатора Оренбургской экспедиции, и И.И. Неплюева, первого оренбургского губернатора, готовым ради расширения пределов империи и освоения новых земель идти на некоторые нарушения крепостных порядков, приходило новое поколение администраторов. Эта генерация по своим убеждениям и по личной корысти торопилась превратить юго-восточную окраину в продолжение, повторение крепостнического центра страны.

Но все предложения Путятина и дворянского наказа по упорядочению землевладения и управления Заволжьем получили официальное одобрение высшими учреждениями и были оформлены законодательно. Однако на практике реализовывалась именно эта административная линия. Так, 2 июня 1768 г. Сенат издал указ об ограничении выхода крестьян из других губерний на башкирские земли [4, с. 489].

Показательны для судебной практики тех лет дела по земельным спорам, в которых власти откровенно принимали сторону помещиков и способствовали их наступлению на земли государственных крестьян. В 1765 г. оренбургская губернская канцелярия поддержала статского советника Л. Арнаутова, служившего в ней самой, который попытался согнать с земли мордовских крестьян новопоселенной деревни Сок Камышлы, Борисовой тож. Земля, кормившая 285 ревизских душ, то есть до 600 человек обоего пола, была объявлена «пустопорожей» и передавалась помещику «не токмо со всеми ... удобными местами, но и со всею деревнею и с распашенной пашнею и с посеянным озимым хлебом». Крестьянам предлагалось переселиться «в другие места», заведомо неудобные. Все это происходило, несмотря на то что земля была занята новокрещеными под поселение с ведома и разрешения властей. До той поры, пока уже освоенные уголья деревни не приглянулись Л. Арнаутову, никаких препятствий ее существованию не находилось. Об этом свидетельствуют сказки третьей ревизии 1762–1764 гг., по которым в подушный оклад «в новозаводимую деревню на речке Сок Камышле» были официально записаны переселенцы Симбирского, Пензенского, Казанского уездов [6, л. 929–949об.].

Поддерживая влиятельного чиновника, местные власти прибегали к арестам протестовавших крестьян, описи их скота и имущества, заведению на них фиктивных уголовных дел, но не смогли подавить недовольство. Крестьянский поверенный и основатель этой деревни Борис Алексеев скрылся от преследования, добрался до Петербур-

га и сумел добиться рассмотрения дела в Сенате, высшем судебном учреждении. Там было принято компромиссное решение о размежевании спорной земли между государственными крестьянами и помещиком. Такой, пусть даже частичный, успех в борьбе с дворянской алчностью был редким исходом, так как органы управления отстаивали, прежде всего, интересы привилегированных землевладельцев [2, с. 151–152].

Таким образом, даже рядовые земельные и имущественные тяжбы, управленческие неурядицы превращались в явления социального звучания. У обиженных и пострадавших, каковыми оказывались крестьяне и люди из других низших сословий, росло недовольство дворянскими привилегиями и продворянской политикой властей.

В литературе уже высказывалось справедливое мнение, что непринятие Уложенной комиссией законов, на которые рассчитывали представители непривилегированных сословий, стало одной из предпосылок восстания 1773–1775 гг. Можно согласиться и с точкой зрения, высказанной в свое время еще М.М. Щербатовым, о том, что само обсуждение острых проблем российской действительности в Уложенной комиссии увеличило угрозу существующему государственному устройству: «Дух неподданства и разврату в грубия и немисленные души вкоренился, заражающийся от разных несправедливых слухов и от разглагольствований крестьянских, однодворческих, старых служб и других низких чинов депутатов, которые по разезде своем семена сии злыя и в отдаленнейшия области России разпростерли» [11, л. 1об.].

М.М. Щербатов был прав в том, что известия о ходе Уложенной комиссии становились известными даже на далеких окраинах страны, но ошибался, говоря о влиянии на крестьян только антикрепостнических высказываний депутатов. Следует обязательно учесть и воздействие, какое оказали на депутатов, особенно крестьянских, откровенно крепостнические выступления в Уложенной комиссии. Закрытый от большинства жителей губернии, кроме узкого круга отдельных чиновников и дворян, документ, каким было представление губернатора в Сенат, был обнаружен. Он не оставлял никаких сомнений в позиции местной администрации по самым важным для государственных крестьян вопросам. Их оскорбляли, на них клеветали Сенату и императрице, им грозили сгоном с обжитых полей и дворов, собирались поставить под такой жесткий надзор, который и не в каждой помещичьей вотчине можно было найти.

Большинство населения юго-восточной окраины, состоявшее из государственных крестьян и близких к ним по положению социальных групп, узнало теперь доподлинно мнение о себе поставленного над ним начальства. Судя по всему, не остался секретом и дворянский наказ трех заволжских уездов с недобрыми обещаниями не только в адрес крестьян, но и казаков.

Хотя уже в 1768 г. Путятина на должности оренбургского губернатора сменил И.А. Рейнсдорп, это не могло исправить отрицательного отношения значительной части населения к местной администрации, тем более что с заменой первого лица в ней не менялась основная часть прежних чиновников. Сам Рейнсдорп не допускал излишне резких высказываний и прямо не предлагал столь крутых мер, как его предшественник. Однако принципиальные установки в вопросах заселения края и управления его землями оставались у него схожими с позицией Путятина вплоть до уже скорой Пугачевщины.

Библиографический список

1. Артамонова Л.М. Обзор наказов крестьян Ставропольской провинции Оренбургской губернии в Уложенную комиссию // Археография и изучение духовной культуры. Свердловск, 1987.
2. Артамонова Л.М. Участие жителей края в Уложенной комиссии Екатерины II // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. XVI – первая половина XIX века. М., 2000.
3. Матвиевский П.Е., Ефремов А.В. Петр Иванович Рычков. 1712–1777. М., 1991. С. 133; Соловьев С. М. Сочинения. Кн. XIV. М., 1994.
4. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. IV. Ч. 2. М., 1956.
5. Пекарский П.П. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб., 1867.
6. РГАДА. Ф. 248. Д. 3620. Л. 629об. 630об.; Ф. 350. Оп. 2. Д. 2454.
7. Там же. Ф. 342. Оп. 1. Д. 230.
8. Сб. РИО. Т. 107. СПб., 1900.
9. Там же. Т. 93. СПб., 1894.
10. Смирнов Ю.Н. Вопросы управления и освоения Заволжья во время пребывания Д. В. Волкова во главе оренбургской администрации // Самарский край в контексте российской истории. Самара, 2001.
11. Щербатов М.М. Размышления о неудобностях в России дать свободу крестьянам и служителям или сделать собственность имений // Самарская областная универсальная научная библиотека. [Рукопись]. Инв. № 306105.

**«ВЛАСТИТЕЛЬ СЛАБЫЙ И ЛУКАВЫЙ»: ОБРАЗ АЛЕКСАНДРА I
В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX В.**

Одним из актуальных направлений современной исторической науки является изучение исторической памяти: предметом исследования здесь становится не историческое событие или явление как таковое, а воспоминания о нем, образы прошлого, которые живут в сознании общества. Сфера внимания исследователей в таком случае охватывает в совокупности «обширную и все более расширяющуюся область, простирающуюся от историографии через исторические романы к изобразительному искусству, спектаклям и историческому музею» [18, р. 3–4]. Исследования образов прошлого позволяют наглядно, шаг за шагом проследить процесс превращения фактов реальности в факты исторической памяти – с учетом того, что формы интерпретации прошлого и смысловые акценты, которые ставятся в историческом повествовании, обычно определяются нормами и ценностями не «вспоминаемой», а «вспоминающей» культуры. Поэтому изучение исторической памяти помогает реконструировать ценностные системы и идентификационные структуры, свойственные общественному сознанию, а также выявить изменения этих структур.

Это направление открывает новые перспективы для изучения персональной, биографической истории. Исследователь тогда обращает внимание не только на свершения какого-либо исторического деятеля, но и на то, какой след он оставил в памяти общества; в какие моменты его образ становился актуальным, выходил на первый план общественного сознания; как изменения в трактовке этого образа сигнализировали о важных переменах в восприятии картины «общего прошлого».

В российской исторической культуре XIX–XX вв., безусловно, исключительное значение имели образы власти и народа; неразрывное единство и в то же время дуальную оппозицию этих категорий культуры многократно отмечали исследователи [1, с. 108; 16, с. 102–104, 288–289; 17, с. 280]. Образ власти в русской культуре всегда был персонализирован: в фокусе общественного интереса на протяжении XIX века оказывался то один, то другой правитель ушедших времен.

Так, исключительную роль в формировании исторической памяти российского общества играли образы Ивана Грозного и Петра Великого. Оба они олицетворяли в русской культуре сверхчеловеческое могущество неограниченной власти, воли самодержца, которой, казалось, под силу осуществить любое начинание, кардинально изменить уклад жизни подданных и сам облик страны. Поэтому серьезные изменения в трактовке образов грозных монархов, как правило, служили индикатором перемен в исторической и политической культуре российского общества, в его отношении к абсолютизму. При этом реконструирующая работа науки напрямую смыкалась с животворящей силой искусства; как писал К.Н. Бестужев-Рюмин, «действительные исторические лица, раз воспроизведенные поэтом, мы представляем себе более или менее так, как их представляет поэт» [2, с. 83].

С конца XIX в. и вплоть до революции 1917 года все большее внимание историков и деятелей культуры притягивал к себе образ императора Александра I. В историческом сознании образованной элиты этот образ занимал немаловажное место: ведь именно Александр I и его сподвижники – члены Негласного комитета и М.М. Сперанский – в начале XIX в. впервые предложили развернутые проекты либеральных преобразований, что позволяло проследить исторические параллели с реализованными полвека спустя Великими реформами Александра II или со столыпинской реформой. В то же время образ Александра I логично продолжил галерею актуальных для русской культуры образов «преступных царей»: Иван Грозный и Петр Великий были сыноубийцами, Александр I – отцеубийцей (хотя упоминать об убийстве Павла I в печати было запрещено, историки и публицисты с успехом прибегали к тактике красноречивых умолчаний).

Отношение к Александру I в российской исторической культуре рубежа XIX–XX вв. определялось известной фразой П.А. Вяземского: «сфинкс, не разгаданный до гроба». Прекраснодушный юноша, мечтавший отречься от престола ради частной жизни на лоне цветущей природы – и участник заговора против собственного отца; правитель, намеревавшийся отменить крепостное право – и учредивший военные поселения; приближавший к своему престолу то реформатора М.М. Сперанского, то солдафона А.А. Аракчеева; создавший университетскую систему в России – и преследовавший вольномыслие; отправивший в ссылку Пушкина – и не давший хода доносам на декабристов... Правление Александра I предъявляло исследователям целый комплекс вопросов и загадок – исторических, биографических и пси-

хологических, из сферы «большой политики» и области сокровенных мотивов человеческих поступков. Каким человеком был император Александр Павлович? Почему он не смог реализовать все то, что намеревался сделать в начале своего царствования: отменить крепостное право, даровать подданным гражданские права и представительное правление? Что было тому виной: человеческие качества Александра I, сопротивление его ближайшего окружения, трагическое стечение обстоятельств или более глубокие причины? Чем окончилось его правление: смертью в Таганроге или добровольным «уходом» от власти? Где пределы могущества самодержавной власти и под силу ли ей «изменять лик страны» по собственному желанию? Версии и гипотезы, высказанные профессиональными историками, транслировались в сферу художественной культуры.

В исторической науке и литературе рубежа XIX–XX вв. соперничало несколько трактовок образа Александра I (не считая официально-панегирической, представленной, например, в многотомном труде М.И. Богдановича) [3]. Так, А.Н. Пыпин воспринимал Александра как слабого, мягкого человека, который не сумел сохранить нравственные идеалы своей юности и постепенно «стал тем, чем сделало его все окружающее»: «Одушевленный в начале наилучшими намерениями, он не в состоянии был совладеть с обстоятельствами, которые увлекали его на иную дорогу; он не отказывался от своих планов, но ни в самом себе, ни в жизни не находил средств для их совершения и поддавался заблуждениям, которые приводили его к самому печальному употреблению своей власти, к поддержке действий, самых враждебных общему благу» [10, с. 2–3]. С этой точкой зрения был согласен и В.О. Ключевский, считавший Александра I человеком, исполненным «возвышенных и доброжелательных стремлений», но не сумевшим их воплотить из-за «непривычки к труду и борьбе». Трагедия Александра, по Пыпину и Ключевскому, состояла в расхождении либеральных идеалов, привитых ему в юности, и крепостнической среды, в которой русскому царю приходилось жить и действовать; Ключевский в своей характерной ироничной манере сравнивал Александра I то с «роскошным, но только тепличным цветком, не успевшим или не умевшим акклиматизироваться на русской почве», то с барышней-пансионеркой, внезапно столкнувшейся с грубостью реальной семейной жизни [5, с. 385].

Из сходной трактовки личности и характера Александра I исходил Н.К. Шильдер, создавший в начале XX века самую полную для того

времени и самую яркую в литературно-художественном отношении биографию императора. Для Шильдера Александр был человеком с «чувствительной душой», но с недостатком «твердой воли»; «беспрерывные колебания императора как во внутренней, так и во внешней политике» Шильдер считал искренними метаниями непоследовательного и неуверенного в себе человека (историк даже вычислил «периодичность воззрений императора»: согласно Шильдеру, для того, чтобы увлечься новой политической идеей, а потом охладеть к ней, Александру I требовалось около пяти лет). Решительным и непоколебимым император сумел стать лишь раз в жизни, «неожиданно для всех, к удивлению всего мира» – в 1812 году; но в результате «весь запас твердой воли Александра оказался потраченным на борьбу его с Наполеоном», и после войны государь, страдающий от «крайней усталости и душевного утомления», с облегчением вручил бразды правления Аракчееву [15, т. 2, с. 1–4].

При этом Шильдер дополнил образ своего героя важной психологической чертой – с точки зрения историка, мрачную печать на все правление Александра I наложила память о событиях 11 марта 1801 г. Именно сознание собственной виновности в гибели отца, по Шильдеру, в решающие исторические моменты сковывало волю Александра – чтобы действовать решительно, императору недоставало сознания моральной правоты [15, т. 2, с. 5–7]. Сквозь призму «комплекса вины» виделся образ Александра I и Д.С. Мережковскому – на страницах его романа «Александр I» (1913) император постоянно мучается от сознания собственной слабости, мрачных воспоминаний, усталости от власти, презрения к окружающим и к самому себе, но так и не находит в себе сил переломить ситуацию и сделать хотя бы один решительный политический шаг [6, с. 91–557, особ. 132–143]. Достойным личностным выходом для Александра I, с точки зрения Шильдера, могло бы стать добровольное отречение от власти; как известно, Шильдер в осторожной форме поддерживал легенду о «старце Федоре Кузьмиче», а Л.Н. Толстой в повести «Посмертные записки старца Федора Кузьмича» (1905) попытался вдохнуть в эту легенду мощь своего художественного и психологического дара [15, т. 4. с. 445–448; 13, с. 387–393].

Альтернативное видение образа Александра I – как сильного, умного, изворотливого и коварного политика, прекрасно осознававшего, чего именно он хочет добиться, и умевшего достигать свои цели, – представили С.М. Соловьев, А.А. Кизеветтер и великий князь

Николай Михайлович [11; 4; 7]. С точки зрения Кизеветтера и вел. кн. Николая Михайловича, противоречивость политики императора объяснялась его прирожденной двуличностью, умением менять маски и риторику в зависимости от обстоятельств и окружения; император с легкостью отступился от либеральных убеждений своей молодости, поскольку эти убеждения с самого начала были лишь одной из многих его масок [4, с. 265–268, 280, 349–350, 360; 7, с. 348–349; 8, с. 648, 657]. «Александр вовсе не обладал сердцем из мягкого воска, – писал Кизеветтер, – столь многими подчеркнутая “уступчивость” его характера – не более как психологический мираж... Он сознательно и с расчетом надевал на себя личину уступчивости как раз в тех случаях, когда он твердо и решительно ставил себе определенные цели и неотступно шел к ним, виртуозно вводя в заблуждение окружающих» [4, с. 268].

Но образу Александра как сильного политика не суждено было возобладать в российском историческом сознании. Как правило, историки и деятели искусства, обращавшиеся к эпохе Александра I, останавливали свое внимание на тех сюжетах, когда императору приходилось отступать, «сдавать позиции» – не только политические, но и нравственные – под давлением окружения. Согласие Александра I участвовать в перевороте 1801 г. обычно интерпретировали (с того момента, как этот исторический сюжет стало возможным обсуждать гласно) как свидетельство его инфантилизма. Историки доказывали, что Александр стал «убийцей поневоле», положившись на обещания заговорщиков сохранить жизнь Павлу I: «благодаря свойственной ему беспечности и не задумываясь глубоко о возможных последствиях, Александр, дав согласие, пребывал в состоянии полудремоты до окончания заговора... Описываемая полудремота в те дни глубокой драмы стоила Александру, с годами, ряда невыносимых мучений совести» [7, с. 9–10]. Отставка и ссылка Сперанского в начале 1812 г. трактовалась как сознательная и весьма сомнительная с моральной точки зрения уступка противникам реформ, «жертва для успокоения встревоженных умов», которую вырвали у Александра «заинтересованные слои общества» [15, т. 3, с. 31–35; 7, с. 104–105]. Именно поэтому император Александр I, несмотря на впечатляющие военные и внешнеполитические победы, одержанные в его царствование, зачастую воспринимался как откровенно слабый человек и правитель – по контрасту с демоническим образом Ивана Грозного или титаническим образом Петра I. Личностная слабость императо-

ра представляла как обратная сторона социальной силы дворянской элиты, консервативной, не желавшей перемен и способной похоронить в зародыше самые широкие замыслы. Важную роль в историческом сознании стал играть образ слабого, нерешительного монарха, что в канун двух русских революций было более чем актуально.

В начале XX в. впервые были обнаружены, расшифрованы и опубликованы сохранившиеся фрагменты десятой главы «Евгения Онегина»; с этого момента к Александру I намертво пристала пушкинская оценка – «властитель слабый и лукавый» [9, с. 349]. В литературе эта оценка переходила из поколения в поколение. «В нем слабы были нервы, но был он джентльмен» – таково было мнение об Александре I А.К. Толстого (его сатирическая поэма «История государства Российского от Гостомысла до Тимашева» была написана в 1868 г., а впервые опубликована – в 1883 г.) [12, с. 383, 644]; а в 1930-е гг. Марина Цветаева презрительно и хлестко назвала Александра «недостойным потомком – подонком – опенком Петра» [14, с. 276].

Образ нечеловечески могущественной самодержавной власти, которая управляет судьбами народов и может изменить облик целой страны, медленно, но неуклонно подвергался деконструкции, дискредитации: на смену ему приходило осознание, что диапазон реальных возможностей власти ограничен, что даже неограниченные монархи в действительности являются заложниками реальной политической ситуации и своекорыстных интересов социальных элит. На первый план в сознании российского образованного общества выходили иные, более современные стратегии коллективной идентичности, связанные с идеями национального государства, национальной культуры или же трудового народа как субъекта истории. Утрата веры в титаническую мощь самодержавия вела к обожествлению столь же титанической мощи народа-нации или народа-демоса.

Библиографический список

Источники

1. Бердяев Н.А. Мирозозерцание Достоевского // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. Т. 2. М., 1994.
2. Бестужев-Рюмин К.Н. Несколько слов по поводу поэтических воспоминаний характера Иоанна Грозного // Заря. Т. 3 (1871). № 3.

3. Богданович М. История царствования Александра I и России в его время: в 6 т. СПб.: Типогр. Ф. Сущинского, 1869–1871.
4. Кизеветтер А.А. Император Александр I и Аракчеев // Кизеветтер А.А. Исторические очерки. М.: ИД «Территория будущего», 2006.
5. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций в 3 кн. Кн. 3. М.: Мысль, 1993.
6. Мережковский Д. С. Александр Первый // Мережковский Д. С. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Изд-во «Правда», 1990.
7. Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. Опыт исторического исследования. 2-е изд. Пг.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1914.
8. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. М.: Высш. шк., 1993.
9. Пушкин А.С. Соч.: в 3 т. Т. 2: Поэмы. Евгений Онегин. Драматические произведения. М.: Худ. лит., 1986.
10. Пыпин А.Н. Общественное движение при Александре I. Исторические очерки. Изд. 2-е. СПб.: Типогр. М.М. Стасюлевича, 1885.
11. Соловьев С.М. Император Александр I. Политика. Дипломатия. СПб., 1877.
12. Толстой А.К. История государства Российского от Гостомысла до Тимашева // Толстой А.К. Собр. соч.: в 4 т. Т. 1. М.: Изд-во «Правда», 1969.
13. Толстой Л.Н. Посмертные записки старца Федора Кузьмича // Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 12 т. Т. 11. М.: Изд-во «Правда», 1984.
14. Цветаева М.И. Стихи к Пушкину // Цветаева М.И. Соч. Т. 1: Стихотворения 1908–1941. Поэмы. Драматические произведения. М.: Худ. лит., 1988.
15. Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование: в 4 т. СПб.: Изд-е А.С. Суворина, 1904–1905.

Литература

16. Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта. Т. 2: Теория и методология. Словарь. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.
17. Сабурова Т.А. Русский интеллектуальный мир/миф (Социокультурные представления интеллигенции в России XIX столетия). Омск, 2005.
18. Bann Stephen. The Clothing of Clio: A Study of the Representation of History in Nineteenth-century Britain and France. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

СТОЛЫПИНЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

Судьба рода Столыпиных теснейшим образом связана с историей Отечественной войны 1812 г. В сражениях с наполеоновской армией принимали участие трое сыновей бывшего в 1787–1790 гг. пензенским губернским предводителем дворянства отставного поручика Алексея Емельяновича Столыпина (1744–1817). Среди них и родной дед будущего реформатора – Дмитрий Алексеевич Столыпин. Кроме того, обер-прокурор Правительствующего Сената Арк.А. Столыпин и Е.А. Арсеньева (урож. Столыпина), бабушка М.Ю. Лермонтова, во время войны принимали активное участие в добровольных пожертвованиях на различные нужды. В данной публикации мы рассмотрим различные эпизоды из военной биографии трех братьев Столыпиных, связанные с судьбоносным для России периодом ее существования, и отметим тот материальный вклад, который внесли в победу над Наполеоном другие представители большой семьи А.Е. Столыпина.

Николай Алексеевич Столыпин (1781–1830) уже в раннем возрасте (в январе 1783 г.) был записан в военную службу, вахмистром в л. -гв. Конный полк. В 1795 г. он был выпущен в армию капитаном и вскоре переведен ротмистром в Екатеринославский кирасирский полк. В 1806–1812 гг. Н.А. Столыпин участвовал в русско-турецкой войне. Он находился при осаде Браилова. В сражении при Турбате получил ранение в ногу. В 1810 г. в чине подполковника Н.А. Столыпин был переведен в Ямбургский драгунский полк и назначен его командиром [1; 7, с. 146–162].

В начале Отечественной войны 1812 г. Ямбургский драгунский полк входил в состав 3-й бригады 1-й кавалерийской дивизии. В конце июня вместе с 1-м отдельным пехотным корпусом под командованием ген.-лейт. П.Х. Витгенштейна он был оставлен на р. Западная Двина для прикрытия С.-Петербургского направления. Н.А. Столыпин сражался при Клястицах и на р. Свольне. За отличие, проявленное в сражении при Полоцке, он был произведен в полковники, а за храбрость, оказанную при взятии Витебска, награжден орденом Св. Георгия 3-й степени [2].

О последнем деле необходимо сказать особо. 25 октября 1812 г. ген.-лейт. П.Х. Витгенштейн отрядил для взятия Витебска небольшой отряд под командованием ген.-м. В.И. Гарпе (Навагинский пехотный, 26-й

егерский полки, два эскадрона Ямбургского драгунского, по одному эскадрону Рижского драгунского и Польского уланского полков, 7-ю дружину С.-Петербургского ополчения, сотню казаков и 6 орудий 1-й конной арт. роты). 26 октября в 7 часов утра отряд ген.-м. В.И. Гарпе неожиданно атаковал находившийся в Витебске французский гарнизон и ворвался в город. После кратковременного, но жаркого боя французы вынуждены были отступить по дороге к м. Лиозне. Для их преследования был направлен полковник Н.А. Столыпин с двумя эскадронами Ямбургского драгунского полка. У м. Фальковичи русская кавалерия атаковала французов. Генерал Ф.Р. Пуже, бывший губернатором Витебска, попытался построить войска в каре, но его попытка окончилась неудачей, так как необученные солдаты, составлявшие гарнизон, сделали несколько выстрелов, обратились в бегство и были изрублены русскими драгунами. Генерал Пуже выстрелами из пистолетов убил двух драгун, но был окружен, ранен саблей в левое плечо и взят в плен. Кроме того, отряду Н.А. Столыпина в качестве трофеев достались около 300 солдат и два французских орудия [3; 7, с. 152–158]. Племянник Николая Алексеевича Столыпина Дмитрий Аркадьевич Столыпин в 1871 г. писал в журнале «Русский архив», что «как памятник этого славного дела и теперь хранится в деревне, оставшейся после Н.А. (Николая Алексеевича. – С.Б.), седло, покрытое малиновым бархатом и принадлежавшее ген[ералу] Пуже» [4, ст. 451–452].

В 1813 г. Н.А. Столыпин находился при осаде крепостей Пиллау и Данцига [5, л. 2об.–3.]. В июне 1815 г. он был назначен командиром Оренбургского уланского полка [6, с. 39]. Н.А. Столыпин дослужился до чина генерал-лейтенанта, был военным губернатором г. Севастополя, где и погиб в 1830 г. во время чумного бунта [7, с. 159–160].

Дмитрий Алексеевич Столыпин (1785–1826) в составе гвардейской конной артиллерии принимал участие в военных кампаниях против наполеоновской Франции в 1805 и 1807 г., сражался при Аустерлице и Фридланде [8, с. 31, 39]. О высоком уровне его образованности позволяют судить написанные им теоретические статьи по использованию в сражении полевой артиллерии, опубликованные на страницах «Военного журнала» в 1809–1811 гг.

В статье «В чем состоит употребление и польза конной артиллерии» Д.А. Столыпин изложил свое мнение по вопросу об использовании в сражении конной артиллерии. Молодой офицер обратил внимание на то, что действия артиллерии нельзя рассматривать без учета фактора времени. В артиллерийском бою время исчисляется «не часами, а мину-

тами, а иногда и секундами». Конная артиллерия, по мнению Д.А. Столыпина, есть самый лучший артиллерийский резерв. Ее место возле главнокомандующего или начальника артиллерии, откуда можно одинаково быстро устремить ее в центр и на фланги. Конная артиллерия может закрыть участок, на котором прорвался неприятель, а в случае преследования является просто незаменимой из-за возможности быстрого передвижения. При этом, безусловно, надо ценить это дорогое войско и не давать ему поручений, которые могут быть исполнены другими воинскими частями и соединениями.

Во второй статье Д.А. Столыпин предлагает использовать артиллерию концентрированно, не рассеивать выстрелов по всем войскам, но сосредоточивать их на одной колонне, «опаснейшей или ближайшей». Батареям необходимо действовать по принципу: чем ближе противник, тем гуще стрельба. Ядра и гранаты «наводят ужас свистом своим, ужасными ранами, ломают всякие преграды, сбивают пушки, взрывают ящики, делают контузии, ранят обломками», «расстраивают... полки, ...нет ложины и косогора, куда бы не доставали их рикошеты», – писал он.

Свою статью Д.А. Столыпин заканчивает словами: «Чтобы артиллерия хорошо действовала, офицеры всех чинов должны сохранять хладнокровие в самый горячий момент дела; они должны поступать осторожно и с обдуманностью, чтобы вокруг них не происходило. Это есть истинная храбрость в высочайшей ее степени» [9, с. 26].

Интересно, что многие теоретические выводы Д.А. Столыпина воплотились в действиях русской артиллерии на Бородинском поле. Даже спустя пятьдесят лет крупный военный теоретик В.Ф. Ратч высоко оценивал работы Столыпина, отмечая, что «все последующие были лишь вариациями на изложенные им темы» [10; 11].

В 1812 г. Д.А. Столыпин в чине штабс-капитана служил в конно-легкой батарее № 2 капитана А.Ф. Ралля 2-го л. -гв. конной артиллерии. В ее составе он принимал участие в Бородинском сражении. Конно-легкая батарея № 2 находилась в общем резерве до 3 часов дня, когда четыре орудия ее 1-го дивизиона, в котором служил и Д.А. Столыпин, были введены в сражение у батареи Раевского вместе с полками 2-го и 3-го кавалерийских корпусов. Гвардейские артиллеристы, не давая сосредоточиться неприятельской кавалерии, открыли по ней огонь картечью на самом близком расстоянии. Французы были сбиты со своих позиций, и русская конница бросилась их преследовать. За нею устремился и 1-й дивизион конно-легкой батареи. Однако вскоре кавалерия наткну-

лась на вражескую пехоту и 12-орудийную французскую батарею. После непродолжительной, но яростной артиллерийской перестрелки четыре орудия гвардейской конной артиллерии вынуждены были отступить, потеряв убитыми и ранеными много людей. В ходе боя был смертельно ранен и командир батареи капитан А.Ф. Ралль 2-й. Д.А. Столыпин, принявший командование, вынужден был отступить по местности, занятой противником. Однако он сумел сохранить все свои орудия, причем у одного из них было разбито передковое колесо, и вернуться в расположение русских войск [12, с. 51–52]. Очевидно, именно за этот эпизод боя получил Знак отличия Военного ордена фейерверкер л. -гв. конно-артиллерийской роты Василий Карнаухов, в реляции о награждении которого говорится, что он «в сильнейшем картечном огне переменял колесо у лафета и справил упряжь и тем привел орудие в порядок» [13, с. 213]. Командующий 1-й кирасирской дивизии ген.-м. Н.М. Бороздин в своем рапорте свидетельствовал отличную храбрость офицеров л. -гв. конной артиллерии: «капитана Ралля 2-го, штабс-капитана Сталыпина; подпоручиков: Бартоломея, Дивова, барона Корфа, Куприянова, а особливо Бистрома, Гельмерсена и Гижицкого, которые при совершенном расстройстве батареи от неприятельских картечных выстрелов удерживались с четырьмя орудиями долгое время» [13, с. 204.]. За отличие в Бородинском сражении Д.А. Столыпин был произведен в капитаны [12, с. 56].

Гораздо больше информации известно об участии в Отечественной войне 1812 г. Афанасия Алексеевича Столыпина (1788–1866). Во-первых, потому, что сохранились воспоминания его сослуживцев, артиллерийских офицеров И.С. Жиркевича и А.С. Норова. Во-вторых, исследователи творчества М.Ю. Лермонтова считают, что именно Аф.А. Столыпин являлся тем источником, откуда поэт черпал сведения о сражении при написании своего бессмертного стихотворения «Бородино». И неоднократно обращались к различным фактам из его биографии [10; 14; 25].

Аф.А. Столыпин поступил на военную службу в 1805 г. В составе л. -гв. артиллерийского батальона он принимал участие в военной кампании с Францией 1807 г. Сражался при Гуттштадте и Гейльзберге. В сражении при Фридланде был ранен пулей в ногу и за отличие награжден орденом Св. Владимира 4-й степени с бантом [15, л. 617об.–619.]. Кстати сказать, полученная рана на протяжении всей жизни очень беспокоила его. Еще 15 февраля 1813 г. в письме к Е.А. Верещагиной он писал: «Ноге моей хуже, может быть, дело дойдет до операции». В ян-

варе 1817 г. из-за раны он вынужден был оставить военную службу. Рана продолжала беспокоить его. А.А. Столыпин ездил за границу лечиться. Н.П. Огарев в письме жене из Франкфурта 19 июля 1843 г. сообщал: «Ему делают операцию сегодня; режут косточку и жилку в ноге». 29 июня 1862 г. А.А. Столыпин писал Е.А. Верещагиной: «О себе скажу, что и я тоже, благодарю Бога, здоров. Только раненая нога стала беспокоить, но втерпеж» [14, с. 31].

В 1812 г. А.А. Столыпин в чине поручика служил в легкой роте № 2 капитана А.Г. Гогеля л.-гв. артиллерийской бригады. В марте 1812 г. гвардия выступила к западным границам Российской империи. И.С. Жиркевич приводит следующие подробности стоянки гвардейской артиллерии в м. Даугелишки, которые позволяют представить и особенности характера А.А. Столыпина: «Когда мы стояли в Даугелишках, наша рота была расположена в деревне, отделенной от местечка небольшим озером, так что чрез оное до штаб-квартиры было не более $\frac{1}{4}$ версты, а в объезд должно было ехать около 4 верст. В апреле, когда уже в поле снегу вовсе не было, но на озере еще держался остаток льда, в нашу роту приехали в гости из штаба наши офицеры: Вельяминов, Базилевич, Демидов, кн. Михаил Горчаков, адъютанты Ермолова: Фон Визин, Поздеев и бывший при нем же ротмистр Кавалергардского полка Римский-Корсаков. Все они были приятели товарища нашего Афонасья Столыпина. Пообедав хорошенько у нас и по какому-то особому случаю спеша возвратиться в штаб-квартиру, они заметили, что немного опоздали, тогда Столыпин предложил ехать обратно через озеро, взявши на себя быть их вожатым. Сперва стали смеяться такому вызову; потом, видя его настойчивость и насмешку с выражением «струсили», и другие стали требовать непременно ехать через озеро, а у берегов уже сажень на десять и льда не оставалось. Вельяминов и Поздеев одни поехали в объезд, а прочие, в глазах наших, сперва вплавь, а потом, проламываясь на каждом шагу, через лед, побрели озером. Ермолов, с другого берега, увидев в окно это безрассудство, вышел к ним навстречу, и когда они перебрались, порядком намылил им головы, грозил арестовать их и отдал приказ по пехотному гвардейскому корпусу, которым он уже тогда командовал...» [16, с. 637].

О том, что А.А. Столыпин имел много приятелей, свидетельствовал и Н.Н. Муравьев-Карский. Когда в конце июня 1812 г. он остановился в корчме недалеко от м. Видзы, дожидаясь подхода 1-й кирасир-

ской дивизии, он застал в ней «гвард. артиллерии поручика Афанасия Столыпина, который командовал двумя орудиями, выдвинутыми на небольшую высоту. Познакомившись, он сводил меня в лагерь гвардейского егерского полка и познакомил с офицерами Крыловым, Делгардом, князем Грузинским и проч.» [17, с. 77].

А.А. Столыпин принимал участие в сражении при Бородино, за отличие в котором он был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость». Прапорщик л.-гв. артиллерийской бригады А.С. Норов вспоминал, что 22 августа их рота остановилась у с. Бородино. «Мы не имели времени оглядеться в первый день, усталые от похода и занятые размещением орудий, коновязи, обоза и, наконец, своих бивуаков; нам казалось, что мы пришли как бы на стоянку. И подлинно, для скольких тысяч из нас это место сделалось вечною стоянкою!» [18, с. 346]. 24 августа А.А. Столыпин по собственной инициативе находился недалеко от Шевардинского редута. А.С. Норов писал: «Я нашел у нас в гостях капитана Вельяминова и штабс-капитана Ладыгина, которые только что возвратились со Столыпиным из-под Шевардина. Они были в стрелковой цепи и рассказывали про ловкость французских стрелков, которые, перестреливаясь, находились в беспрестанном движении, не представляя собою цели неприятелю» [18, с. 354]. «26 августа, – писал И.С. Жиркевич, – с зарею раздался первый пушечный выстрел и уже не прерывался до захождения солнца. Рота наша, хотя и стояла позади роты графа Аракчеева, а не в линии, но ядра долетали до нас. Часа два были на этом месте, потом нам приказано было отойти назад, сближаясь с центром. Тут простояли часу до первого и успели пообедать. Но едва кончили закуску, как подъехал адъютант Дохтуров, спрашивая, где батарейная рота капитана Гогеля? Жиркевич и поручик Столыпин вскочили и подбежали к нему, закричав «наша». Адъютант объявил, что рота должна идти на левый фланг, где он укажет ей место. Адъютант поехал вперед и повел нас кустарником, без дороги; а так как в этом пункте ядра ложились в учащенном количестве, то вожатый начал забирать, левее и левее... Но едва мы вышли из кустов, как по нас раздался залп и мы прямо очутились перед двухярусной неприятельской бригадою. Адъютант поскакал назад. Капитан роты вслед кричит: «Покажите нам место!» [16, с. 654].

Об этом эпизоде боя сохранились воспоминания и прапорщика А.С. Норова. «Не знаю, по чьим распоряжениям нас повели в дело; но я видел подскакавшего к командиру нашей 2-й роты капитану Гогелю офицера Генерального штаба, за которым мы и последовали по

направлению к левому флангу. Это было единственное приказание, которое мы получили, и впоследствии действовали уже как знали и умели. Это был тот момент, когда по взятии неприятелем Семеновских флешей наша боевая линия, командуемая Дохтуровым и Коновницыным, под покровительством нашей артиллерии, выстраивалась вдоль оврага между Семеновскою и противулежащею платформою. И наша батарея была выдвинута для той же цели» [18, с. 356]. «Командование нашею батареею скоро перешло к штабс-капитану Столыпину: неприятельская граната сильно оконтузила капитана Гогеля, убив под ним лошадь. Нас прикрывал кирасирский Его Величества полк... Мы подвинулись... вперед; но вскоре увидели перед собою ряды неприятельской кавалерии. Это была кавалерия Латур-Мобура... Тогда кирасирский Его Величества полк двинулся для удержания атаки. Наш батареинный командир Столыпин, видев движение кирасиров, взял на передки, рысью выехал несколько вперед и, переменяя фронт, ожидал приближения неприятеля без выстрела. Орудия были заряжены картечью; цель Столыпина состояла в том, чтобы подпустить неприятеля на близкое расстояние, сильным огнем расстроить противника и тем подготовить верный успех нашим кирасирам. Неприятель смело шел малою рысью прямо на грозно ожидавшую его батарею; но в то время, когда неприятельская кавалерия была не далее 150 сажень от батареи, на которой уже наносились пальники, кавалерия эта развернулась на две стороны и показала скрытую за нею легковую конную батарею, снявшуюся уже с передков. Одновременно с обеих сторон разразились выстрелы. Неминуемая сумятица не могла не произойти временно на батарее при столь близкой посылке картечи: несколько людей и лошадей выбыло из строя; но, имея дело с кавалериею, у нас уже были приготовлены картузы для следующего выстрела, и я успел еще послать картечь из моего флангового орудия. Это был мой последний салют неприятелю... Я вдруг почувствовал электрическое сотрясение, упал возле орудия и увидел, что моя левая нога раздроблена вдребезги... Я еще видел, как наши кирасиры, бывшие дотоле бездействующими зрителями, понеслись в атаку... Под Столыпиным /была/ убита его лихая горская лошадь...» [18, с. 359]. В реляции о награждении А.А. Столыпина золотой шпагой с надписью «За храбрость» говорится, что он «действовал отлично своими орудиями по неприятельской кавалерии и батареям, коих пальбу заставил прерывать» [19, л. 260об.-261].

В начале 1813 г. А.А. Столыпин был произведен в штабс-капитаны. В декабре 1815 г. он был переведен в 17-ю артиллерийскую бригаду, а в начале 1817 г. отставлен от военной службы по ранению тем же чином [15, л. 617об.–619].

Еще один сын А.Е. Столыпина, обер-прокурор Правительствующего Сената Аркадий Алексеевич Столыпин (1778–1825), в 1812 г. находился в Пензенской губернии. Он принимал самое активное участие в добровольных пожертвованиях. Уже в мае 1812 г. Арк.А. Столыпин сделал подписку на 700 руб. на военные нужды [20, л. 617об.–619]. 23 сентября одним из первых он внес 500 руб. в Комитет пожертвований для ополчения и обязался вносить указанную сумму «каждый год во все продолжение войны» [21, л. 7об.–8]. 21 марта 1813 г. Арк.А. Столыпин пожертвовал еще 200 руб. для С.-Петербургского патриотического женского общества [22, л. 19–23].

В марте 1813 г. председатель Комитета пожертвований для ополчения отставной бригадир Н.С. Кашкарова подал прошение в Пензенское губернское правление о том, что по совершенному расстройству здоровья он не может дальше исполнять возложенной на него службы, а для скорейшего восстановления сил должен немедленно отправиться на Кавказ к минеральным водам. Н.С. Кашкаров просил освободить его по болезни от должности. Губернское правление постановило уволить от должности председателя Комитета пожертвований для ополчения отставного бригадира Н.С. Кашкарова и на его место назначить «находящегося ныне не у дел» обер-прокурора Правительствующего Сената Арк.А.Столыпина. 31 марта он вступил в должность [23, л. 434–435].

Следует отметить и еще один интересный факт. 8 июня 1812 г. 100 руб. на военные нужды пожертвовала и родная бабушка М.Ю. Лермонтова Елизавета Алексеевна Арсеньева (урожд. Столыпина) [24, л. 165].

Таким образом, Столыпина внесли заметный вклад в победу над наполеоновской армией в 1812 г.

Библиографический список

1. Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф. 489. Оп. 1. Д. 2693. Л. 2об.–3.
2. Там же. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2693. Л. 2об.–3; Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920.

- Биобиблиографический справочник / отв. сост. В.М. Шабанов. М., 2004. С.145.
3. Бутурлин Д. П. История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812-м году. СПб., 1838. Ч. 2. С. 173–175; Крестовский В.В. История 14-го уланского Ямбургского Ее Императорского Высочества великой княжны Марии Александровны полка. СПб., 1873. С. 242–245; Попов А.И. Освобождение Витебска 7 ноября 1812 г. // Воин. 2003. № 12. С. 49–53; Попов А.И. Витебск // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 126–127.
  4. Письма Сперанского А.А. Столыпину (примечание Д. Столыпина) // Русский архив. 1871.
  5. РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 2693.
  6. Подмазо А. Шефы и командиры регулярных полков русской армии (1796–1815): справочное пособие. М., 1997.
  7. Белоусов С.В. Николай Алексеевич Столыпин: штрихи биографии // Тарханский вестник. 2008. Вып. 21. С. 146–162.
  8. Абаза В.А. История л. -гв. Конной артиллерии. СПб., 1896.
  9. Столыпин Д. Употребление артиллерии в поле // Император. 2006. № 9.
  10. Андроников И.Л. Лермонтов. Исследования и находки. М., 1969. С. 83–85;
  11. Галайко В.М. Ему вечно хотелось сражаться. М., 1990. С. 54–56; Смирнов А.А. Аракчеевская» артиллерия. Русская полевая артиллерия системы 1805 года. М., 1998.
  12. Потоцкий П. Гвардейская артиллерия в Бородинском бою. СПб., 1912.
  13. Бородино: Документальная хроника / сост. А.М. Валькович, А.П. Капитонов. М., 2004.
  14. Максимов Е.К. Саратовская родня М.Ю. Лермонтова // Пензенский временник любителей старины. 1994. Вып. 10. С. 31–34;
  15. Государственный архив Саратовской области (далее ГАСО). Ф. 2. Оп. 1. Д. 648.
  16. Записки И.С. Жиркевича (1789–1848) // Русская старина. 1874. № 8.
  17. Муравьев-Карский Н.Н. Записки // Русский архив. 1885. № 9.
  18. Норов А.С. Воспоминания // России двинулись сыны: Записки об Отечественной войне 1812 года ее участников и очевидцев. М., 1988.
  19. РГВИА. Ф. 29. Оп. 153г. Св.20. Д. 13.
  20. Государственный архив Пензенской области (далее ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 431.
  21. Там же. Ф. 196. Оп. 1. Д. 377.
  22. Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 408.

23. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 380.
24. Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 431.
25. Кольян Т.Н. «...дядюшке Афансью Алексеевичу (Родственник М.Ю. Лермонтова А.А. Столыпин) // Тарханский вестник. 2005. Вып. 18. С. 22–43.

Ю.Н. Гусева

*Самарский филиал Московского городского
педагогического университета*

«ПРОБУЖДЕНИЕ ИСЛАМА» В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. В СРЕДНЕВОЛЖСКИХ ГУБЕРНИЯХ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Политические пертурбации начала XX в., изменения общественной, социальной обстановки в Российской империи и за ее пределами самым существенным образом повлияли на положение различных национально-религиозных общин. Татары-мусульмане Среднего Поволжья не были исключением. Они находились в принципиально сходных условиях развития с представителями других инонациональных общин, но тем интереснее выяснить, почему именно в изучаемой среде имел место феномен «пробуждения ислама» [1, с. 278]. Анализ его содержания, а главное, причин и последствий помогает уяснить специфику российских государственно-исламских отношений, особенности развития поволжских мусульманских общин в данный и последующие периоды. Кроме того, изучение данного сюжета расширяет наше представление о зарубежных связях средневожских татар, помогает более выпукло представить место поволжских махалля (приходов) в исламском пространстве Евразии.

Во второй половине XIX в. в ряде средневожских губерний стал заметен резкий рост численности мечетей и прихожан, вызванный комплексом социально-экономических обстоятельств постреформенного периода [2; 3; 4; 5; 8].

Следующая форма общественной и религиозной активности – просветительская деятельность средневожских татар-мусульман. В начале XX в., особенно после Манифеста 1905 года, в сельской и городской среде Казанской, Симбирской, Самарской губерний начинают тиражироваться печатные издания, освещавшие позицию

общественно активной части общин, международные события, бывшие площадкой для дискуссий [3, с. 155; 4, с. 97]. Появление специализированных магазинов, реализующих российскую и зарубежную печатную продукцию, также способствовало «пробуждению» российских мусульман¹. С задачей политического, религиозного просвещения теснейшим образом была связана работа мусульманских благотворительных обществ, организованных в поволжских губерниях в период с 1907 по 1917 гг.

Бесспорно, ключевым элементом религиозного подъема становится джадидское² движение, движение за реформу образования. Вопрос о необходимости введения нового, звукового, метода обучения («усул джедид»), о реформе всей системы образования являлся предметом рассмотрения на всех мусульманских съездах, совещаниях, жарко обсуждался на страницах татарской прессы. Он был теснейшим образом связан с идеями, проникавшими из «молодой» Турции.

Нарождавшейся татарской буржуазией ислам осознавался как необходимый элемент, цементирующий тюркские народы. И в начале XX в. татарские интеллектуалы начинают дебатировать вопросы не только и не столько реформирования государственно-религиозных отношений: от требований реформирования Оренбургского магометанского духовного собрания как высшего органа управления поволжскими махалля (приходами) к идеям национально-политического характера. В процессе «пробуждения ислама» становится явной политическая составляющая: в период после революции 1905 г. поволжские мусульмане (интеллигенция и нарождающаяся национальная буржуазия) ставят перед собой общественно-политические цели, облеченные в форму политического тюркизма.

---

¹ В частности, в пределах Самарской губернии были открыты, как минимум, два специализированных книжных магазина, торговавших литературой по татарской национально-религиозной проблематике [5, с. 51; 4, с. 178].

² Джадидизм – обновленчество в исламе; общественно-политическое движение, зародившееся в 1880-х гг. среди татар Крыма и Поволжья; в 1890-х гг. – в Средней Азии. Первоначально – движение за реформирование старой системы мусульманского образования, за необходимость введения основ европейского образования для мусульман; после 1905 г. – течение, тяготеющее к панисламизму и пантюркизму.

На мусульманских съездах и совещаниях активно обсуждались насущные проблемы мусульман, лежавшие как в плоскости религиозных новаций, так и в области борьбы за национальные и политические права [6, с. 503]. Так, депутаты от Казанской, Самарской губерний пытались лоббировать интересы тюрок-мусульман в Государственной Думе [7, с. 555, 563 и др.]. Однако следует отметить, что политизация затронула лишь элиту, наиболее образованную и имевшую связи с европейскими и исламскими странами (в частности, с Францией, Турцией, Египтом) [6, с. 511–513].

Итак, очевидно, что имелись внутренние условия и предпосылки для активизации поволжского ислама и его носителей. Это и наличие формирующейся татарской буржуазии, зарождение национальной элиты, которая связывала идею национального подъема в том числе и с изменениями роли и задач ислама и духовенства. Однако в значительной мере «пробуждение» было инициировано и поддержано европейскими и реформирующимися исламскими государствами (Турция, Египет), которые видели в этом, кроме прочего, возможность потенциального установления своей идеологической (а в перспективе и политической) доминанты над поволжской татарской элитой.

Наличие и расширение контактов поволжских татар-мусульман с исламскими центрами окажет существенное влияние на их положение в последующие периоды: в период «дружбы» с исламом и исламскими государствами (1920-е гг.) они будут выступать в качестве своеобразной «страховки», гарантирующей последователям Пророка относительно стабильные условия существования. Но в «воинствующе безбожные» 1930-е они будут основой для физического устранения идеологически чуждых элементов – духовенства и зажиточного крестьянства, которым будут приписаны пантюкистские, националистические и панисламистские связи.

Библиографический список

1. Вамбери Г. Культурное движение среди русских татар // Гольдцигер И. Лекции об исламе. СПб., 1912.
2. История исламских общин Нижегородской области / Сенюткин С.Б. [и др.]. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1998.
3. Гусева Ю.Н. История татарских сельских общин Нижегородской области в XX веке (1901–1985 гг.). Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2003.

4. Гибадуллина Э.М. Мусульманские приходы Самарской губернии в конце XIX – начале XX вв. Н. Новгород: ИД «Медина», 2006.
5. Гусева Ю.Н. Ислам в Самарской области. М.: Логос, 2007.
6. Сенюткина О.Н. Тюркизм как историческое явление (на материалах истории Российской империи 1905–1916 гг.). Н. Новгород: ИД «Медина», 2007.
7. Усманова Д. М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916. Казань: Изд-во «Фэн», 2005.
8. Кобзев А.В. Исламская община Симбирской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Н. Новгород: ИД «Медина», 2007.

Е.В. Буланкина

Самарский государственный университет

ПРИЧИНЫ РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 ГОДОВ В ОЦЕНКЕ П.А. СОРОКИНА

Изучение взглядов Питирима Александровича Сорокина на революцию в России стали актуальными в отечественной историографии конца XX в. Свои статьи исследователи посвятили рассмотрению различных аспектов революционного процесса в работах Сорокина.

Воззрения П.А. Сорокина на революционные процессы в обществе появились не на пустом месте. В частности, на трактовку Сорокиным социальной природы революции, ее причин и основных закономерностей прямое влияние оказали взгляды П.Л. Лаврова, который считал, что «революция является исторически неизбежным результатом общественного развития. К кровавому столкновению ведет недостаток умственного и нравственного развития в господствующих группах, несправедливое распределение, препятствия, поставленные на пути прогресса. При этих обстоятельствах насильственная революция фактически в историческом процессе оказывается несравненно более обыденным орудием общественного прогресса, чем радикальная реформа» [7, с. 67]. Более того, Лавров был убежден в том, что все крупные политические и экономические преобразования могут быть осуществлены только революционным путем.

Огромное влияние на П.А. Сорокина оказали идеи М.М. Ковалевского, который, обобщая опыт первой русской революции, заметил, что она доказывает всеопределяющую силу прогресса, она вызвана противодействием этому закону и есть способ движения вперед при определенных обстоятельствах, мешающих прогрессу. Посредством революции осуществляется поступательное движение [5, с. 34].

П.А. Сорокин разделял также мнение П. Кропоткина о социальной природе и существовании революционных преобразований. Социальная революция – «это распадение, разложение в несколько лет всего того, что составляло до того времени сущность общественной, религиозной, политической и экономической жизни нации; это – полный переворот в установленных понятиях и в хождениях мнений по отношению ко всем сложным отношениям между отдельными единицами общественного стада. Это, наконец, зарождение новых понятий о равенстве отношений между гражданами, которые скоро становятся действительностью...» [6, с. 2–3].

В Хренове в 1905 г. Сорокин вступил в партию социалистов-революционеров. В какой-то степени его выбор был не случаен. К этому времени он хорошо знал социально-политическую литературу [4, с. 4]. Программа и тактические установки партии эсеров были близки молодому крестьянину. Он читал и произведения русских марксистов. «В противоположность марксистам, – вспоминал впоследствии Сорокин, – философия и социология эсеровской партии были гораздо более идеалистическими и интегральными. Они подчеркивают в первую очередь роль творческих идей, волевых усилий, борьбу за индивидуальность вместо марксистской борьбы за существование... Я выбрал именно партию социалистов-революционеров» [10, с. 36].

Революционный вихрь 1905 года захватил молодого Сорокина. Он встречался с самыми разными людьми: крестьянами, рабочими, служащими, духовенством, чиновниками, писателями, журналистами, представителями различных политических партий. Новое окружение, новые знакомства и особенно интенсивное чтение книг, журналов и газет быстро расширили взгляды ученого. Сорокин начинает понимать, что падение режима – это результат не столько усилий революционеров, сколько одряхления и бессилия самого режима. Если революцию нельзя искусственно начать, еще менее возможно ее искусственно остановить [10, с. 37].

Наверное, и гамскую школу Сорокин окончил бы так же успешно, как и предыдущие, но в 1906 г. за участие в революционном движении он был арестован полицией и 4 месяца провел в тюрьме в г. Кинешма. Но и здесь П. Сорокин много читал, общался с политзаключенными. Этот опыт подсказал ему тему первой книги «Преступление и кара, подвиг и награда» [11]. Тюрма имела лишь одно неприятное последствие: как неблагонадежный Сорокин был отчислен из гамской школы и отдан под надзор полиции по месту жительства. Из-под надзора полиции Сорокин бежал в Иваново-Вознесенск, где под псевдонимом «товарищ Иван» вел революционную агитацию среди рабочих и крестьян [10, с. 39–42].

Итак, первая русская революция оказала огромное влияние на становление его взглядов, когда он, пытаясь объяснить происходящие события, знакомился с различными философскими теориями и социально-политическими доктринами. «Эти дискуссии, – вспоминал позднее он, – плюс чтение работ Маркса, Михайловского, Лаврова, Плеханова, Ленина, Кропоткина и Толстого, так же как сочинений Дарвина, Гегеля и других эволюционистов и философов, познакомили меня достаточно хорошо с некоторыми из основных сочинений революционных мыслителей и некоторых философов и ученых» [2, с. 22]. Его литературные интересы были разноплановы и широки – от философских работ Парменида, Ницше, Канта до учебников по древней истории, трудов С.М. Соловьева и др. [3, л. 12–36]. Его традиционное мировоззрение и система ценностей были заменены научной теорией эволюции и естественно-научной философией. Приверженность монархической системе правления сменилась республиканскими, демократическими и социалистическими идеями.

Благодаря опыту участия в революции 1905–1907 гг., П.А. Сорокин после выхода в свет сборника статей «Вехи», авторы которого рассматривали отношение интеллигенции к революции, также высказал свое отношение к этим событиям. По его мнению, в период революционного взрыва русская интеллигенция придавала слишком большое значение государственной власти вообще: это проявлялось и в том, что все надежды возлагались на нее, и в том, что все зло видели в ней [8, с. 8]. Другими словами, вместо того, чтобы работать независимо от власти, интеллигенция всегда решала дилемму: «за» или «против». Основной порок русской интеллигенции Сорокин видел именно в ее «государственной» ориентации.

Таким образом, революцию 1905 г. шестнадцатилетний Пителир Сорокин однозначно называл «бурей народного гнева». Примкнув к партии социалистов-революционеров, он стал распространять революционные идеи. Последние изменили не только его «приверженность монархической форме правления», но и деструктивно повлияли на весь комплекс предыдущих религиозных, философских, политических, экономических и социальных установок. Вплоть до Февральской революции он вместе с товарищами по социал-революционной партии активно участвовал в дискуссиях и строил планы нового конституционного устройства России, основных социальных реформ, необходимых после падения режима.

Позднее Сорокин сделал революцию объектом строгого научного анализа. «В цели моего анализа, – пишет П. Сорокин, – входит не хвала, не хула, не апофеоз, не проклятие революции, а рассмотрение ее во всех реалиях» [13, с. 270]. Причем, как историк, он старался обрисовать портрет революции, дать строгое описание конкретного исторического события во всем его многообразии и неповторимой уникальности. Перед Сорокиным-социологом стояла задача иная: в совокупности социальных феноменов его интересовали лишь те черты, которые схожи во всех однотипных явлениях, когда бы они ни происходили, поэтому «русская революция с присущими ей деталями и подробностями – объект историка, а русская революция как тип – объект социолога» [13, с. 66]. Автор постоянно апеллирует к истории за подтверждением своих выкладок, причем особенно часто – к опыту российской революции, детальное исследование которой им и было проведено.

Что такое революция? П. Сорокин выдвигает несколько значений. Во-первых, революция означает смену в поведении людей, их психологии, идеологии, верованиях и ценностях. Во-вторых, революция знаменует собой изменения в биологическом составе населения, процессах его воспроизводства и отбора. В-третьих, в ходе революции происходит деформация всей социальной структуры общества. В-четвертых, революция приносит с собой сдвиги в фундаментальных социальных процессах.

В русский период деятельности в основе мировоззрения П. Сорокина преваляло убеждение, что человеческое поведение базируется на психофизических механизмах рефлекторного типа, а жизнь общества есть «бесконечная цепная реакция акций-реакций, взаимодействие которых лежит в основе исторического процесса».

При этом интегрирующим моментом выступает коллективный рефлекс [12, с. 12–28]. Так что механизмы акции-реакции действуют не только на индивидуальном, но и на групповом и общественном уровне.

В соответствии с этим общество движется по схеме: нормальное развитие – революция – нормальное развитие. Однако революции – это вовсе не «локомотивы истории», а разрушительные взрывы, представляющие собой реакцию общества на нарушение им самим психофизических основ собственной жизнедеятельности. П. Сорокин решительно подчеркивает, что «главной причиной и непосредственной предпосылкой всякой революции всегда было увеличение подавленных базовых инстинктов большинства населения» [13, с. 272]. К числу этих базовых инстинктов Сорокин относит: пищеварительный, собственнический, инстинкт самосохранения, половой, инстинкт свободы, инстинкт самовыражения унаследованных способностей [1, с. 5]. Иначе говоря, голод и обнищание, страх и принуждение, невозможность создать семью и найти занятие по способностям – таковы главные «пусковые пружины» революции.

Питирим Сорокин рассматривал революционный процесс как динамичное явление и выделял три типические фазы развития всех великих революций. Первая у них – короткая – отмечена радостью освобождения от тирании старого режима и большими ожиданиями реформ, которые обещает каждая революция [9, с. 223]. Однако, подчеркнем, сами реформы несут в себе опасность скатывания к революции, если они нарушают психофизический базис общества, систему его коллективных рефлексов.

Реформы являются, по мнению Сорокина, альтернативой революциям как радикальному способу улучшения жизни членов социума: «История социальной эволюции учит нас тому, что все по-настоящему прогрессивные процессы суть развития знания, мира, солидарности, кооперации и любви, а не ненависти, зверства, сумасшедшей борьбы, неизбежно сопутствующих любой великой революции», – с уверенностью заявляет автор «Социологии революции» [13, с. 271]. Реформы, означающие постепенное, поэтапное преобразование общества в сторону позитивных перемен гораздо предпочтительнее.

Исследование революции 1905–1907 гг. в ранних работах ведется П.А. Сорокиным с позиций бихевиоризма, поэтому исследование

велось в таких направлениях, как изучение извращения поведения человека в революции, природа и механизм человеческого поведения, основные характеристики изменения поведения во время революции, психология революционного общества.

Библиографический список

1. Sorokin P.A. Man and society in calamity. The effects of war, revolution, famine, pestilence upon human mind, behavior, social organization and cultural life. N-Y., 1943.
2. Sorokin P.A. Sociology of mental life // Pitirim A. Sorokin in review. Durham, N.C., 1963.
3. ИРЛИ. Ф. 863. Оп. 1. Д. 8.
4. Канев С. Путь Питирима Сорокина. Сыктывкар, 1990.
5. Ковалевский М.М. Социология. СПб., 1909. Т. 1.
6. Кропоткин П.А. Великая Французская революция. М., 1967.
7. Лавров П.Л. Философия и социология. М., 1955. Т. 2.
8. Сорокин П.А. «Смена веж» как социальный симптом // Философские науки. 1992. № 1.
9. Сорокин П.А. Бойня: революция 1917 года // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
10. Сорокин П.А. Дальняя дорога: автобиография. М., 1992.
11. Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. СПб., 1999.
12. Сорокин П.А. Система социологии. М., 1993. Т. 2.
13. Сорокин П.А. Социология революции // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

Е.И. Сумбурова

Самарский государственный экономический университет

УЧИТЕЛЯ САМАРСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В начале XX в. Российская империя переживала значительные перемены, повлиявшие на дальнейшее развитие страны и судьбы ее граждан. Центральные события разворачивались в основном в столичных городах – Петербурге и Москве, но в стороне не осталось и провинциальное общество. События 1905–1907 гг. всколыхнули всю Россию, и нам представляется интересным рассмотреть

политические взгляды и настроения народных учителей Самарского края как представителей немногочисленной провинциальной интеллигенции. Наше внимание при этом было сосредоточено на изучении 468-го фонда (Самарское губернское жандармское управление) в Государственном архиве Самарской области. Из огромного количества дел было отобрано более сорока за 1904–1908 гг., где имелись упоминания о привлечении к дознанию учителей Самарской губернии.

На основании изученных документов мы попытались составить обобщенный портрет русского учителя начала XX в., вовлеченного по воле случая или по какой-то причине в революционный водоворот 1905–1907 гг. Чаще всего это был молодой человек в возрасте 27 лет, как правило, холостой. Если он имел семью (36 % рассмотренных случаев), то детей было немного: один–двое. Большие семьи у них были редкостью. Уровень образования педагогов был разным: от высшего, хотя это скорее исключение, до специального педагогического или среднего (64 % случаев). Если рассматривать сословную принадлежность учителей-революционеров, то здесь мы увидим приблизительно в равном количестве представителей крестьянства, мещанства и лиц духовного звания.

Среди народных учительниц – участниц революции преобладали представительницы непривилегированного городского сословия, 26 лет, незамужние или вдовы. Обычно они являлись выпускницами гимназий или педагогических учебных заведений. Политические пристрастия учителей, привлеченных Самарским жандармским управлением к следствию, распределились по трем направлениям – социал-революционеры, большевики и беспартийные.

В чем выражалась противоправная деятельность учителей, по мнению представителей власти? Они вели с односельчанами разговоры о месте и роли Русской православной церкви, о государстве и императорской фамилии; хранили у себя запрещенную литературу и распространяли ее среди населения. В разгар революции все чаще стали звучать призывы о неуплате налогов, о введении народного управления и неповиновении властям.

Отдельные представители учительского клана призывали крестьян к активным действиям – захватывать помещичьи земли, не платить налоги, составить телеграмму в адрес правительства, взять в руки оружие [1, д. 499, л. 2; д. 682, л. 7]. Например, учитель Балаков-

ской церковно-приходской школы М.А. Воробьев являлся одним из авторов телеграммы для С.Ю. Витте (от 13 ноября 1905 года), в которой шла речь о том, что «только немедленный созыв Государственной Думы на началах всеобщего избирательного права и равного, прямого и тайного голосования может вывести Россию на путь законности и порядка». Авторы послания «ходатайствовали перед правительством о даровом наделении крестьян землей из кабинетных, наделных и монастырских земель, об уничтожении выкупных платежей, косвенных налогов и введении подоходного налога, об отмене института земских начальников и введении свободного самоуправления, об уничтожении полиции и замене ее милицией, о всеобщем образовании за счет государства» [1, д. 598д, л. 23].

29 июля 1906 г. учитель Н.В. Альбинский агитировал крестьян деревни Екатериновка Бугурусланского уезда составить приговор для отправки его в Государственную Думу. В нем содержались требования об улучшении жизни крестьян и о получении ими земли. Во время митинга Н.В. Альбинский раздал крестьянам «Извещения о крестьянском съезде», прошедшем в Самаре 21 мая 1906 г., и брошюру «Как сицилийские крестьяне боролись за свои интересы» [1, д. 773, л. 28–30(об.)].

Местным властям (священникам, земским начальникам, сельским старостам, волостным старшинам) не нравились революционно настроенные учителя, которые, по их мнению, занимались не своим делом: беседовали с жителями, организовывали спектакли, устраивали повторительные курсы для взрослых, народные чтения. Это вызывало у одних раздражение, у других – опасение, что на подобных занятиях ведутся ненужные крестьянам разговоры о власти, о переделе земли, о необходимых России реформах. Как крестьяне реагировали на пропаганду и агитацию? По-разному. Бывали случаи, когда крестьяне отказывались слушать агитатора и выдавали его полиции [1, д. 622, л. 8; д. 746, л. 17]. Но иногда, наоборот, были готовы защищать революционера с оружием в руках. Например, Бугульминский уездный исправник для ареста учителя Чемодуровской земской школы В.П. Городецкого был вынужден взять с собой конный отряд стражи, так как учитель пользовался у односельчан большим авторитетом, и исправник опасался возможных беспорядков при аресте [1, д. 821, л. 21]. О значительном влиянии учителей на крестьян, по мнению одного из земских начальников, говорил и такой факт, когда один из учеников Елшанского училища В. Егоров

сказал священнику: «А все-таки, батюшка, что ни говорите, а учение Толстого много почище будет Христова» [1, д. 326, л. 1–2].

В делах Самарского жандармского управления сохранились сведения о ложных доносах на учителей. Когда какой-нибудь крестьянин или местный служащий в корыстных интересах или из мести сообщал властям о якобы противоправительственной пропаганде местного учителя [1, д. 557, л. 1; д. 886, л. 100]. Например, учитель Домашкинской земской школы П.Я. Колосов был вынужден давать полицейскому приставу объяснение по поводу поступившего на него доноса. Проблемы начались у Колосова после конфликта с сельским старостой, отказавшим в выдаче денег на нужды школы [1, д. 1081, л. 74]. Похожая история произошла и с учительницей Моршанской земской школы М.С. Владимирской, которую за отказ покрывать неоправданные расходы волостного старшины и писаря сначала лишили должности, затем выжили из села, а потом написали донос, обвинив ее в антигосударственной агитации. Разобравшись с обстоятельствами дела, Самарское Губернское Собрание в обоих случаях прекратило дознание за отсутствием улик [1, д. 1156, л. 3–46].

Правительство пыталось сдерживать рост революционных настроений среди народного учительства. Для этого летом 1905 года в Санкт-Петербурге были организованы педагогические сельскохозяйственные курсы. Но некоторые учителя восприняли это как попытку отвлечь их от пропаганды среди крестьян, стали мешать занятиям, и власти были вынуждены курсы распустить [1, д. 499, л. 2].

В связи со значительным ростом числа участников революционного движения в начале XX в. правительство было вынуждено пойти на смягчение уголовной ответственности за подобную деятельность. Если «Уголовное Уложение» 1903 г. предусматривало серьезные наказания за антиправительственную агитацию, то закон от 7 июня 1904 года хранение запрещенной литературы уже не рассматривал как наказуемое деяние [1, д. 370, л. 3–6]. Циркуляры министра внутренних дел от 31 июля и 8 августа 1906 г. обязали жандармское управление прекращать дознание при недостатке улик и отсутствии свидетелей. В результате многочисленные дела, имеющиеся в самарском архиве, сообщают по большей части о прекращении дознания за отсутствием улик, и только в исключительных случаях дела передавались в прокурорский надзор и далее в

судебную палату для вынесения приговора. Среди рассмотренных нами документов самым тяжким наказанием оказалось заключение в тюрьму сроком на один год [1, д. 700, л. 73–82]. Чаще всего за антиправительственную агитацию Самарское Губернское Совещание (в составе губернатора, прокурора окружного суда и начальника губернского жандармского управления) назначало административную высылку или передачу под надзор полиции [1, д. 553, л. 52; д. 598д, л. 32; д. 1011. л. 32]. Учителя также могли лишиться возможности заниматься педагогической деятельностью на какой-то срок или навсегда [1, д. 560, л. 56; д. 655, л. 20].

Что заставляло учителей принимать участие в революционном движении? Во-первых, желание помочь неграмотным крестьянам разобраться в политических вопросах, новых для них и зачастую очень сложных [1, д. 618, л. 49(об.)]. Так, А.А. Кузнецова, учительствовавшая в селе Секретарки Бугульминского уезда, в объяснении следствию писала: «После Манифеста 17 октября 1905 года я, устраивая в заведываемой школе праздничные народные чтения, объясняла слушателям содержание манифеста и говорила, что теперь многие села и деревни отказываются платить подати и разные мирские сборы, и что следовало бы и им, секретарцам, присоединиться к этому. Я также говорила и кроме, что не следует ходить на службу призванным новобранцам и не во всем слушаться начальство» [1, д. 656, л. 21–22]. Крестьян больше всего интересовали вопросы о Государственной Думе и о земле. Учитель Чемодуровской земской школы В.П. Городецкий, выступая на суде, заявил, что «каждый мало-мальски смыслящий человек должен разъяснять каждому, кто не понимает, смысл и значение Государственной Думы. Это обязанность, а не преступление» [1, д. 821, л. 14(об.)].

Во-вторых, среди народных учителей встречались и убежденные сторонники революции. Например, учитель министерского Балаковского училища И.Т. Сорокин имел контакты с местным и центральными комитетами партии социал-демократов. Он неоднократно выступал на различных митингах и собраниях, убеждая крестьян верить словам большевиков и эсеров, а также содержанию брошюр и воззваний этих партий. Он говорил, что после роспуска Государственной Думы народу необходимо без замедления сплотиться и вооружиться против правительства [1, д. 1011, л. 13].

В-третьих, рост революционной активности в среде учителей объясняется общим настроением российской интеллигенции, увле-

ченной новыми идеями, мыслями о послаблении режима и введении демократических свобод. Так, заведующий Чирковской второклассной школой священник А.Н. Богородицкий, давая показания об учителях А.В. Федорове и П.Л. Полдушкине, писал: «В конце октября 1905 года учителя из скромных тружеников сделались смелыми пропагандистами свободных идей. Никогда до сего времени они не ходили на крестьянские сходы, не знали никого из крестьян, но с конца октября до половины января делаются народниками» [1, д. 682, л. 70–71].

Одним из вопросов, обсуждаемых учителями Самарского края в годы революции 1905–1907 гг., была программа Всероссийского Союза учителей и деятелей по народному образованию. Она ставила перед учительской общественностью как политические, так и профессиональные задачи. Учителя Самары, анализируя ее, не пришли к единому мнению. Большинство склонялось к мысли, что в силу неопределенности политических взглядов самарских учителей союз должен являться чисто профессиональной организацией, а не политической [1, д. 682, л. 5(об.)–7].

В-четвертых, возможно, что учителя могли оказаться в числе революционных участников, сами того не желая. Как, например, учитель Урсалинской земской школы К.Ф. Артемьев, который 22 декабря 1906 года, находясь в нетрезвом виде в трактире Миллера в Бугульме, пел революционные песни («Марсельезу», «Дубинушку») и вел разговоры о том, что «царь-помещик нам не нужен, выберем другого», и оказался затем в жандармском управлении [1, д. 623, л. 1].

В целом, подводя итоги изученного материала, нам хотелось бы отметить, что провинциальное учительство, в том числе и Самарского края, явилось выразителем общераспространенных общественно-политических настроений в среде интеллигенции времен первой русской революции: желание демократических свобод, решение аграрного вопроса, учреждение парламента и облегчение жизни российского народа.

Библиографический список

1. Центральный Государственный архив Самарской области (ЦГА-СО). Ф. 468. Оп. 1.

**«МИРНАЯ ЖИЗНЬ В ТЫЛУ»: САМАРСКОЕ МЕЩАНСТВО
В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1905–1907 ГГ.)**

*Его любимая позиция – мирная жизнь
в тылу наиболее сильной армии.*

М. Горький. «Заметки о мещанстве»

Эпиграфом к данному исследованию мы сознательно абстрагируемся от рассмотрения мещанства как этической категории, уходящей корнями в историософию Герцена, «духовное мещанство» Мережковского, рефлексии Горького, отводя данному дискурсу место эпиграфа [6]. В контексте данной работы мещанство будет рассматриваться не как определенный тип мышления, а как реально существовавшее сословие, которое при всем социальном разнообразии составляло большинство российских горожан [39, с. 181].

В локально-исторических исследованиях нового типа сформировались работы такого рода, которые Майкл Постан назвал микрокосмическими, подразумевая их выход в макроисторическое пространство и «вполне способных выполнять роль первичных блоков в более амбициозных проектах социоистории» [43, с. 77]. Реальность человеческих связей и отношений в рамках такого значительного социального локуса, как сословие, может быть понята через многосторонний ситуационный анализ, позволяющий реконструировать индивидуальное событие в его целостности, «то есть раскрыть конкретную совокупность условий, мотивов, действий, переживаний, восприятий и реакций, а также последствий человеческих поступков» [43, с. 300]. Как отмечает в своем исследовании Л.П. Репина, «установление... всех вариантов практических решений, оказавшихся возможными в данном социальном контексте, в перспективе может позволить перейти от индивидуального опыта к коллективному и к характеристике самого социума» [43, с. 300]. П. Бурдье в этом отношении отмечал, что «тысячи бесконечно малых происшествий», интегрируясь, порождают «объективное чувство, воспринимаемое объективным аналитиком» [3, с. 136–137]. «В обновленной социальной истории в центре системы должен стоять “деятель”, “агент”, “актор”, субъект исторического действия – человек или коллектив (социальная группа), выступающий в неискоренимом дуализме своей социальности: с одной стороны, как итог культурной истории, всего прошло-

го развития... с другой – как персонификация общественных отношений данной эпохи и данного социума» [3, с. 308]. На современном историографическом этапе ясно одно, один метод не исключает другой, «исследование механизма трансформации потенциальных причин в актуальные мотивы человеческой деятельности предполагает обращение как к макроистории, которая выявляет влияние общества... на поведение личности, так и к микроистории, способной раскрыть способы включения индивидуальной деятельности в коллективную» [3, с. 308].

В рамках данной работы мы попытаемся ответить на ряд вопросов, связанных со следующими проблемами: 1) можно ли в период революции 1905–1907 гг. выделить политическую позицию мещанского сословия как социальной группы с размытыми экономическими, профессиональными и культурными границами, лишенной ярко выраженной сословной идентичности; 2) позволительно ли на основании ряда казусов (при неизжитом у историка, чье формирование пришлось на советские годы, недоверии к метанарративу) делать выводы по проблеме «антропологии включения городского обывателя в революционный невроз». Полностью солидаризируясь с методологическими размышлениями, высказанными А.Б. Каменским в предисловии к его монографии «Повседневность русских городских обывателей» [29, с. 9–26], хотелось бы оговориться, что «новая социальная история» находится на сегодняшний день, на наш взгляд, под двойной угрозой: с одной стороны, отдавая дань моде, марксистские историки начинают называть свои метанарративы социокультурными исследованиями, что в определенной степени дискредитирует метод; с другой стороны, по-прежнему веруя в мыслительную конструкцию прошлой историографической эпохи, они не признают в качестве равноправного исследовательского дискурса «историю снизу», не понимая, как можно достичь «приличного» масштаба обобщений на основании диктата одного выразительного источника или фрагментарной источниковой базы. Выводы, сделанные в данной статье, носят отчасти эмпирический характер, так как автор находится в самом начале исследовательского пути по изучению мещанского сословия на последнем этапе имперского периода.

14 мая 1907 г., 19-летний ученик городского реального училища, мещанин Захар Евтихеевич Ярыгин произвел два выстрела в упор из револьвера в помощника исправника Трофимова [9]. События, предшествующие этому трагическому моменту в жизни молодого человека мещанского сословия, развивались следующим образом. В марте в Самару приехали из Саратова два молодых интеллигентных человека в лакированных сапогах и одинаковых фуражках [9, л. 10]. Они обратились к трем местным социалистам-

революционерам, Константину Пономареву (19 лет, мещанин), Дмитрию Далматову и Моисею Геранину, с требованием убить помощника исправника. Так как Ярыгин собирался вступить в партию, в качестве необходимого условия Геранин предложил ему взять на себя убийство помощника исправника. Ярыгин поинтересовался, за что его нужно убить. Ему объяснили, что исправник в деревне Давыдовке отрывал крестьянам уши [9, л. 10об.] Ярыгин удивился: «При чем же здесь Помощник исправника?» Товарищи сказали ему, что это одно и то же [9, л. 10об.]. Пятизарядный револьвер системы «бульдог» Захар Ярыгин попросил у одноклассника Василия Баланушкина. На вопрос Баланушкина о том, зачем понадобился револьвер, Ярыгин ответил: «Пойду на большую дорогу расклеивать прокламации, и револьвер нужен для самозащиты» [9, л. 11]. Данный ответ удовлетворил Баланушкина, и он отдал однокласснику револьвер. 14 мая, в день покушения, во втором часу дня Захар отправился в чайную, где с матерью знакомого мальчика Федора Чирикова выпил бутылку водки. Затем, «часа в три полудни», зашел к двум братьям Бутузовым и с ними выпил полторы бутылки водки [9, л. 11]. После этого Захар Ярыгин отправился к родственнику помощника исправника, своему однокласснику Василию Безрукову, и попросил его познакомить с Трофимовым «для личных, важных переговоров» [9, л. 9об.]. Безруков повел Ярыгина в дом к Трофимову и сообщил, что с ним «желает познакомиться и о чем-то переговорить его товарищ Захар Евтихеевич Ярыгин» [9, л. 9]. Трофимов вышел во двор и вплотную подошел к Ярыгину с вопросом «Что вам нужно?» Захар отступил назад, выхватил револьвер и сделал два выстрела в упор. Револьвер два раза дал осечку. После чего Ярыгин протянул револьвер помощнику исправника со словами: «Вот возьмите револьвер, мне он больше не нужен...» [9, л. 9]. При обыске в квартире Ярыгина был обнаружен мимеограф с оттисками воззваний партии социалистов-революционеров [9, л. 9]. (Данный момент заставляет, с одной стороны, задуматься над образом неискушенного мальчика, вовлеченного в революционный террор, с другой стороны, Прокламация становится настолько привычным знаком эпохи, что наличие мимеографа у Ярыгина еще не основание для выводов о его тесной связи с революционным подпольем).

Для анализа данного архивного казуса в контексте более широкой макроисторической проблемы, касающейся общественной позиции провинциального мещанства в революционных событиях 1905–1907 гг., следует выполнить многоступенчатую иерархию исследовательских процедур, предлагаемых Л.П. Репиной: произвести анализ ситуации с точки зрения ее ординарности или неординарности; реконструировать историю самого

индивида жизненного опыта, предшествующего данному событию; выяснить его психологическую предрасположенность к тому или иному образу действий; выявить мотивацию, конкретный процесс принятия решения и реализацию последнего; последствия реализованного решения; осуществить переход от единичного к массовому с демонстрацией наличия совокупности аналогичных индивидуальных решений, закрепленных в новом поведенческом стереотипе и инкорпорированных в групповую и массовую деятельность [34, с. 300–301].

Ситуация на фоне других дел фонда жандармского управления выглядит и ординарной, и в то же время неординарной. Из 30 дел данного фонда о мещанах, привлеченных к данной работе, за исключением дела Ярыгина, все остальные связаны с оскорблением представителей царствующего дома, распространением революционной литературы и ведением агитации [8]. И тем не менее, по исторической и литературной традициям, Ярыгин нам «знаком»: его текст поведения восходит к теме «подпольной России» [33]. Центральным персонажем большинства поэтических и прозаических произведений Подпольной России являлся герой-революционер. Мир революционеров-подпольщиков, оказываясь «миром идеальных отношений и идеальных людей» [33, с. 41] становится притягательным не только для интеллигенции, но и для учащейся мещанской молодежи, сословно упрекаемой в равнодушии к Мировому Злу. М. Могильнер отмечает в своем исследовании «Мифология «Подпольного человека»», что «даже формально будучи вне Подпольной России, вращаясь где-то на ее периферии, он (читатель. – З.К.) морально принадлежал ей» [33, с. 45]. В ситуации с Ярыгиным обращает на себя внимание проблема «готовности личности к убийству». В 1907 г., когда Ярыгин стреляет в помощника исправника, в «Русском богатстве» появляется рассказ А. Деренталя «В темную ночь», в котором «из уст прежнего героя» звучат «невозможные ранее слова: “Ведь пойми: я же не в березу буду стрелять, а в человека, который ест, пьет, ходит, разговаривает, думает о чем-нибудь!”» [33, с. 79]. Литературная традиция выводит в этом же году новый тип героя, отказывающегося от убийства (в рассказе «Карантин» А. Грина, «Дело» Вл. Ленского и др.) [33, с. 92]. Классическая радикальная мифология докатилась до провинциальной Самары с некоторым опозданием. Когда в эпицентре революционного Подполья формулируется мысль об отказе от убийства, на периферии сочувствующий революции мальчик психологически оказывается готовым к убийству. На уровне массового сознания революционная мифология создавала свои собственные интерпретации в провинциальной среде, снижая градус выразительности, как акторов, так и их действий: городское реаль-

ное училище, мещанство, смутная мотивация, алкогольная поддержка, состоявшееся убийство. Но все это не снимает трагедийности происшедшего события и его последствий для юноши-обывателя, подкарауленного революцией.

Ряд других дел фонда жандармского управления, отмеченных принадлежностью к мещанскому сословию, позволяет выявить некий общий поведенческий стереотип вызванный, с одной стороны, революционными событиями в стране, с другой стороны, надъисторический, неизменный для обывательской психологии в любые эпохи – критика власти, облаченную в форму своего рода «исторического анекдота», так как каждая история была бы смешна, если бы ее следствием не являлись искалеченные судьбы. (При работе с этими делами особо обращалось внимание на семейное положение, возраст и графы «за границей не был», «к суду не привлекался»: в отличие от интеллигенции, эти мещане не видели мир, их собственный провинциальный локус был обжит и регламентирован, повседневность, не связанная с нарушением закона, определялась хронотопом провинциального города и отсутствием серьезных девиаций. Столкновение с машиной власти отныне все меняло. Для маленького человека сила данного столкновения значила много, вела к смене жизненных стратегий, разрушала привычную повседневность.) Сюжет приблизительно один: напившийся (или трезвый) мещанин ругает публично царя, предрекает революцию (что идет в разрез с логикой мещанина – «Пингвина» в горьковском «Буревестнике») и производит какие-либо действия с Бумагой как знаком революционного времени (совсем необязательно это запрещенная литература, листовки или прокламации). В контексте общественного невроза 1905–1907 гг. эти вполне обычные действия и обычные предметы приобретают логику бунта и порождают фигуру Доносчика (который, собственно, также неизбежен в любые эпохи, но только в нестабильные периоды власть его поощряет и стимулирует). «Любой донос... имеет под собой почву», – отмечает А.С. Лавров [32, с. 27–35]. Доносчик – наблюдатель. Исследование «почвы» его наблюдений – еще один путь постижения ускользающей истории повседневности, в данном контексте, революционной повседневности.

5 февраля 1905 г. самарский мещанин и пароходовладелец П.В. Лобастов зашел в свою мастерскую и обратился к слесарям, слышали ли они об убийстве генерал-губернатора Москвы Великого князя Сергея Александровича. Слесаря ответили, что читали об этом в «Самарском курьере». На что Лобастов заметил: «Поделом вору и мука! Будет, пожил и пограбил будучи генерал-губернатором г.Москву и ее градожителей!» [7, л. 1,2]. Среди слесарей находился И.Н. Палкин, крестьянин, проживавший в этой же

хозяйской слесарной мастерской. В деле отмечено, что Палкин был уволен Лобастовым за верноподданнический протест по поводу его высказывания. Как следствие, Палкин донес на своего хозяина в жандармское управление. «Я, как будущий слуга Царя и Отечества дерзнул донести на своего хозяина то, что слышал, да и нельзя допускать подобных вещей, так как и по время у нас еще не окончились между рабочим людом и их подстрекателями социал демократические движения по поводу сказанного не токмо, чтоб установить тишину, а подобные хозяева и пароходовладельцы как г.Лобастов производят совершенно оборотне дело для революций» [7, л. 2об.]. Палкину на момент доноса было 20 лет. В его голове, как видно из данного текста, полная сумятица: на слуху термин «социал-демократические движения» (обратим внимание на тезис В.В. Шелохаева о том, что «...российские партии “прорастали” не “снизу”, а насаждались интеллигенцией “сверху”. Разрабатываемые... идеологии и программы носили, как правило, абстрактно-теоретический характер и были слабо синхронизированы как с общественными потребностями развития страны вообще, так и с интересами различных классов, социальных страт и профессиональных групп в частности» [35, с. 99], что не исключает осведомленности реципиентов в данном вопросе), безграмотность, верноподданнические чувства, подлость, зависть и проч. на фоне общей нестабильной ситуации в городе. Самарская городская дума на своем чрезвычайном заседании 13 декабря 1905 г. отмечала, что «жизнь обывателей» находится в опасности, так как «масса вооруженных людей не стесняются стрелять на улицах» [32, л. 62а], «торговля прекратилась» [32, л. 45]. Спустя некоторое время представитель другого лагеря И.И. Блюменталь охарактеризует Самару 1905 г. как «сравнительно глухой провинциальный пункт», в котором мещанско-купеческое население жило «сонной провинциально-обывательской жизнью», а самарские рабочие в значительной степени «были полумещанами» [2, с. 4–10]. В подобном обывательском пространстве выстрелы звучат сильнее, речи кажутся крамольнее, а в листах бумаги видятся прокламации. Так, во время пьяной драки в ресторане гостиницы Улановой на углу улиц Вознесенской и Москательной у мещан В. Бабенышева и Н. Бурова вывалилась пачка бумажек, которую свидетели приняли за прокламации. Было заведено уголовное дело по статье 129 Уголовного Уложения, но обвиняемые утверждали, что у них вывалились первоапрельские карточки, над которыми все смеялись. Мещанин Н. Васильев, проходя по улице Саратовской, в 22.30 вечера выронил прокламации, начал их собирать, но мимо проходившие люди, сразу распознав эти листки, его задержали [36, л. 8–25об.]. Прокламации наводнили обывательский

мир, стали элементом повседневности, обыватель даже знал, как они должны выглядеть: узкая полоска печатного текста. 31 июля 1905 г. в городском саду г. Бузулука, напившись, буйствовал крестьянин И.Н. Пушкин. При задержании нарушителя покоя в карманах его шаровар была найдена прокламация социал-демократической партии. Пушкин сообщил, что прокламацию ему дал мещанин Барковский. Барковский виновным себя не признал, так как, по его словам, прокламацию нашел за городом, недалеко от мельницы Чемодурова, на которой он работал. Придя домой, он попросил своего соседа Пушкина почитать, о чем пишут студенты. А Пушкин напился и забыл выбросить прокламацию [15, л. 5–27]. 9 февраля 1905 г. мещанин А.О. Смирнов, будучи пьян, сообщил крестьянину, высказавшему соболезнование по поводу убийства Великого князя Сергея Александровича: «Туда ему подлецу, мерзавцу, с... сыну и дорога... 19 февраля предстоит бунт, у меня есть по этому поводу прокламация, которую даю только под страхом меня не выдавать, а иначе того...» [17, л. 2]. Мещанин Ф.В. Богдавленский, колбасный мастер, хранил прокламации «Крестьяне к вам наше слово», «В бой за свободу», «Пауки и мухи» [13, л. 4–11]. Мещанин М.И. Булычев принес в слесарную мастерскую прокламацию Георгия Гапона «К рабочим» – потом попросил сжечь [14, л. 2–4]. Мещане разбрасывали прокламации на железнодорожных путях [8], оставляли на подоконниках в общественных учреждениях [12, л. 1об.]. Мещане сквернословили в адрес власти, как правило, напившись. В первый день Пасхи 1905 г. двое мещан, Е. Борисов, наборщик типографии, и И. Васильев, столяр, «будучи немного выпимши» (в документе уточняется «твердо стояли на ногах»), в гостях заявили: «Царя нам не нужно, царь обирал и обирает народ, дурак он!» [20, л. 6–24] 30 августа на базаре 49-летний мещанин, переплетчик и письмоводитель В.Д. Волохов, будучи пьян, говорил торговцам: «Я знаю, в Японии идет бунт. Микадо хотят убрать. Уберут и у нас Николашку, выгонят в... мать...» (далее ненормативной лексикой о том, что государь не умеет вести войну и слушать своих министров, потому что – дурак! – З.К.) Когда Волохова допрашивали в жандармском управлении, вину свою он не признал, так как, по его словам, страдает запоем, и, что с ним в это время происходит, он «решительно не помнит» [30, л. 1–18]. Мещанин П.А. Бобылев, 27-летний конторщик чайной компании «Губкин-Кузнецов», в магазине пел, будучи пьян, революционную песню «Отречемся от старого мира» и нецензурно выражался в адрес царя: «Мать вашу ети, а равно вашего царя» [35, л. 2–16]. Поздно вечером в пивной мещанин В.А. Константинов обругал наследника престола матерными словами. В свое оправдание заявил, что «был пьян, ничего не помнит, даже как очутился дома!» [16, л. 5,6]. К меща-

нину Васильеву, выпивавшему после работы с друзьями, подошел мещанин Скосырев и спросил: «В кого ты веришь?» Васильев ответил: «В Бога и Царя». На что Скосырев ответил: «... (ненормативная лексика. – З.К.) я вашего царя, какую он тебе помощь дал?» [31, л. 8а]. Мещанин Д.О. Попов, маляр, угощая за свой счет в пивной приятелей пивом, рассказывал, что в Самаре существуют два комитета, которые очень богаты и вооружены, что скоро в Самаре будет бунт, царя убьют и государством будет управлять народ [18, л. 6–27]. Работник иконописной мастерской, мещанин А.В. Календо, напившись, решил выступить перед народом с призывом давить купцов и отбирать у них землю на углу Троицкой и Москательной улиц. Дело решено было прекратить, так как Календо «просто был пьян, еще и дрался!» [19, л. 18–25об.] Можно ли на основании подобных поведенческих практик со стороны представителей мещанского сословия делать вывод о десакрализации или делегитимизации власти в их картине мира и о нарастании политической активности? Можно ли говорить об изменениях мещанской ментальности с ее ориентацией на патерналистско – имперское сознание? Скорее всего, характер мещанского протеста был, как пишет В. Бухараев в своем исследовании по г. Казани, «не активным социально-политическим, а скрытым, зачастую неосознанным; его выразители, мещане-деликвенты, не выпадали из мещанского архетипа» [4, с. 32]. Но в провинции, так же как и в стране, началось общее брожение, обыватель пришел в движение.

Идея данного исследования заключается в том, что чтобы вернуть теме революции «человеческое содержание», то есть анализировать архивные документы с точки зрения исторической антропологии. Сознательно не подниматься до обобщений, даже понимая, что остаешься пока «в рамках «казуса»». Однако соблазн велик: посмотреть на проблему мещанства в революции со стороны сословной организации. «Грехопадение» и в науке чревато проблемами: обращаясь к сословиям – попадаешь в эпицентр серьезной дискуссии о сословной парадигме в России [40]. Главный вопрос: стояла ли определенная социокультурная реальность за правовым термином «мещанское сословие» в начале XX в. Следует, по всей видимости, согласиться с точкой зрения Э. Виршафтер по поводу того, что социальное самоопределение в сословной идентичности гораздо более важный фактор, нежели роль формального законодательства в ее формировании (то есть фискально-административная политика государства) [5]. Н. Иванова и В. Желтова в своем исследовании о сословно-классовой структуре России отмечают, что признаками сословия можно считать законодательное закрепление сословных функций или занятий, сословных обязанностей и прав, передача их по наследству, наличие сословных корпоративных

организаций, осуществляющих сословное общественное управление, специфический менталитет и самосознание [37, с. 7]. Л.В. Кошман, отводя значительное место мещанству в исследовании, посвященном пореформенному городу, делает вывод о социальной зыбкости, нестабильности этого сословия, которая не способствовала внутренней социокультурной консолидации [39, с. 203]. Получается, что мещанство, количественно представленное в Самаре 1905 г. 163 284 человек [1], консолидировалось исключительно мещанской управой, выполнявшей по Городовому Положению 1870 г. фискальные функции: причисления – исключения в мещанское общество города, уплата окладных сборов, составление посемейных списков и т. д. Все дела фонда 217 мещанской управы г. Самары за 1905–1907 гг. не содержат ни одного документа, иллюстрирующего политическую позицию сословия, за исключением косвенно относящегося документа, фиксирующего истраченные суммы на отправку Верноподданнической телеграммы по поводу войны с Японией и на покупку свечей и приглашение причта для молебна по случаю избавления Их Императорских Величеств от опасности в 1888 г. [33, л. 3, 23].

Скорее всего, следует отказаться от попыток выяснить общие для сословия поведенческие практики в период революции 1905–1907 гг., так как данная социальная категория была определена с учетом приоритета фискальных интересов государства. За юридическим термином «мещанство» стояли достаточно противоречивые социальные реальности, которые можно было бы определить как субкультуры. Все они приходят в движение в 1905 г. Среди участников стачечного движения в Самаре находим «приказчиков», «модисток», «парикмахеров», «служащих конки», «официантов», «грузчиков» и т. д. [2]. Являясь естественной частью городских обывателей, они же и затрудняют обывателю своей политической активностью его повседневную жизнь. По всей видимости, следует разводить само явление политической активности и те формы, в которые она заключалась. В этом отношении показательны два документа. Дело о соглашении, выработанном приказчиками и их хозяевами после стачки приказчиков, и дело о мещанине П.Е. Сенаторове. Дискурс выработки соглашения свидетельствует о том, что приказчик и хозяин ментально принадлежат к единому пространству: они договариваются, торгуются, лукавят [32, л. 1а, 1б]. П.С. Сенаторов, такой же мещанин, как и вышеперечисленные «фронтеры» – обыватели. На него также было заведено дело по статье 103 Уголовного Уложения, но он оскорблял Государя иначе: в стенах Земской губернской управы, пафосно, поручителями выступили кандидат правоведения А.А. Смирнов, купец В.К. Головкин, внося поручительство в сумме

50 тысяч рублей [10, л. 3–15]. Ментально Сенаторов ближе к городской интеллигенции, чем к низшим и средним городским слоям. Мещане Самары в 1905–1907 гг. становились героями переходной, переломной эпохи, что отражалось на их жизни и мировосприятии. До 1917 г. объединенные единым правовым сословным статусом, они создавали знаки и казусы своего проживания истории. Процесс возвращения мещанского героя, актора в историческое исследование становится возможным при осознании историком права на прочтение его индивидуального текста в качестве самоценной мировоззренческой единицы.

Библиографический список

1. Адрес-календарь Самарской губернии на 1905 год. Самара, 1905.
2. Блюменталь И.И. Социал-демократия и революционное движение 1905 г. в Самарском крае // 1905 г. в Самарском крае. Материалы по истории РКП(б) и революционного движения. Самара, 1925.
3. Бурдые П. Начала. М., 1994.
4. Бухараев В.М. Провинциальный обыватель в конце XIX – начале XX века: между старым и новым // Социальная история. Ежегодник. М., 2000.
5. Виртшафтер Э. Социальные структуры: разночинцы в Российской империи. М., 2002.
6. Горький М. Заметки о мещанстве // Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 23, 30. М., 1953; Герцен А.И. Былое и думы // Герцен А.И. Соч.: в 9 т. Т. 5. М., 1956; Его же. Концы и начала // Там же. Т. 7. М., 1958; Мережковский Д.С. Больная Россия. Л., 1991.
7. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГА-СО). Ф. 468. Оп. 1. Д. 467.
8. Там же. Ф. 468. Д. 470, 484, 490, 486, 460, 411«А», 438, 439, 424, 418, 442, 458, 456, 455, 563 и др.
9. Там же. Ф. 468. Оп. 1. Д. 958.
10. Там же. Д. 424.
11. Там же. Ф. 153. Оп.36. Д. 112.
12. Там же. Ф. 468. Оп. 1. Д. 456.
13. Там же. Д. 491.
14. Там же. Д. 460.
15. Там же. Д. 490.
16. Там же. Д. 418.
17. Там же. Д. 468.
18. Там же. Д. 458.
19. Там же. Д. 514.
20. Там же. Д. 411(а).

21. Там же. Д. 438.
22. Там же. Д. 442.
23. Там же. Ф. 153. Оп.36. Д. 1144.
24. Там же. Ф. 217. Оп. 1. Д. 362.
25. Там же. Ф. 468. Оп. 1. Д. 484.
26. Там же. Д. 439.
27. Там же. Д. 455.
28. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. М., 2004.
29. Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2007.
30. Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия. М., 2008.
31. Лавринович М. Революционный характер России [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http:// old.russ.ru/krug/kniga/20021227_lavr.htm](http://old.russ.ru/krug/kniga/20021227_lavr.htm)
32. Лавров А.С. Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М., 2000.
33. Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: Радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М., 1999.
34. Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009.
35. Шелохаев В.В. Политические партии России в свете новых источников // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005.

А.А. Воеводина

Самарский государственный медицинский университет

МЕЩАНСТВО В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ПЕРИОДА РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 ГГ.

К настоящему времени в отечественной литературе отчетливо сформировалось представление об особом статусе темы мещанства в истории общественно-политической мысли России. Исследователи пишут о мещанстве как «сложившемся культурном стереотипе», обозначают «комплекс антимещанства» и «антимещанский пафос» русской культуры и даже «антимещанский вывих русского ума» [2; 6; 11; 15]. Данный феномен сформировался в России не без влияния западной философии [6] и, кроме того, может быть рассмотрен как «продукт интернациональный» (своего рода «инвариант... антикапиталистической ментальности») [2]. Тем не менее следует признать, что на отечественной почве тема «борьбы с обыва-

тельщиной» приобрела значительное своеобразие, остроту и стала одним из «проклятых вопросов» русского общества.

Не вызывает сомнений у авторов, что у истоков проблемы «антимещанства» в российской мысли стоял А.И. Герцен с его критикой западной цивилизации. Именно он положил начало принципиально новому подходу к толкованию понятия «мещанство», придавая ему «предельно расширительное – до утраты границ его применимости – значение» [2]. Наряду с базовой трактовкой этого термина как сословия отныне появилось ключевое для русского общественного сознания понимание мещанства как особой картины мира и образа жизни.

В последние десятилетия XIX в. тема мещанства занимала как дворян – классиков русской литературы, так и представителей разночинной интеллигенции [2; 15; 17]. Но временем действительной актуализации этой проблемы стало начало XX в. Всплеск интереса к общественным вопросам, среди которых неприятие «обывательщины» пользовалось небывалой доселе популярностью, явился результатом осмысления событий первой российской революции. Одним из наиболее значительных и, пожалуй, самым ярким выступлением в духе «антимещанства» была статья Д. С. Мережковского «Грядущий Хам».

В первой редакции знаменитое эссе Д.С. Мережковского вышло в двух номерах журнала «Полярная звезда», близкого по направлению к партии кадетов. Одна из статей называлась «Мещанство и русская интеллигенция» [14, с. 32–42] и, по-видимому, оказалась в русле основных идей кадетского издания. Пафос этого выступления состоял в предостережении от растущего влияния мещанской культуры на общественную жизнь, а также в постановке проблемы соотношения мещанства и интеллигенции. Вторая часть «Грядущего Хама» вышла под этим заголовком и сопровождалась примечанием редакции журнала о несогласии с «религиозно-политическими выводами» автора [13, с. 185–192]. В этой статье явно преобладала религиозно-мистическая трактовка социокультурных проблем, в частности, общественного сознания и особого пути русской интеллигенции. Вскоре Д.С. Мережковский объединил журнальные тексты обоих выступлений, выпустив «Грядущего Хама» в составе одноименного сборника публицистических произведений в 1906 г. [12].

В представлении мыслителя явления мещанства и хамства неразрывно связаны, поскольку «достигшее своих пределов и воцарившееся мещанство и есть хамство» [12]. И.В. Кондаков считает, что само «грядущее хамство» у автора скандальной статьи «рождается как нечто «третье»

между крайностями социального и духовного рабства» [8]. Действительно, понятие рабства в данном случае стало смысловой доминантой, своеобразным связующим звеном между терминами «мещанство» и «хамство». Уже в начале первой российской революции, Д.С. Мережковский отмечал, что «духовное рабство – в самом источнике всякой свободы», и предупреждал: «Одного бойтесь – рабства и худшего из всех рабств – мещанства и худшего из всех мещанств – хамства, ибо воцарившийся раб и есть хам, а воцарившийся хам и есть черт – уже не старый, фантастический, а новый, реальный черт, действительно страшный, страшнее, чем его малюют, – грядущий Князь мира сего, Грядущий Хам» [12]. Именно мысль Д.С. Мережковского о «грядущем мещанине» как «мироправителе тьмы века сего» легла в основу утверждения современных исследователей о том, что символисты возвели мещанство в ранг «мирового зла» [2; 15].

С одной стороны, в творчестве Д.С. Мережковского обличение мещанства обрело принципиально новое звучание, с другой – являлось прямым продолжением направления, заданного А.И. Герценом. Мещанство представало как антипод духовного благородства и свободы, синоним бездуховности, посредственности. Но если автор «Концов и начал» считал мещанство характеристикой западной культуры, пока еще не присущей России [4], то мыслители периода первой российской революции непосредственно обращались к проявлениям этого феномена в русской жизни. Так, Д.С. Мережковский писал о трех «лицах» Грядущего Хама в России: 1) «настоящее, – над нами, лицо самодержавия, мертвый позитивизм казенщины, китайская стена табели о рангах, отделяющая русский народ от русской интеллигенции и русской церкви»; 2) «прошлое, – рядом с нами, лицо православия, воздающего Кесарю Божье»; 3) «будущее, – под нами, лицо хамства, идущего снизу – хулиганства, босячества, черной сотни – самое страшное из всех трех лиц» [12].

По мысли Д.С. Мережковского, «эти три начала духовного мещанства соединились против трех начал духовного благородства: против земли, народа – живой плоти, против церкви – живой души, против интеллигенции – живого духа России» [12]. Лишь религиозное возрождение России могло избавить мир от торжества Хама, считал мыслитель. Он подчеркивал, что судьба русской интеллигенции зависит от того, «поймет ли она, что лишь в грядущем христианстве заключена сила, способная победить мещанство и хамство грядущее? Если поймет, то будет первым исповедником и мучеником нового мира; а если нет, то... последним бойцом старого мира» [12]. Таким образом, автор «Грядущего Хама» вписал в концепцию мещанства ключевую для своих общественно-политических представле-

ний идею – о необходимости осуществления религиозной революции в России путем соединения «религиозного сознания» народа и «революционного действия» интеллигенции [3].

Продолжение герценовской линии в понимании феномена мещанства сближало Д.С. Мережковского с Р. Ивановым-Разумником. Лейт-мотивом его фундаментального исследования стало как раз заострение внимания на оппозиции интеллигенция–мещанство. Вся история русской общественной мысли рассматривалась автором в русле противостояния этих двух сил [7]. Как отмечает М.В. Селеменова, «концепция “внесловности и внеклассовости”, иначе говоря, всеобщности мещанства позволяет Иванову-Разумнику принять идею Герцена о потенциальном мещанстве социализма» [17].

Принципиально иначе ставился вопрос о критике «обывательщины» в социал-демократической печати. В 1905 г. М. Горький в «Заметках о мещанстве» предъявил идеологические обвинения русской интеллигенции, назвав, в частности, творчество Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского «литературой мещан» [5]. Очевидно, что идеи Д.С. Мережковского и Р. Иванова-Разумника во многом прозвучали как полемический ответ на такую трактовку проблемы соотношения мещанства и интеллигенции. М. Горький определил мещанство как «строй души современного представителя командующих классов», и в этом смысле ему противопоставлялась «энергия» социальных низов [5]. Автор «Грядущего Хама», напротив, подчеркивал, что «у голодного пролетария и у сытого мещанина разные экономические выгоды, но метафизика и религия одинаковы – метафизика умеренного здравого смысла, религия умеренной мещанской сытости» [12].

Тем не менее статья Д.С. Мережковского не была направлена прямо против «Заметок о мещанстве», а лишь давала своеобразный идейный противовес социал-демократической интерпретации этой проблемы. В то же время выступление Н.А. Бердяева в «Полярной звезде» было обращено непосредственно против М. Горького и его антиинтеллигентской позиции. «Кто мещане?.. Мещане – Л. Толстой и Достоевский. Мещане – русская интеллигенция. Мещанство – религия, философия, эстетика, да, в сущности, и наука, мещанство – гуманизм, мещанство – заповедь “люби ближнего своего, как самого себя”, мещанство – все индивидуальное и свободное, все культурное и утонченное. Что же не мещанство, что ему противопоставляется? Культ силы, поклонение рабочему народу, как факту, как победоносной стихии, злоба против индивидуального творчества,

отрицание культурных ценностей, взгляд на человеческую личность, как на средство и орудие», – писал Н.А. Бердяев в статье «Революция и культура» [1].

Говоря о мещанстве, Н.А. Бердяев также призывал «восстановить истинное значение слов» [1]. Ему вторил Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Проанализировав «антимещанские» выступления М. Горького и Д.С. Мережковского, он предложил определить содержание понятия, вокруг которого велась полемика. «Очевидно, что “мещанство”, противопоставляемое пролетариату, не может совпадать по всем пунктам с “мещанством”, противопоставляемым русской интеллигенции», – отмечал Д.Н. Овсяннико-Куликовский [16].

Действительно, в начале XX в. представители разных идейных течений вкладывали в понятие «мещанство», казалось бы, противоположные, взаимоисключающие друг друга смыслы. Как отметила Е.Н. Иванецкая, «парадокс заключался в том, что с мещанством воевали все» [6]. Более того, в этой борьбе ключевыми становились одни и те же характеристики – «дух вечной середины», сытость, рабство, пассивность, посредственность, покой и т. д. Принципиальное отличие заключалось в том, кто объявлялся носителем таких ценностей. В частности, В.И. Ленин, разделяя позиции М. Горького по данной проблеме, идеологами мещанства называл Н.А. Бердяева, редакторов «Полярной звезды» и в целом «кадетов» [10].

Таким образом, в начале XX в., как подчеркивает Е.Н. Иванецкая, «совместными усилиями идейных противников было утверждено, что мещанство – это нечто ужасное»; «мещанство – это все, что не “мы” и не “мое” и при этом “сытое” [6]. Однако «парадокс о мещанстве» этим не исчерпывался. Как заключают В.М. Бухараев и Б.С. Аккуратов, «мещанин сам становился носителем антимещанства» [2].

Очевидно, что причиной «парадокса» стала специфическая трактовка термина «мещанство» как особого мировоззрения, в центре которого стоит стремление к обладанию собственностью. Сформировавшееся в таком виде представление о мещанстве оказалось востребованным в советской культуре и идеологии [2; 4; 15]. Но именно такой подход определил утрату значения «антимещанского комплекса» в современном обществе. Как отмечает В.В. Глебкин, сегодня «стремление к обладанию собственностью перестает быть предметом осуждения... Тем самым подтверждается тезис Герцена о мещанстве как последнем слове европейской культуры и опровергаются его надежды на возможность иного пути» [4].

Библиографический список

1. Бердяев Н. Революция и культура // Полярная звезда. СПб., 1905. № 2. С. 146–155.
2. Бухараев В.М., Аккуратов Б.С. От неприятия скопидомства до борьбы с «контрреволюцией быта» // Отечественная история. М., 2002. № 1. С. 159–174.
3. Воеводина А.А. Интерпретация революции 1905–1907 гг. З.Н. Гиппиус и Д. С. Мережковским // Власть и общество в России: история и проблемы взаимоотношений: материалы международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Смоленск, 24–25 ноября 2005. Смоленск: СмолГУ, 2006. С. 114–117.
4. Глебкин В.В. Мещанство [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://russidea.rchgi.spb.ru/ideasinrussia/universalcults/index.php?ELEMENT_ID=3685.
5. Горький М. Заметки о мещанстве // Горький М. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 23. М.: Гослитиздат, 1953. С. 341–367.
6. Иваницкая Е.Н. Парадокс о мещанстве: (К проблеме этико-эстетических исканий серебряного века русской литературы) // Время Дягилева: Универсалии серебряного века. III Дягилевские чтения. Пермь, 1993. Вып. 1. С. 52–58.
7. Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли: в 3 т. М.: Тера; Республика, 1997. Т. 1.
8. Кондаков И.В. К феноменологии «грядущего хамства» // Д.С. Мережковский: мысль и слово. М.: Наследие, 1999. С. 150–163.
9. Корецкая И.В. «Грядущий Хам» Д.С. Мережковского: текст и контекст // Д.С. Мережковский: мысль и слово. М.: Наследие, 1999. С. 136–149.
10. Ленин В.И. Победа кадетов и задачи рабочей партии // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 12. М.: Политиздат, 1979.
11. Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. М.: Московская школа политических исследований, 2000. 416 с.
12. Мережковский Д.С. I. Грядущий Хам. II. Чехов и Горький. СПб.: Изд-во М.В. Пирожкова, 1906.
13. Его же. Грядущий Хам // Полярная звезда. СПб., 1905. № 3.
14. Его же. Мещанство и русская интеллигенция // Полярная звезда. СПб., 1905. № 1.
15. Морозова О. Мещанство и русская революция: судьба одного культурного стереотипа // Ростовская электронная газета № 16 (179), 25.11. 2008 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu; www.woa/wa/Main?textid=2111&level1 =main&level2=articles>

16. Овсяннико-Куликовский Д. Еще о «мещанстве» и русской интеллигенции // Полярная звезда. СПб., 1905. № 3. С. 229–234.
17. Селеменова М.В. Проблема мещанства и ее художественное решение в творчестве Е.И. Замятина: дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2003. 208 с.

А.В. Мендюков

Самарский государственный медицинский университет

ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И ОБЩЕСТВО В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В революционный период Русская православная церковь решительно выступила в роли адепта государства и монархии. Этому способствовал ряд причин. Во-первых, слишком зависимое от государства положение в рамках установленной еще Петром синодальной системы. Во-вторых, экономическое благополучие церкви существенно зависело от государства. Церковные причты получали жалованье, пусть и не очень значительное. В-третьих, духовенство по своему мировоззрению относилось к консервативной части общества. Правда, среди учащейся семинаристской молодежи наблюдался активный рост левых и радикальных настроений. «Господствующие классы прилагали все усилия к тому, чтобы охранительное влияние церкви сделать наиболее глубоким. С этой целью церковь была призвана воспитывать подрастающее поколение в духе лозунга “православие, самодержавие, народность”. Обязательное преподавание во всех учебных заведениях закона божия, и церковно-приходские школы обслуживали эту цель и являлись мощным оружием реакции», – писал один советский автор [3, с. 9].

Православная церковь в первую русскую революцию собиралась примирить противоборствующие стороны. Это нашло яркое выражение в послании Св. Синода от 14 января 1905 года, подписанном высшим иерархом церкви – митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Антонием, также митрополитом Московским и Коломенским Владимиром и митрополитом Киевским и Галицким Флавианом. В нем отмечалось: «Св. Синод, скорбя о пагубных настроениях в современной жизни русского народа, именем... Церкви Православной умоляет всех чад ея: Бога бойтесь, Царя чтите и всякой власти, от Бога поставленной, повинуйтесь» [11, с. 3]. Св. Синод обращался и к епархиальным архиереям. Так, на имя самарского епископа Константина пришла телеграмма, подписанная ми-

трополитом Антонием: «Св. Синод поручает Вашему Преосвященству пригласить подведомственное духовенство употребить все свое пасторское воздействие к устранению междоусобия среди населения, поучая его в своем поведении и в отношениях к ближним действовать в духе христианского братолюбия» [12, с. 915]. Результатом волны революционной агитации стало постепенное исчезновение былого доверия к словам и действиям служителей церкви. Об этом косвенно свидетельствуют такие данные: в Самарской епархии в 1905 г. не было на исповеди 33 тыс. 480 чел., а в следующем – 32 тыс. 361 чел. [1, с. 128].

Ради справедливости стоит отметить, что имели место и совершенно противоположные случаи. Например, во время осмотра церкви г. Алатырь Симбирской епархии преосвященным Гурием певчие на клиросе пели духовный концерт «Свыше пророцы». Владыка похвалил пение: «как стройно и правильно поют; какие хорошие голоса; кто эти певцы?» Священник сообщил, что поют рабочие из алатырских железнодорожных мастерских [13, с. 6].

Даже и среди самого духовенства замечалось брожение на политической почве. Так, например, самарскому губернатору стали поступать заявления о противоправительственной деятельности некоторых священнослужителей, в частности об участии их в сельских митингах, произнесении ими революционных речей [9, л. 38]. А к Преосвященному Самарской епархии обратилось несколько священников одного из благочинных округов с просьбой «разрешить всему духовенству собраться в Самаре с целью образовать общий союз, чрез который они намерены были примкнуть к “общему освободительному движению»» [9, л. 38]. Синод был всерьез обеспокоен подобными настроениями, охватившими некоторые слои духовенства, и 10 марта 1906 г. издал по этому поводу указ, в котором говорилось о том, что «при получении достаточно основательных сведений о вредной деятельности кого-либо из священно-церковнослужителей Епархиальным Преосвященным надлежит немедленно... удалять такового с места преступной его деятельности, с целью пресечения таковой, чрез вызов к архиерейскому дому или в монастырь... устраняя тем необходимость принятия тех или иных мер со стороны административных властей» [10, л. 166]. В то же время обер-прокурор Синода связался с министром внутренних дел относительно того, «не признано ли будет возможным сделать распоряжение, чтобы полицейские власти в таких только случаях прибегали к аресту и предварительному тюремному заключению священнослужителей, когда со стороны последних обнаружено противление принятым епархиальны-

ми начальствами мерам пресечения преступной их деятельности или когда таковые меры своевременно не были или не могли быть приняты» [10, л. 166].

Одним из эффективных способов достижения этой цели являлось участие православной церкви в выборах в Государственную думу. Закон о выборах предоставлял духовенству широкие избирательные права. В выборах могло принять участие практически все городское духовенство. Сельские священники, имевшие в частной собственности установленный земельный ценз, могли участвовать в уездных съездах землевладельцев. Предоставляя духовенству широкие избирательные права, правительство, по-видимому, надеялось на его поддержку, как во время выборов, так и в самой Думе [2, с. 146–147]. И оно не ошиблось в своих расчетах.

В итоге в 1-й Думе /27 апреля – 8 июля 1906 г./ оказалось шесть священников /левые и центристы/ и два епископа /оба правые/, во 2-й /20 февраля – 3 июля 1907 г./ – епископы Платон и Евлогий и 11 священников, трое из которых были кадетами, четверо – эсерами, а остальные – правыми. В 3-й Думе /1907–1912 гг./ представительство духовенства значительно возросло и составило 45 депутатов: епископ Платон и 15 священников примкнули к правым, епископ Евлогий и 13 священников – к умеренно-правым, два священника были националистами, четверо – прогрессистами и девять – октябристами. В 4-й Думе /1912–1917 гг./ число священников составляло 46 человек, из которых сорок являлись правыми. Причиной резкого «поправения» духовенства в последних двух Думах отчасти стало то обстоятельство, что после 1907 г. священнослужителям было запрещено присоединяться к левым партиям [7, с. 32]. Третья дума стала самой продуктивной в плане законотворческой работы в нашей истории. П.А. Столыпину удалось проводить свою политику, благодаря поддержке значительной части депутатов Думы, в том числе из рядов духовенства. Из 45 депутатов-священников 25 входили в умеренно-правые фракции. Лидером среди них был Холмский епископ Евлогий (Георгиевский), активно поддерживавший начинания Столыпина и относившийся к нему с симпатией. Правые критиковали политику Столыпина, в частности выступая против внедрения земств в западных губерниях [6, с. 52–53].

Приходское духовенство средневожских епархий совершенно не было представлено в первых трех Думах. В Думу 2-го созыва депутатом от Самары был избран эсер Василий Архангельский, сын дьякона. Он окончил Самарское духовное училище и семинарию, а также духовную академию в Москве. Одно время преподавал философию и педагогику в Тобольской духовной семинарии, а затем стал редактором газеты «Волж-

ский вестник». За слишком вольные взгляды он вместе с другими сотрудниками редакции был арестован и выслан в Тобольскую губернию. В Госдуму он приехал прямо из тюменской тюрьмы [14, с. 285].

В состав депутатов IV Думы вошли священники от всех трех губерний. От Пензенской губернии депутатом стал протоиерей кафедрального собора Пензы Владимир Лентовский, примкнувший к правым. От Самарской губернии в Думу прошли два священника: благочинный Семен Крылов, вошедший в группу центра, и священник с. Морша Николаевского уезда Вениамин Немерцалов /националист/ [15, с. 223, 277, 281]. Во фракцию националистов вошел и протоиерей, настоятель кафедрального собора Симбирска Сергей Медведков [15, с. 308].

Многие представители церкви в годы первой русской революции и послереволюционный период приняли активное участие в деятельности такой политической организации, как «Союз русского народа». Между тем официальное определение Св. Синода о разрешении духовенству участвовать в монархических организациях последовало лишь 15 марта 1908 г. Крайне правые получили поддержку со стороны влиятельных церковных иерархов, среди которых были митрополиты Московский – Владимир /Богоявленский/ и Киевский – Флавиан, епископ Таврический Алексей и в особенности архиепископы Волынский – Антоний /Храповицкий/ и Саратовский – Гермоген [5, с. 93]. Без их поддержки «Союз русского народа» никогда не смог бы превратиться в серьезную политическую силу.

Духовенство Среднего Поволжья участвовало в местных организациях «Союза русского народа». В начале 1905 г. в с. Бессоновка Пензенской губернии под руководством священников и полиции было создано общество под названием «Союз русского народа имени Георгия Победоносца». В престольный день, 20 июля, члены общества устроили расправу над своими политическими противниками из числа местных крестьян. Около тридцати человек было посажено в арестантскую камеру при волостном правлении. Но крестьяне сумели освободить арестованных, причем многим из них после этого пришлось скрываться [4, с. 138–139].

Количество открытых конфликтов черносотенцев с их политическими противниками точно неизвестно, но их было немало. Так, например, 27 октября 1905 г. в с. Обшаровка Самарского уезда Самарской губернии монархисты во главе со священником Благомысловым и урядником Дербеневым, управляющим удельным имением Пушкина, затеяли драку с участниками революционной демонстрации [1, с. 80]. Крупное столкновение крестьян с полицией произошло в селе Каменка Пензенской губернии в июне 1906 г. В село прибыл для встречи губернатора исправник Петров

с солдатами. В это время в местной церкви по заказу бывшего члена Думы кадета Врагова священник Благоразумов служил панихиду по убитому члену Думы кадету Герценштейну. Она состоялась в присутствии крестьян и Врагова. Дьякон демонстративно от служения отказался. После этого исправник потребовал, чтобы священник отслужил молебен по царской семье. На этот раз крестьяне покинули церковь вместе с церковным хором. Поэтому петь пришлось самому исправнику, ротному командиру и солдатам. По окончании молебна исправник распорядился произвести обыск у Врагова и арестовать его. Врагов был увезен в имение Воейково, где расположилась полурота солдат. Узнав об аресте экс-депутата, крестьяне решили его освободить, и им это удалось. Исправнику же вручили уведомление о том, что если Врагов еще раз будет арестован, то они не ручаются за спокойную обстановку в районе. Исправник доложил о происшествии губернатору. Тот распорядился собрать в Каменке сход, поручив это дело тому же исправнику Петрову и приставу Аргузову. Однако появление на сходе полиции лишь подлило масла в огонь. Под звуки ударившего набата толпа окружила исправника и пристава. Пристав выстрелил, ранив одного из нападавших и убив другого. Крестьяне отняли у него оружие и стали избивать. Только чудом ему удалось спастись. Исправник же был убит. Для усмирения крестьян были посланы войска. Три десятка бунтовщиков были арестованы. Суд, который состоялся 12 июля 1907 г. в Пензе, приговорил семерых из них к четырем годам каторги. Еще семь человек попали в тюрьму и арестантские роты [4, с. 196–197].

Не менее ошеломляющий случай произошел в с. Ильмино Городищенского уезда Пензенской губернии. Местный священник Кургаев рассказал помощнику исправника о революционных агитаторах из числа крестьян, заодно причислив к ним священника Покровского. По обвинению Кургаева последний был избит казаками. Во время ареста агитаторов завязалась стрельба. Один крестьянин был убит, несколько ранено. Кургаев стал причащать тяжело раненного, а затем попытался незаметно скрыться. Но, как говорится в рапорте епископа, едва он вышел из ограды, как толпа, подзревая, что он позвал казаков, с бранью и криками набросилась на него и повлекла к волостному правлению с целью надругаться над ним и затем убить. Явившиеся на место происшествия жена и внук Кургаева с плачем умоляли толпу не убивать его. Страсти накалились. Раздались выкрики: «Смерть ему! Убьем его, оставим только кусок мяса. Он за царя стоит и за его незаконное правительство, защищает начальников и господ-кровопийцев. Нам царя не надо, он свое слово не выполнил, земли нам не дал и Государственную думу разогнал». В этот момент Кургаев попросил

разрешения отнести дароносицу в церковь и проститься с семейством. Толпа ему поверила. А он между тем зашел в конюшню и ускакал на лошади. «После бегства Кургаева озлобленные крестьяне в полночь того же 31 июля подожгли со всех сторон церковную квартиру его...» [8, с. 29]

Как отмечает Л.И. Емелях, «основная масса антицерковных выступлений в деревне остается неизвестной, так как служители культа предпочитали не жаловаться начальству, опасаясь мести со стороны крестьян, открыто угрожавших поджогами или убийствами» [1, с. 23].

Со времени революции 1905–1907 гг. доверие к церкви в образованных кругах, среди интеллигенции оказалось подорвано. Открытая поддержка правительственной политики Столыпина, совместные усилия духовенства и властей в борьбе с разного рода агитаторами и возмутителями спокойствия в деревне, проповедническая деятельность, направленная на сглаживание социальных конфликтов, – все это делало церковь врагом в глазах либеральной части общества. Участие представителей духовенства в черносотенных организациях зачастую негативно отражалось на взаимоотношениях с рядовыми прихожанами, приводило к открытым столкновениям и конфликтам. Вместе с тем православная церковь четко ориентировалась на поддержку государства и правительства, видя в революции несомненное зло, которое может привести к совершенному исчезновению моральных ценностей, веры в Бога и в конечном счете всеобщему конфликту, гражданской войне. Таким образом, за исключением некоторых, хотя и влиятельных, представителей духовенства, которые обратились к правому радикализму как панацее от обрушившихся на страну бед, церковь старалась занимать взвешенную и продуманную позицию в сложившейся трагической ситуации. В политике Столыпина многие священнослужители увидели спасение для страны.

Библиографический список

1. Емелях Л.И. Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М.; Л., 1965.
2. Зырянов П.Н. Русская православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984.
3. Кандидов Б.П. Церковь и 1905 год. М., 1926.
4. Кузьмин А.З. Крестьянское движение в Пензенской губернии в 1905–1907 гг. Пенза, 1955.
5. Лакер У. Черная сотня. М., 1994.
6. Митрофанов Г. История Русской православной церкви. 1900–1927 гг. СПб.: Сатисъ, 2002.

7. Поспеловский Д. В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.
8. Путинцев Ф. Контрреволюционная деятельность духовенства в революции 1905 г. // Антирелигиозник. 1939. № 7.
9. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2112.
10. Там же. Ф. 797. Оп. 97. Д. 365.
11. Самарские епархиальные ведомости. 1905. №2.
12. Там же. №21.
13. Симбирские епархиальные ведомости. 1905. №1.
14. Члены Государственной Думы. Второй созыв. 1907–1912 гг. М., 1907.
15. Члены Государственной Думы. Четвертый созыв. 1912–1917 гг. М., 1913.

Е.Е. Шеремеев

Самарская академия государственного и муниципального управления

ПУТЬ НА «ГОЛГОФУ», ИЛИ «НАДКЛАССОВАЯ» ЭКВИЛИБРИСТИКА КОНСТИТУЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ НА ПРИМЕРЕ ПОВОЛЖЬЯ В 1905–1907 ГГ.

Либерализм как идеология в российской политической мысли оформился в середине XIX века, хотя ранние его ростки можно обнаружить уже в конце XVIII столетия. Эпоха «Великих реформ» Александра II всколыхнула российское общество, прежде всего его образованную часть – дворянство¹.

В 1906 году бывший заместитель министра финансов России Н.Н. Кутлер отмечал: «С особой интенсивностью частное землевладение стремится к ликвидации... в трех губерниях: Самарской, Саратовской и Пензенской, где Крестьянскому банку предложено к покупке около 1/5 всей площади частновладельческих земель» [2, с. 423–424].

---

¹ В РГИА сохранилось уникальное по своему содержанию, передающее весь трагизм дворянского сознания, письмо в Санкт-Петербург от 1890 г. министру императорского двора и уделов И.И. Воронцову-Дашкову от видного земского деятеля России (впоследствии кадета), самарского дворянина В.А. Племянникова. В нем он сообщал: «...все то, что предки наши приобрели столетия назад... идет прахом»; «имения, перешедшие в руки купца, хотя и дают ему больше дохода, но зато крестьяне около него разоряются. У нас, дворян, есть еще старые традиции, а у нового землевладельца все заключается в рубль. В ближайшем будущем если не мы, то дети наши увидят всю Самарскую губернию в руках у кулака» [1, л. 280об.–281].

Таким образом, Поволжье, равно как и вся Россия, вступало в фазу капиталистического развития. Что неминуемо влекло за собой маргинализацию общества. Так, посетивший «Новый Орлеан» (Самару) в конце XIX столетия публицист-народник Н.В. Шелгунов подметил у местных нуворишей: «Стяжание и захват ... досуг для прожигания этого досуга ...» Он подчеркивал: «... пионеру (кулаку. – *Е.Ш.*) пока ничего не нужно, кроме пристани для грузки пшеницы, амбара для ее ссыпки и мельниц, чтобы ее молотье... ни умственных, ни общественных потребностей... не явилось. Даже потребности простого удобства жизни нет у пионера» [3, с. 85, 89].

Русский философ Н.А. Бердяев справедливо указывал: «Классы... в России были слабы, подчинены государству, они даже образовывались государственной властью» [4, с. 15]. В данном случае речь, прежде всего, стоит вести о русской буржуазии, которая была в своей основе выхолощена в 1–2-м поколении из крестьянства, в силу чего она стала каablyно зависима от государственного протекционизма и иностранного капитала [5, с. 113].

Избранные нами территориальные рамки исследования определены не только общностью географического положения, близостью уровней социально-экономического развития, но также спорадическими контактами между либералами-конституционалистами, что, например, ярко характеризует I съезд земцев Поволжья (Самара, 6–7 августа 1905 г.), где около 40 участников приняло решение о бойкоте «Булыгинской Думы» и призвало население к отказу в выдаче рекрутов [6, с. 3]. Заметим, что провинциальных конституционалистов, которым приходилось «...вращаться в кругу элементов более революционных... угнетала... осторожная рассудительность столичных “либералов”...» [7, с. 38].

Именно земско-дворянская среда, по мнению исследователя А.Д. Степанского, стала основой институциональных структур русского либерализма [8, с. 176–177], из которых в октябре 1905 года было суждено возникнуть и Конституционно-демократической партии (народной свободы).

Ее организационное оформление в Поволжье, так же как и в России, имело в своем развитии три этапа: 1) октябрь–ноябрь 1905 г.; 2) декабрь 1905 г.; 3) январь–февраль 1906 г. [9, с. 85]. За период с осени 1905 до лета 1906 гг. в Пензенской, Самарской, Саратовской и Симбирской губерниях образовалось 33 отдела Конституционно-демократической партии (КДП), в которых состояло не менее 2559 человек [10, с. 135].

Успех партийного строительства кадетов зависел от трех факторов: внутренней обстановки в губернии, инициаторов создания и отношения местной администрации. Так, если в Симбирской, Саратовской и Самарской губерниях образование КДП началось в губернских центрах, то в

Пензенской губернии этот процесс получил свое развитие в уездах из-за противодействия местного губернатора Хлыстова [2, с. 51]. Отметим, что кадеты Симбирска стали лидерами партийного строительства КДП в Поволжье [10, с. 135]. Мы это объясняем тем, что их организационное оформление возглавил председатель местной губернской земской управы С.М. Баратаев и симбирский городской голова М.А. Волков [11]. Они олицетворяли собой как бы альянс родовой аристократии и набирающей силу буржуазии. К тому же симбирский губернатор Л.В. Яшвиль не раз высказывал в узком кругу суждения о необходимости «некоторой либерализации монархии и сотрудничества с буржуазной интеллигенцией» [12, с. 72]. Все это привлекло первоначально местную буржуазию к массовому вступлению в региональное отделение КДП. Она увидела в их партии – «оплот против крайне левых»² [13].

Движимая идеей «надклассовой» миссии, Партия народной свободы (кадетов) стремилась к созданию широких предвыборных альянсов на выборах в Государственные думы России. Показательно, что печатный орган Самарской организации КДП («Самарский курьер») был приостановлен 7 декабря 1905 г. решением местной губернской администрации – за общественно-политическую направленность, весьма близкую к эсерам [14, л. 4]. Заметим, что в аграрной программе самарских кадетов наиболее отчетливо выразился принцип национализации, что и сближало их с ПСР³. Эта идея из-за острого малоземелья в Поволжье была свойственна всем

---

² Однако столь благоприятные условия имели и обратное последствие: идейную «разноголосицу». Так, на II Имперском съезде КДП (1906 г.) В.М. Владиславлев сообщал: «В Симбирске... издается... газета правым крылом Конституционно-демократической партии ("Симбирские вести", редактор: П.А. Беркос. – *Е.Ш.*), в которой левое крыло не принимает участия. У нас издается еще новая газета ("Симбирская народная газета", редактор: А.М. Астахов. – *Е.Ш.*), представляющая блок социал-демократической и кадетской групп» [2, с. 53, 57].

³ Так, 7 мая 1906 г. председатель Самарского губкома КДП А.Н. Хардин говорил: «...частная земельная собственность одна из самых разрушительных для общества монополий... за последние 40–50 лет цены на землю в России возросли в 3–4 раза. Следовательно, все частные собственники земли утроили и учетверили без всяких личных трудовых усилий; ...доход ... который, – ложится тяжелым бременем на трудовые народные массы». Исходя из этого, он призывал: «...если частная земельная собственность общественное зло, то необходимо с ней покончить; ...такая конечная цель достижима лишь при национализации земли, то есть признании ее собственностью... всего народа» [15, с. 751–752].

партийным организациям КДП в рассматриваемом регионе. Н.А. Бердяев отмечал, что: «Наивный аграрный социализм был присущ русским крестьянам» [4, с. 14], которые составляли 2/3 от населения России.

Но мы должны отчетливо понимать, что кадеты, являясь в своей основе европейски образованными людьми, подразумевали под термином «национализация», как и на Западе, подчинение интересов собственников общегосударственным задачам и в силу этого предусматривали вариативность решения аграрной проблемы [16, с. 106]. Это со всей очевидностью выразил диалог между самарским эсером П.Д. Климушкиным и новым лидером местных кадетов П.П. Подбельским в 1918 году⁴.

Мы осознанно делаем эту хронологическую экстраполяцию событий периода первой русской революции с 1918 годом, чтобы показать, что те лозунги, которые служили внешней платформой для объединения оппозиции самодержавию в начале XX века (идеи: революции, республики, Учредительного Собрания и другие), имели у «объединившихся» сторон разное внутреннее содержание⁵. То есть когда кадеты Поволжья на выборах в I Государственную думу повсеместно заключали предвыборные соглашения с национальными и социально-профессиональными объединениями по степени оппозиционности царизму [20, с. 36]; когда их общенациональный лидер П.Н. Милюков характеризовал государственную власть России в 1906 г. – как «вымирающую расу моральных вырожденков», «...порожденных исчезнувшим порядком...» [21]; когда на выборах во II Государственную думу они блокировались с эсерами, энесами, трудовиками и меньшевика-

---

⁴ Когда непременно условием для совместной антисоветской борьбы. Партия народной свободы выдвинула для эсеров условие об их отказе от январского решения Учредительного Собрания о национализации земли. «Мы не требуем, – говорил Подбельский, – чтобы вы немедленно же начали отбирать у крестьян обратно землю... Пусть вопрос остается открытым... Что касается вашей ссылки на принятие закона в первом заседании Учредительного Собрания от 5 января 1918 года, то мы ее считаем несущественной, ибо самое это постановление, принятое... под давлением вооруженных солдат, мы не считаем закономерным» [17, с. 59–60].

⁵ Эту же ошибку кадеты совершат и в условиях Гражданской войны: сбросив клич о диктатуре. Так, свергнув Директорию в Сибири и установив режим «Верховного правителя России» А.В. Колчака [18], поволжские беженцы-кадеты стали опасаться, что реакционная военщина «перекатится» через их кадетские головы (из диалога директора Департамента общественного порядка МВД Омского правительства В.Н. Пепеляева с председателем Восточного отдела ЦК ПНС А.К. Клафтоном) [19, с. 75].

ми [22, с. 19], а затем повсеместно стали основой для «надпартийных объединений» в виде масонских лож [23; 24], из-за репрессий режима они не только нивелировали свою партийную доктрину и тактику, но и сами же становились заложниками политического экстремизма, с которым затем боролись⁶.

Это позволяет нам признать оправданность тезиса специалиста в области политической многопартийности России начала XX столетия, профессора Л.М. Спирина о том, что: «Партии, как и люди, оцениваются не по тому, что они говорят о себе, а по тому, как они действуют» [26, с. 37].

11 марта 1906 г. правокadetские «Симбирские вести» заметили, что революция – «...это кипение воды в котле (стране. – *Е.Ш.*)», а царизм «...представляет крышку, конституция же клапаны. Чрезмерное кипение сбросит крышку, но разобьет и стены котла... Задачи Думы (читай: кадетов. – *Е.Ш.*) – локализовать пожар».

В своих периодических изданиях начала XX века конституционные демократы любили приводить сравнительно-страноведческие аналогии. Так, сравнивая революцию 1905–1907 гг. с ее буржуазно-демократическими предшественницами в Англии (XVII в.), Франции (XVIII в.) и Германии (XIX в.), справедливо указывая на стадиальную отсталость России как базу для социальных «мечтаний», они подчеркивали незавершенность процесса классовобразования в России.

Но в последнем обстоятельстве кадеты ошибочно, на взгляд автора, усматривали не «минное поле» русской политики, а, наоборот, залог ее политического созидания. На их взгляд: «Там (на Западе. – *Е.Ш.*) буржуазия сказала все, что могла сказать...» В России же, по их мнению: «Строить жизнь будет буржуазия!» (Шостак, г. Симбирск); «Буржуа, который дает обещание поддержать народные интересы, будет в Думе полезнее своего брата» (В.Н. Умнов, А.В. Генке, г. Пенза), а потому, «забывая» о своей «надклассовости», они признавались: «мы партия буржуазная» (В.Н. Поляк, г. Саратов) [27, с. 29].

⁶ По проторенному кадетами пути подмены политических понятий начала XX века ради сохранения политического рейтинга после февральской революции пойдут и умеренные социалисты. Так, английский профессор Р. Пайпс отмечает: «В мае и июне 1917 года партия большевиков с трудом могла претендовать на третье место среди социалистических партий... Но события начинали складываться в ее пользу»; «И меньшевики, и эсеры выдвигали социалистические лозунги, но в следовании им никогда не доходили до логического конца. Это сбивало с толку их избирателей и играло на руку большевикам» [25, с. 96–97].

Как только покачнувшийся было режим вновь продемонстрировал свою волю, русская буржуазия сразу же метнулась от кадетов: «За горло хватает нас ваша свобода!», «Мы русские, мы православные. Мы и без жидов управимся!» (1906 г.) [28]. Повторный крен в лоно КДП она сделает в 1918 году, но и тогда идеи торгово-промышленных съездов не гарантировали конституционным демократам, что они не станут новой жертвой «маятника контрреволюции»⁷ [18, с. 214–215].

Сакраментально и трагично звучит мысль идеологического прозрения кадетов, выраженная профессором Н.В. Устряловым, сменившим в октябре 1919 года самарца А.К. Клафтона⁸ в статусе лидера Восточного отдела ЦК ПНС: «Окончательно рушится привычная идеология... большевизм... побеждает... Он объединит Россию... Боже. Как глубоко все ошибались,

---

⁷ П.Д. Климушкину, ставшему управляющим Ведомством внутренних дел Самарского Комуча, председатель Самарской торговой биржи, кадет К.Н. Неклютин, будущий министр торговли и промышленности в правительстве А.В. Колчака, летом 1918 г. говорил: «Мы понимаем разницу между вами и большевиками, но ваша власть, которая нас немного прирежет, но не дорежет, так же нас не успокаивает. ...мы знаем, и это самое главное, что вы работаете на нас, разбивая большевиков... революция, покотившись назад, неизбежно докатится до своего исходного положения, на вас она не остановится... Мы будем до поры до времени... немного вас подталкивать, а когда вы свое дело сделаете, свергнете большевиков, тогда мы и вас вслед за ними спустим в ту же яму» [17, с. 63].

⁸ 22 марта 1919 г. на приеме представителей Омского блока общественных организаций, в лице А.А. Балакшина, А.К. Клафтона, В.В. Куликова и Н.А. Филашева [30, с. 307] А.В. Колчак признался: «Скажу вам откровенно ... поражаюсь отсутствию у нас порядочных людей. И то же самое у Деникина: ...Худшие враги правительства – его собственные агенты. Я фактически могу расстрелять виновного агента власти, я отдаю его под суд, а дело затягивается. Дайте, дайте мне людей!» [18, с. 222].

В издании «Памяти погибших» (Париж, 1929), посвященном жертвам «красного» террора от Партии народной свободы, приводятся строки из писем 1919 года председателя Восточного отдела ЦК ПНС А.К. Клафтона, видимо, обращенные к члену ЦК ПНС, деникинцу Н.И. Астрову: «Здесь (в Сибири – Е.Ш.) полное безлюдье, все должны учиться, чтобы подняться над губернским масштабом... а учиться нет времени, работать приходится... в полном хаосе психологического и государственного разложения и усталости»; «У нас нет людей, штатских и военных, которые были бы на голову выше среды и узких интересов дня...» [26, с. 167–168].

ничего не поняли...»; «Допустим, можно будет уехать на Восток ... – отмечал он в своем дневнике под 3 января 1920 г. в Иркутске, – Но зачем ехать? Служить делу, в которое не веришь, которое считаешь вредным, безвозвратно проигранным?...»; «... диалектика истории неожиданно выдвинула Советскую власть с ее идеологией Интернационала на роль национального фактора современной русской жизни... наш национализм... потускнел и поблек на практике вследствие своих хронических альянсов... с так называемыми “союзниками”...» [31, с. 230–231]. Заметим, что еще в 1907 г. один из лидеров пензенских кадетов Н.Ф. Езерский признавал: «То новое, что полагалось (КДП. – *Е.Ш.*) народу, было ему чуждо, излагалось непонятно и не отвечало многим запросам народной души» [32, с. 18].

Однако, по нашему мнению, глубинная причина политического поражения КДП коренилась в том, что самодержавный режим своевременно не оценил спасительность их идеологии для своей модернизации. Русский философ отец С.Н. Булгаков, характеризуя последнего российского императора, писал: «...такой, как он, мог только губить Россию и самодержавие»; «Раньше могло казаться, что революцию делали революционеры... К несчастью, революция была совершена помимо революционеров самим царем, который влекся неудержимой злой силой к самоубийству своего самодержавия...»⁹ [34, с. 296]. В марте 1917 года председатель Самарского губкома конституционных демократов А.Г. Ёлшин с глубокой горечью запишет в своем дневнике: «Монархия кровавыми методами остановила государственное строительство (разогнав первые две Думы. – *Е.Ш.*). Это было очевидное безумие, за которое страна поплатилась окончательным

---

⁹ В.О. Ключевский был более категоричен: «Все понятия об обществе, государстве, народе, семье сгнили в этом разгуле распущенности, безделья и произвола»; «Прежние цари и царицы – дрянь, но скрывались во дворце, предоставляя эпическо-набожный фантазии творить из них кумиров. Павловичи стали популярничать. Но это безопасно только для людей вроде Петра I и Екатерины II. Увидев Павловичей вблизи, народ перестал их считать богами, но не перестал бояться их из-за жандармов. Образы, пугавшие воображение, стали теперь пугать нервы. С Александра III, с его детей вырождение нравственное сопровождается и физическим. Варяги создали нам первую династию, варяжка испортила последнюю. Она, эта династия... вымрет раньше, чем перестанет быть нужна, и будет прогнана. В этом... несчастье России и ее народа, притом повторное: ей еще раз грозит бесцарствие, смутное время»; «Россия на краю пропасти. Каждая минута дорога. Все это чувствуют и задают вопросы, что делать? Ответа нет» [33, с. 101,103–104, 75].

расстройством государственной жизни, а монархия своим существованием» [35, л. 93об.].

Таким образом, между началом XX и XXI столетий усматриваются очевидные параллели. Наиболее остро они проявляются в переходном типе общества, пораженном социально-экономическим и морально-политическим кризисом. Великий русский историк, сочувствующий Партии народной свободы (кадетам), В.О. Ключевский (1841–1911 гг.) полагал, что: «Прошедшее необходимо знать не потому, что оно прошло, а потому, что, уходя, не умело убрать своих последствий» [33, с. 10]. Не случайно он наставлял своего «венценосного», но незадачливого воспитанника (в миру современников – «Николая – Кровавого», а ныне: канонизированного РПЦ «святого великомученика») серьезным предостережением: «История не учительница, а надзирательница, *magistra vitae* (наставница жизни. – *Е.Ш.*): она ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков» [33, с. 47]. Поэтому яркая и трагичная история нашей страны должна служить серьезным предостережением прошлого – настоящему и будущему России. Она должна наставлять властителей и реформаторов к восприятию действительных общественных запросов («народной души») [36].

Библиографический список

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 472. Оп. 44 (425/2195). Д. 25.
2. Съезды и конференции Конституционно-демократической партии: в 3 т. М.: РОССПЭН, 1997. Т. 1. 1905–1907 гг. – 744 с.
3. Шелгунов Н.В. Очерки русской жизни = Путешествие в прошлое. Самарский край глазами современников / сост. А.Н. Завальный, Ю.Е. Рыбалко. Самара: Самарское книжное издательство, 1991. С.82–92.
4. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
5. Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 431 с.
6. Протопопов Д. Д. Из недавнего прошлого (Самара в 1904–2905 гг.) // Русская мысль. М., 1907. № 12. С. 1–26.
7. Его же. Из недавнего прошлого (Самара в 1904–1905 гг.) // Русская мысль. М., 1907. № 11. С. 16 – 38.
8. Степанский А.Д. Институциональные структуры русского либерализма (XVIII – начало XX в.) // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. М.: РОССПЭН, 1999. С. 169–184.
9. Непролетарские партии: Урок истории. М.: Мысль, 1984. 566 с.

10. Шеремеев Е.Е. Генезис Конституционно-демократической партии в Поволжье (конец 19 века – 1906 г.) // Платоновские чтения: сборник научных трудов. Вып. IV. Самара: Самарский университет, 2002. С. 133–139.
11. Симбирские губернские ведомости. Симбирск, 1905. 5 ноября.
12. Точеная Л.Г., Точеный Д. С. Симбирский губернатор Л.В. Яшвилль в 1905–1906 гг. // Общественно-политическое движение России XVIII– XX вв. Самара, 1993. С. 71–80.
13. Симбирские вести. Симбирск, 1906. 15 апреля.
14. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 3. Оп. 233. Д. 1997.
15. Второй съезд Партии народной свободы Самарской губернии // Вестник партии народной свободы. СПб., 1906. № 11. С. 747–754.
16. Гражданская война в России: «Круглый стол» // Отечественная история. М., 1993. № 3. С. 102–115.
17. Климушкин П.Д. Борьба за демократию на Волге // Гражданская война на Волге в 1918 г. Сборник первый. Praha: Société Nouvelle d'Éditions Franco-Slaves, 1930. С. 38–102.
18. Иоффе Г.З. Колчаковская авантюра и ее крах. М.: Мысль, 1983. – 296 с.
19. Дневник В.Н. Пепеляева // Сибирь. 1990. № 1. С. 75–100.
20. Шеремеев Е.Е. Предвыборные технологии кадетов Поволжья в период избирательной кампании в I Государственную Думу // Вестник Самарского муниципального института управления. Самара: СМИУ, 2004. № 2. С. 30–38.
21. Речь. СПб., 1906. 7 мая.
22. Шеремеев Е.Е. Кадеты Поволжья в Первой русской революции 1905–1907 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самара: Офорт, 2002. 22 с.
23. Аврех А.Я. Масоны и революция. М.: Политиздат, 1990. 350 с.
24. Брачев В.С. Масоны у власти. М.: Алгоритм; Эксмо, 2006. 640 с.
25. Пайпс Р. Русская революция: в 3 кн. Кн. 2: Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. М.: Захаров, 2005. 720 с.
26. Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М.: Мысль, 1977. 366 с.
27. Шеремеев Е.Е. Социальная доктрина кадетов Поволжья в период Первой русской революции (1905–1907 гг.) // Актуальные проблемы развития общества: новые подходы и перспективы. Вып. IV. Самара: Содружество Плюс; СамГМУ, 2004. С. 25–32.
28. Самарский курьер. Самара, 1906. 19 апр.
29. Памяти погибших // под ред.: Н.И. Астрова, В.Ф. Зеелера, П.Н. Милюкова, кн. В.А. Оболенского, С.А. Смирнова и Л.Е. Эльяшева. Париж: б.и., 1929. 231 с.

30. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. М.: Айрис-Пресс, 2008. 672 с.
31. Устрялов Н.В. Былое – революция 1917 г. (1890-е – 1919): Воспоминания и дневниковые записи. М.: Анкил, 2000. 246 с.
32. Езерский Н.Ф. Культура и революция // Московский еженедельник. М., 1907. № 18. С. 18.
33. Ключевский В.О. Афоризмы и мысли об истории: Афоризмы. Исторические портреты и очерки. Дневники. М.: Эксмо, 2007. 480 с.
34. Булгаков С.Н. Христианский социализм. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1991. 347 с.
35. ЦГАСО. Ф. 352. Оп. 2. Д. 1.
36. Бывший министр геологии СССР Е.А. Козловский отказался от награды Медведева [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dymovskiy.name/blog/news/3560.html>

В.Н. Парамонов

Самарский государственный университет

ИСТОРИЯ СТОЛЫПИНСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ НА СТРАНИЦАХ ВУЗОВСКИХ УЧЕБНИКОВ

Литература, посвященная П.А. Столыпину, обширна и количественно уже в 2002 г. превышала тысячу наименований книг, статей и документальных публикаций [26]. В настоящем сообщении предметом изучения является отражение истории столыпинской модернизации на страницах вузовских учебников.

Исследование учебников (школьных, вузовских) как историографических источников является самостоятельным направлением в современной историографии. Отражая уровень состояния научной мысли, учебники демонстрируют свои преимущества как историографические источники. Они являются массовым информативным источником по изучению не только процесса формирования новых концептуальных подходов и концепций, но и по изучению становления, развития, взаимовлияния и борьбы различных направлений отечественной историографии. Учебник сжато, как бы в миниатюре, дает представление о взглядах историков по целому комплексу проблем. Важно также учитывать, что во все времена государственная власть активно использовала учебники истории в политическом воспитании молодежи.

С вхождением в Болонскую систему отечественные стандарты и учебники стали обязаны учитывать общеевропейские требования. Совет Европы сформулировал некоторые практические рекомендации, в которых, в частности, считает, что учебные планы, учебники и преподавание истории должны соответствовать таким критериям, как: уважать историческую правду; поддерживать демократические преобразования; защищать права человека, терпимость, понимание и многовариантность; развивать критическое мышление и возможность отличать отклонения, предвзятость и стереотипы; поощрять такие отношения, как открытость, принятие многообразия, сочувствия и гражданское мужество.

В содержательном плане государственные образовательные стандарты, принятые в 1993 г. и 2000 г., очерчивали лишь самые общие контуры учебных программ по истории, по которым велось преподавание и готовились учебники. Подход, заложенный в стандартах, ориентировал рассматривать российскую историю в контексте всемирной, в качестве теоретико-базового понятия был введен термин «цивилизация», и особое значение придавалось проблеме формирования исторического сознания.

Относительно рассматриваемой темы в Примерной программе среднего (полного) общего образования на базовом уровне по истории речь идет об аграрной реформе П.А. Столыпина. В Примерной программе среднего (полного) общего образования на профильном уровне по истории говорится о реформах С.Ю. Витте и П.А. Столыпина и об обострении экономических и социальных противоречий в условиях форсированной модернизации. Федеральный стандарт по курсу «Отечественная история» для вузов содержит формулировку: «Проблемы экономического роста и модернизации. Российские реформы в контексте общемирового развития в начале века».

Такой подход дает возможность разработчикам и составителям программ, авторам учебников и учебных пособий подходить достаточно свободно к формулировке пунктов программ и названиям параграфов. Проанализированные нами более 400 учебных и рабочих программ по курсу «Отечественная история» (названия используются и иные: «История Отечества», «История России», «Российская история», «История», «История российской цивилизации», но суть от этого не меняется) показывают, что 80 % ограничиваются формулировками «стольпинская аграрная реформа» или «стольпинские реформы» и ни о какой стольпинской модернизации речи в них не ведется [См., напр.: 2, с. 6; 12, с. 15; 24, с. 32, 33, 72; 27; 30, с. 6; 31; 32, с. 17]. В рабочей программе по отечественной истории Уральского государственного университета говорится о стольпинской

политике «просвещенного консерватизма» и проектах реформ с акцентом на аграрной и ее ходе и последствиях [25]. Авторы программы, предназначенной для студентов-историков Томского государственного университета, акцентируют внимание на программе реформ П.А. Столыпина как курсе на построение правового государства, гражданского общества и интеграцию в европейское «сообщество» [13, с. 10]. Как вторую эпоху реформ рассматривают реформы П.А. Столыпина составители программы курса «Отечественная история» для студентов Таганрогского радиотехнического университета (в настоящее время входит в состав Южного Федерального университета) [28]. Формулировка «П.А. Столыпин и программа модернизации России» содержится в программах Государственного университета – Высшей школы экономики и Ульяновского государственного технического университета [1, с. 17; 29, с. 8].

В соответствии со стандартом и программами должны выстраиваться логика учебников и учебных пособий. И здесь наблюдается в еще большей мере авторский взгляд.

Немногие из проблем дореволюционной истории вызывают столь острые споры, как столыпинская модернизация. В советских учебниках о П.А. Столыпине писали как о «главаре помещиков», правительство которого, совершив государственный переворот 3 июня 1907 г., «вступило на путь открытой и безудержной реакции» [См., напр.: 17, с. 339], а политика правительства Столыпина в сфере международных отношений оценивалась как «грубо националистическая» [17, с. 355].

Полемика вокруг преобразований настолько политизирована, что и в наши дни это находит отражение в учебной литературе. В 1990-е годы в работах многих авторов в качестве антипода советскому периоду рассматривалась дореволюционная Российская империя. Характерные для советского времени однозначно негативные оценки многих деятелей той эпохи сменились апологетикой и откровенным восхищением. Отдельно стоит обратить внимание на идеализацию П.А. Столыпина. А.И. Уткин и В.П. Островский назвали параграф о Столыпине «Русское чудо», а о столыпинской политике заявляли в исключительно пафосных выражениях: «Конечной ее [столыпинской политики. – В.П.] целью было укрепление, возвеличивание России при росте гражданских свобод в стране на основе ответственного экономического и политического поведения ее граждан». [22, с. 86]. Показ только позитивных результатов аграрных реформ П.А. Столыпина характерен для учебника под редакцией А.Ф. Киселева и Э.М. Щагина [21, с. 53–63].

По своей глубине, масштабности, системности, содержательности и последствиям проект реформы, осуществленный Столыпиным, авторы многих учебников ставят в один ряд с начинаниями Петра I, Александра II, Октябрьской революцией 1917 года. Одни авторы выступают как государственники и державники и оценивают П.А. Столыпина как выдающегося государственного деятеля и крупного реформатора [15, с. 424; 21, с. 53], как убежденного монархиста, последовательного сторонника и активного защитника «твердой власти» [16, с. 269], как идейного творца нового курса [34, с. 184], как «кумира контрреволюции» [5, с. 329], другие же видят в П.А. Столыпине «либерала», своеобразного М.М. Сперанского начала XX века [23, с. 213]. Л.Г. Косулина, напротив, отметила, что «...как выдающийся государственный деятель П.А. Столыпин во многом не проявил себя. Тем более что он сам не считал эти законы (о свободе вероисповедания; о неприкосновенности личности и о гражданском равноправии, в смысле устранения ограничений и стеснении отдельных групп населения; об улучшении быта рабочих и, в частности, о государственном их страховании; о реформе местного самоуправления и др. – *В.П.*) первостепенными. По его мнению, громадное большинство населения, т.е. крестьянства, просто не понимало их и потому пока в них не нуждалось» [10, с. 385].

Анализ учебной литературы показывает, что события, связанные с деятельностью П.А. Столыпина, рассматриваются в контексте модернизации России в начале XX века [См., напр.: 11, с. 148–159; 20, с. 205; 34, с. 186], в рамках единого исторического процесса развития кризисного состояния российского общества, тесно связанного с противоречиями всего капиталистического мира, вступившего в государственно-монополистическую стадию. Показаны сущность этого кризиса, причины его перерастания в революцию 1905–1907 годов, вынудившую самодержавие согласиться на реформы С.Ю. Витте и П.А. Столыпина. «Столыпинские реформы были последним шансом старого режима спасти страну от разрушительного действия революции «снизу» [10, с. 386]. С точки зрения авторов другого учебника, «Столыпин выступал за проведение социальных и политических реформ, направленных на «модернизацию» России, развитие ее экономики и культуры, что позволило бы ей занять достойное место среди наиболее развитых держав мира» [16, с. 269]. Л.И. Семенникова оценивает столыпинские преобразования как реформу «почвы», основы которой «были разработаны С.Ю. Витте, но реализована она была П.А. Столыпиным» [33, с. 278].

Практически все авторы изученных нами пособий и учебников выделяют историческую заслугу П.А. Столыпина, заключающуюся в том, что в

начале XX века в стране с господствовавшим патриархальным крестьянским хозяйством он взял на себя инициативу по осуществлению смелой аграрной реформы. Все последующие законы лишь уточняли и дополняли законодательство.

Интересна дискуссия о том, какой же слой собирался сформировать П.А. Столыпин в качестве социальной опоры власти? В советский период подчеркивалось, что правительство «задумало создать себе прочную опору в деревне в лице многочисленного класса деревенской буржуазии – кулачества» [6, с. 94; 7, с. 113; 17, с. 345; 19, с. 207, 208]. В современной литературе, в том числе и учебной, обосновано иное суждение: «Вряд ли справедливо утвердившееся в нашей литературе категорическое утверждение, что столыпинская реформа проводилась всецело “в интересах кулака”. Конечно, ставка делалась на “крепкого хозяина”, каковым должен быть не обязательно кулак. Факты свидетельствуют, что сами кулаки не всегда стремились выходить из общины: им было выгоднее, оставаясь в ней, держать в кабале крестьян-общинников. Кроме того, правительство ставило ограничения росту кулацкого землевладения, разрешая скупать землю в пределах уезда в размере “не более четырех душевых наделов” на одного покупателя» [16, с. 273; 36, с. 314].

По мнению А.А. Данилова, Столыпин предполагал создать условия для формирования *средних слоев* (курсив мой. – В.П.) города и деревни» [3, с. 178]. Ряд авторов учебников пишут о переходе к фермерскому хозяйству [33, с. 278], о возникновении слоя хуторян-фермеров [16, с. 273]. Нам представляется более обоснованной следующая точка зрения: «ближе к истине те историки и экономисты, которые считают, что при сохранении помещичьего землевладения, ограничении максимального земельного надела, слабости финансово-кредитной системы государства фермерский путь хозяйствования был маловероятен» [8, с. 205].

Крайне редко в учебниках рассматривается региональный аспект реформ. В этом отношении следует положительно оценить учебное пособие ростовских авторов, выделивших региональные особенности, связанные с наличием серьезнейшего препятствия к созданию самостоятельных крестьянских хозяйств – малоземелья, особенно характерного для черноземной полосы [9, с. 401].

Разноречивы оценки столыпинских преобразований. «Прогрессивен ли был ход Столыпина по разрушению общины?» – задаются вопросом Ш.М. Мунчаев и В.М. Устинов. И отвечают, что различные социальные категории ответили бы по-разному. Результативность же реформы в целом они не оценивают ввиду ее незавершенности [20, с. 203, 204].

М.Н. Зуев отметил, что столыпинская реформа способствовала дальнейшей «специализации земледелия и росту его интенсификации», однако «напряжение в деревне сохранялось» [5, с. 332]. Многие авторы, подчеркивая прогрессивное значение аграрной реформы, указывают на то, что у Столыпина не было достаточно надежной политической опоры в обществе, необходимой социальной поддержки [4, с. 222; 34, с. 186]. «П.А. Столыпин в своем политическом курсе, – отметил в главе учебного пособия Г.А. Матвеев, – пытался совместить несовместимое: авторитарный режим с представительными органами власти, средневековое помещичье землевладение с широким слоем крестьян-единоличников» [9, с. 403]. «Главной причиной нереализованности всего замысла реформ Столыпина было, по мнению А.А. Данилова, то, что для царя и высших слоев общества деятельность Столыпина была лишь вынужденным шагом, необходимым для успокоения народных масс и прекращения революционных выступлений. Сам же реформатор полагал, что для России важнее другое – создать условия, при которых революция в перспективе стала бы невозможной» [3, с. 179].

Анализ учебной литературы показывает, что при отсутствии сносок крайне сложно бывает перепроверить те или иные статистические данные, правильность цитат. Иногда в учебниках встречается суждение, что с начала реформы вышедшие из общины крестьяне становились частными земельными собственниками. Вряд ли с этим можно согласиться. Крестьянская личная собственность (бывшая наделная) отличалась от частной собственности на землю. «Крестьяне-укрепленцы» могли продать свои наделы лишь лицам, приписанным к сельскому обществу. Покупатели их земли могли купить не более шести полных наделов (это не означало землю шести дворов, а лишь норму шести душ мужского пола). Вводя эти ограничения, правительство ставило цель сохранить бывшие наделные земли в руках крестьянства, обеспечивавшего Россию сельскохозяйственной продукцией. П.А. Столыпин считал, что закон должен налагать «ограничения на землю, а не на ее владельца... Наделная земля не может быть отчуждена лицу иного сословия; наделная земля не может быть заложена иначе, как в Крестьянский банк; она не может быть продана за личные долги, она не может быть завещана иначе как по обычаю» [35, с. 177].

На наш взгляд, было бы правомерно вести речь и в программах, и в учебниках и учебных пособиях о виттевско-столыпинской модернизации, поскольку огромную роль в подготовке реформы сыграло Особое Совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности под руководством С.Ю. Витте, которое работало в 1902–1904 гг. Было создано свыше 50 гу-

бернских комитетов, которые, согласно разработанной программе, составляли подробные отчеты (они опубликованы и вполне доступны) по своим губерниям. Затем создавались общероссийские сводки по отдельным проблемам. Параллельно работу делала Редакционная комиссия МВД. Во всяком случае, к началу 1905 г. основные параметры реформы были уже разработаны. Реформа в идеале должна была изменить к лучшему жизнь каждых трех из четырех жителей Европейской России. Согласно концепции Витте-Столыпина, модернизация страны требовала сделать крестьян полновластными собственниками, достичь всеобщей грамотности в объеме обязательной для всех четырехлетней начальной школы, и необходимо было добиться неуклонного роста промышленности на основе внутренних ресурсов страны, развития внутреннего рынка.

Столыпинская аграрная реформа – понятие условное, ибо она не составляет цельного замысла и при ближайшем рассмотрении распадается на ряд отдельных мероприятий. Не совсем правильно и название реформы, так как П.А. Столыпин не являлся ни автором ее основных концепций, ни разработчиком. Разрабатывали идеологию реформы еще в 1902–1904 гг. главным образом С.Ю. Витте и видные чиновники А.В. Кривошеин и А.А. Риттих. Как свидетельствовал один из ближайших сотрудников П.А. Столыпина С.Е. Крыжановский, в правительство Столыпин пришел без какой-либо программы. Более того, писал в своих воспоминаниях С.Е. Крыжановский, не было и надобности ее разрабатывать, т.к. она была уже подготовлена кабинетом С.Ю. Витте, отправленного царем в отставку накануне созыва Государственной думы. Эти материалы и были взяты за основу при дальнейшем формировании программы [18, с. 214–215].

Роль П.А. Столыпина состояла не в его теоретических обоснованиях аграрных преобразований, а в том, что он собрал существовавшие программные и концептуальные аграрные элементы воедино, искусно переработал их, придал им соответствующий легитимный статус и подкрепил своим авторитетом. Столыпин ставил своей целью отмену всех сословных ограничений. Фактически впервые речь шла о признании властью России большинства своих подданных равноправными гражданами, равноправными партнерами.

Библиографический список

1. Аннотированная рабочая программа по курсу «Отечественная история». Ульяновск: УлГТУ, 2005.

2. Бурлаков А.И., Гуляева В.В., Усачев В.Ф. Отечественная история: учебно-методическое пособие. Владимир: Владимирский государственный университет, 2002.
3. Данилов А.А. Отечественная история: учебник для вузов. М., 2003.
4. Деревянко А.П., Шабельникова Н.А. История России: учебное пособие. М., 2005.
5. Зуев М.Н. История России: учебник для вузов. М., 1998.
6. История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938.
7. История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1980.
8. История Отечества с древнейших времен до начала XXI века / под ред. М.В. Зотовой. М., 2004.
9. История Отечества: учеб. пособие для студентов вузов. / отв. ред. В.Н. Шевелев. Ростов н/Д. 2002.
10. История России IX–XX вв.: курс лекций / под ред. Б.В. Леванова. М., 1997.
11. История России XX – начала XXI века / под ред. Л.В. Милова. М., 2006.
12. История России. Комплексное учебно-методическое пособие / сост. Ш.З. Ильясов. Махачкала: Дагестанский гос. университет, 2007.
13. История России конца XIX – начала XX вв.: рабочая программа. Томск: Томский государственный университет, 2005.
14. История России: тексты лекций / под ред. Ю.Н. Бакаева, Л.Н. Булдыгеровой, А.Н. Гридуновой. Хабаровск: Изд-во Хабар. гос. техн. ун-та, 1998.
15. История России: учебник / Орлов А.С. [и др.]. М., 2010.
16. История России: учеб. для вузов/ А.А. Чернобаев [и др.]. М., 2002.
17. История СССР: учебник для студентов ист. фак. пед. ин-тов. Ч. 2. 1861–1917 / под ред. П.И. Кабанова и Н.Д. Кузнецова. М., 1978.
18. Крыжановский С.Е. Воспоминания. Петрополис [б.г.].
19. Курс лекций по истории КПСС. Вып. 1. М.: Воениздат, 1971.
20. Мунчаев Ш.М., Устинов В.М. История России. М., 2002.
21. Новейшая история Отечества. XX век. Ч. I. / под ред. А.Ф. Киселева и Э.М. Щагина. М., 2002.
22. Островский В.П., Уткин А.И. История России. XX век. 11 кл. М., 2002.
23. Отечественная история / под ред. Р.В. Дегтяревой и С.Н. Полторака. М., 2004.
24. Отечественная история: методические материалы и планы семинарских занятий. Саратов: Саратовский государственный социально-экономический университет, 2007.
25. Отечественная история: рабочая программа курса. Екатеринбург: Уральский государственный университет, 2007.
26. П.А. Столыпин. Библиографический указатель. М., РОССПЭН, 2002.
27. Программа курса «Отечественная история». Воронеж: Воронежский государственный технический университет, 2002.

28. Программа курса «Отечественная история». Таганрог: Таганрогский радиотехнический университет, 2000.
29. Программа по курсу «История России». М.: Государственный университет – Высшая школа экономики, 2005.
30. Рабочая программа по дисциплине «Отечественная история». Иваново: Ивановский государственный химико-технологический университет, 2006.
31. Рабочая программа по дисциплине «Отечественная история». М: МЭМИ, 2003.
32. Рабочая программа «Россия в мировой цивилизации». Волгоград: ВолгМУ, 2003.
33. Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций: учебное пособие для вузов. Брянск, 2000.
34. Отечественная история: конспект лекций / Семенникова Л.И. [и др.]. М., 2004.
35. Столыпин П.А. Нам нужна великая Россия // Столыпин П.А. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете: 1906–1911. М., 1991.
36. Федоров В.А., Моряков В.И., Щетинов Ю.А. История России с древнейших времен до наших дней: учебник. М., 2005.

Е.А. Калеменева
Поморский государственный университет
им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск

СКАНДАЛ В «БЛАГОРОДНОМ СЕМЕЙСТВЕ»: ДИСКУССИЯ ВОКРУГ СБОРНИКА «ВЕХИ» В 1909 ГОДУ

1909 год стал знаковым для отечественной общественной жизни начала XX века. В этот год разразилась дискуссия, охватившая практически все течения русской политической мысли. Она стала одним из самых известных интеллигентских споров начала столетия, отразив все разноцветие общественной и политической мысли предреволюционной России.

Поводом для полемики стал извечный вопрос о русской интеллигенции. Началось все с выхода в свет 16 марта 1909 года в Москве небольшого сборника «Вехи. Сборник о русской интеллигенции», в котором семь авторов, предварительно не сговариваясь относительно

содержания работ друг друга, изложили все «грехи» современной им интеллигенции. Анализ содержания сборника посвящен достаточно обширный пласт исследовательской литературы, потому не стоит в очередной раз подробно останавливаться на пересказе его статей. Этот сборник произвел настоящий эффект разорвавшейся бомбы в общественной жизни образованного слоя. Первый тираж сборника составил 3000 экземпляров, из которых за первые два дня было продано 2853. Затем, до начала 1910 года, он выдержал еще четыре переиздания. Общий тираж его достиг 16 000 экземпляров. Однако общественность не просто читала этот сборник, но и активнейшим образом обсуждала. Достаточно сказать, что сборнику было посвящено более трехсот статей в повременной прессе [18, с. 249], среди которых были даже стихи, пять книг различной политической направленности, полемизирующих с высказанными в нем идеями, несколько широких обсуждений в Москве и Петербурге, а также специальное турне по России П. Милюкова с публичными лекциями, направленными против «Вех».

Говоря о мировоззрении дореволюционной интеллигенции, современные исследователи зачастую сосредотачивают свое внимание только на сборнике «Вехи», во многом абсолютизируя его содержание и значение при попытке реконструкции умонастроений интеллигенции. Однако дискуссия, развернувшаяся после его выхода в свет, заслуживает не меньшего внимания, поскольку именно она обнажила всю разнородность общественного мнения начала века по ключевым вопросам, пестроту политической ориентации¹. Потому представляется необходимым проследить реакцию общественности на этот сборник, попытаться разобраться с вопросом, что явилось причиной столь бурного его порицания, что именно так возмутило в нем общественность. В процессе работы выяснилось, что на это был целый комплекс причин, к тому же сам ход дискуссии обеспечивал ее возобновление и еще большее усиление.

Не сказать, что общество раскололось в этой полемике на тех, кто «за», и тех, кто «против»: всем известно, что сборник большинством критиков был принят «в штыки». Причем судьями сборника высту-

---

¹ Большинство материалов околоревлюционной полемике опубликовано в антологии «Вехи: pro et contra», на анализе которых основана данная работа. Поскольку при анализе критических статей важно учитывать личность авторов, ссылки приведены на каждую использованную в исследовании статью, страницы указаны по антологии Вехи: pro et contra. СПб.: РГХИ, 1998.

пали не только представители радикального крыла, но и кадеты и реакционеры. На фоне столь резкого неприятия крайне редко звучали голоса одобрения, солидарности и поддержки, не считая статей самих «веховцев». Авторы критических статей буквально соревновались в остроте своих высказываний, колкости фраз и меткости замечаний. Поэтому анализ спектра мнений по поводу сборника стоит начать с причин неприятия сборника общественностью.

Первый вывод, к которому можно прийти при анализе публикаций дискуссии, состоит в том, что сборник в них далеко не всегда разбирали по существу. По меткому выражению Андрея Белого, печать ответила авторам не разбором, а «военно-полевым расстрелом сборника» [4, с. 256]. Одной из главных причин неприятия «Вех» стала печать ретроградности, которую тут же поставили на нем представители либеральной и радикальной общественности: сборник моментально записали в разряд реакционнейшей из книг [9, с. 342; 24, с. 187], «энциклопедии либерального ренегатства» [15, с. 489], «реакционной проповеди» [10, с. 54]. Причем критики могли даже мимоходом подтверждать «совершенную справедливость некоторых пунктов обвинения» [26, с. 44] в адрес духовного состояния интеллигенции. Но штамп реакционности, против которой всегда столь яростно выступала интеллигенция, для многих и был самым резким основанием для коренного неприятия сборника, потому не все уходило дальше констатации этого пункта. Все чаще звучали упреки авторов в том, что «от них несет нестерпимы зловонием реакции» [2, с. 161] в стремлении побрататься с Розановым и Столыпиным [17, с. 273], в том, что Дубровин уже ждет их в свой «Союз русского народа» [23, с. 187].

Авторов обвиняли в предательстве революционной идеи, идеи свободы и освобождения, поскольку лейтмотивом в «Вехах» шла рефлексия по поводу поражения революции 1905 г. и призыв к внутренней работе личности вместо активного «внешнего делания». Это послужило поводом для крайне резких нападок со всех сторон. И. Бикерман вообще отвергает тезис всего сборника, что «революция провалилась», утверждая, что, напротив, «произошли бесконечно важные изменения, <...> сделаны неотъемлимые завоевания и несомненные приобретения» [5, с. 229]. Некоторые авторы в своей критике реакционности сборника зашли дальше остальных, утверждая, что авторы «Вех» выступают не просто против русской интеллигенции, но и против всей русской демократии, против «демократического мирозерцания» [15, с. 490; 17, с. 266]. Масла в огонь подливал и тот

факт, что сборник встретил одобрение среди некоторых представителей консервативно-реакционного лагеря (А. Столыпин, Архиепископ Антоний (Храповицкий) и др.). Их похвала стала даже поводом для насмешек со стороны либерального лагеря.

Помимо этого, часто ругали не столько содержание сборника, сколько самих авторов, потому в некоторых статьях содержания сборника даже не касались. В данном разделе главной претензией к авторам был вопрос «А судьи кто?», ведь они посмели обрушиться с критикой на все идеологические стремления современной им интеллигенции, которая к тому времени была главным законодателем либерального общественного мнения посредством прессы, обладая фактически монополией в данной отрасли, и отличалась известной степенью самовосхваления в печати. Критики заявляли, что авторы не смели упрекать это мирозерцание, поскольку сами являются типичными интеллигентами, поэтому судьи сами повинны в грехах обвиняемых, поэтому «Вехи» – «типичный образец того самопоедания интеллигенции интеллигенцией же» [10, с. 55]. П. Боборыкин заявлял, что они не имели никакого морального права издавать этот сборник, поскольку одно дело – говорить «о своих грехах и повинностях, и другое дело – обличать своих собратий, принадлежащих, вдобавок, к тем же поколениям» [6, с. 70].

Некоторые критики, не оспаривая веховский тезис о глубочайшем кризисе интеллигенции после неудачи революции, осуждали авторов за то, что они своим творением буквально добивают лежащего [10, с. 54]. Д. Мережковский в данном случае приводит яркое сравнение с мужиками, добивающими лошаденку, из сна Раскольникова, где в образе мужиков выступают авторы сборника, лошади – русская интеллигенция, которая из последних сил, несмотря на удары хлыстов, тянет за собой повозку – России [23, с. 88]. Стоит отметить, что в этом также выражается типичная позиция самоописания представителей дореволюционной интеллигенции – защита «своего лагеря» от любых нападков на него и позиционирование себя в качестве главной движущей силы России. Эта реакция в очередной раз доказывает определенную «кружковость» и замкнутость интеллигенции как идеологической группы, нетерпимость другой точки зрения, в чем ее и обвиняли авторы «Вех».

Иногда критики цеплялись за противоречивость статей сборника, тем самым пытаясь доказать его несерьезность и абсурдность, при этом также избегая анализа его содержания. Уже упоминалось,

что авторы писали свои статьи без предварительного обсуждения их содержания, что и явилось вероятной причиной их разногласий. К примеру, Д. А. Левин в своей статье сравнивает авторов с мольеровскими врачами, которые, склонившись над больным, предлагают ему лекарства, противоречащие друг другу [21, с. 26]. Разногласие авторов между собой разочаровало и Льва Толстого [25, с. 210].

Естественно, в большинстве статей критики старались защитить и оправдать интеллигенцию в противовес содержанию «Вех». Многие авторы взамен веховского рисовали совсем иной – идеализированный образ интеллигенции, однако на этот раз и здесь не обошлось без противоречий, что зависело от политической и идейной ориентации авторов. К примеру, тезис о безрелигиозности интеллигенции встретил противоположные суждения: с одной стороны, Д. Мережковский утверждал, что, напротив, «стремлением к новой земле, к новому небу, к «Граду Божьему» проникнута наша интеллигенция» [23, с. 88].

Еще больший резонанс вызвал тезис сборника, касающийся осуждения отношения интеллигенции к народу – ее чрезмерного народолюбия. Одни критики соглашались с тезисом, что интеллигенция действительно безмерно далека от народа, поскольку существует «зияющая щель между их духовной жизнью» [9, с. 344], но предлагали иной выход из этого положения: ей самой стоит многому поучиться у народа, а не отходить от него². Другие, напротив, выступали в защиту народнического устремления интеллигенции, заявляя, что оно исходило «из великодушного чувства, из благородной идеи служения народу...» [7, с. 206] Третьи же вообще отрицали деление в России на народ и интеллигенцию – «народ стал интеллигенцией, интеллигенция влилась в народ» [8, с. 175]. Наибольший скандал и возмущение критики вызвала фраза из статьи Гершензона, которую критики «Вех» цитировали в усеченном виде, опуская первые слова: «Каковы мы [интеллигенция] есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще

---

² Дело в том, что не все народники отождествляли себя с интеллигенцией, а некоторые – открыто противопоставляли себя ей, как, к примеру, И.И. Каблиц в книге «Интеллигенция и народ» разводит по разным сторонам понятия «народничество» и «народолюбие», присущее интеллигентам [18]

ограждает нас от ярости народной» [11, с. 101]. Для многих критиков сборника весь он чуть ли не сводился к этой единственной фразе. Приводя ее, критики тем самым старались показать ярую реакционность сборника, оправдание антинародных тюрем.

Безусловно, споры критиков вызвало употребление авторами понятия интеллигенция, что в очередной раз вскрыло неоднозначность восприятия данного феномена. Известно, что авторы «Вех» в сборнике под этим понятием подразумевали лишь радикальных представителей (социалистов и большевиков), потому во время полемики некоторые высказывались, что термин в сборнике употреблялся некорректно [7, с. 206; 13, с. 451; 14, с. 438], слишком узко, тем самым веховцы совершали необоснованные обобщения. Исходя из этого, критиковали также за то, что, помимо грехов интеллигенции, авторы намеренно умалчивают о ее заслугах и достоинствах: они «камня на камне не оставляют из всего того огромного построения нашей образованности и культуры, которое российская интеллигенция воздвигла с таким трудом и жертвами в течение многих десятков лет» [10, с. 55]; несправедливо относятся «к прошлым и нынешним заслугам лучших элементов русской общественности, самоотверженно и неустанно стремящихся к высоким социально-политическим идеалам» [2, с. 162]. Н.В. Устрялов, уже находясь в эмиграции в 1921 году, верно подметил: «Вехи изобразили всех русских интеллигентов как большевиков, и русская интеллигенция обиделась на них за это» [16, с. 22].

Еще один пункт обвинения в адрес авторов состоял в том, что они, констатируя глубокий кризис интеллигенции, не дают ответа на «самый жизненно-практический лозунг: “что делать”» [23, с. 86]. К примеру, Иорданский в статье «Творцы нового шума» писал: «Авторы “Вех” создали много шума, но и только. Никаких новых ценностей они не создали» [17, с. 271], ему вторил князь Шаховский: «они не делают никаких реальных указаний на выход из ее тяжелого положения или же дают указания слишком туманные, субъективные, а подчас и противоречивые...» [29, с. 48].

Любопытно, что яркая и наиболее желчная критика некоторых авторов связана с тем, что они негативно относятся к самой современной интеллигенции, и этот сборник считают типичным ее проявлением и выражением [8, с. 172; 12, с. 121]. Одна из характеристик сборника как истинно интеллигентского творения: «Малейшее переживание, самое мелкое чувство выносятся наружу и по-интеллигентски пре-

вращается в огромный вопрос общественного значения» [20, с. 151]. В данном случае также показательны слова М. Горького в его письме Е. Пешковой: «Месть мертвых, или Русские интеллигенты в первое десятилетие XX века» – вот заголовок романа, который когда-нибудь будет написан на тему о наших днях» [12, с. 121].

Список защитников сборника оказался куда более скудным. Уже отмечалось, что, как ни парадоксально, большинство высказавшихся представителей консервативного крыла встретили сборник с радостью, воодушевлением и одобрением (А. Столыпин, архиеп. Антоний, кн. Трубецкой), как знак того, что «общество вновь склонило уши к служению правде нравственной и религиозной, которая одна только и сродна его душе» [3, с. 180]. Причиной такой благосклонности к сборнику зачастую также являлось резкое неприятие современной интеллигенции. К примеру, К.М. Милорадович сначала нещадно критикует интеллигенцию с разных сторон и лишь в самом конце статьи упоминает о «Вехах» как о «нежданной радости» [22, с. 413]. Вообще многие критики пользовались сборником как предлогом для изложения собственных мыслей относительно поднятых вопросов, при этом даже не предпринимая попытки полемизировать с авторами или одобрять их рассуждения.

Лишь некоторые авторы и не из консервативного лагеря были согласны со многими, хотя и не всеми утверждениями сборника, высоко оценили его значение. Наиболее явно и активно в защиту сборника высказался Андрей Белый, назвав «Вехи» замечательной книжицей [4, с. 255]; К. Чуковский говорит о том, что общество «глянуло в «Вехи» как в зеркало» [27, с. 382]; изредка звучало восхищение смелостью авторов [28, с. 331]. Лишь иногда подмечали, что «акт покаяния» веховцев – это не просто пессимистическое отчаяние, а призыв к исправлению, к новой жизни [26, с. 320]. Помимо всего вышперечисленного, были статьи, построенные таким образом, что их авторы не занимали ничьей стороны в этом споре, а лишь с иронией описывали эти схватки на страницах прессы, демонстрируя их безрезультатность [1, с. 91].

Подытожив вышесказанное, можно сделать вывод, что острая полемика вокруг «Вех» показала болезненность и неоднозначность вопроса о русской интеллигенции в начале XX века. Практически все критические статьи имели яркую эмоциональную окраску, из чего можно предположить, что сборник действительно попал в «болезненное место», раз вызвал столь яростные полярные оценки. Причем заметно,

что политические или идеологические воззрения критиков нередко оказывали серьезное влияние на оценку как сборника, так и интеллигенции как таковой. К тому же полемика, по сути, подтвердила один из тезисов «Вех» о кризисе современной интеллигенции и общественности в целом, вызванном результатами революции 1905 года (многие авторы подтверждали это, при этом давали иные трактовки причин и значения этого кризиса, поскольку придерживались различных воззрений относительно результатов революции). Эта дискуссия обнажила неоднородность и противоречивость идеологических воззрений общества по ключевым вопросам, вскрыла возможность яростной и самоотверженной борьбы за своих кумиров, неприятие даже тени «ретроградности», с одной стороны, и восприятие либеральных тенденций как угрозы для России – с другой. В целом она является одним из наиболее показательных примеров того, как один источник может вызывать столь различные интерпретации или как из одного утверждения могут получиться противоположные выводы.

Библиографический список

1. Musca Танцкласс // Вехи: pro et contra. СПб.: РГХИ, 1998. С. 91–94.
2. Айвазов И. «Вехи» // Вехи: pro et contra. СПб., 1998. С. 161–163.
3. Архиеп. Антоний. Открытое письмо авторам сб. «Вехи» // Вехи: pro et contra. СПб., 1998. С. 178–180.
4. Белый А. Правда о русской интеллигенции // Вехи: pro et contra. С. 255–258.
5. Бикерман И. «Отщепенцы» в квадрате // Вехи: pro et contra. С. 255–236.
6. Его же. Обличители интеллигенции // Вехи: pro et contra. С. 70–72.
7. Боборыкин П.Б. Подгнившие «Вехи» // Вехи: pro et contra. С. 201–207.
8. Боцяновский В.Л. Нечто о «трусливом интеллигенте» // Вехи: pro et contra. С.172–177.
9. Вольный Грех интеллигенции // Вехи: pro et contra. С. 342–345.
10. Геккер Н. Реакционная проповедь // Вехи: pro et contra. С. 54–58.
11. Гершензон М.О. Творческое самосознание // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991.
12. Горький М. О «Вехах» // Вехи: pro et contra. СПб., 1998. С. 121.
13. Дан Ф. Руководство к куроводству // Вехи: pro et contra. С. 451–458.
14. Дживелегов А.К. На острой грани // Вехи: pro et contra. С. 429–444.
15. Ильин В. <В.И. Ленин> О «Вехах» // Вехи: pro et contra. С. 488–495.

16. Интеллигенция. Власть. Народ: антология. М.: Наука, 1993.
17. Иорданский Н. Творцы нового шума // Вехи: pro et contra. СПб., 1998. С. 262–274.
18. К истории создания «Вех» // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 11.
19. Каблиц И.И. (Юзов И.) Интеллигенция и народ в общественной жизни России. СПб., 1886.
20. Кольцов Д. Кающиеся интеллигенты // Вехи: pro et contra. СПб., 1998. С. 151–160.
21. Левин Д. А Мольеровские врачи // Вехи: pro et contra. С.26–35.
22. Милорадович К.М. «Вехи». Сборник статей о русской интеллигенции // Вехи: pro et contra. С. 404–415.
23. Огнев Н. О русской интеллигенции // Вехи: pro et contra. С. 86–89.
24. Посторонний «Бей интеллигенцию!..» // Вехи: pro et contra. С. 187.
25. Сапиро С. Л.Н. Толстой о «Вехах» // Вехи: pro et contra. С. 210–212.
26. Трубецкой Е. «Вехи» и их критики // Вехи: pro et contra. С. 319–330
27. Франк С.Л. «Вехи» и их критики // Вехи: pro et contra. С. 42–47.
28. Чуковский К.С. Современные ювеналы // Вехи: pro et contra. С. 379–389.
29. Шагинян М. Еще о «Вехах» // Вехи: pro et contra. С. 331–341.
30. Шаховский Д. Слепые вожди слепых // Вехи: pro et contra. С. 48–52.

А.В. Ермошин

*Татарский государственный
гуманитарно-педагогический университет*

РЕЛИГИОЗНОЕ ОБУЧЕНИЕ В СВЕТСКОЙ ШКОЛЕ В КОНТЕКСТЕ ВОПРОСА О РЕФОРМИРОВАНИИ СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Обострение социальных противоречий в Российской империи в начале XX века находило выражение и в различных обсуждениях и дискуссиях по острым вопросам общественной жизни. Одним из предметов обсуждения стала предполагавшаяся еще с рубежа XIX–XX вв. реформа среднего образования. По поводу ее высказывались различные суждения и предложения, касавшиеся как общей направленности отечественной школы, так и конкретного содержания учебного процесса. В этой связи, на наш взгляд, небезынтересно посмотреть, нашла ли в них отражение (и если да, то в какой степени) проблема наличия

в светской школе религиозного обучения (на уроках Закона Божьего), тем более что начало XX столетия стало и временем пересмотра взаимоотношений государства как с православной церковью, так и с другими религиозными сообществами.

В первую очередь необходимо подчеркнуть, что в правительственных актах, имеющих отношение к средней школе, нет и намека на исключение Закона Божьего из программ средних учебных заведений, а также на факультативный характер его преподавания. В утверждаемых Министерством народного просвещения «Таблицах чисел недельных уроков в гимназиях» Закон Божий остается в числе обязательных предметов (а среди них – на первом месте в списке), при этом его доля по сравнению с концом XIX века не увеличивается и не сокращается [см. 11, с. 16; 12, с. 13].

В определении Святейшего Синода (15 июля – 18 августа 1910 г.) «О лучшей постановке преподавания Закона Божия в светских средних учебных заведениях» этот предмет также был обозначен как «общеобязательный для всех школ курс» [11, с. 8]. Но, в отличие от других учебных дисциплин, общеобязательных для всех школ, обязательность Закона Божьего распространялась только на учащихся православно-вероисповедания. Еще в XIX веке допускалось обучение иноверцев основам их собственной религии (по особому разрешению), а с провозглашением в 1905 г. «укрепления начал веротерпимости» этот вопрос получает более четкую регламентацию. В соответствии с «Временными правилами о преподавании Закона Божия инославных христианских исповеданий» (утвержденными министром народного просвещения 22 февраля 1906 г.) «...обучение оному вводится по желанию родителей и признается необязательным» [11, с. 13]. Вскоре, благодаря Высочайше утвержденному постановлению Совета министров (13 апреля 1911 г.) «О преподавании Закона Божия детям старообрядцев и сектантов», в светских средних учебных заведениях «за исключением школ военного и духовного ведомств разрешается по желанию родителей или опекунов учащихся преподавание Закона Божия по правилам подлежащих вероучений тех [старообрядческих] толков и согласий, а равно и тех сектантов, вероучения коих не содержат в себе чего-либо противного государственному устройству, уголовным законам или общественному порядку и нравственности» [11, с. 12].

К этому же направлению следует отнести циркуляр министра народного просвещения (27 октября 1912 г.) «О порядке определения природного языка учащихся при преподавании Закона Божия инослав-

ных исповеданий» [12]. Как видим, обучение неправославных Закону Божьему допускалось в стенах образовательного учреждения, но даже при наличии соответствующего преподавателя оставалось обязательным для ученика, тогда как для лиц, официально числившихся в «православном исповедании», этот предмет был обязательным. Следует заметить также, что уроки православного Закона Божьего могли посещать по собственному желанию и ученики-иноверцы, о чем имеются исторические свидетельства. Так, к примеру, вспоминая годы учебы в одной из московских гимназий в начале XX века, бывшая гимназистка еврейского происхождения пишет: «У нас, конечно, преподавали Закон Божий <...> Несколько человек неправославного исповедания могли в это время выходить из класса и гулять по коридору или спускаться вниз, в зал, где проходили уроки танцев. Но я большей частью оставалась и внимательно слушала, что объяснял батюшка» [5, с. 208–209].

Итак, на официальном уровне вопрос о пересмотре места Закона Божьего в светской средней школе не поднимался. Обратимся теперь к суждениям представителей педагогической и иной заинтересованной общественности: поднимался ли здесь вопрос о религии в школе при обсуждении реформы среднего образования?

Изучение литературы, затрагивающей этот вопрос, позволяет утверждать, что должного внимания данной проблеме не уделялось. Многие авторы, рассуждая о недостатках современной школы, высказывая предложения об отмене или сокращении одних и расширении преподавания других учебных дисциплин (например, высказывалось предложение ввести в курс средних школ «бухгалтерию» [10]), вовсе не упоминают Закон Божий [2; 4 и др.]. Это объясняется скорее не желанием удалить религиозное обучение из светской школы (иначе такое предложение могло бы прозвучать), а простым отсутствием внимания к этому предмету как части учебно-воспитательного процесса. «Красноречивым показателем этого, – пишет современник, – служит тот факт, что ни в официальных материалах, ни в отдельных историях гимназий, ни в воспоминаниях, кроме буквально двух-трех случаев, нет указаний на то, чтобы предмет этот или законоучитель пользовался в гимназии сильным влиянием или оставлял заметный след. Подобное явление возможно только потому, что на всем протяжении столетнего существования гимназий никогда не было согласованности Закона Божия с остальными предметами, и даже больше: всегда между этими двумя сторонами было некоторое противоречие» [1, с. 343], ведь «на уроке Закона Божия сообщается, что Господь Бог сотворил мир в 6 дней, а на

следующем уроке космографии доказывается, что все это неправда» [9, с. 5].

В ходе обсуждения возможных путей реформы среднего образования гораздо больше внимания привлекал вопрос о так называемых древних языках – греческом и латинском. Именно их «засилье» в российской средней школе представлялось многим главным тормозом на пути модернизации образовательной парадигмы. «Главными предметами гимназического курса со времени введения у нас классической системы в 1871 г. и до пересмотра гимназических программ в 1890 году считались лишь древние языки и математика, а все остальные предметы, включая в число их и Закон Божий, и русский язык, считались предметами второстепенными. С 1890 г. к главным предметам отнесены также и эти два предмета», – отмечает петербургский историк и педагог, издатель журнала «Русская школа» Я.Г. Гуревич [7, с. 21].

Но изменение учебных программ, произведенное в 1890 году, не привело к коренному изменению в соотношении древних языков и Закона Божьего, которые современники часто противопоставляли как противоположные по своему духу. «При таком обилии учебного времени, расходуемого на древние языки, – пишет историк образования И. Алешинцев, – не может быть, чтобы изучение их ограничивалось только грамматикой; несомненно, дети знакомились и с классическим мировоззрением, еще более несомненно, что классический мир сильно идеализировался», тогда как «между классическим и христианским мировоззрением не только не может быть дружеского содействия, но даже и добрососедских отношений: они взаимно исключают и отрицают друг друга <...>. Здесь культ духа, там культ плоти – большего противоречия не может быть, и если “в гимназии почти все предметы воюют между собою”, то с Законом Божиим они воюют по преимуществу» [1, с. 343–344].

Впрочем, справедливости ради надо отметить, что среди немногочисленных сторонников сохранения древних языков в гимназиях были и те, кто предлагал придать их изучению христианскую направленность. Так, бывший редактор «Журнала Министерства народного просвещения» и член совета министра народного просвещения А.И. Георгиевский считал, что «греческий язык есть исконный, священнейший язык <...> Церкви Православной», что он «открывает прямой доступ не только к Св. Писанию Нового Завета в основном его тексте, но и ко всем сокровищам наших церковных песнопений и молитв в подлиннике» [6, с. 19]. Предлагая достаточно подробную программу согласования

курсов греческого языка и Закона Божьего, тот же автор заключает, что «при хорошем ведении дела надлежало бы и охоту, и навык к постоянному изучению Слова Божия, и интерес ко всему, что относится к Православной Церкви» [6, с. 55]. Но, уделяя важное значение религиозному обучению и воспитанию, автор все же отводит Закону Божьему лишь второстепенную роль при практическом применении познаний в греческом языке, о чем сам откровенно заявляет: «Побороть дух неверия, отличающий наше время, невозможно иначе, как поставив с самого начала все религиозное образование нашего учащегося юношества на твердую научную почву; единственным же к тому орудием представляется греческий язык» [6, с. 56].

И все же большинство педагогов критически смотрело на перспективы дальнейшего сохранения древних языков в гимназиях, предлагая в своих проектах либо их существенное сокращение, либо вовсе исключение из программ одного из них, а иногда и обоих. Но при этом в тех же проектах нет и намека на расширение преподавания Закона Божьего. Например, в проекте Я.Г. Гуревича, благодаря освобождению гимназического курса от греческого языка и латыни, предлагается усилить преподавание целого спектра дисциплин (даже «древнегреческого искусства») [7, с. 42], но во всех предлагаемых им типах средних школ на Закон Божий отводится, как и раньше, по 2 урока в неделю [7, с. 46–54].

Разбирая проект школьной реформы профессора А.И. Яроцкого, преподаватель Казанского коммерческого училища, член Педагогического общества при Казанском Императорском университете М.Д. Бушмакин соглашался, что трудно надеяться на скорейшее преобразование государственной школы, поэтому «школа, отвечающая <...> новым началам, может возникнуть на первых порах только как частная школа, и обязанность общества поддержать эту школу <...>, предпочитая официальной», ибо «в школах общественных и частных, которые меньше связаны официальными рамками», легче «изменить программу в указанном направлении» [3, с. 11–12]. В том же проекте А.И. Яроцкого предполагается сократить число недельных уроков Закона Божьего с 16 (по 2 в каждом из 8 классов классической гимназии) до 10 (по 2 урока только в 1–3 и 5–7 классах) [см. 3, с. 13].

Имеющийся в нашем распоряжении проект «новых» гимназий, составленный одним из чиновников Министерства народного просвещения ввиду необходимости преобразования некоторых прогимназий и 4–6-классных реальных училищ Киевского и Одесско-

го учебных округов в учебные заведения с полным курсом, также сокращает число уроков по Закону Божьему, оставляя по 2 часа в неделю только в 1–5 классах и назначая по 1 уроку в 6–8-х [см. 13, с. 34–35].

Большая же часть авторов, писавших в указанный период о реформировании системы среднего образования, обходит своим вниманием проблему религиозного обучения, предпочитая рассуждать о целях школьного образования вообще, о духе и направленности школы и т.п. И это характерно не только для светских, но даже и для церковных педагогов. «Ввести в школу такие-то предметы, исключить другие, расширить программу по таким-то наукам <...> – все это самый легкий путь решения вопроса о реформе средней школы, но путь самый сомнительный, самый ненадежный, – отмечал в своем докладе на одном из заседаний Казанского экономического общества “Задачи среднего образования” профессор протоиерей А.В. Смирнов. – В том то и горе наше, что мы учимся не для науки, не для знания, а для будущей практической службы» [8, с. 4], тогда как «цель образования в средней школе должна заключаться не столько в приобретении определенной суммы знаний, сколько в возможно всестороннем развитии природных сил и способностей, в привитии вкуса к научным занятиям, в приучении к труду и самостоятельной деятельности» [8, с. 6].

Из вышесказанного мы видим, что, несмотря на частое упоминание Закона Божьего как в нормативно-правовых актах о среднем образовании, так и в докладах и статьях представителей педагогической общественности о возможной школьной реформе, особо важного значения ему практически не придавалось, не было серьезной попытки глубоко и всесторонне осмыслить сам факт присутствия в светском образовании изучения начал религии. На него смотрели как на имеющуюся данность, не столь злободневную, чтобы она могла породить серьезную и обстоятельную дискуссию. В этом, пожалуй, одна из причин того, что отмена преподавания Закона Божьего в светской школе в 1918 г. была за редким исключением встречена довольно равнодушно, а в некоторых случаях и с одобрением.

Библиографический список

1. Алешинцев И. История гимназического образования в России (XVIII и XIX век). СПб.: Изд. О.Богдановой, 1912. IX, 346, VI с.
2. Архангельский А.С. К предстоящей реформе нашей средней школы. Б.м., 1900. 18 с.

3. Бушмакин М.Д. Средняя школа и ее программа. Доклад, читанный в заседании Общества 29 марта 1914 г. (По поводу статьи проф. А.И. Яроцкого «Какова должна быть средняя школа?»). Казань: Тип.-лит. Имп. ун-та, 1914. 14 с.
4. Валицкий З.А. Злобы средней школы. (Чит. в собрании Педагогического общества, состоящем при Имп. Казанском университете, 14 февраля 1901 г.). – Казань : Тип.-лит. Имп. ун-та, 1901. 20 с.
5. Василевская В.Я. Катакомбы XX века: воспоминания / В.Я. Василевская. М.: Фонд им. Александра Меня, 2001. 320 с.
6. Георгиевский А.И. Предположенная реформа нашей средней школы. СПб., 1901. 112 с.
7. Гуревич Я.Г. К вопросу о реформе среднего образования, в особенности же классических гимназий. СПб.: Журнал «Русская школа», 1900. [2], VI, 55 с.
8. Доклады по вопросу о единой средней школе. Казань: Имп. Казанское экономическое общество, 1907. 57 с.
9. Доклады по вопросу единой общей средней школы. Ч.II. Казань: Имп. Казанское экономическое общество, 1908. 10 с.
10. Дружинин Н.П. Какая нужна нам средняя школа? Ярославль, 1903. [4], 43 с.
11. Елисеев В. Программы и правила всех классов мужских гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения (с последними дополнениями и разъяснениями) / сост. В. Еленев. 9-е изд., исправ. и доп. Одесса: Родное слово, 1912. 162, VI с.
12. Его же. Программы и правила женских гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения / сост. В. Еленев. – 24-е изд., испр. и доп. М. Одесса: Родное слово, 1916. 138, V с.
13. По вопросу о средней общеобразовательной школе, с применением ее к запросам и нуждам современной жизни некоторых местностей России (Отчет о командировке упр. отделением промышленных училищ Министерства народного просвещения тайного советника Анопова). СПб.: Тип.-лит. Шредера, 1900. 58 с.

СЕКЦИЯ IV.

**ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

С.В. Корновенко
Черкасский национальный университет
имени Богдана Хмельницкого (г. Черкассы, Украина)

МЕРОПРИЯТИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА ЮГА РОССИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА ТАВРИИ ТЕХНИКОЙ

Аграрная политика правительства П. Врангеля – важная научная проблема. Как свидетельствует анализ историографии, ее изучению посвящены многочисленные научные труды как советских, так и современных украинских и российских, а также зарубежных авторов [1]. Отмечая в целом высокую степень научного осмысления врангелевской аграрной политики, констатируем, что не все вопросы этого явления периода революции и гражданской войны представлены равномерно. На наш взгляд, дополнительного освещения требуют мероприятия Правительства Юга России по обеспечению сельского хозяйства Таврии техникой, в чем и состоит цель данной статьи.

Увеличение площадей крестьянских наделов, забота Правительства Юга России о росте посевных площадей, дефицит на селе не только промышленных товаров и инвентаря, но и сельскохозяйственной техники на повестку дня перед властью белого Крыма поставили вопросы улучшения агрокультуры, интенсификации сельского хозяйства как ведущей отрасли экономики территории, подконтрольной Российской армии. Будучи реалистами, владея информацией, поступавшей с мест, Главнокомандующий и его ближайшее окружение прекрасно понимали, что без обеспечения сельского хозяйства необходимым количеством сельскохозяйственных машин, без наличия сети их сервисного обслуживания рассчитывать на улучшение социально-экономического положения крестьян, интенсификацию аграрного сектора экономики белого Крыма было напрасно. К тому же от позитивных тенденций развития сельского хозяйства зависело благосостояние и остального населения территорий, подконтрольных Российской армии.

В одном из документов того времени относительно изложенного выше отмечалось: «Дефицит сельскохозяйственных орудий труда и машин (грузовых автомобилей) затрудняет подвоз хлеба в обмен на необходимые крестьянам промышленные товары, не создает благоприятных условий для развития единоличных крестьянских хозяйств. Все это значительно уменьшает интерес земледельцев к расширению посевных площадей и собственного хозяйства вообще» [2, л. 6].

Для Правительства Юга России также стало очевидным и то, что только за счет импорта насытить крестьянские хозяйства необходимыми орудиями труда будет сложно. Во-первых, импортную сельскохозяйственную технику сложно было транспортировать из портов в волости при отсутствии нормально налаженной системы перевозок на территории, подконтрольной Российской армии. Во-вторых, помимо самой техники власти белого Крыма вынуждены были закупать за рубежом и запчасти к ней. Это требовало дополнительных расходов, которых белые себе позволить не могли. В-третьих, спрос среди крестьян на дорогие сельскохозяйственные машины был невысоким. Поэтому казна не могла рассчитывать на быстрое пополнение государственных запасов хлеба, потраченных при экспортно-импортных операциях. К тому же, несмотря на значительные резервы хлеба в крестьянских хозяйствах Северной Таврии, они также не были безграничными.

Таким образом, вопрос продовольственного обеспечения населения белого Крыма и экономические перспективы в целом на первое место выдвигали улучшения производственных мощностей сельского хозяйства, сельскохозяйственной промышленности. Правительством Юга России делался категорический вывод: «Орудия сельскохозяйственного производства нужны тылу так же, как пушки фронту» [3, л. 5об.].

Адекватно реагируя на потребности сельского хозяйства в сельскохозяйственной технике и инвентаре, Правительство Юга России совершенствует свои подходы к решению этой проблемы, разрабатывает ряд мер по улучшению положения в аграрном секторе экономики. Так, параллельно с продолжением экспортно-импортных операций ставка делается и на аккумуляцию внутренних ресурсов. К реализации целенаправленной программы поставки крестьянам необходимых им сельскохозяйственных машин власти белого Крыма привлекают государственные структуры, земства и другие общественные объединения и организации. Кроме того, прилагаются усилия к увеличению производственных мощностей отечественных предприятий сельскохозяйственной промышленности. Во внимание принимался и тот факт, что значительное количество нужной сельскому хозяйству промышленной продукции было завезено в крымские порты еще при А. Деникине, правительство которого также было озабочено интенсификацией аграрного сектора экономики. Однако поражения Добровольческой Армии, быстрая эвакуация не дали возможности Особому совещанию полностью реализовать намерения в этой сфере. Поэтому много сельскохозяйственных машин находилось нераспределенными на складах.

Политику государства по интенсификации сельского хозяйства, улучшению агрокультуры Правительством Юга России планировалось проводить на экономических основаниях, взаимовыгодных и для властей, и для крестьян. Для решения поставленной цели – интенсифицировать сельское хозяйство Северной Таврии и Крыма – была разработана широкомасштабная программа действий. Ее смысл сводился к следующим положениям. 1. Налаживание сервисного обслуживания и ремонта сельскохозяйственных машин, механизмов, орудий. 2. Рациональное использование имеющихся резервов запасных частей, старых иностранных заказов. 3. Правильное и равномерное распределение сельскохозяйственных машин и орудий труда среди населения. 4. Возобновление деятельности отечественных заводов и мастерских сельскохозяйственного назначения, усиление производственных мощностей тех предприятий, которые еще работали [3, л. 56].

На Управление земледелия и землеустройства (далее – УЗиЗ) возлагалась конкретная работа по организации ремонта сельскохозяйственных машин и орудий труда. Для ее выполнения служащие Управления задействовали сельскохозяйственные мастерские, кузницы, оставшиеся в имениях, находившихся в управлении этого ведомства, и восемь заводов, расположенных в Симферополе, Джанкое, Старом Крыму, Евпатории и Бердянске [4, л. 175об.]. Также была восстановлена деятельность еще двух государственных заводов по изготовлению сельскохозяйственных машин вблизи Большого Тикмана, одного секвестрованного завода в Большом Тикмане. УЗиЗ запустило в действие машиностроительную станцию в Акамовке с большим тракторным пунктом и крупной ремонтной мастерской [3, л. 57].

Правительством Юга России УЗиЗ провозглашалось монополистом-владельцем имущества «Технической Консультации» – государственной структуры, которая при Особом совещании осуществляла обеспечение сельского хозяйства необходимыми машинами, техникой, запчастями к ним. Нужно отметить, что размеры этого имущества были серьезными, его рациональное использование позволило бы, как и предполагалось Правительством Юга России, значительно сократить дефицит сельскохозяйственных орудий труда. Так, согласно справке Технической Консультации, выданной 29 февраля 1920 г. уполномоченному УЗиЗ, на одном из складов этой структуры было сосредоточено такое количество техники: только сепараторов мощностью 42 ведра в час – 3000 шт., локомобилей Клейтона с молотилками к ним – 4 шт., веялок Бекера – 8 шт., заклепок докосилок – 2170 пуд., станков Турнера для изготовления запчастей – 10 шт.,

станков Робисон – 7 шт., веялок Пеннея – 8 шт., веялок Бекера – 4 шт., различных видов соломорезок – 392 шт., локобилей Гаррет различной мощности – 33 шт., молотилок Гаррет различной мощности – 17 шт., 11 наименований запасных частей к ним [4, л. 51–51об.].

В собственность УЗиЗ переходило и имущество складов «Сельхоз», на которых также хранилась значительная часть необходимых для аграрного сектора экономики сельскохозяйственных орудий, запчастей к ним. Единично Управление земледелия распределяло и сельскохозяйственные машины, закупленные за рубежом. Управление торговли и промышленности импортируемую промышленную продукцию тоже передавало на баланс Управления земледелия [3, л. 57–57об.]. Ведомство Г. Глинки получило и прерогативу в обеспечении заявок на получение таких необходимых для заводов и мастерских по изготовлению и ремонту сельскохозяйственной техники товаров, как уголь, железо, горюче-смазочные материалы и т. д. Они властями белого Крыма удовлетворялись сразу после нужд армии. Таким образом, этой государственной структуре Правительство Юга России передало все полномочия по распределению сельскохозяйственных орудий труда и инвентаря.

Если УЗиЗ выполняло общеорганизационные функции, то к выполнению на местах программы П. Врангеля по интенсификации аграрного сектора экономики активно приобщались уездные земства. Таврическая губернская земская управа от Главнокомандующего получила четкие инструкции относительно полномочий земских деятелей и направлений работы уездных земств при реализации указанных выше мероприятий на селе. В частности, склады земств присоединялись к общей системе хранилищ, на которые УЗиЗ централизованно распределяло импортируемое и отечественное сельскохозяйственное оборудование. На губземство возлагалась организация и реальное проведение на местах, с широким привлечением «кооперативных организаций, представителей сельскохозяйственной заводской промышленности», уездных земств, таких видов работ: 1) равномерное распределение сельскохозяйственного инвентаря между крестьянскими хозяйствами уездов и волостей; 2) рациональное использование запасов расходных материалов, хранившихся на складах; 3) ремонт и изготовление простых типов сельскохозяйственных машин и орудий труда; 4) расширение сети земских пунктов проката сельскохозяйственной техники для того, чтобы как можно больше крестьян могло воспользоваться ими. На проведение этих мероприятий Таврическое губернское земство получило от государства заем на 50 млн руб. [4, л. 178].

Деятели Таврического губернского земства получили и целый ряд полномочий, благодаря которым их деятельность становилась реальной и продуктивной. Земства имели возможность привлекать все имеющиеся резервы для проведения ремонта и изготовления сельскохозяйственного инвентаря. Они имели право привлекать правительственные, частные предприятия для выполнения земских заказов по изготовлению сельскохозяйственных орудий труда. «Земским агентам» были предоставлены «сила и авторитет лиц, выполняющих дело особого государственного значения». Они не только издавали распоряжения, но и непосредственно на местах контролировали их выполнение, устраняя трудности, возникавшие в ходе этого. Земства пользовались правом внеочередного (за исключением военных) провоза грузов любым видом транспорта, который действовал на территориях, подконтрольных Российской армии. Такие перевозки, как и их содержание, защищались Правительством Юга России от реквизиций и других непредвиденных обстоятельств. Социальные льготы и социальные гарантии властью белого Крыма, по просьбе земств, предоставлялись рабочим, их семьям, участвующим в сельскохозяйственных предприятиях и мастерских. Налоговые преференции получали мелкие и средние предприятия, выполнявшие заказы земств по изготовлению сельскохозяйственных орудий труда или их ремонта [4, л. 184–185об.].

Таким образом, власти белого Крыма приоритетное значение в аграрной политике отводили интенсификации сельского хозяйства. Правительство Юга России разработало и реализовало на практике целенаправленную программу по обеспечению крестьянских хозяйств необходимой сельскохозяйственной техникой и инвентарем. Для решения проблемы технического оснащения аграрного сектора экономики белого Крыма привлекались максимальные возможности, финансовые и человеческие ресурсы. В обработанных нами исторических источниках, к сожалению, не зафиксировано информации относительно того, насколько меры властей были эффективными. На основании разрозненных и косвенных свидетельств можно предположить, что частично спрос крестьянских хозяйств на сельскохозяйственные машины и инвентарь правительству П. Врангеля удалось удовлетворить.

Библиографический список

1. Корновенко С. Аграрна політика білогвардійських урядів А. Денікіна, П. Врангеля на підконтрольних їм українських територіях (1919–1920 рр.): історіографічний процес 1919–2000-х рр. Черкаси: Ант, 2008. 238 с.

2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – ФР. 355. Оп. 1. Д. 18.
3. Там же. Д. 24.
4. Там же. Д. 7.

М.Э. Кавун

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ГОРОД КАК ЭПИЦЕНТР СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX ВЕКА: ЕКАТЕРИНОСЛАВ 1905 Г. И ФЕНОМЕН «ЧЕЧЕЛЕВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ»

Проблемы корреляции диспропорций модернизационного процесса в городах Российской империи с динамикой и локализацией социальных кризисов в городах Южной России и Южной Украины начала XX в., на наш взгляд, недостаточно изучены. История одного из крупнейших промышленных центров Российской империи – Екатеринослава–Днепропетровска дает в этом плане неоценимый материал для сравнительных исследований. События революции 1905–1907 гг. нашли отражение в краеведческой историографии: это обобщающие работы Г.И. Быстрякова [1], Т.Д. Таран [13], С.И. Свитленко [12]; статьи о роли в революционных событиях городского района Чечелевки М. Штейна (Шатрова) [15–20], Г. Иосикова, А. Стародубова [6], М. Кавуна [7; 8]. Основной объем источникового материала введен в оборот в сборниках документов в 1975 г. [5] и 1976 г. [3]. Несмотря на это, проблема «локального» фактора в революционных событиях в Екатеринославе 1905–1907 гг. не ставилась. Цель статьи – рассмотрение феномена крупного промышленного города Российской империи начала XX в. – Екатеринослава как эпицентра социального напряжения на примере конкретного городского района – Чечелевки. Задачи статьи: 1) осветить положение Чечелевки в городской структуре Екатеринослава; 2) проанализировать роль района в событиях 1905 г. в Екатеринославе.

Революционный кризис 1905 г. важно рассматривать не только в контексте социальных противоречий, но и с точки зрения «перенапряжения» городской структуры, на почве диспропорций модернизационного процесса конца XIX – начала XX в. События 1905 г. предстают «выбросом энергии», накопившейся внутри городского организма, как часть своеобразного механизма саморегуляции городской структуры. В Екатеринославе социальный конфликт усиливался мультикультурным характе-

ром города и его социотопографической стратификацией. Динамический подъем города с конца 1880-х гг., выразившийся в строительстве гигантов черной металлургии и машиностроения и развитии транспортной инфраструктуры, сопровождался трансформациями социодемографической структуры, в частности, постоянным увеличением доли пролетариата. Социотопографическая структура также претерпела динамические изменения: сформировалась сеть рабочих поселков в западном промышленном районе (Чечелевка, Фабрика, Шляховка) с хаотической застройкой, крайне низкими качеством жизни и уровнем благоустройства. Местная власть плохо контролировала здесь положение дел, и рабочие окраины стали эпицентром, отсюда «разгоралось пламя» революционной борьбы. Первые революционные кружки появились в 1870–1890-х гг. В 1897 г. возник «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», преобразованный затем в местный комитет РСДРП. Концентрация пролетариата, жившего в крайне сложных условиях (низкая заработная плата, непомерные штрафы, обилие питейных заведений), выражалась в таких цифрах: на рубеже XIX–XX вв. на Брянском заводе работало 5700 чел., на трубопрокатном заводе Шодуар «А» – 2000 чел., на сталелитейном заводе Эзау – 1228 чел., на заводе Гантке – 500 чел. [13, с. 5]. Противоречия городской структуры порождались и ростом населения в геометрической прогрессии – с 1880-х гг. практически в два раза за каждое десятилетие: в 1884 г. – 45 тыс., в 1887 г. – 48100, в 1897 г. – 112839, в 1901 г. – 135 тыс. чел. [4, с. 91; 13, с. 6].

В 1905 г. пролетариат Екатеринослава получил первый опыт революционной борьбы. Центром событий стала Чечелевка – район наибольшей концентрации пролетариата (проспект Калинина и прилегающие улицы в современном Днепропетровске). Рабочая слобода возникла в 1860-х гг., названа якобы от имени первопоселенца, отставного солдата Чечеля. Всего до 1917 г. сформировалось девять чечелевских улиц. Слобода была распланирована по полурегулярному принципу, с западной части к ней примыкала промышленная зона. Коммуникации чечелевки с центральной частью города были затруднены. По социокультурным характеристикам Чечелевка обладала анклавными признаками в городской структуре. По примеру столичных районов – символов революционных событий (например, Красная Пресня в Москве) – в Екатеринославе таким районом стала Чечелевка. Предпосылки этого проявились с конца XIX в. В мае 1898 г. рабочие сожгли здесь потребительскую лавку. 16 декабря 1901 г., после разгона демонстрации на Екатерининском (ныне Карла Маркса) проспекте, на Чечелевке состоялась демонстрация в 150–200 чел. [15]. 7 августа 1903 г. центром августовской стачки стала Брянская площадь – западная

окраина Чечелевки [16]. Пешеходный мост в данном районе стал местом вооруженных столкновений, сопровождавшихся человеческими жертвами [19; 2, с. 26].

С первых дней революции 1905 г. активизировалось рабочее движение Екатеринослава. 17 января началась забастовка рабочих 10 заводов в количестве 11628 чел., что на тысячу человек превысило показатели забастовочной активности города за десятилетие 1895–1904 гг. [13, с. 13]. Руководитель местного комитета РСДРП П.Н. Лепешинский в письме в Швейцарию весной 1905 г. сообщал: «Хорошо настроен Брянский завод... А за брянцами пойдет и весь рабочий Екатеринослав» [17, с. 206]. 1 мая 1905 г. состоялась рабочая демонстрация на Екатерининском проспекте, завершившаяся столкновением рабочих с войсками [1, с. 63]. 19 июня в 11 часов ночи на окраине Чечелевки, на пустыре возле мясной бойни, комитет РСДРП провел собрание (около 60 чел.), где было решено 20 июня начать всеобщую забастовку [1, с. 64]. Забастовка продолжалась с 20 по 28 июня (3–11 июля); в ней приняли участие более 10 тысяч человек – железнодорожники, трамвайщики, рабочие пекарен и т. д. [1, с. 65]. 20 июня 1905 г. на пересечении Екатерининского проспекта и улицы Провиантской (ныне Пастера) состоялась демонстрация рабочих в поддержку матросов броненосца «Потемкин». Комитет РСДРП отмечал в листовке, что июньская стачка «удалась нам вполне», и призывал готовиться к восстанию, выделив часть заработка на изготовление бомб, приобретение оружия [5, с. 134–135].

Апогей революционного движения наступил осенью 1905 г. 10 октября забастовали все предприятия города, остановился городской транспорт, закрылись магазины, не вышли газеты, была прервана телеграфная связь. 11 октября 1905 г. революционный накал вылился на екатеринославские улицы. В этот день учащиеся Высшего Горного училища соорудили баррикаду на углу Екатерининского проспекта и Кудашевской (ныне Баррикадной) улицы. Вокруг баррикады собралось около 30 тысяч чел. Эта демонстрация была расстреляна властями, в результате чего было убито 10 и ранено 8 учащихся. События 11 октября вызвали гнев среди рабочих и железнодорожных служащих. Газета «Новая жизнь» от 8 ноября сообщала: «В то же время происходила в управлении сходка служащих железной дороги, после которой они в количестве 500 человек мирно двинулись по Военной улице (ныне проспект Пушкина. – М.К.) к месту избияния детей; постановили песен не петь, выстрелов не давать и знамен не выбрасывать. Тем не менее налетели казаки и без предупреждения дали три залпа. Опять много убитых и раненых <...> Рабочих и здесь не было.

Они, будучи отрезаны от города, окопались на Чечелевке и на Брянском заводе и построили баррикады. Там велась настоящая война – с волчьими ямами и фугасами и проволочными заграждениями; бросили из окопов несколько бомб в казаков и солдат» [5, с. 196]. Всего было построено шесть баррикад, самая большая – на углу улиц Первой Чечелевки и Орловской [1, с. 70].

Детали событий на Чечелевке содержит рапорт пристава 6-й части Екатеринослава начальнику городского жандармского управления: «11 октября около 7 часов утра <...> на углу 1-й и 2-й Чечелевки стала собираться толпа <...> достигла до 5000 человек. <...> Толпа, стоящая на углу Чечелевки и Брянской площади, увеличивалась, наконец, стала ломать и рубить телеграфные столбы, телефонные и трамвайные, вновь строящегося городского трамвая, рвать со столбов проволоку, отняли у рабочих вновь строящегося трамвая тачки и стали против дома Копылова строить баррикады, вывесили 3 красных флага. Около 3 часов дня шли роты Бердянского полка по 1-й Чечелевке, в них были брошены 2 бомбы, и из-за заборов, из окон производилась стрельба из револьверов; войска отвечали залпами и одиночной стрельбой, продолжавшейся до вечера. В результате убитых нижних чинов – 1, раненых – 23, казаков ранено – 6, бунтовщиков убито – 8, ранено – 4. <...> Заводы стоят...» [5, с. 170–171]. Похороны рабочих 13 октября 1905 г. превратились в демонстрацию, в которой приняли участие до 40 тысяч человек. Забастовки в Екатеринославе продолжались до 25 октября 1905 г. В.И. Ленин в статье «Всероссийская политическая стачка» отметил: «В Екатеринославе строятся баррикады и льется кровь» [9, с. 14].

В октябре 1905 г. состоялось организационное заседание Екатеринославского Совета рабочих депутатов [1, с. 73]. Один депутат в Совет избирался от 100 рабочих, всего было избрано 400 депутатов, в том числе 100 – от Брянского завода. Была создана Исполнительная комиссия из 7 человек, в состав которой вошли четыре большевика [1, с. 73]. Председателем Совета был избран меньшевик Бассовский, секретарем – Г. И. Петровский. Заседал Совет в столовой железопрокатного (ныне сортопрокатного) цеха Брянского завода [13, с. 32]. Рабочие Екатеринослава двигались в сторону вооруженного восстания. 8 декабря 1905 г. ночью на квартире Г. И. Петровского в поселке Новые Кайдаки проведено заседание комитета РСДРП, на котором единогласно решено присоединиться к стачке. На рассвете того же дня состоялось объединенное заседание комитета РСДРП и других социал-демократических организаций. Был создан коалиционный орган по руководству стачкой – «Боевой стачечный комитет г. Екатеринослава и

Екатеринославской губернии (БСК)» [1, с. 76; 13, с. 36; 2, с. 35]. В состав БСК вошли все семь членов исполкома Совета, три представителя от провинциального бюро РСДРП (меньшевиков), два представителя от эсеров, три представителя от Союза железнодорожных служащих Екатеринославской железной дороги и два – от Союза работников почты и телеграфа [1, с. 76]. Большевики в БСК представляли Г. Петровский (руководитель группы), И. Меренков, И. Захарченко, А. Лившиц (Фабричный) и др.

Всеобщая стачка началась 8 декабря 1905 г. по гудку Брянского завода. 9 декабря прекратили работу правительственные учреждения. Функционировал только банк и ломбард. В середине дня на Брянской площади состоялся многолюдный митинг [13, с. 37]. Были захвачены станция и телеграф Екатеринославской (ныне Приднепровской) железной дороги. 10 декабря войска отбили вокзал, однако через день оставили его. Для управления железнодорожным хозяйством создан Распорядительный Стаечный Комитет, который перенес свою деятельность и на станции Нижнеднепровск и Горяиново [5, с. 255; 13, с. 40].

Поселки Чечелевка, Новые Кайдаки, Фабрика и район вокзала полностью оказались в руках рабочих. Район, контролируемый Советом и его БСК, вошел в историю как «Чечелевская республика». Она просуществовала с 8 по 22 декабря 1905 г. – всего 14 дней. Это был первый опыт советской власти в Екатеринославе. Г.И. Петровский отмечал: «Чечелевка теперь превращается в неприступную рабочую “республику”» [11, с. 54]. Во время забастовки по решению БСК продолжали работать пекарни, водопровод, больницы, аптеки, железная дорога. Совет постановил закрыть все учреждения на время стачки, кроме государственного банка и сберегательных касс, чтобы «дать возможность гражданам взять свои вклады» [11, с. 79]. Владельцы магазинов наказывались за произвольное повышение цен. Открылись столовые для рабочих, до конца стачки была отменена квартплата для всех ее участников. По приказу БСК были закрыты все типографии, кроме тех, где печатались листовки и печатный орган Совета – «Бюллетень БСК». С 11 по 26 декабря 1905 г. издано 8 номеров общим тиражом 20 тыс. экземпляров. Весь тираж напечатан в одной из старейших городских типографий – «печатне Яковлева» (ул. Серова, 7). Заседания БСК проходили в доме № 45 по ул. Первая Чечелевка (ныне просп. Калинина).

Рабочие создавали боевые дружины. Первые отряды самообороны в Екатеринославе появились еще в конце 1904 г. [13, с. 33] и создавались по производственному принципу – только на заводах. Руководил заводской дружиной начальник, державший связь с военной тройкой БСК. Тройка

организовала специальные мастерские по изготовлению металлических бомб. В середине 1905 г. создана лаборатория по изготовлению бомб, которой руководил питерский рабочий И.В. Михайлов («Ваня-англичанин») [20]. Самая большая мастерская находилась в доме Карпова № 4 по ул. Пятая Чечелевка [13, с. 34]. По приказу БСК разоружались полиция и жандармерия. Таким путем пополнялись запасы оружия. В момент декабрьского восстания был создан штаб боевых дружин на ул. Первой Чечелевке в доме № 69 [13, с. 33]. В.И. Ленин в статье «Черные сотни и организация восстания» писал: «Примеру екатеринославских и борисоглебских товарищей должны последовать и последуют в более и более широких размерах товарищи социал-демократы по всей России» [10, с. 193].

БСК обратился с призывом к войскам, расквартированным в Екатеринославе, присоединиться к восставшим рабочим. Присоединились рабочие и железнодорожники других центров – Нижнеднепровска, Александровска, Чаплино, Горловки, Ясиноватой. Бастовал Донбасс. 14 декабря на помощь рабочим Екатеринослава из соседнего Нижнеднепровска прибыли боевые дружины [2, с. 37]. 16 декабря 1905 г. Екатеринослав и прилегающие районы были объявлены на военном положении [2, с. 38]. Утром 18 декабря в город вошел 133-й пехотный Симферопольский полк. Днем раньше прибыла 34-я артиллерийская бригада. Губернатор «предложил» забастовщикам и защитникам «Чечелевской республики» сложить оружие. 19 декабря 1905 г. было подавлено вооруженное восстание в Москве. После трезвого анализа Екатеринославский Совет принял решение прекратить политическую стачку. Об этом решении было объявлено в последнем выпуске «Бюллетеня БСК» от 26 декабря 1905 г. [13, с. 43].

«Чечелевская республика» стала «последним бастионом» восставших и оборонялась до последнего. С 22 по 28 декабря 1905 г. силы обороны сосредоточились на территории в несколько гектаров: Чечелевка – Брянская площадь – Брянская колония – Брянский завод – станция Горяиново [2, с. 39]. Последний день существования «республики» – 28 декабря. После подавления восстания начались поголовные обыски и аресты. К смертной казни были приговорены 47 участников революционных боев. Восемь из них были затем повешены в местной тюрьме в ночь на 4 сентября 1909 г. [2, с. 40]. В дальнейших событиях революционной борьбы Екатеринослава Чечелевка также играла ведущую роль.

Анализ событий столетней давности показывает, что события 1905 г. в Екатеринославе можно рассматривать как пример диспропорций модернизации конкретного промышленного урбанистического центра в

Российской империи. Перенапряжение городской структуры, усиленная социотопографическая стратификация, слабые системы взаимосвязей между разными районами города, формирование своеобразных территориальных анклавов стали очень важными факторами революционных выступлений 1905 г. в Екатеринославе, выразившихся, кроме всего прочего, в появлении феномена «Чечелевской республики».

Библиографический список

1. Быстряков Г.И. Революционная борьба рабочего класса Екатеринославщины в 1905 году // Труды Днепропетровского института инженеров железнодорожного транспорта. Кафедры общественных наук. К.: Изд-во Киев. гос. ун-та им. Т. Г. Шевченко, 1957. Вып. I. С. 55–83.
2. В борні й труді по Іллічу / під заг. ред. А. Я. Пащенко. Д. : Промінь, 1970. 228 с.
3. Днепропетровску 200 лет, 1776–1976: сб. док. и матер. / Гл. арх. упр. при Сов. Мин. УССР, Парт. арх. Днепропетр. обкома Компарт. Укр., Днепропетр. обл. гос. арх.; сост. Б.Я. Бриккер [и др.]. редкол.: И.В. Васильев (пред.) и др. Киев: Наукова думка, 1976. 512 с.
4. Дніпропетровськ: Віхи історії / упоряд. А.Г. Болебрух, С.А. Квітка; редкол.: С.А. Квітка (гол. ред.) та ін. Дніпропетровськ: Грані, 2001. 256 с.
5. Екатеринославщина в революции 1905–1907 гг. Документы и материалы: сб. / сост. Б. Я. Бриккер [и др.]; ред. кол.: А. Я. Пащенко (отв. ред.) [и др.]. Д.: Промінь, 1975. 372 с.
6. Иосиков Г. Проспект Калинина / Г. Иосиков, А. Стародубов // Днепр вечерний. 1975. 19 августа.
7. Кавун М.Э. Революционный очаг Екатеринослава // Недвижимость в движении. 2005. 30 нояб.
8. Кавун М.Э. Революция. Как это было сто лет назад. Часть I, II // Недвижимость в движении. 2004. 8 дек.; 15 дек.
9. Ленин В.И. Всероссийская политическая стачка // Полн. собр. соч. Т. 12. С. 13–15.
10. Ленин В.И. Черные сотни и организация восстания // Полн. собр. соч. Т. 11. С. 189–193.
11. Рашев П.Н., Яременко Е.Г. Его именем назван город. 2-е изд., доп. Днепропетровск: Промінь, 1978. 128 с.
12. Світленко С. І. Катеринослав у демократичній революції 1905–1907 років: 2. Революційний апогей // Придніпров'я: Історико-краєзнавчі дослідження: Збірник наукових праць / ред. кол.: С. І. Світленко (відп. ред.) [та ін]. Дніпропетровськ: Видавництво Дніпропетр. нац. ун-ту, 2007. Вип. 4. С. 26–46.

13. Таран Т. Д. Роки першої російської революції (1905–1907 рр.). Д.: Дніпропетровське книжкове видавництво, 1959. 52 с. (З історії Дніпропетровської обласної партійної організації. Вип. 3).
14. Филоненко В. Рабочая Чечелевка // Днепр вечерний. 1986. 6 ноября.
15. Шатров М. Путь городской окраины. Старая и Новая Чечелевка // Днепровская правда. 1947. 25 нояб.
16. Его же. Брянская площадь // Днепров. правда. 1964. 5 нояб.
17. Его же. Город на трех холмах: Книга о старом Екатеринославе. Днепропетровск: Промінь, 1966. 332 с.
18. Его же. Красная Чечелевка // Днепровская правда. 1962. 24 окт.
19. Его же. Первый решительный бой. К 60-летию августовской стачки 1903 г. в Екатеринославе // Днепров. правда. 1963. 20 авг.
20. Его же. «Химия» екатеринославских большевиков // Днепров. правда. 1964. 15 марта.

В.Б. Безгин

Тамбовский государственный технический университет

АГРАРНОЕ ДВИЖЕНИЕ НАЧАЛА XX ВЕКА В ГУБЕРНИЯХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ

Аграрные беспорядки, начавшие в 1902 г. в Полтавской и Харьковской губерниях, стали следствием бедственного положения российской деревни. Аграрное перенаселение, особо остро ощущаемое в губерниях Центрального Черноземья, делало требование ликвидации помещичьего землевладения актуальным. В борьбе за землю с целью вытеснения ненавистного помещика крестьянство использовало весь арсенал традиционных средств борьбы. Стихийный характер крестьянского движения начала XX в. отнюдь не противоречил утверждению о ведущей роли сельской общины в аграрных выступлениях. В условиях социальной войны «мир» заявил о себе как о силе, способной мобилизовать крестьянские массы на упорную борьбу с помещиками и властью. И эту мощь ощутило как крестьянство, так и власть.

Главной проблемой для сельских жителей, как и прежде, оставалась нехватка пашенных земель, и решение этого вопроса русский мужик связывал с ликвидацией помещичьего землевладения. Из донесения орловского губернатора следовало, что «ожидание получить землю соседних помещиков среди крестьян было поголовное и давнее» [3,

ч.7, л. 90]. В рапорте министру юстиции от 9 марта 1905 г. сообщалось: «28 февраля 1905 г. разграблена и сожжена экономия великого князя Сергея Александровича в селах Долбенкине и Лобанова Дмитровского уезда Орловской губернии. Экономическое положение крестьян с Лобанова плохое. Надел чуть более 2 дес. на душу. Хлеба до новин не хватает даже в урожайные годы, а некоторым его не хватает до Рождества. Общинные земли стеснены и окружены владениями великого князя. Остро стоят проблемы выгона и прогонов скота. Крестьянам было запрещено не только прогонять по экономической земле скот, но и проходить и проезжать по не назначенным для этого дорогам, ловить рыбу в озере, купаться, собирать грибы и ягоды в лесу» [9, л. 9, 14].

В ходе острого противостояния помещикам крестьяне активно прибегали к таким традиционным приемам, как потрава лугов и посевов, самовольная запашка барских земель. И в этих формах борьбы четко прослеживалась роль сельской общины. Так, в Воронежском уезде весной 1906 г. производились самовольные запашки церковных земель и выпасы на помещичьих лугах. «Крестьяне поселка Каширского Московской волости Воронежского уезда на основании единогласного решения сельского схода 25 мая числом в 400 чел. распахали 25 дес. церковной земли. 27 мая в имении Паньшина при д. Петропавловки Рождественской волости 60 крестьян выпустили лошадей и потравили 10 дес. луга. На увещевания полиции крестьяне заявляли: «Пусть лучше нас убьют или пристрелят, чем умирать с голоду или дать подохнуть лошадям – нашим кормильцам» [12, л. 82]. Автор донесения в департамент полиции делал вывод о том, что такое настроение крестьян являлось результатом недорода прошлого года и голода, который охватил более половины сельских местностей губернии [12, л. 82].

«Потравы производились обыкновенно ночью, – сообщал острогожский исправник в рапорте воронежскому губернатору. – Крестьяне являлись толпами, вооруженные дубинками и косами, с угрозами гнали прочь объездчиков и сторожей и не только пасли свой скот на владельческих лугах, но даже косили и увозили к себе траву. Все эти действия они совершали скопом, как они говорили, «миром», и с ложным убеждением, что все творимое должно остаться безнаказанным» [5, с. 46, 48]. Последнее утверждение очень важно в выяснении мотивов крестьянского протеста. Прибегая к тем или иным формам протеста, крестьяне стремились санкционировать свои действия мирским приговором. Некий жандармский офицер заметил, что «весьма замечательное значение приобретает у крестьян слово “мир”. Они ссылаются

на него как на законную опору в противозаконных своих действиях». В народе живо непоколебимое убеждение, что «как скажут крестьяне, так царь и решит» [6, с. 11, 115].

Приговор сельского схода, который предвлял ту или иную форму крестьянского протеста, придавал противоправным действиям в глазах жителей села некую легитимность. Община, служившая средством подчинения села коронной властью, неожиданно стала выступать как организация крестьян в борьбе с помещичьим землевладением, способная не только конфисковать барские земли, но и распределить их между общинниками.

О ведущей роли сельской общины в аграрном движении свидетельствуют следующие примеры крестьянских выступлений в регионе: «27 июля 1905 г. крестьянами с. Прудки Коротоякского уезда Воронежской губернии составлен приговор о насильственном захвате частновладельческих земель и произведены потравы скотом и поломка сада в соседнем имении»; «22 июня 1906 г. общество крестьян с. Ковылки Кирсановского уезда Тамбовской губернии составило приговор о том, что никто из них не имел права наниматься на работу к помещику за плату ниже установленной общественным приговором»; «Крестьяне д. Хитровой Стегаловской волости Елецкого уезда скосили 23 десятины посевной травы, на что предварительно был составлен общественный приговор. Местный сельский староста сам принимал участие в косьбе травы» [3, ч.7, л. 96, 97об.].

Пик аграрного движения пришелся на осень–зиму 1905 г., когда волнениями были охвачены все крупнейшие сельскохозяйственные регионы. Если с января по август 1905 г. в губерниях Центрального Черноземья произошло 243 выступления, то за период с сентября по декабрь – 725 [10, с. 34,69]. Всего в 1905–1907 гг. в Европейской России было отмечено 21513 крестьянских выступлений, из них 33,8 % были осуществлены в форме разгрома дворянских усадеб [11, с. 88, 89]. Эта форма крестьянской борьбы нанесла значительный имущественный ущерб помещичьим экономиям. На втором месте находились забастовки сельскохозяйственных рабочих и крестьян, составлявшие 22,1 % акций. Самовольная порубка частных лесов – 10–15 % случаев [11, с. 88, 89].

Разгромы усадеб сопровождались сожжением построек и уничтожением хозяйского имущества. Так, в июне 1905 г. крестьяне Борисоглебского уезда Тамбовской губернии разгромили хутора Елизаветинский князей Волконских, Хозяйский и Мягкий помещиков Аносовых, подо-

жгли имения Чернышова, Колобова и Хренникова [7, с. 34]. Крестьяне, по их собственным словам, сжигали жилые и хозяйственные строения для того, чтобы выдворить помещика из деревни хотя бы на два-три года, чтобы не допустить размещения там отряда карателей [4, с. 11].

Погромам имений крестьяне пытались придать видимость «законных» действий. И ведущая роль сельской общины в этом процессе очевидна. Нередко во главе крестьянского протеста стояли должностные лица сельского самоуправления, чаще сельские старосты, реже волостные старшины. Причиной активного участия старост в аграрных беспорядках был страх перед однообщественниками, намного превосходящий страх перед начальством, перед государственной властью [2, с. 252].

Даже по отношению к своему врагу – помещику они старались придерживаться принципа справедливости. Крестьяне, прежде чем вывозить зерно из имения, тщательно высчитывали, что нужно для трудового существования самому помещику, выделяли ему соответствующее количество хлеба, сена, скота и только после этого все забирали [8, с. 46]. Отличительной чертой погромного движения было отсутствие физического насилия. «Крестьяне заранее предупреждали владельцев, вскрывали амбары и увозили хлеб. В дом не заходили, денег не брали, насилия не чинили» [1, с. 32]. В Воронежской и Тамбовской губерниях местные власти отмечали «полное отсутствие случаев насилия над личностью, как самих землевладельцев, так и экономических служащих» [4, с. 12].

Для крестьянского движения в регионе было характерно сочетание всего многообразия форм крестьянского протеста. В справке от 28 ноября 1906 г., составленной в особом отделе департамента полиции, говорилось: «В Тамбовской губернии аграрное движение выразилось в довольно резкой форме. Летом сего года на многих экономиях происходили забастовки и насильственное удаление с работы сельских рабочих. Крестьянские сообщества составляли приговоры, устанавливающие цену на рабочие руки и арендную плату за помещичью землю, а в нескольких случаях имели место поджоги и разграбление владельческих усадеб. За последние три месяца крестьянские беспорядки продолжали проявляться в Балашовском, Кирсановском, и особенно в Козловском уездах и выразились в порубке владельческого леса, угоне скота с монастырского хутора и сожжения двух усадеб 24 октября Ляпунова и Романова, причем во время пожаров был разграблен хлеб и угнан экономический скот» [3, ч. 56(2), л. 323].

Требование повышения поденной оплаты труда наемных рабочих в рамках аграрного движения получило широкое распространение. Летом 1906 г. сельские сходы в Мценском, Севском, Елецком уездах установили нормы поденной оплаты (мужчинам – 1 руб., женщинам – 50 коп.) и воспретили своим однообщественникам наниматься к помещику за меньшую плату [3, ч. 7. л. 100]. По сообщению из Тамбовской губернии, «В с. Новочеркутине Усманского уезда, в с. Варварке и Григорьевке Козловского уезда 12 июня (1906 г.) началось брожение, выразившееся в снятии с землевладельческих полей рабочих и установлении цены на работу: 3 руб. мужчине и 1 руб. 50 коп. женщине в день или за уборку одной дес. 20 руб. Отсюда волнения перекинулись в Липецкий уезд» [3, ч. 56(1), л. 170].

В тех случаях, когда землевладельцы не шли на уступки и нанимали сельскохозяйственных рабочих из других сел, местные крестьяне прибегали к решительным действиям. В имении князя Баратынского 500 крестьян с. Ковылки Кирсановского уезда Тамбовской губернии насильно согнали работающих в поле наемных рабочих [3, ч. 56(1), л. 197]. На наш взгляд, эта форма аграрного движения свидетельствовала о том, что крестьяне не везде стремились к ликвидации помещичьего землевладения. В ряде мест, где местные жители получали часть дохода от работы на экономических землях, главной целью крестьян являлось не захват помещичьих земель, а повышение (порой весьма значительно) платы за выполнение сельскохозяйственных работ.

Особенностью аграрных беспорядков в губерниях региона было то, что они носили массовый характер. В погромах принимали участие все жители села, включая женщин и детей. Община пристально следила за тем, чтобы никто не остался в стороне, добиваясь поголовного участия односельчан.

На подъем крестьянского движения власть ответила репрессиями. В ряде мест пролилась кровь. Тысячи крестьян были привлечены к ответственности. Для многих рядовых участников сельских бунтов такой поворот событий был полной неожиданностью. В судебной хронике «Русского слова» приводился подробный отчет о суде над участниками аграрных беспорядков 19 февраля 1905 г. На вопрос прокурора: «Чем вы в таком случае объясните, что крестьяне, не имея вражды к экономии барона Мейндорфа, пошли ее грабить?» – свидетель показал, что кругом уже происходили грабежи или, как он выразился, «это безобразиие, а безобразиие всегда увлекает. Наши и соблазнились. И как это у них вышло – сами теперь не знают» [13, л. 3].

За правительственными репрессиями по отношению к участникам аграрных беспорядков последовала волна крестьянского «раскаяния». Типичным в этом плане представляется приговор, единогласно принятый 150 домохозяевами д. Екатеринопольской Кирсановского уезда Тамбовской губернии, содержащий слова покаяния за грабеж ржи с помещичьего поля, «совершенный по невежеству и наущению злонамеренных людей». Крестьяне, прося о помиловании и ссылаясь на «тяжкую годину военных испытаний» (1905 г.), кажется, вполне уверены, что их просьба будет удовлетворена властью [1, с. 92].

В прошении жителей хуторов Сторожова, Пирогова Семеновской волости Павловского уезда на имя управляющего К.В. Лангомера крестьяне писали: «Сознав свой незаконный поступок разгромом кордона и хуторов Оселедкова минувшего 25 и 27 ноября, мы ныне объята в великую скорбь за учиненный поступок, стыдно совестно и какими словами выразить вину перед Вами (...) и как случилось истинно мы не знаем и вину класть не на кого-либо. Сами виноваты, что послушались дьявольского совета злонамеренных и подлых людей» [14, л. 3об.]. В сопроводительном письме от 8 февраля 1906 г. управляющего именем Лангомера графине Воронцовой–Дашковой он указывал, что крестьяне искренне раскаялись в содеянном и просят простить их, подтверждал, что семьи арестованных крестьян находятся в отчаянном положении и голодают. Далее он приводил вопрос казачьего сотника участникам сельского бунта и их ответ на него. «Как вы могли, добрые люди, пойти на такое глупое дело?» – «Се не мы, а общество!» [14, л. 5].

Организирующая и направляющая роль крестьянской общины в аграрном движении начала XX в. стала для власти полной неожиданностью. В глазах власть предержащих произошла удивительная метаморфоза, превратившая общину из ее верного союзника в руководителя антиправительственных выступлений. Не видя истинных причин произошедшего, она лихорадочно искала «подстрекателей», побудивших «смирных» крестьян к бунту. Крестьяне охотно приняли эти правила игры. В ходе следствия в свое оправдание они указывали на действие неких «злонамеренных людей», объясняя свои деяния массовым помешательством. И в этом лицедействе они были столь убедительны, что их лукавство оставалось, как правило, незамеченным. Либеральная печать охотно подхватила и растиражировала этот миф, превращая государственных преступников в жертвы жизненных обстоятельств.

Аграрное движение 1905–1907 гг. наглядно продемонстрировало власти мобилизационные возможности и организационную мощь

крестьянской общины. Весь алгоритм погромов, начиная от принятия единогласного мирского приговора и кончая коллективной ответственностью за содеянное, являлся выражением привычного для крестьян общинного уклада. Характерно и то, что борьба крестьян за помещичью землю не нарушила привычный хозяйственный ритм. Если кто и ощущал революционную смуту, то это власть.

Библиографический список

1. Веселовский Б. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в России (1902–1906 гг.). СПб.: Зерно, 1907. 172 с.
2. Вронский О.Г. Государственная власть России и крестьянская община. Рубеж XIX–XX вв. – 1917 г. (по материалам губерний земледельческого центра страны): дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. 552 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 106. Оп. 1906. Д. 700.
4. Данилов В.П. Крестьянская революция в России, 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть: мат-лы конф. М.; Тамбов, 1996. С. 4–23.
5. Крестьянское движение в Воронежской губернии (1864–1904 гг.): сб. док. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1964. 151 с.
6. Крестьянское движение в революции 1905 года. В документах / под ред. Н. Карпова. Л.: Государственное изд-во, 1926. 236 с.
7. Крестьянское движение 1905–1907 гг. в Тамбовской губернии: сб. док. Тамбов, 1957. 216 с.
8. Кретов Ф. Крестьянство в революции 1905 г. М.; Л.: Москов. рабочий, 1925. 136 с.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 108. Д. 6811.
10. Степынин В.А. Крестьянство Черноземного Центра в революции 1905–1907 гг. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. 167 с.
11. Тюкавкин В.Г., Шагин Э.М. Крестьянство в период трех революций. М.: Просвещение, 1987. 207 с.
12. РГИА. Ф. 102. ДП ОО. Оп. 1906 (II). Д. 700. Ч. 46.
13. Там же. Ф. 566. Оп. 1. Д. 35.
14. Там же. Ф. 919. Оп. 1. Д. 92.

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ НА РУБЕЖЕ
XIX–XX ВВ. (НА МАТЕРИАЛАХ НАРОДОВ
СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)¹**

Россия – многонациональное государство, полиэтничность которого и в XXI столетии продолжает оставаться одной из его особенностей. Как отмечает Тишков В.А., «несмотря на то, что этноконфессиональные различия часто выступают факторами конфликтности и причинами нетерпимости и насилия... этническое и религиозное многообразие и так называемая многонациональность российского народа составляют его богатство, его силу и более того – они есть условие развития страны» [10, с. 5]. Многонациональный состав населения российского общества, федерация на основе национально-территориального принципа являются неперенным условием политики РФ.

Разностатусность и неоднородность составляющих федерацию субъектов делают ее своего рода уникальным явлением. Стремлением трансформировать федерализм, укрепить федеративные контакты внутри государства, стабилизировать национальные отношения и взаимосвязи между регионами и центром, а главное, сохранить государственное единство и обеспечить этнополитическое равновесие страны, вызваны административные поиски в РФ. Следовательно, обращение к истории национальных отношений и к опыту национальной политики России в качестве предмета научного исследования весьма актуально.

Этническая парадигма России наглядно стала проявляться в конце XIX–начале XX в., когда национально-освободительное движение русских народов империи превратилось в оппозиционную силу царизму. Повышенная революционность масс в начале XX в. – итог политического, социально-экономического и культурного развития России, внутренней и внешней политики царского самодержавия. Первая революция 1905–1907 гг., парламентаризм в лице Государственной думы, активная позиция политических партий, аграрная реформа П.А. Столыпина и Первая мировая война оказали решающее влияние на историю России. Революционность общества дополнялась этническим противостоянием.

---

¹ Исследование выполнено в рамках госконтракта 16.740.11.0408.

Проводившаяся самодержавием политика национального угнетения или великодержавного шовинизма имела свою специфику. Так, в первой половине XIX в. для евреев была введена своеобразная «черта оседлости» – разрешаемая государством территория их проживания, с 1864 г. начинают ущемляться права поляков-католиков [11, с. 34–35]. Большинство этносов страны именовалось «инородцами». Русификация и христианизация справедливо рассматривались народами как угнетение. В связи с общероссийскими событиями и революционностью масс на рубеже XIX–XX вв. в России начинает активизироваться этническая интеллигенция, которая, несмотря на то, что основные массы многочисленных народов империи были далеки от осознанного восприятия происходивших событий, активно выражала их пробуждавшиеся интересы. Она, как правило, настаивала на способности этносов к созданию собственной государственности.

Не случайно возникшие в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. политические партии считали необходимым включение в программные документы в качестве обязательных идеи по национальному вопросу. От того, насколько адекватно партия отражала в своей идеологии стремления этносов к равноправию и какое будущее она им предлагала, во многом зависела ее политическая судьба в борьбе за власть. Составляя в начале XX в. 57 % населения России, этносы превращались в реальную силу, поддержка которых могла предоставить существенные преимущества. Партия большевиков во главе В.И. Лениным умело использовала эту возможность, что сыграло далеко не последнюю роль в победе пролетарской революции и установлении в стране советской власти.

Этническое движение народов Среднего Поволжья отличалось своей спецификой. Представляя восточную провинцию Центральной России, Среднее Поволжье в то же время находилось в сравнительной близости от Москвы. В целях безопасности и сохранения спокойствия центральная власть стремилась разобщить многочисленные народы восточных провинций, подавить их самобытность и своеобразие. Однако политика угнетения объединяла народы, единые цели сплачивали всех, проживавших на этой территории. Постепенно протест расширялся и усиливался. События рубежа XIX–XX вв. активизировали общество в борьбе против самодержавия.

Таким образом, Российская империя в начале XX в., представляя собой одно из крупнейших государств мира, обладала значительными революционными силами, немаловажную роль среди которых играла

этническая интеллигенция. Национальное движение неизбежно расшатывало великодержавный российский «колос», создавая необходимые предпосылки для его падения и создания нового, базировавшегося на принципиально иной, советской структуре власти.

Среднее Поволжье в основном было представлено Казанской, Симбирской, Самарской, Нижегородской и Пензенской губерниями, отличавшимися мультиэтничностью. Особенно характерно в данном отношении выделялись Казанская и Симбирская губернии. Территория Марийского края до 1917 г. располагалась в трех губерниях: Казанской (около 60 %), Вятской (30 %) и Нижегородской (10 %) [9, с. 5]. Мордва, также не обладая ранее самостоятельной административно-территориальной единицей, входила в Пензенскую, Симбирскую, Тамбовскую и Нижегородскую губернии. Этнос был настолько дисперсно расселен, что основную массу населения края составляли русские. Поэтому для мордвы начала XX в. характерны разбросанность в составе нескольких губерний, как итог исторически длительного проживания в русскоязычной среде предрасположенность к ассимиляции со стороны русских и ярко выраженное двуязычие.

Чуваши достаточно компактно проживали на территории Цивильского, Чебоксарского, Ядринского, Козьмодемьянского и Тетюшского уездов Казанской, а также Алатырского, Буинского и Курмышского уездов Симбирской губерний. Если говорить о максимальной сосредоточенности этноса, то следует ограничиться Цивильским, Чебоксарским и Ядринским уездами Казанской губернии, которые традиционно назывались «Чувашский край» или «Чувашия». Именно Чувашия является коренной территорией титульного чувашского этноса. Так, например, в середине XIX в. в Чебоксарском уезде Казанской губернии числилось 85 500 жителей (горожане – 4 736 человек), из которых 70,1 % – чувашаи, 16,8 – русские, 10,7 – луговые марийцы, 2,4 % – татары; в Ядринском уезде – 108 400 жителей (горожане – 2 513 человек), из них 89,6 % – чувашаи, 10,4 % – русские [2, с. 3].

Таким образом, мари, мордва, русские, татары, чувашаи составляют абсолютное большинство Среднего Поволжья, его коренные или титульные этносы. Главным «достижением» политики царского самодержавия по отношению к нерусским народам России, в том числе и Среднего Поволжья, стал низкий уровень их социально-экономического и культурного развития. Так, на территории наибольшего распространения марийского и чувашского населения в начале XX в. насчитывалось около 30 предприятий полукустарного производства, а в районах

современной Мордовии действовали заводы, которые лишь условно можно назвать промышленными [6, с. 98].

Кустарное и полукустарное производство наиболее тесно было связано с лесными массивами региона. Широкое распространение получили здесь производство смолы, дегтя, скипидара и древесного угля, кожевенное производство, кулеткачество, сплав по реке, гончарное и винокуренное дело, производство мочала, чем занималось, что естественно для аграрного региона, главным образом сельское население. Машинная индустрия в регионе отсутствовала, механизация практически не применялась, преобладал ручной труд. Поэтому говорить о сколько-нибудь развитой в Среднем Поволжье промышленности не приходится.

В Казанской губернии на каждую тысячу населения приходился 821 человек, не умевший ни читать, ни писать. Наиболее высокими показателями образованности отличалось татарское население: среди мужчин – 24,95, среди женщин – 11,1 % грамотных [6, с. 79]. В сравнении с другими этносами региона (кроме русских) татары имели более высокий уровень национального самосознания, в чем значительную роль сыграли историческое прошлое и консолидировавшие население традиции ислама.

Чуваши имели соответственно – 13,22 и 1,05 % [6, с. 78–79]. Грамотность марийского этноса, по некоторым данным, составляла 9,86 % (очень низкий показатель в сравнении с родственными марийцам эстонцами – 94,1 %) [13, с. 14]. Перепись начальных школ, проведенная в 1911 г., свидетельствовала о том, что охват детей школьного возраста обучением на 100 жителей составлял: среди мордвы – 2,63, чувашей – 3,52 % [3, с. 124].

Крайне отсталым и запущенным в регионе являлось здравоохранение. Среди народов Среднего Поволжья широчайшее распространение получили саркома, туберкулез, венерические болезни. Например, самым высоким уровнем заболеваемости сифилисом из восьми уездов Пензенской губернии отличался Саранский уезд, в котором превалировало мордовское население [12, л. 1]. К 1913 г. в России на каждую тысячу умирало 29 человек – наиболее высокий показатель смертности в мире [7, с. 11]. На территории Татарии он равнялся 30,9, Чувашии – 34,5 [7, с. 11]. В Чувашском крае и среди мари средняя продолжительность жизни населения в начале XX в. составляла чуть более 30 лет.

Однако политика русификации имела и некоторые позитивные моменты для «инородцев» Среднего Поволжья. Так, не следует оставлять

без внимания двойственный процесс: с одной стороны, формирование и укрепление межнационального средневожского сообщества, в котором русские начали играть далеко не последнюю роль, с другой – повышение сплоченности и корпоративности этносов в борьбе с царским режимом. Поэтому постепенно складывалось особое самовосприятие населения региона. В отличие от других районов представители Среднего Поволжья говорили: «я – волжанин» или «я – с Волги, Суры, с Камы, Оки».

Самоидентификация определялась не только единым историческим прошлым и территорией, но и языком, образом жизни, межличностными отношениями, нравами и обычаями, традициями народов – всем тем, что составляет их духовную и материальную культуру. И несмотря на стабильное намерение абсолютизма разобщить этнические общности путем административно-территориального деления страны, рассредоточить этносы с целью невозможности их консолидации и складывания монолитной противоборствующей самодержавию силы, представители народов отличали «своих» по этническим признакам. Во всяком случае, к концу XIX – началу XX в. народы Среднего Поволжья безошибочно могли относить себя к казанским, кряшеным татарам, мокше, эрзе, черемисам, чувашам.

Основной массой населения региона являлось крестьянство. Сложными общинами, дальнотельем, узкими полосами, чересполосицей отличались крестьянские хозяйства Марийского края и Чувашии, что совместно с рутинной техникой земледелия и малоземельем крестьян становилось причиной отсталости их сельского хозяйства.

В связи с отменой крепостного права и развитием капитализма в конце XIX – начале XX в. внутри общины начался процесс расслоения крестьян, обострявший противоречия между бедной и зажиточной частью общинников. Тем не менее недоверие к властям (их взгляд на общину как на источник дохода, вследствие чего и происходило обнищание основной массы общинного крестьянства) объединяло сельское общество для защиты своих интересов в борьбе против всего нового, что исходило от властных структур. Община отличалась удивительной стойкостью. Она пыталась приспособиться к изменявшимся социально-экономическим условиям, вводя некоторые агрономические и технические методы ради совершенствования культуры землепользования.

Однако община всегда олицетворяла патриархальный уклад, выступая традиционной формой крестьянского общежития и трудового сообщества. Существовавшие веками принципы земледелия в общине сдерживали востребованную временем хозяйственную инициативу. Путь

модернизации, на который вступила Россия в конце XIX – начале XX вв., настоятельно требовал свободы предпринимательства, повышения мобильности в обществе, формирования психологии индивидуализма, то есть всего того, что никак не сочеталось с общиной.

Указ 9 ноября 1906 г. крестьянство восприняло крайне настороженно. Как уже отмечалось, запас доверия народа к государственным преобразованиям был чрезвычайно мал. Кроме того, имея явно антиобщинную направленность, реформа вызвала протест со стороны общины. В Среднем Поволжье массово бойкотировали выборы в землеустроительные комиссии. Например, в Симбирской губернии их игнорировало 27 % волостных сходов [5, с. 131]. Ярким показателем противодействия столыпинской реформе в Чувашии стало волнение крестьян Ядринского уезда в 1913 г., получившее в народе название «Атменевской войны» [8, с. 17]. Напуганные выступлениями крестьян дворяне начинали сдавать свои земли в Крестьянский поземельный банк. Всего в Казанское отделение банка за 1906–1908 гг. от помещиков губернии поступило 52 имения площадью более 67 тыс. десятин [8, с. 18].

В ходе столыпинской реформы, наряду с процессом разорения и обезземеливания сельских жителей, усилилась концентрация земли в руках капиталистской части крестьянства. Крестьянский поземельный банк покровительствовал созданию единоличного хозяйства, продавая участки в виде хуторов и отрубков. Тем не менее процент единоличных хозяйств, возникших в результате столыпинской реформы, не был высоким. За 1907–1916 гг. площадь земли, закрепленная в частную собственность, не превысила в Чувашском крае 14 %, отрубники составили всего 4, а хуторские хозяйства – 0,5 % [8, с. 18]. Таким образом, аграрные преобразования в России в начале XX в. пусть медленно, но неуклонно вели к дальнейшему расслоению крестьян, к пауперизации сельского населения, к разложению общины, усилению социальных противоречий в деревне.

Первая мировая война ухудшила положение на селе. Не следует забывать о том, что в годы войны 80–90 % общей численности Российской армии, которая достигала 15 798 тыс. человек, приходилось на долю крестьян [4, с. 32]. В ходе мобилизации запасных в действующую армию деревня лишилась около 50 % трудоспособного мужского населения [4, с. 32]. Гибель крестьян на фронте, постоянные мобилизации в армию вызвали значительное сокращение сельскохозяйственного производства. Изъятие продовольствия для солдат также вело к общему обнищанию крестьян, запустению деревни.

Кроме того, находясь в отрыве от привычного деревенского уклада, переодетые в шинели крестьяне получили возможность со стороны взглянуть на проблемы села, что значительно их революционизировало и подготавливало к противодействию основной аграрной силы страны существующему режиму. Война стала тем реальным внешним фактором, который обнажил внутренние противоречия в обществе и который фактически подтолкнул аграрные слои к революции.

К 1917 г. народы России в основном уже миновали фазу культурного пробуждения, что характерно и для народов Среднего Поволжья. Однако малообразованное марийское, мордовское и чувашское крестьянство, с низким уровнем культуры, задавленное поборами и повинностями, в абсолютном своем большинстве пребывало вдалеке от активного участия в политике. Хотя в то время, когда шел процесс разрушения патриархальных устоев, зарождения товарно-рыночных отношений, ведущих к складыванию буржуазной общественной структуры, в регионе зарождалась национальная интеллигенция, выдвигавшая задачу самоопределения и создания государственности.

Все первые съезды народов Среднего Поволжья, рассматривая различные вопросы (государственного устройства, повышения культурного уровня развития и другие), проходили под лозунгом национального самоопределения. Так, например, первый в истории России съезд малых народов Поволжья (май 1917 г.) обсудил вопросы государственного устройства, режима власти, национального определения, школьного образования будущей России. Съезд единогласно принял решение об открытии в Казани школы для практического изучения восточных языков [1, л. 31]. Апеллируя к низкому политическому и культурному уровню большинства населения страны, представители народов Поволжья высказались против немедленного введения федеративной, но за учреждение демократической республики в России [1, л. 12].

Таким образом, российское самодержавие по отношению к нерусским народам ставило своей целью удержание их в повиновении во имя единства, целостности и обогащения империи. В результате подавлялась этническая самобытность, а национальные окраины использовались в качестве сырьевого придатка. Поэтому этническое крестьянство стало выразителем не только социального, но и национального протеста, органично соединив аграрный и национальный вопросы в единое целое. Национальное движение стало неизбежностью в общей оппозиционности масс, которая в конечном итоге привела к свержению самодержавия.

Библиографический список

1. ГАРМЭ. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 2.
2. Димитриев В.Д. О чувашском ученом и писателе середины XIX века С.М. Михайлове и его сочинениях о чувашах, марийцах и русских Волжско-Сурского края: учеб. пособие. Чебоксары, 2003.
3. Егоров Н.Е. Расцвет чувашской социалистической культуры // В великом содружестве советских народов. Чебоксары, 1974.
4. Кабытов П.С. Антивоенные настроения крестьян как фактор формирования революционного поведения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. 2004. № 4.
5. Котляров С.Б. Реализация столыпинской аграрной реформы в Симбирской губернии (1906–1916 гг.) // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении: матер. VIII межрегион. науч.-практ. конф. историков-аграрников Среднего Поволжья. М., 2005.
6. Маслихин А.В., Гаврилов Н.Н., Маслихин В.Д. Диалектика общего и особенного развития марийского народа в условиях многонационального общества. Йошкар-Ола, 2002.
7. Никитин Н.П. Борьба КПСС за ликвидацию фактического неравенства народов СССР. На примере автономных республик Поволжья и Приуралья (1917–1937 гг.). Л., 1979.
8. Очерки истории сельского хозяйства и крестьянства Чувашии. Часть 1. Чебоксары, 1989.
9. Сануков К.Н. Образование Марийской автономии // История Республики Марий Эл: современный взгляд (к 80-летию государственности марийского народа). Йошкар-Ола, 2002.
10. VII Конгресс этнографов и антропологов России. Саранск, 9–14 июля 2007 г. / редкол.: В.А. Тишков [и др.]. Саранск, 2007.
11. Хмара Н.И. Национальная и региональная политика в Российской Федерации. М., 2005.
12. ЦДНИ РМ. Ф. Р-38. Оп. 1. Д. 105.
13. Чузаев Р.И. К вопросу о предпосылках государственности мари // История Республики Марий Эл: современный взгляд (к 80-летию государственности марийского народа). Йошкар-Ола, 2002.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ ОБ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ И ПОЛИТИКЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАКАНУНЕ ВЫБОРОВ В IV ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ

Первая русская революция дала толчок развитию парламентаризма в России. Но самодержавие не пожелало даровать народу полного избирательного права. Составы первых дум не могли удовлетворить правительство, которое видело в депутатах от либеральных и радикальных партий препятствие для осуществления своих замыслов. Разогнав вторую Думу, царская власть издала новый избирательный закон от 3 июня 1907 г.

По новому избирательному законодательству были полностью лишены представительства в Думе десять среднеазиатских областей и губерний, польским губерниям было оставлено 12 мест из прежних 36, Кавказ посылал 10 депутатов вместо 29. Сибирским губерниям в Думе было выделено только 20 депутатских мандатов [1].

Состав Думы, избранной по новому закону, находился в резком контрасте с социальной и национальной структурой населения. Дворяне, занимавшие 43 % думских мест, по переписи 1897 г. составляли менее 1 % населения. Крестьян в Думе оказалось 15 %, лиц свободных профессий – 19,5 %, промышленников и торговцев – 7,5 %, священников и миссионеров – 10 %, рабочих и ремесленников – 2,5 %.

В результате по национальному составу III Дума вышла, как и мечтал П.А. Столыпин, «истинно русской»: 77 % депутатов были «великороссами», на долю всех остальных «народностей», составивших 44 % населения империи, досталось 23 % мест.

Все эти «недочеты» избирательной системы были характерны и для Сибири. Так, Иркутская губерния, в которой проживало почти 600 тысяч человек, направляла в Думу одного депутата, в тот время как в Центральной России один депутат представлял 300 тысяч человек.

В Сибири критика избирательной системы, в основном, шла от политических ссыльных. Одним из последовательных критиков самодержавия являлся Николай Александрович Рожков, известный русский историк. Он был членом РСДРП, сотрудничал с социал-демократической фракцией во II и III Государственных думах. В годы первой русской революции Рожков принимал активное участие в событиях в Москве и Пе-

тербурге, за что был приговорен к ссылке в Восточную Сибирь. В период ссылки он перешел на позиции меньшевизма.

Меньшевики использовали возможность участия в законодательной деятельности для демократизации всех сторон жизни российского общества, что рассматривалось ими в качестве решающего шага на пути эволюции к западной модели развития. Участвуя в работе российского парламента, меньшевики продолжали борьбу за демократизацию избирательного права. Н.А. Рожков целиком и полностью разделял установки меньшевиков на легальную политическую борьбу. Именно он являлся непосредственным организатором легальных печатных изданий – газет «Иркутское слово» и «Молодая Сибирь», на страницах которых публиковались материалы критического содержания. В состав редакции вошли политические ссыльные меньшевики Н.А. Рожков и Н.С. Ершов и большевик Н. Чужак. По словам Н. Чужака, «Иркутское слово» было «первой боевой рабочей газетой в Сибири, и первая же – на 100 % – газета ссыльных» [2]. «Молодая Сибирь» стала логическим продолжением «Иркутского слова». В состав редакции к Н.А. Рожкову и Н. Чужаку добавился В.С. Войтинский.

С первого номера газета развернула кампанию в связи с предстоящими выборами в Государственную думу. Статья Рожкова «Государственная дума и страхование рабочих» положила начало систематическим публикациям о законодательной деятельности III Думы с анализом вклада каждой партии, представленной в российском парламенте. В той или иной степени вопрос о деятельности Государственной думы и предстоящих выборах в нее на страницах газеты затрагивался в 22 номерах [3].

Ряд статей Н.А. Рожкова и Н.С. Ершова были посвящены аграрному вопросу [4]. Один из самых острых вопросов российской действительности приобрел актуальность для Сибири в связи с реализацией столыпинской реформы. Переселение значительной массы крестьянства из Центральной России в Сибирь привело к столкновению интересов местных крестьян с переселенцами. Власти не предпринимали должных мер по созданию условий вновь прибывшим. Правительство пыталось насадить в Сибири хутора и отруба, перераспределить распаханые и уже занятые земли между старожилами и новоселами. Такая политика неизбежно приводила к сокращению душевого надела с 15 до 10 десятин. Правительство, пытаясь придать своим действиям законный характер, внесло проект землеустройства для Сибири в III Думу. Но он не был принят, и решение по данному проекту должны были принять уже депутаты IV Думы. Рожков, анализируя проект и переселенческую политику пра-

вительства, подчеркивал, что «формы владения землей должны определяться *хозяйственными* (курсив мой. – Н.А.) потребностями и условиями, вне юридического давления со стороны господствующих классов» [5]. Он считал, что борьба за интересы сибирского крестьянства невозможна без развития местного самоуправления и передачи ему переселенческого и землеустроительного дела. Рожков не отделил решение сибирских проблем от общероссийских и призывал будущих депутатов от Сибири бороться за государственные реформы во всех сферах экономической и общественной жизни.

В редакционных статьях о бюджете России, который обсуждался в Думе весной 1912 года, авторы проанализировали структуру доходов и расходов государственной казны [6]. Было обращено внимание на то, что 75,5 % доходов составляют косвенные налоги, которые платит все население. Но обществу возвращаются жалкие крохи. На развитие хозяйства и культурные потребности, включая образование, правительство предполагало выделить всего 17,8 % бюджетных средств. На содержание управленческих структур, в том числе стоящих на страже монархии полиции и жандармерии, выделялось 25,2 % всех средств. Газета указывала, что такое распределение казенных средств возможно только в отсталой стране. Острые дискуссии в Думе при обсуждении бюджета свидетельствовали, что стране срочно необходимы преобразования. Редакция заявляла, что путь реформ зависит от выборов в Думу, ориентировала будущих избирателей на то, что надо «поручать защиту (своих) интересов демократическим силам в Государственной думе».

«Иркутское слово» последовательно защищало позиции левых депутатов в III Думе, подвергая критике деятельность кадетов, октябристов и монархистов разных мастей. Внимательному анализу были подвергнуты программы созданных в Иркутске избирательных объединений Всероссийского национального союза и Союза православных приходов Иркутской епархии [7]. Рожков отметил, что особых различий между ними не существует, что они стоят на позициях защиты правящего режима, поэтому избирателям от депутатов этих объединений не дожидаться изменений к лучшему.

До самых выборов редакция газеты продолжала публиковать материалы по разоблачению кадетов. Рожков прямо указывал: «Глубоко ошибочно поддерживать кадетов или блокироваться с ними». Отрицая кадетские лозунги о единстве сибирской депутатской группы, Рожков отмечал, что такое объединение невозможно в принципе из-за различий политических позиций депутатов. По его мнению, сибирские депутаты

должны примкнуть к фракции «последовательной демократии», чья программа выражает интересы широких народных масс. Через эту фракцию необходимо ставить вопросы о сибирском земстве, новом аграрном законопроекте для Сибири, о распространении рабочего законодательства на сибирские предприятия. Только эта фракция, по мысли редакции, была способна разрешить наиболее важные вопросы того времени.

Ряд статей, направленных на разоблачение позиций правых партий и политики правительства, опубликовал в «Иркутском слове» за подписью «С. Петров» В.С. Войтинский [8]. Он первым призвал бороться с «обывательским скептицизмом», считая, что в ходе выборов «русская демократия имеет возможность высказаться по вопросам политической жизни». Его статьи способствовали выработке программы социал-демократических кандидатов по ряду вопросов.

Газета сформулировала основные требования к кандидатам в депутаты. В статье «Местные нужды и демократические принципы» Рожков указал, что депутат должен находиться на демократических позициях и уметь отстаивать местные интересы широких масс населения. На страницах газет шла борьба за права каждого народа многонациональной Российской империи. По стране прокатилась волна антисемитизма, вызванная сфабрикованным делом Бейлиса. Были ужесточены законы, направленные против евреев, сохранялась черта оседлости, ценз для евреев на поступление в университеты и т. д. Возник также вопрос, один из самых острых того времени: может ли еврей быть выборщиком?

В связи с еврейским вопросом была помещена речь кандидата в выборщики от города Иркутска присяжного поверенного А.А. Тюшевского, стоявшего на социал-демократических позициях. В 1909 г. иудеи в Иркутске составляли 5,6 % населения [9]. Традиционно еврейская община поддерживала на выборах левого кандидата, а одно из мест выборщиков левые партии отдавали евреям. В статье была подвергнута критике позиция кадетов и прогрессистов по еврейскому вопросу, которые ничего не смогли противопоставить антисемитизму черносотенцев и монархистов в III Думе. Автор статьи призывал голосовать за того кандидата, «который сможет открыто и смело поставить вопрос о равенстве всех перед законом, о необходимости отменить все ограничения евреев и будет создавать в этом направлении общественное настроение в стране» [10]. Тюшевский заявил, что «еврей может быть не только выборщиком, но и депутатом Государственной думы». Продолжая данную тему, редакция «Молодой Сибири» опубликовала статью «Евреи и IV Государственная дума».

Накануне выборов Н.А.Рожков опубликовал статью с подробным анализом Закона о выборах от 3 июня 1907 года [10]. Он указал на крайне сложную многоступенчатую систему выборов в России, охарактеризовал их как цензовые, неравные и непрямые. Единственного депутата надлежало избрать из 20 выборщиков. 10 выборщиков представляли городское население губернии – 130 тысяч (22 %): 6 городских выборщиков представляли Иркутск, по одному избирало городское население Балаганска, Верхоленска, Киренска и Нижнеудинска. Еще 10 выборщиков представляли крестьянство: по 3 – от Иркутского и Балаганского уездов, 2 – от Киренского, по 1 – от Верхоленского и Нижнеудинского. Но из более чем 100-тысячного населения Иркутска к выборам в первом туре допускались только 5397 избирателей [11]. Рожков призывал к реформе избирательного права, выступая за введение в стране всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

Также давалось подробное объяснение того, почему помещики в Думе составляют большинство (43 % в III Государственной думе). Главные причины этого заключались в непропорциональном представительстве разных социальных групп. Н.А. Рожков указывал на крайне сложную, многоступенчатую систему выборов в России, охарактеризовал их как цензовые, неравные и непрямые. Один выборщик избирался от 230 помещиков, от 1 тысячи богатых горожан, от 15 тысяч горожан среднего и низкого достатка, от 60 тысяч крестьян и от 125 тысяч рабочих [10].

6 октября 1912 г. прошли выборы в Иркутской губернии. Агитационно-пропагандистская работа «Молодой Сибири» в массах принесла свои плоды. Победу одержали кандидаты «последовательной демократии». А.А. Тюшевский, основной кандидат от социал-демократов, набрал наибольшее количество голосов (1732 голоса). Но власти предприняли меры, чтобы не пропустить «левого» кандидата в следующий тур выборов. Резолюция Венской конференции организации РСДРП «О борьбе за свободу избирательной кампании» предполагала такой ход: «правительство может использовать метод так называемых “предвыборных разъяснений” для того, чтобы устранить неугодных депутатов и сфальсифицировать итоги выборов» [12]. 16 октября Иркутская уездная избирательная комиссия под надуманным предлогом отменила результаты выборов по городу. Попытка обжалования решения избирательной комиссии со стороны победивших кандидатов была отклонена.

Как мы видим, политические ссыльные в удалении от своих партийных центров оказывали влияние на ход политической борьбы, вносили свою лепту в дело переустройства политической системы России.

Н.А. Рожков с товарищами использовал средства массовой информации для разъяснения политики правительства, избирательного законодательства, его критики и продвижения в российский парламент представителей «последовательной демократии».

Библиографический список

1. Молодая Сибирь. 1912. 5 октября.
2. Каторга и ссылка. 1927. № 3. С.175.
3. Молодая Сибирь. (Газета выходила еженедельно, просуществовала с 31 октября 1911 г. по 28 мая 1912 г. Всего вышло 30 номеров.)
4. Иркутское слово. 1911. 28 ноября, 12 декабря; 1912. 30 января.
5. Там же. 1912. 30 января.
6. Там же. 5, 12 марта.
7. Там же. 21 мая.
8. Там же. 16, 23 января; 13, 20 февраля.
9. Войтинский В.С., Горнштейн А.Я. Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915. С. 42.
10. Молодая Сибирь. 1912. 5 октября.
11. Там же. 20 сентября.
12. Меньшевики. Документы и материалы. 1903 – февраль 1917 гг. М., 1996. С. 327.

Н.А. Алексеев

Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына

ВЗГЛЯДЫ Ф.А. ЩЕРБИНЫ НА ПРОБЛЕМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЙМА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Вашему вниманию представлен анализ авторской позиции Ф. А. Щербины по наиболее актуальной проблеме – закон и труд в сельском хозяйстве. Ее острота проявилась в самых болезненных этапах общественно-политического развития Кубанской области начала XX века. Предметом данного исследования явилась публикация Федора Андреевича: «В каких законах нуждаются сельские рабочие?» [1]. По содержанию это интереснейшая работа, насыщенная важными сведениями о жизни и трудовых буднях сельских работников, об особенностях ведения хозяйств, а также о принятых формах и условиях найма в Кубанской области. Как

современник и серьезный ученый, имея свое, особое видение происходивших в стране процессов, Щербина смог затронуть наиболее актуальные «болевы точки» эпохи развивающегося капитализма.

Прежде всего, исследователь выразил свою обеспокоенность проблемой подрыва сельскохозяйственной производительности. В основу которой он помещает вопросы взаимоотношений владельцев хозяйств (работодатели) и сельских рабочих: «...рабочий, обязавшись работать в продолжении известного срока и взявши плату вперед, нарушает при первом же благоприятном для него случае свои обязательства и оставляет работы неисполненными. Это, говорят, и есть настоящее зло в сельском хозяйстве» [1, с. 62, 63]. По мере изучения указанного вопроса Щербина выявляет причины, побуждавшие рабочих к такому поведению. Анализируя различные ситуации, он заключает: «если уяснить истинный характер всех этих жалоб и, несомненно, печальных явлений, то в результате получатся совсем не те выводы, к которым приходят по этому поводу поклонники обуздания рабочего путем исключительных мер и законоположений» [1, с. 64]. Так, в центре рассматриваемой проблемы оказывается вопрос разработки проекта закона о регулировании трудовых отношений в сельском хозяйстве.

Ф. Щербина отмечает «целую массу весьма характерных для интересующего нас вопроса явлений», как то: «существующие формы договоров, роль в них обычая, письменные условия, зависимость договорных условий от места жительства рабочих, значение в этом отношении времени исполнения работ и их характера, положение рабочего, как наемной силы и как человеческого существа...»

«Раз существует свободный труд, – утверждает автор, – и юридически свободные отношения между хозяевами и рабочими, всякая обязательность была бы регламентированным посягательством на эти отношения, а такой именно характер носили бы “договорные листы” в случае их обязательности». Выход он видит в сохранении устных договоров, основанных на «обычаях» [1, с. 71]. По сути, здесь происходит идеализация ранее сложившихся традиционных форм отношений и, как следствие, подмена проблемы. Исходный посыл автора: необходимость выстраивания гармоничных отношений между рабочими и работодателем через учет интересов обеих сторон – заменяется проблемой способов ее достижения. До конца не разобравшись в истоках сложившихся противоречий, не обозначив должным образом ее характер, Ф. Щербина переходит к оценке методов ее решения. Так, если кризис трудовых отношений уже назрел и заключается он в том, что интересы сторон не соблюдаются,

то это свидетельствует о несостоятельности традиционных форм устных договоров, основанных на «обычае». Тем самым, последний, как система самоорганизации справедливого труда, уже не может быть признан совершенным.

В вопросе разработки письменного регламента Щербина уходит от анализа сути закона к проблеме метода его использования. Самое главное – содержание закона – остается на заднем плане. Изначально предполагая несоответствие содержания будущего проекта интересам рабочих, он «выплескивает вместе с водой и ребенка», а именно: говорит о вредности закона как такового. Закон подразумевает обязательность и исполнительность. Автор указывает на опасность злоупотреблений: «такие меры, как (насильственный. – Н.А.) привод рабочих к хозяевам, помимо внутренней своей нецелесообразности, составили бы большую несправедливость по отношению к рабочим при словесных (да и всяких других) договорах. Они выставили бы одни затруднения и вместо практических результатов дали бы массу печальных недоразумений, начиная с личного произвола и оканчивая сопротивлением властям» [1, с. 71]. В то же время мы можем возразить – если наделить закон функцией, обеспечить своевременность оплаты труда рабочим, то вряд ли обязательность его исполнения оказалась бы для них вредной.

Трудно также согласиться с мыслью автора о «ненужности» и «совершенном излишестве» договорных листов для поденных рабочих. С учетом жизненного и трудового опыта Ф. Щербины представляется, что он не мог не знать о существовании типовой формы различного рода документов и о возможности разработки таковой для договорных листов поденных рабочих. Собственно, так можно и даже нужно было решать проблему «невозможности» написания договоров для каждого из огромной армии поденных рабочих. Только единая форма способна уберечь рабочего от несоблюдения его жизненно важных интересов, избежать многовариантности, как правило, несправедливых условий найма.

Так же отметим, что регламентация определенной сферы отношений, как, например, порядок расчета, еще не отменяет возможности устных согласований, необходимых для производственной деятельности, но, напротив, становится фундаментом нерушимости трудовых обязательств и гарантией их выполнения.

В своей работе Ф. Щербина особое место уделяет типам договоров. Достаточно глубоко вникая в особенности каждого, он находит специ-

фические детали в трудовых отношениях работодателей и работников различных групп – батраков, поденных и отхожих. Отметим принципиальную особенность взглядов Щербины по этому вопросу. Отстаивая свой подход к проблеме, он и здесь допускает некоторое смещение позиций, а именно: функцию, которую призван исполнять закон, возлагает на договор, который должен выражать форму его исполнения. Критикуя договор как почву для возможных злоупотреблений в отношении работников, он предостерегает: «Совершенно иное дело договоры писанные. Уже по самому своему характеру они представляют много условного и исключительного. Каждый хозяин в каждом частном случае может преследовать свои исключительные интересы и при этом всему тому, что будет идти в разрез с разумным и справедливым обычаем, придавать обязательный характер простым оформлением своего желания на бумаге... Тут могут быть допущены и эксплуатация одною стороною интересов другой, и неуважение к личности, и посягательство на свободу, и кабала, и пр. пр.» [1, с. 72]. Почвой для таких размышлений послужили примеры реальных договоров, на тот момент не регламентировавшихся законом.

Отмечая назревшие противоречия, их остроту, а также учитывая отголоски в прессе, автор все же приходит к мысли о неизбежности и необходимости законодательного оформления трудовых отношений. Однако настаивает на том, что в них заинтересованы, прежде всего, сами работодатели, полагая, что закон лишь инструмент «нажать рабочего» [1, с. 62, 65].

Видимо, не веря в возможность принятия законов, обеспечивающих интересы работников, автор не стал развивать идею о важности законодательного регулирования для самих рабочих. Хотя, судя по материалу, в котором представлено множество примеров их незавидного положения, как раз, наоборот, следует, что именно они-то больше всех и нуждаются в правовой защите. Принимая указанную тенденцию и предвидя опасности от некачественной разработки проекта закона, Ф. Щербина предлагает несколько принципиальных решений, обращенных на защиту все тех же рабочих: «весьма важно, чтобы в законе была строго ограничена область имущественных явлений от области уголовных» – иными словами, не допустить применения уголовной ответственности в отношении работника за неисполнение им трудовых обязательств, подчеркивая, что здесь речь идет об имущественных отношениях; «устранение всякого произвола хозяев»; «и хозяева, и рабочие должны пользоваться одинаковыми правами и преимуществами перед законом»; «наконец,

уголовная ответственность хозяев за причинение ущерба здоровью рабочих должна быть определена специальным законом» [1, с. 82]. Утверждение этих, казалось бы, естественных мер, необходимых для развития любой отрасли трудовых отношений, потребовало от автора поиска существенных обоснований.

Для нас же примечательна еще одна позиция, которую Щербина поместил на первое место: «Сельские рабочие нуждаются в таких законах, в основе которых должна лежать мысль о рабочем, как мелком хозяине и собственнике по преимуществу, а не пролетарии в западноевропейском смысле». Мы видим, что Ф. Щербина с прежним упорством следует либерально-народническим идеям, отстаивает самобытность и нерушимость «местных особенностей» перед неумолимым развитием капитализма [1, с. 83]. Здесь, как и в ранее изданных трудах, посвященных указанным вопросам [2], Щербина развивал мысль о невозможности «сильного» развития капитализма в России, о необходимости сохранения земельной общины, на базе которой можно построить справедливое общество, свободное от «современных безобразий капитализма» [3].

В то же время справедливо указывается на необходимость учета областных особенностей. Каждый регион имел свои принципы ведения сельского хозяйства, потенциал рабочих рук и, конечно, климат, но именно здесь мы касаемся ключевого вопроса всей работы. Из изложенного материала складывается впечатление некой оторванности Кубани от социально-экономических процессов развития Европы, да и остальной части пореформенной России.

К сожалению, опасения высказанные автором в своей работе, во многом оказались небеспочвенными. Вышедший закон был далек от предложений Федора Андреевича. Именно острота обсуждения его проекта в прессе позволила предположить пропредпринимательскую направленность его содержания. Это и не удивительно – в обсуждении право голоса самим работникам никто не предоставлял.

Касательного самого «Положения о найме на сельские работы» от 12 июня 1886 г. можно сказать, что оно все же явилось важным этапом эволюции отечественного трудового законодательства. Однако его действие только в 1893 г. было распространено на Кубанскую область, до этого события в отношениях работодателей и работников царил полнейший произвол.

Библиографический список

1. Щербина Ф. А. В каких законах нуждаются сельские рабочие? // Северный вестник. СПб., 1886. № 5. С. 62–83.
2. Его же. Рабочие на Кубани // Дело. СПб., 1884. № 4. Отд. 4. С.1–37; Его же. Задачи русской общественной мысли // Русская мысль. М., 1881. № 3. С. 24–37; и др.
3. Алексеев Н.А., Трехбратов Б.А. Ф. А. Щербина как историк пролетариата Кубанской области // Сб. материалов VIII науч.-практич. конф. «Федор Андреевич Щербина, казачество и народы Северного Кавказа: история и современность». Краснодар, 2008. С. 24–29.

Н.Б. Хайлова

Финансовый университет при Правительстве РФ

ПАРТИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕФОРМ О ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ П.А. СТОЛЫПИНА¹

Партия демократических реформ (ПДР) была образована в конце ноября 1905 – январе 1906 гг. в Петербурге по инициативе экономиста А.С. Посникова и публициста К.К. Арсеньева. Влияние ПДР в I Думе было заметным благодаря признанному авторитету М.М. Ковалевского, В.Д. Кузьмина-Караваева (избран также во II Думу), кн. С.Д. Урусова. Несмотря на краткий срок своего существования (до конца 1907 г.), ПДР оставила заметный след в общественно-политической жизни России. Преемственность во взглядах по программным и тактическим вопросам между ПДР, Партией мирного обновления, а впоследствии – Партией прогрессистов, схожесть их организационных принципов, общность социальной базы, наконец, видная роль лидеров ПДР в становлении и развитии указанных партий – все это позволяет рассматривать ПДР как идейный исток «прогрессизма» и первый опыт организационного оформления центристского (между кадетами и октябристами) течения в русском либерализме.

Полагая, что в России лишь либерально-демократическая политика может быть плодотворной и успешной, идеологи ПДР были убеждены в том, что «истинно конституционные партии не могут у нас в России не опираться на народную массу; они не могут, следовательно, доволь-

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 10–01–00168а.

становаться одними политическими реформами и должны стремиться к социальным преобразованиям, т.е. к разрешению на широких демократических началах вопросов аграрного и рабочего» [1]. ПДР выступала за мирное обновление России путем демократических реформ с учетом исторического опыта России и стран Запада. В основу тактики ПДР был положен принцип постепенности преобразований, абсолютное неприятие насилия как метода политической борьбы.

Лидерам ПДР было чуждо противостояние власти как самоцель. С удовлетворением они отмечали, что источник программы социально-политических реформ, провозглашенной П.А. Столыпиным, это – идеи, заимствованные у оппозиции. И впоследствии ПДР никогда не оставляла надежды на сотрудничество власти и общества на почве «положительных идеалов». Вместе с тем по мере реализации правительственной программы нарастало критическое отношение «демреформаторов» и их единомышленников из рядов «левого центра» к деятельности столыпинской команды («кабинета обещаний»). Как фактическое возрождение режима В.К. Плеве характеризовалось развитие ситуации в России вскоре после роспуска I Думы. Идеологи ПДР видели суть столыпинского курса в том, чтобы «подавить, заодно с анархией, и общественную самодеятельность, а в то же время осчастливить народ, помимо его воли и без его содействия», превратить Думу в «декоративное дополнение» правительственной политики [2]. По мнению ПДР, политика Столыпина не отличалась оригинальностью, а представляла собой типичную реакцию бюрократии на проявления смуты в обществе и настоятельную необходимость преобразований. Как пример «бюрократического способа мышления» идеологи ПДР характеризовали, в частности, лозунг столыпинской политики «сначала порядок, потом реформы». Настаивая на обреченности попыток правительства «победить народ и править Россией как завоеванной страной», члены ПДР были убеждены в том, что «единственный здравый метод политики: реформы как источник успокоения, а не наоборот» [3]. Задачей момента объявлялось упразднение «самовластия чиновников». Важная роль в этом деле отводилась реформе местного управления на принципах всесословности, создания в пределах волости мелкой земской единицы.

Разоблачая «бессилие власти, нецелесообразность ее поступков и безнадежную неумелость ее агентов», деятели ПДР неоднократно разъясняли свою критическую позицию по отношению к правительству: «Мы делаем это вовсе не из вкуса к безвластию, а из искреннейшего желания положить безвластию конец. <...> Наш идеал – власть, опираю-

щаяся на народное доверие и потому не нуждающаяся в бесчеловечном терроре». «Отрицательное отношение к анархии слева составляет такую же интегральную часть нашей программы, как и отрицание анархии справа», – неизменно подчеркивали лидеры ПДР. В то же время они обращали внимание на особую опасность «правильному развитию страны», исходившую справа, от той «патриотической “мафии”» (П.Д. Боборыкин), которая оказывала заметное влияние на правительственную политику [4].

По мнению сторонников ПДР, усиление правительственных репрессий не учитывало «психологический переворот», совершившийся в общественном сознании: «Свобода собраний и право союзов стали для русского человека жизненной потребностью. <...> Между тем, права и свободы даются только черносотенным элементам, а мирная оппозиция, составляющая действительное большинство населения, продолжает жить в условиях самодержавного строя» [5]. ПДР выступала за повсеместную отмену режима чрезвычайной охраны, «налагающей тяжелые оковы на все проявления общественной жизни», а также критиковала установленный в России порядок легализации политических партий: «Утверждение партии правительством – явный абсурд, как потому, что правительство является здесь судьей в собственном деле, так и потому, что отказом в утверждении не прекращается, а лишь затрудняется деятельность партии. <...> Все партии законны; незаконными могут быть только действия. <...> Реестр партий, с правдивой их оценкой, может быть составлен только историей» [6].

Забота о привилегированном меньшинстве должна уступить место заботе об обездоленных народных массах – эта идея определяла сущность экономической программы ПДР. Отличительная черта программы ПДР – подробная разработка аграрно-крестьянского вопроса в русле гармонизации интересов всех социальных сил, затрагиваемых земельной реформой, учета конкретных местных условий, разумного сочетания, но не противопоставления форм земельной собственности (частной, общинной, государственной). Идеологи ПДР полагали, что «пора довершить дело, начатое 19 февраля 1861 года и давно остановившееся на полдороге». В программе ПДР впервые была сформулирована идея образования государственного земельного фонда для дополнительного наделения малоземельных и безземельных крестьян землей. Предполагалось формирование этого фонда за счет земель государственных, удельных, кабинетских, монастырских, а также путем принудительного выкупа государством части помещичьих владений («хуже других эксплуатируе-

мых, лишенных хозяйственного инвентаря и более всего обремененных долгами»). ПДР разоблачала мнение «верхов» о недопустимости отчуждения помещичьих земель, утверждая, что «признанию права собственности нимало не противоречит выкуп земель государством в интересах общественной необходимости» [7]. Согласно программе ПДР, земля из государственного фонда должна была передаваться крестьянам на правах «вечнонаследственной аренды», то есть не в собственность, а в бессрочное пользование (общинное или подворное, в зависимости от местных условий) за установленную законом умеренную плату, с правом передачи по наследству, но «без права отчуждения и залога». Посников разъяснял: «Нельзя давать в собственность, а то через некоторое время получится то же явление, что и сейчас: у одних окажется слишком много, у других – мало» [8]. Лидеры ПДР выступали с критикой как аграрных проектов правительства, так и леворадикальных партий: «Ни один из тех крайних полюсов, с одной стороны, наших правительственных сфер, с другой – наших общественных ликвидаторов, нас не удовлетворяет. Оба порядка одинаково предполагают ломку существующего. Народу навязываются формы экономического устройства, наступления которых сам он не требует, которые противоречат его прошлому, <...> насильственно раскрывают перед ним двери неизвестного будущего. <...> Мы не берем на себя смелости решать за самих крестьян вопрос о преимуществах общинного, подворного или личного землевладения, как нет ее у нас и для того, чтобы одним росчерком пера упразднить все существующие юридические отношения и предпринять небывалый еще поход в пользу обращения одной шестой поверхности материков в земельную коммуну» [9].

Идеологи ПДР негативно относились к хуторской системе хозяйства, полагая, что она не имеет достаточных корней в российской деревне и затруднит развитие кооперации – более прогрессивной, по их мнению, формы хозяйствования. Выражая мнение ПДР, депутат I Думы экономист Л.Н. Яснопольский характеризовал указ 9 ноября 1906 г. как проявление «политики разъединения крестьянства»: «Бросить возможность выделения в современную общину, дать этот шанс крепким хозяевам, не сделав ничего для полуничего большинства, это значит провоцировать такой раздор внутри ее, из которого нет другого выхода, кроме конечного распада общины, притом распада после ряда мытарств, под влиянием морального истощения крестьянства от этих раздоров. <...> Наделите массу дешевой землей, дайте ей кредит на устройство новых хозяйств, бережно относитесь ко всем не

вполне отжившим институтам народной жизни, внимательно устраняйте все трудности и препятствия, стоящие на пути возрождения масс, – тогда дайте дорогу индивидуализму. Тогда он не станет орудием сильных, тогда и только тогда он станет могучим рычагом культурно-экономического прогресса» [10].

Лидеры ПДР опасались роста социальной напряженности вследствие недовольства крестьян столыпинской реформой. Вместе с тем они обращали внимание на позитивные процессы в русской деревне, происходившие под давлением «новых требований времени» («перестройка жизненного уклада и самой психики массы»). Как полагали «демреформаторы», эти процессы набирали силу зачастую не благодаря правительственной деятельности, а независимо от нее и даже ей вопреки: «Появление на сцене жизни нового поколения, не знавшего крепостного права и получившего хотя какое-либо образование, раскрытые русско-японской войной язвы бюрократического строя, освободительное движение, сельскохозяйственный кризис, делающий невозможным продолжение рутинной техники в земледелии, уроки культурных людей, большая свобода инициативы, завоеванная за последние годы, – все это ставит сельскую жизнь на новый путь, на новые рельсы, с которых не сдвинуть ее никакими репрессивными мерами. Напротив, упорство репрессивной политики лишь шире раскрывает глаза населению на органические дефекты старого строя» [11].

Характеризуя «конституционализм г. Столыпина», лидеры ПДР отмечали: «Кабинет г. Столыпина продолжает дело г. Горемыкина – дело развенчания акта 17-го октября и демобилизации всех обещанных свобод. Для настоящего кабинета, как и для прошлых двух, Манифест 17-го октября принял форму фургона, перегруженного обещаниями и завязшего в болоте революции. Новые лошади и новый возница должны этот воз сдвинуть; но куда – в этом их секрет. Для обывательских же глаз, здесь секрет полишинеля. <...> Мы допускаем, что личное мировоззрение г. Столыпина расходится с мировоззрением Союза русского народа. Но мы твердо убеждены, что по собственной инициативе г. Столыпин не подсказал бы акта 17-го октября. Еще в больше мере это относится к его коллегам. Чего же можно ожидать от правительства, столь чуждого идее, которой оно призвано служить? Но драма России глубже – драма в том, что сама идея померла для правительства; оно стоит у раскрашенной, набитой всякими снадобиями мумии акта 17-го октября. Оттого оно неподвижно, как древний жрец, по внешности строго и корректно, а внутренне – беспомощно и жалко. Ново-

рожденную нашу свободу задушили и из трупа соорудили египетскую мумию, с головоломными надписями, напоминающими о блеснувшем было счастье, о нерасцветших правах и обязанностях граждан. Эту мумию крепко обнимает кабинет г. Столыпина. Может ли он с нею двинуться вперед?» [12]. Категорически осудив роспуск I Думы, ПДР еще до начала выборов во II Думу выступила с прогнозом деятельности правительства: «Оно вновь и вновь будет распускать Думу, пока избиратель не смирится, пока он не изберет лиц, в программе которых содержится единственный пункт: власть законодательная да подчинится власти исполнительной» [13].

Дальнейшее развитие событий в стране во многом подтвердило верность оценок столыпинского курса, с которыми выступили деятели ПДР в годы первой русской революции. Очередным поводом для обличения правительственной политики в отходе от принципов Великих реформ 1860-70-х гг. стало для либералов-центристов празднование 50-летия Крестьянской реформы. Тогда в среде право-консервативных, проправительственных сил наметилось стремление характеризовать крепостничество как в целом устойчивую систему, «своеобразный семейный быт, где образованное сословие пользовалось правами старших в семье», в силу чего правительство якобы намеренно обеспечило преобладание в земстве за «более образованным классом населения». Возмущенный искажением исторической правды, Арсеньев указывал на недопустимость («и 50 лет назад, и теперь») представлять крестьянство, т.е. большую часть населения России, как «бессознательный элемент» – людей, «не поднявшихся еще практическими навыками и здравым смыслом», а потому нуждающихся в опеке и «присмотре» со стороны «сознательных» руководителей. Арсеньев открыто заявлял, что провозглашаемая «некультурность» крестьян – это фикция, используемая верховной властью и ее опорой – дворянством для сохранения status quo в социально-политическом устройстве России. «Масса, и до сих пор необразованная, не нуждается ли в установлении над нею “дисциплинарной власти”, конечно – “регулируемой” и “введенной в твердые правовые начала”? А материал для организации такой власти не имеется ли налицо в среде “образованного общества” – т.е. тех общественных сфер, которые приняли наследство бывшего помещичьего класса? Нельзя ли создать суррогат той “жизненной системы”, которую легкомысленно разрушило 19-ое февраля? И на эти вопросы поддается утвердительный ответ», – констатировал Арсеньев. Глубоко

возмущенный попытками «идеализировать крепостное право, затуманить или скрасить его мерзость, найти в нем что-нибудь достойное похвалы или подражания», Арсеньев видел главное предназначение юбилейных торжеств 1911 г. в том, чтобы, «еще раз оглянувшись на мрачное прошлое, бесповоротно осудить все его заветы» [14].

И вот спустя столетие календарь юбилейных торжеств вновь представляет возможность актуализировать нашу историю, т.е. использовать ее опыт как повод для обсуждения «болевых точек» современности. На этот раз очередные «круглые даты» связаны с отменой крепостного права и днем рождения П.А. Столыпина, последнего крупного реформатора в истории Российской империи. Вспоминая о несомненных заслугах этого незаурядного государственного деятеля, важно не «замалчивать» крайне противоречивый характер его преобразований и их последствий (а такая тенденция уже набирает силу) и не создавать новых мифов о Столыпине – как «рыцаре без страха и упрека». Представляется полезным (для лучшего понимания как прошлого, так и настоящего) услышать в дни торжеств не только голоса апологетов очередного «героя дня», но еще и мнения (зачастую вовсе не «юбилейные») его выдающихся современников, в т.ч. либералов-центристов.

Библиографический список

1. Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. Документы и материалы. 1906–1916. М., 2002. С. 84.
2. Страна. 1906. № 166. 21 сентября.
3. Там же. № 222. 25 ноября.
4. Там же. № 165. 20 сентября; № 167. 22 сентября.
5. Там же. № 170. 26 сентября.
6. Там же. 1907. № 4. 5 января.
7. Государственная дума. Стенографические отчеты. 1906 год. Сессия I. С. 343–344.
8. Страна. 1906. № 63. 4 мая.
9. Там же. № 68. 10 мая.
10. Там же. № 213. 15 ноября.
11. Там же. № 206. 7 ноября.
12. Там же. № 204. 4 ноября.
13. Там же. № 63. 17 сентября.
14. Вестник Европы. 1911. № 2. С. 313–315.

ПОЛЕМИКА ПО АГРАРНОМУ ВОПРОСУ КАДЕТОВ И П.А. СТОЛЫПИНА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ ВТОРОГО И ТРЕТЬЕГО СОЗЫВОВ

Начало XX века в России ознаменовалось обострением аграрных отношений, так как крестьянская реформа 1861 года к этому времени исчерпала себя. Крестьяне страдали от малоземелья. Ипотечный поземельный кредит, выдаваемый государственными Дворянским и Крестьянским поземельными банками, а также частными кредитными учреждениями, использовался непроизводительно. Помещичьи хозяйства были низкорентабельными, а подчас убыточными в силу невысоких цен на сельскохозяйственную продукцию. Понадобилась первая русская революция, чтобы в стране начались преобразования в деревне. Председатель Совета министров П.А. Столыпин осознавал необходимость коренной перестройки всего уклада российской жизни. Им была разработана целая комплексная программа преобразований, которую сам реформатор называл «вопросами первостепенного государственного значения» [7]. Центральное место в этой программе социально-экономических преобразований занимала аграрная реформа. Это диктовалось отставанием сельскохозяйственного производства от мировых стандартов, низким уровнем жизни основной массы крестьянства, стремлением народных масс к революционному пути решения назревших вопросов. П.А. Столыпин видел основу грядущего процветания России в крестьянине-собственнике, а общину считал тормозом аграрных преобразований.

Политические партии, сформировавшиеся к этому времени, также уделяли большое внимание земельному вопросу. К выработке аграрной программы серьезно относилась партия кадетов. Особенно интенсивно проект земельной реформы разрабатывался аграрной комиссией партии осенью 1906 г. Центральное место на заседаниях вновь избранной II Государственной думы заняло обсуждение аграрного вопроса. На рассмотрение было представлено два аграрных проекта – трудовиков и партии кадетов, который был создан усилиями Н.Н. Кутлера, А.А. Кауфмана и А.А. Мануйлова. Дискуссия по аграрному вопросу между трудовиками и кадетами состоялась 19 марта 1907 г. Основным докладчиком от кадетской партии по земельному вопросу выступал

Н.Н. Кутлер. Поддержав идею трудовиков значительного расширения крестьянского землепользования, он выступил с жесткой критикой той части их программы, в которой говорилось о проведении национализации земли и наделении ею всех желающих. «Партия народной свободы, – говорил Кутлер с трибуны Второй Думы, – предлагает дать землю только крестьянам и землевладельцам других сословий, в настоящее время сидящим на земле и от нее живущим», что, по их мнению более отвечало «требованиям практической жизни» [3, с. 737, 738]. Вместо национализации кадеты предлагали передать землю «окончательно в крестьянское владение», а владельцев ограничить в праве отчуждения и залога с тем, чтобы «предотвратить в будущем широкое развитие купли и продажи земель» [3, с. 739–740].

Давали кадеты ответ и на вопрос, где изыскать земли для устранения крестьянского малоземелья. Прежде всего, земельный резерв они видели в латифундиях, которые оставались главным оплотом сохранения полукрепостнических отношений на селе и объектом постоянного недовольства крестьян. С точки зрения кадетов, к латифундиям должно быть применено принудительное отчуждение без каких-либо ограничений. Другой источник наделения крестьян землей они видели в отчуждении части земель, на которых вели хозяйство помещики собственным инвентарем. Серьезные споры между кадетами вызывал вопрос о пределах отчуждения земель средних помещиков. Кадеты разработали шкалу критериев, которым должны отвечать помещичьи хозяйства, не подлежащие отчуждению. К ним относились следующие показатели: урожайность выше средней по сравнению с крестьянскими хозяйствами; размер заработка крестьян и сельскохозяйственных рабочих должен был превышать валовую доходность десятины земли в условиях крестьянского хозяйства. Помещичьи хозяйства, обслуживающие сельскохозяйственные промышленные предприятия, также длительное время не входили в число отчуждаемых. Этот вопрос нашел отражение в выступлении Н.Н. Кутлера во II Государственной думе: «Ради этих культурных оазисов, уместно, конечно, сделать известное отступление от общего начала принудительного отчуждения земель, уместно установить известную постепенность в переходе культурных частновладельческих земель к крестьянам, дабы дать возможность мелкому крестьянскому землевладению приспособиться к выполнению новых задач, которые оно должно осуществить» [3, с. 1200].

Авторы аграрной программы кадетов специально перечислили те хозяйства, земли которых подлежали отчуждению только в чрезвычайных

случаях для устранения чересполосицы. К ним относились: землевладения мелких помещиков; наделные земли и земли крестьян, купленные через банки; земли под фабрично-заводскими и сельскохозяйственными предприятиями; городские выгонные земли; земли под усадьбами, огородами, если они не сдавались в аренду, под лесонасаждениями, виноградниками, питомниками и т. д.

Не обошли своим вниманием кадеты вопрос об оценке отчуждаемой собственности. Они полагали, что оценивать ее надо «по справедливой», а не рыночной цене за счет государства. В основу справедливой оценки должен быть положен критерий нормальной для данной местности доходности на основе самостоятельного ведения хозяйства без учета арендных ставок. В зависимости от формы эксплуатации земли к ней применялись критерии оценки крестьянского или частновладельческого хозяйства.

Не менее важным и острым был вопрос о методе отчуждения земли. В I Думе кадеты высказывались за выкуп помещичьей земли только за счет государства. Однако среди кадетов имелись люди, число которых с течением времени заметно увеличилось и набрало политический вес, которые считали, что земля не дар божий, а продукт приложения трудов человека и капитала. Поэтому наделение крестьян землей должно проходить на основе выкупа, в котором наряду с государством необходимо участие и крестьян. «Даровая раздача земли, – писал Кутлер, – вызвала бы слишком большое, практически невыполнимое, требование на землю, слишком большую зависть к получающим землю со стороны тех, которым в земле отказано. Можно было бы опасаться также и легкомысленного отношения населения к чрезмерно легко доступному обогащению. Неблагоприятное нравственное влияние дарового приобретения земли на народную массу способно было бы уничтожить все благие экономические следствия этой меры. Даровая раздача малоземельным крестьянам земель, приобретенных на государственный счет, была бы вместе с тем несправедливостью в отношении прочих классов населения» [5, с. 313]. Кутлер полагал, что аграрная реформа будет иметь тем больший результат, чем значительней, если не полностью выкупные операции будут проводиться «на счет тех элементов крестьянского населения, для которых она собственно и предназначена» [5, с. 313].

Мнение Кутлера и его единомышленников было отражено в аграрном законопроекте кадетской партии и прозвучало с трибуны Второй Государственной думы. При этом депутаты Думы от кадетской фракции в лице Н.Н.Кутлера считали, что крестьяне должны нести половину расходов по выкупной операции. Полученная крестьянами земля должна облагаться

поземельным налогом, по величине, прямо пропорциональной размеру выкупа за помещичью землю. «С точки зрения финансовой, – отмечал Кутлер, – плата за отведенные в дополнительный надел земли должна возможно ближе соответствовать вознаграждению, уплачиваемому за землю лицам, у которых она отчуждена» [5, с. 313].

Определенную эволюцию и изменение прошло в кадетской фракции мнение о формах передачи земли крестьянам. Кадетская фракция в I Думе выступала за арендную форму отношений. Но после досрочного роспуска I Государственной думы П.Н. Милюков писал: «партия решила представить свой проект в наиболее приемлемом виде. Она устранила из перводумского проекта “социалистический” привкус, заключавшийся в создании постоянного “земельного фонда”, из которого земля раздавалась бы не в собственность, а в пользование» [4, с. 276]. Уже во II Думе депутаты от кадетской партии настаивали на передаче земли крестьянам в частную собственность. Они решительно выступили против требования трудовиков о наделении крестьян землей по трудовой норме. Более того, при обсуждении этого вопроса во II Думе кадеты предложили передать его решение в руки местных комитетов. «Будем просто требовать одного, – заявил Кутлер, – помогать крестьянам в их малоземелье, не усложняя этой задачи какими-нибудь иными нормами, которые могут затруднить эту реформу, сделав ее химерической или фантастической» [3, с. 731–732]. По мнению Кутлера, местные земельные комитеты должны наделяться широкими правами и полномочиями, так как именно они призваны стать центрами реализации земельной реформы. Их прерогативой должны быть вопросы определения «нормального размера» земельного обеспечения и определения круга лиц, подлежащих наделению землей.

Н.Н. Кутлер смело полемизировал с Председателем Совета министров П.А. Столыпиным, который в продолжение дискуссии по земельному вопросу выступил на одном из заседаний II Думы с анализом аграрных проектов разных партий. Защищая проект партийной фракции кадетов, Н.Н. Кутлер вскрыл несостоятельность высокой оценки Столыпиным помещичьего землевладения, а отказ правительства от принудительного отчуждения земель приравнял к отречению от лучших и светлых страниц русской истории [6, с. 26]. Одновременно Кутлер дал отрицательную оценку закону о выходе из общины, подготовленному П.А. Столыпиным. «Мы возражаем против закона 9 ноября потому, что он дает преобладание интересам отдельных лиц, дает преобладание интересам отдельных домохозяев», – заявил Н.Н. Кутлер с трибуны Второй Думы [3, с. 737].

В дальнейшем официальная пресса поддерживала правительственные круги, и только оппозиционная печать в лице «Речи» и «Русских Ведомостей» солидаризировались с выступлением Кутлера. Однако главные дебаты по этому вопросу развернулись уже в III Думе.

Как известно, II Государственная дума проработала 102 дня и 3 июня 1907 года была распущена. Выборы в Государственную думу третьего созыва проходили уже по новому избирательному закону. В III Государственной думе (ноябрь 1907 – июнь 1912 гг.) Н.Н. Кутлеру принадлежала не менее важная роль, хотя участвовать в ее заседаниях как депутат он начал с 10 октября 1909 года. Одним из важных вопросов в повестке дня оставался вопрос аграрный. Кутлер пытался вдохнуть новую жизнь в аграрную программу кадетов, будучи председателем аграрной комиссии ЦК, в соответствии с изменившимися условиями. В центре внимания III Государственной думы по аграрному вопросу был указ от 9 ноября 1906 г., ставший позднее законом от 14 июня 1910 г. Это обсуждение проходило с 23 октября 1908 г. по 8 мая 1909 г. и заняло полностью или частично 26 думских заседаний, в прениях выступило около 500 ораторов [1, с. 36].

Идеологи буржуазного либерализма были сторонниками идеи создания мелкой частной собственности в России, так как считали, что она облегчит и ускорит процесс создания правового государства. Превращение крестьян в собственников земли, по их мнению, не только улучшит материальное благосостояние и быт крестьян, но и будет способствовать подъему образовательного и культурного уровня жителей деревни. Тем самым будет создана прочная основа для изменения социального статуса крестьян, получения ими гражданского и политического равноправия. Институционально идея аграрной реформы П.А. Столыпина была близка либералам. Не устраивали их методы ее реализации. Вот почему кадеты настойчиво требовали обсуждения в Думе указа 9 ноября. Они были против его применения в столыпинской редакции и предлагали свои варианты.

Аграрная комиссия, возглавляемая Кутлером, пыталась выработать новую конструктивную программу, сочетающую идею «принудительного отчуждения» с указом 9 ноября. Она также подготовила свою редакцию указа о выделении из общины, который должен был заменить указ 9 ноября. На заседаниях фракции Кутлер, говоря об указе, подчеркивал, что не все в нем подлежит упразднению. Сама идея о праве выдела, несомненно, справедлива и рациональна. Но в столыпинской редакции кадетов не устраивало широкое применение методов насилия. Законопроект, подго-

товленный Кутлером, прежде всего, исходил из пользы выделяющихся из общины. «Но нужно так обставить выдел, чтобы не было насильственного разрушения общины», – говорил Н.Н. Кутлер [1, с. 47].

По законопроекту кадетов обществу предоставлялось право давать взамен выдела деньги. Срок выдела, то есть удовлетворение подавшего заявление о выделе общинника, устанавливался три года. В кадетском «Проекте закона о выделе отдельным домохозяевам участков из общинных земель» четко определялся процессуальный порядок защиты прав и интересов общины и отдельного домохозяина. Все споры о наделении землей или уплаты вознаграждения решались в судебном порядке. Кадеты долго и тщательно работали над своим законопроектом, неоднократно обсуждая его на заседаниях фракции и специально созданного бюро по аграрным вопросам. В ходе обсуждения появлялись новые и редактировались старые статьи. Земельная комиссия Думы отвергла законопроект кадетов. В одной из статей Н.Н. Кутлер писал: «Потеряв в общине своего естественного союзника в борьбе с малоземельем, государство затрудняет и осложняет этим борьбу и для себя: землю надо найти не для целых общественных союзов, а для отдельных личностей; нужно найти землю вне фонда наделных земель, хотя бы во многих местностях он оказался достаточным для предотвращения малоземелья» [1, с. 52].

На заседании ЦК партии кадетов 6 ноября 1910 года Кутлер высказал опасение, что претворение в жизнь указа 9 ноября усилит социальные антагонизмы в обществе, так как указ «создает колоссальные массы пролетариата, является величайшей государственной опасностью» [2, с. 470]. Однако указ был утвержден III Государственной думой и стал законом. После проведения первого этапа реформы, в результате которого осуществлялось чересполосное укрепление наделов отдельными домохозяевами, в мае 1911 года было издано «Положение о землеустройстве», по которому начался процесс создания отрубков и хуторов. За десять лет действия указа получили землю в собственность 2,5 млн домохозяев, или четверть всех общинников. Это неплохой результат, учитывая небольшой промежуток времени. Фактически аграрная реформа успешно прошла там, где уровень интенсивного товарного сельскохозяйственного производства был и до того высок: на Украине, в отдельных губерниях Поволжья, Прибалтике, где хуторская система существовала много десятилетий. Общинное землевладение было совсем ликвидировано в Бессарабской и Полтавской губерниях, в Курской оно утратило первенствующее положение. Хутора прижились в Псковской и Смоленской губерниях. Отрубная система прижилась в губерниях Северного Причерноморья, Северного Кавказа и

степного Заволжья. Но в северных, северо-восточных, юго-восточных и центрально-промышленных губерниях реформа почти не затронула общинных порядков.

При всей серьезности и масштабности аграрная реформа не была всесторонне научно проработана. Правительство не пыталось сделать анализ экономической эффективности помещичьих хозяйств, но точно так же оно не располагало данными, показывающими, что хуторско-отрубная система в масштабах страны эффективнее общинной. Вряд ли в такой громадной стране, как Россия, может быть разработана единая аграрная политика для всех разнообразных регионов. Не случайно в конце XIX – начале XX века ученые-аграрники А.А. Кауфман, П.П. Семенов, А.В. Чаянов широко пользовались методом порайонного изучения сельского хозяйства. Слабым местом реформы было ее недостаточное финансовое обеспечение. Упор делался на «дух предприимчивости». Прагматичность П.А. Столыпина соседствовала с идеализмом.

Библиографический список

1. Аврех А.Я. Аграрный вопрос в III Думе // Исторические записки. 1952. Т. 62.
2. Его же. Столыпин и Третья Дума. М., 1968.
3. Государственная дума. Стенографические отчеты. Второй созыв. Сессия II. Т. 1. СПб., 1906.
4. Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991.
5. Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004.
6. Николаев М.Г. Царский министр делает советские деньги. М., 1999.
7. Правительственный вестник. 1906. 24 августа.

А.Н. Долгих

Липецкий государственный педагогический университет

ПОЛИТИКА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В ОТНОШЕНИИ АРЕНДНЫХ КРЕСТЬЯН В РОССИИ ПРИ ПАВЛЕ I

Одним из существенных дополнений к государственной системе крепостного права в России к концу XVIII в. были имения временных помещиков или так называемые арендные, находившиеся на территории ряда западных губерний. Традиционно эти имения сдавались в аренду на определенный срок представителям остзейской и польской

аристократии. Эта традиция сохранилась и после присоединения этих регионов к России, а пожалования «аренд» стали типичным способом награждения уже и русской аристократии и чиновников. При этом российские власти сохранили здесь в принципе и систему взаимоотношений арендаторов и крестьян, основанную на инвентарных правилах или «вакенбухах», регламентирующих права владельцев и повинности их «подданных». Вопрос об арендных имениях недостаточно изучен в историографии, в особенности в плане выяснения соотношения положения этих крестьян с положением обычных крепостных или владельческих «поселян». Также недостаточно изучены и перемены, произошедшие в законодательстве по данному вопросу, в частности при Павле I, связанные с изменением в принципе правительственной политики в отношении различных категорий крестьянства в его правление и в том числе направленные на введение крепостного права в некие законные рамки, касавшиеся и проблем, связанных с арендными имениями [1, с. 39–41; 2, т. 16, № 11984; т. 19, № 13865; т. 21, № 15724; т. 38, № 28863]. Именно этот вопрос и является предметом изучения данного исследования.

Традиционно при Екатерине II эти имения давались на 12 лет. Павел, как это часто бывало, сохранил этот порядок, что было связано, как отмечал А.Б. Каменский, со стремлением к сохранению местных особенностей управления и функционирования окраинных регионов и, «видимо, должно было способствовать предотвращению там возможных конфликтов». Подобная ситуация могла быть связана и с представлениями «Павла о “рыцарской” справедливости, ибо он возвращал части своих подданных то, что полагалось им по праву, данному другими европейскими монархами». Уже актом 12 ноября 1796 г. он начал раздачу аренд «в Финляндии». Предполагалось здесь разделить государственные земли «на мызы и давать в аренду в зависимости от чинов и как в Лифляндии и Эстляндии». Интересны мотивы этого решения: «...сбор от арендаторов будет исправнее, как подушные и недоимки пресекутся; ...сельские жители, имея в арендаторах над собою надзирателей, при разных добрых заведениях, примером их будут поощрены, послушание последует, и своеволие нечувствительным образом прекратится». А указом 29 ноября 1796 г., представлявшим из себя «Наставление, каким образом поступать при отдаче пожалованных в Финляндии казенных земель в арендное содержание и об обязанностях арендаторов», учреждался порядок управления этими имениями, даваемыми на 12 лет, «чтоб они со дня пожалования, вместо прежнего платежа в казну оброка, платили все и исполняли прочие обязанности, на основании помещичьего пра-

ва, натурою». С арендатора бралось «обязательство, чтоб он сверх положенного по ревизии и по законам оброка, до будущего впредь нового оброкоположения, никакими вымышленными налогами, кроме обыкновенных, против воли их, не отягощал». Также он должен был отвечать «за взимание подушных денег»; не рубить лес сверх положенного; не допускать наличия в его имении «праздношатающихся бобылей», что должно было контролироваться Нижним Земским судом; «истреблять корчемство», но сам он мог им заниматься с разрешения вышестоящих инстанций. Он должен был вести за крестьянами «строгое наблюдение, чтоб не запускали хлебопашества и поступали во всем относительно предписанных о сельском домостроительстве законами правил. А за кем усмотрит нерадение, то может тотчас требовать осмотра, а когда нерадивый окажется по закону подверженным согласию с геймата, то земля поручается арендатору, с тем, чтоб ее, заселив, поправил». Раз в 3 года Казенная палата «через Экономии директора освидетельствовать должны вместе с землемерами и членом Нижнего Земского суда о том, как распоряжается арендатор. А если окажутся на арендатора в чем-либо от крестьян и других гейматских владельцев справедливые жалобы, то отсылают оные в Суд для решения по законам...»

Интересно, что в данном случае мы можем увидеть конкретные плоды этой его деятельности. В записках К. Массона описан эпизод с г. Николаи, получившим, как губернёр молодых графов Разумовских, крестьян. У него была земля в Финляндии, где, писал мемуарист, «нет такой крепостной зависимости крестьян, как в России. Николаи часто жаловался на это, говоря, что «эти бездельники не дают ему никакого дохода, да еще утверждают, что у них есть права». Возможно, эти заявления крестьян были связаны с особой политикой Павла в этом регионе. Так, актом 30 июля 1798 г. казенные земли, так называемые «гейматы», можно было продавать здесь лишь крестьянам. (Обсуждение этого вопроса, видимо, вызвало дискуссию в Сенате.) Дело в том, что здесь «гейматы» расхищались чиновниками (видимо, арендаторами), которые их лучше и обустроили. В силу этого, по указу, земли эти у них не отбирались, но и не должны были сдаваться в аренду и продаваться на сторону, а только казенным крестьянам. Ясно, что Павел стремился беречь казенные земли, соблюдая интересы и крестьян, но объективно и ставил здесь преграды расхищению этих земель дворянством, что было характерно для его политики, хотя и не всегда [2, т. 24, № 17546, 17586; т. 25, № 18607; 3, с. 70; 4, с. 491].

Известно, по крайней мере, одно судебное дело этого времени, в котором шла речь о так называемых субарендаторах, когда получивший

имение на условиях аренды дворянин сдавал имение вторично в аренду другому лицу. В конце 1797 г. Санктпетербургская палата суда и расправы в 1-м департаменте, производя ревизию дела о крестьянах майора Опица Кумоловской мызы Санктпетербургского уезда, находившихся в арендном содержании капитана Теренберга, по их жалобе на отягощенные поборами и работами, нашла его виновным в том, что он заставлял крестьян работать на барщине 4 дня в неделю. Основанием для приговора был факт разорения крестьян. При этом было решено лишить Теренберга чинов; не допускать до аренды впредь; контракт об аренде уничтожить, а крестьян оставить у настоящих владельцев; последних обязать подпиской, чтоб они «не принуждали означенных крестьян к работе в неделю более трех дней». Об этом же говорит указ 9 апреля 1798 г., где пожалование срочных аренд на 6 лет (сенатору Кампенгаузену) и срочных аренд в бессрочное арендное содержание Эзельскому дворянству исходило из норм «шведской редукции» 1692 г., ограничивавших права арендаторов [5, с. 556–559; 2, т. 25, № 18472, 18954; т. 26, № 19291].

Особенно показателен павловский указ 10 апреля 1798 г. «О приведении в точную известность качества казенных имений, состоящих в областях, от Польши приобретенных, и о произведении новой оным люстрации» (явно недооцененный в литературе и касавшийся, прежде всего, арендных имений), представлявший собой уникальный случай попытки реализации проекта инвентарной реформы, автором которого был генерал-фельдмаршал Н.В. Репнин, а сам проект был инспирирован монархом, о чем прямо сказано в указе. В нем предлагалось учредить по всем поветам комиссии, которые бы состояли из поветовых маршалов, подкоморжего и хорунжего, уездного землемера, городничего или члена Нижнего Земского суда, для пересвидетельствования инвентарей «всем староствам и прочим сего рода казенным имениям своего уезда, которые должны были описать количество в каждом старостве ежегодного посева всякого хлеба, назначить посредственный урожай оногo, смотря по местному положению и качеству земли, и вообще показать все выгоды, какие в котором из тех имений находятся, равномерно освидетельствовать число дней панщизны и всяких работ, отправляемых жителями». На основании сведений от владельцев за 3 последних года комиссии должны были составить новые постановления на сей счет и представить их в казенные палаты и губернаторам, которые и установят нормы эксплуатации крестьянства в этих имениях. Павел внес одно дополнение в этот план, включив в проект положение о взятии сведений у владельцев за 6 лет. При этом Сенату было предложено прямо при-

ступить к его реализации. Предложения Репнина и указ об этом соответствовали духу павловского законодательства. Несмотря на расплывчатость формулировок, суть их очевидна и направлена на ограничение appetitов арендаторов.

В дальнейшем попытки преобразований в этом направлении предпринимались в Киевской и Выборгской губерниях, Лифляндии, Эстляндии и Курляндии (на что также не указывалось в литературе). Назовем Указ 25 января 1799 г. «Об учреждении Фискалов в Подольской, Волынской, Минской, Литовской и Киевской губерниях», которые должны были «разведывать о всяком злоупотреблении власти», «дабы никому и нигде в Присутственных местах по делам проволочек не было». Они должны были два раза в год обозревать состояние губерний и доносить обо всем губернатору и генерал-прокурору. (На наш взгляд, этот акт был связан с реализацией изложенного выше проекта.) В акте 8 декабря 1799 г., созданном на опыте существования этих должностей, их компетенцию уточнили: блюсти казенный интерес, не лезть в тяжбы, не присваивать себе излишних полномочий и взимать более скромные штрафы, чем было в действительности, а в указе 9 ноября 1800 г. говорилось о проведении ревизии казенным имениям в Эстляндской, Лифляндской, Курляндской и Выборгской губерниях [6, л. 1; 2, т. 25, № 18475, 18670, 18826, 19218; т. 26, № 19642].

Но на деле же ситуация изменилась мало. По мнению К. Массона, помещик мог «произвольно разлучать» крестьян, «продавать, заставляя работать, как скот» [3, с. 70]. По словам Д. Б. Мертваго, в Литве «обычай отдавать имение в аренду уничтожил всякое человеколюбие и промышленность» [7, с. 100].

Заметим, что эти попытки улучшения положения арендных крестьян получили некоторое продолжение в политике и законодательстве позднейшего времени, а идеи «люстрации» нашли свое отражение в дворянских проектах решения крестьянского вопроса первой четверти XIX в. [8, с. 26–35, 58–62].

Библиографический список

1. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М.; Л., 1946. Т. 1.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е: в 40 т. СПб., 1832.
3. Массон К. Мемуары Массона о России / пер. с фр. П. Степановой // Голос минувшего. 1916. № 12. С. 44–73.

4. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века: (опыт целостного анализа). М.: РГГУ, 1999.
5. Клочков М.В. Очерки правительственной деятельности времени Павла I. Пг., 1916.
6. РГИА. Ф. 560. Оп. 1. Д. 130 (1818 г.).
7. Мертваго Д. Б. Записки (1760–1824) /изд. подг. С.П. Дзюбанов, Г.Г. Мартынов. СПб.: Русская симфония, 2006.
8. Долгих А.Н. Крестьянский вопрос во внутренней политике российского самодержавия в конце XVIII – первой четверти XIX вв. Липецк: ЛГПУ, 2006. Т. 2.

Р.Р. Вильданов

Уфимский государственный нефтяной технический университет

ВЫБОРЫ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ В УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Выборы начала XX века отличались от современных избирательных кампаний. Из средств массовой информации в начале века была лишь печать, на которую и приходилось, главным образом, опираться в предвыборной гонке. Но и это средство было недостаточно эффективным из-за низкой грамотности населения. Не умея читать и писать, большая часть населения крайне слабо разбиралась в политической ситуации. Кроме того, специфика избирательного закона делала практически ненужной массовую агитацию. Выборы были невсеобщими, неравными и непрямыми. Неравенство в политических правах определялось сословным состоянием, голосование проводилось по соответствующим куриям, в которых один депутат выбирался разным количеством голосов.

Основную ставку на печать в своей предвыборной агитации делали, прежде всего, октябристы. В силу того, что лидеры «Союза 17 октября» представляли промышленные, финансовые и торговые круги, возможности такого рода были у них колоссальны. Почти каждый отдел партии занимался издательской деятельностью. По данным ЦК Союза, в 1905–1907 гг. было издано около 80 наименований брошюр (некоторые из них – миллионными тиражами). Многие из них переиздавались и распространялись правительственными учреждениями – Синодом, Военным министерством и т. д.

В распоряжении кадетов имелось до 70 центральных газет и журналов. Качество публикаций, их убедительность, сила доказательств, красноре-

чие были на высшем уровне – подавляющую часть партийных кадров составлял цвет российской интеллигенции. В Уфимской губернии кадеты (Конституционно-демократическая партия, «Партия народной свободы») издавали газеты «Уфимский вестник» и «Уфимская жизнь». В этих печатных изданиях они пропагандировали свои идеи: конституционная и парламентская монархия, демократические свободы, правовое государство, сохранение частной собственности, единство России с конституционным правом, культурное самоопределения народов.

В Уфимской губернии существовало несколько печатных органов левых партий. Самые сильные печатные органы были у РСДРП (б). Именно печатные органы были основной скрепляющей силой социал-демократических ячеек. Из местных органов печати наиболее популярной была газета «Уфимский рабочий», только в 1908 году вышло 25 номеров, а общий тираж составил 4 тысячи экземпляров [6]. Распространялись также газеты «Пролетарий», «Рабочий Уралец» (тираж 125 тысяч экземпляров). Социал-демократы развернули в Уфимской губернии широкую агитацию. На Урале работало 11 нелегальных типографий, лучшей из них считалась уфимская [6], она выпустила 500 тысяч листовок и брошюр. Но, как отмечали сами социал-демократы, они были перегружены работой, в редакциях работало по 2–3 человека.

Существовали газеты РСДРП(б), ориентированные на определенные социальные группы: «Уральский рабочий», «Крестьянская газета», «Солдатская Газета». Они активно распространялись в Уфимской губернии. Например, только в 1908 году было выпущено «Уральского рабочего» 7 номеров, тиражом 70 тысяч экземпляров; «Крестьянской газеты» 2 номера, тиражом 18 тысяч экземпляров; «Солдатской Газеты» 5 номеров, тиражом 10 тысяч экземпляров.

Также печаталось множество листовок. В основном эти листовки печатались к определенным событиям, в частности к выборам в Думу. Например, листовка Уфимского комитета РСДРП(б), выпущенная в январе 1907 года тиражом 1500 экземпляров [3, л. 12]. В ней говорится о второй годовщине кровавого воскресения, перечисляются революционные жертвы. Партия призывает пролетариат участвовать в выборах в Думу чтобы не дать «врагам политической свободы народа – черносотенцам» говорить от их имени, также не позволить либералам превратить Думу в «лавочку оптовой и розничной торговли народной свободой». Пролетариат сделает из Думы центр сплочения революционных сил. Поэтому надо голосовать только за депутатов социал-демократов. Прокламации распространялись самыми разными способами. В Уфимском землемер-

ном училище пришедшие на занятия ученики и преподаватели обнаружили, что листовками оклеены печки, а также они помещались в рамках где висели списки учеников [4, л. 39]. В Уфимском реальном училище листовки были прибиты к дверям [4, л. 56]. Белебеевский уездный исправник докладывал начальнику Уфимского губернского жандармского управления, что в Белебее на городской площади ночью были разбросаны листовки социал-демократического содержания на русском и татарском языках [4, л. 134].

Эсеры тоже печатали свои воззвания. Например, они в июле 1906 года отпечатали Выборгское воззвание бывших членов Государственной думы со своим комментарием, призывая к вооруженному восстанию. Это воззвание было напечатано Златоустовской рабочей организацией партии эсеров тиражом 4500 экземпляров [4, л. 29]. У ПСР был свой печатный орган под названием «Печатный листок». Также они распространяли прокламации: «В борьбе обретешь ты право свое», «Враги народа», «Предостережение крестьянам», «Союз народной свободы», «Граждане». Так как до февраля 1917 г. партия социалистов-революционеров находилась на нелегальном положении, эсеры распространяли свои листовки разбрасывая их по площадям и улицам. Например, так поступили эсеры Мензелинска [4, л. 320]. В 1907–1908 местные эсеры издавали газеты «Социалист», «Знамя Урала» и др.

Одним из способов проведения в парламент наибольшего числа своих депутатов является создание предвыборных блоков, выдвижение единых кандидатов, выступление на общей платформе. На этом пути российские дореволюционные партии не стали исключением.

В ходе избирательной кампании обострилась борьба между большевиками и меньшевиками по вопросу о соглашениях с другими партиями и организациями. Меньшевики предлагали не выставлять отдельного списка социал-демократов, а присоединиться к списку прогрессивного блока (кадетского), ссылаясь на необходимость провести в Думу хоть одного социал-демократа, в противном случае могут пройти черносотенцы. Однако партийные организации Уфы высказались против соглашений с кадетами. 16 января 1907 г. на городской конференции Уфимской организации РСДРП большевики высказались за совместный список левых партий: «2 социал-демократа, 2 социалиста-революционера и 2 от партии мусульман». Конференция железнодорожного района Уфимской организации РСДРП (февраль 1907 г.) приняла резолюцию «О задачах с-д. фракции в Государственной думе». В ней говорилось, что революционному пролетариату и крестьянству

нечего ждать от Думы в целом... С.-д. фракция не должна идти на соглашения с буржуазными партиями...»

Гораздо больше внимания уделялось союзу с мусульманским населением. Был выпущен специальный листок «К крестьянам-мусульманам» на татарском языке тиражом 700 экземпляров. Все это дало положительные результаты. Как писал «Уфимский рабочий», на губернском избирательном собрании кадеты выступили против избрания в Думу депутата от РСДРП и лишь голоса левых и мусульман обеспечили победу социал-демократического кандидата. Депутатом от Уфимской губернии во II Государственную думу был избран большевик, рабочий Юрюзанского завода И.Д. Серебряков. При активной поддержке башкир и татар в III Думу был избран рабочий большевик В.Е. Косоротов.

Каждой партии было свойственно применять в соответствии с собственными возможностями свои особенные приемы. Кадеты активно вели просветительно-разъяснительную деятельность, главным образом в городах.

Эсеры занимались тем же, но по большей части среди крестьян, своей главной социальной базы. Помимо этого социалисты-революционеры применяли и крайнюю меру – политический террор. Эсеры в Уфимской губернии использовали методы политического террора [4, л. 876], но следует отметить, что покушение на жизнь полицейских чинов было неудачным. В конце 1905 г. в Уфимской губернии была создана эсеровская боевая дружина (более 50 чел.). Возникли рабочие боевые дружины при партийных комитетах и для охраны демонстраций, митингов, революционеров; они носили замкнутый характер, финансировались партийными организациями. Боевики социалистов-революционеров совершали террористические акты и экспроприации, в Уфе, Златоусте, Белебее, Белорецке, Бирске.

Так же как и эсеры большевики создали рабочие боевые дружины при комитетах РСДРП. В 1906 г. боевые дружины имелись в Златоусте, Симе, позднее организовались в Миньяре, Аша-Балашове и на др. заводах Южного Урала. Наиболее крупной была Уфимская боевая организация (руководители-братья Э.С. и М.С. Кадомцевы). В авг. и сент. 1906 они совершили нападения на почтовые поезда близ разъезда Воронки и ст. Дема. Экспроприированные денежные средства были направлены на вооружение боевых дружин, на нужды Уфимского и Уральского комитетов РСДРП, издание газ. «Уфимский рабочий» и «Урал». В мае 1908 г. Уральская областная конференция РСДРП объявила БОНВ стоящими «вне партии». В июле 1909 г. была создана «Уральская боевая организация РСДРП». В окт. 1908 г. и авг. 1909 г. в Миассе боевиками была экспроприи-

рована с почты значительная сумма денег. После многочисленных арестов боевые дружины были разгромлены.

Но самые оригинальные и разнообразные способы применялись черносотенцами. Относительно безобидными были не совсем корректные нападки на противников. Так, когда выяснились результаты выборов, II монархический съезд в Москве в апреле 1906 г. постановил, что I Государственная дума не может быть признана выразительницей истинных интересов русского народа. Куда более устрашающими выглядели погромы и драки, устраиваемые черными сотнями. Предполагалось, что чайные для простого народа станут местом встреч членов Союза и удобными пунктами агитации. Впрочем, эти заведения вскоре приобрели дурную славу притонов для подозрительных личностей. Крайне правые пытались давить и на религиозное сознание.

В Уфимской губернии отделения черносотенных организаций возникли после 17 окт. 1905. В годы первой российской революции поддерживали репрессивную политику правительства, устраивали погромы в Уфе, Бирске, Златоусте, Миньяре, на Катав-Ивановском, Тирлянском и Белорецком заводах, организовывали убийства ряда революционных и либеральных политических деятелей и т. д. В дек. 1905 г. в Уфимских железнодорожных мастерских и депо станции Уфа черносотенцы создали «Патриотическое общество рабочих» (1200–1400 чел.), сотрудничали с жандармами. Под давлением черносотенцев администрация Уфимских железнодорожных мастерских и депо станции Златоуст снизила расценки, налагала на рабочих необоснованные штрафы и т. д.

В условиях самодержавия власти не могли удержаться от безапелляционного вмешательства в ход избирательной кампании и самих выборов. Правительство стремилось быть ключевым игроком на предвыборной арене. Оно вмешивалось в ход кампании самыми разными способами – например, с помощью сенатских разъяснений, сужавших круг допущенных к голосованию. Примечательно, что функции современного Центризбиркома выполняло МВД. Именно это главное силовое ведомство дореволюционной России рассылало на места инструкции о порядке организации выборов.

Нередко на заводских и фабричных собраниях по проведению выборов уполномоченных присутствовали представители администрации и полиции, что категорически запрещалось законом. Многие рабочие боялись открыто высказываться, а мало-мальски антиправительственная агитация вообще была невозможна. Для того чтобы устранить от участия в выборах как можно большее количество рабочих, имеющих на это право,

администрация предприятий за три-четыре недели до выборов объявляла локауты (массовые увольнения), а затем набирала персонал вновь. Дело заключалось в том, что по закону для участия в выборах рабочим было необходимо отработать на данном предприятии определенный срок.

В конце концов в феврале 1906 года МВД разослало всем губернаторам циркуляр с предписанием организовать тщательную охрану избирательных собраний и митингов. В результате власти большинства губерний без колебаний решили просто запретить любые предвыборные собрания. Одновременно местная администрация начала кампанию арестов и судебных разбирательств, стремясь не допустить в число выборщиков и депутатов неблагонадежных лиц. Особое внимание уделялось выборам по землевладельческой и крестьянской куриям, которые были призваны стать надежным оплотом власти в будущем парламенте. Поэтому местная администрация внимательно следила, лишь бы не допустить проникновения в ряды парламентариев кого-то подозрительного.

Тщательно проверялись и списки крестьянских избирателей, из которых нещадно изгоняли «неблагонадежную» сельскую интеллигенцию – писарей, учителей, фельдшеров, а после 1907 года было лишено избирательного права мусульманское духовенство.

В Уфимской губернии кампании проходили схожими методами. Уездные земские исправники, земские начальники распространяли среди населения брошюры, где в благожелательном для правительства виде преподносилась информация о Думе, листки с царскими речами [1]. Эти произведения читались также в народных чайных читальнях. Например, в народной чайной читальне в селе Николо-Березовка Бирского уезда читались такие брошюры: «Простое слово о Государственной думе», «Простое слово о Царском манифесте 17 октября 1905 года», «Высочайший манифест 17 октября 1905 года и доклад графа Витте», «Голос пастырей к народу», «Собратьям пастырям всех исповеданий и всем, кому дороги заветы Христа, о страшных событиях наших дней», «Об исключительных законах», «Об ответственности должностных лиц», «Человек – непреклонная святыня», «Смертная казнь – преступление», «Братья-поляки», «Что такое личная свобода и для чего она нужна» [1].

Вообще если проанализировать докладные записки уездных земских исправников, земских начальников, то все они пишут губернатору о том, как хорошо на подведомственной им территории расходятся правительственные прокламации, об их положительном влиянии и все просят прислать, напечатать еще. Идет своего рода соревнование, кто больше распространит листовок и прокламаций. Сейчас трудно поверить, было ли

это показное рвение или правда население охотно принимало правительственную агитацию.

Губернатор отправлял аналогичные послания в Санкт-Петербург. Например, губернатор Ключарев сообщал министру внутренних дел, что «милостивые слова Государя Императора курским крестьянам по появлению правительственного вестника были напечатаны в десяти тысячах экземпляров и разосланы населению губернии, теперь дополнительно печатается еще столько же» [1]. О масштабах рассылки прокламаций и брошюр говорит тот факт, что Особый уфимский губернский комитет просил начальника Самарского почтово-телеграфного округа разрешить принимать посылки комитета весом больше трех пудов в 1 день [1].

Библиографический список

1. Записка Бирского уездного комитета попечительства о народной трезвости Уфимскому губернатору // ЦГИА РБ. Ф. И–11. Оп. 1. Ед. хр. 1452. Л. 9.
2. Записка земского начальника 1 участка Белебеевского уезда // ЦГИА РБ. Ф. И–11. Оп. 1 Ед. хр. 1452. Л. 11.
3. Копии из газет, прокламаций и изданий // ЦГИА РБ. Ф. 187. Оп. 1. Ед. хр. 274.
4. Переписка с департаментом полиции // ЦГИА РБ. Ф. 187. Оп. 1 Ед. хр. 118. Л. 39.
5. Переписка с жандармскими управлениями... // ЦГИА РБ. Ф. 187. Оп. 1 Ед. хр. 158. Л. 876.
6. Пролетарий: газета областного комитета большевиков. 1908. 19 февраля. № 22.

И.А. Ревин

Южно-Российский государственный технический университет

СТОЛЫПИНСКАЯ АГРАРНАЯ РЕФОРМА В ОБЛАСТИ ВОЙСКА ДОНСКОГО

Аграрный кризис конца XIX – начала XX в. был вызван, прежде всего, нехваткой земли, в селах быстрыми темпами увеличивался слой безземельных крестьян [1, с. 35–36]. Консервация архаичных форм агрикультуры в значительной степени была связана и с сохранением крестьянской общины. Вопрос о предоставлении отдельным

крестьянам права выхода из общины впервые был поставлен министром финансов С.Ю. Витте в 1898 г. В 1902 г. Николаем II было создано Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности под руководством С.Ю. Витте. Главным итогом его деятельности стало предложение разрешить свободный выход из общины всем желающим, которые после выхода из нее могли бы создавать свои хозяйства на основе частной собственности на землю [5]. Параллельно этот же вопрос с начала XX века рассматривался в трех министерствах: финансов, внутренних дел и земледелия.

Первая русская революция 1905–1907 гг. была тем пределом после которого царское правительство с опозданием, но решилось на проведение аграрной реформы. Крестьянские волнения охватили всю страну и Область войска Донского не была исключением. Лето 1905 г. ознаменовалось бурным аграрным движением в Ростовском, Донецком и Таганрогском округах. Крестьяне нападали на помещичьи имения и громили их, производили потраву помещичьих посевов. В своих многочисленных «приговорах» крестьяне требовали упразднения всех сословий, ликвидации частной собственности на землю, немедленной отмены всех выкупных платежей, свободы собраний [11]. Осенью 1905 г. крестьянское движение распространилось еще шире. В ряде мест крестьяне смещали старост и старшин. Волнения в деревне продолжались и летом 1906 г., причем в ряде случаев (в слободах Голодаевке, Федоровке, Селивановской и др.) царским властям приходилось подавлять крестьянское движение с помощью войск. В 1907 г. произошел ряд новых крестьянских выступлений, среди которых особенно выделяется выступление в селе Крутом Ростовского округа. В таких условиях начинается проведение аграрных преобразований в российской деревне. Главным государственным актом реформы стал указ от 9 ноября 1906 г., разрешавший крестьянам выходить из общины и укреплять землю в личную собственность [13], а так как Манифест от 3 ноября 1905 г. отменил выкупные платежи, то крестьянин мог выйти из общины с землей бесплатно.

Крестьянская личная собственность (бывшая надельная) отличалась от частной собственности на землю. «Крестьяне-укрепленцы» могли продать свои наделы лишь лицам, приписанным к сельскому обществу. Покупатели их земли могли купить не более шести полных наделов (это не означало землю шести дворов, а лишь норму шести душ мужского пола). Вводя эти ограничения, правительство ставило цель сохранить бывшие надельные земли в руках крестьянства, обе-

спечивавшего Россию сельскохозяйственной продукцией. П.А. Столыпин считал, что закон должен налагать «ограничения на землю, а не на ее владельца...» [17, с. 177].

В результате предпринятых мер общинно-душевой форме землепользования стали сопутствовать формы: общинно-укрепленная (чересполосные участки земли, находившиеся в личной собственности с правом отчуждения), отрубная (участки земли, отведенные в личную собственность в одном месте) и хуторская (с переносом на отрубной участок и усадьбы крестьянского двора). За период от 9 ноября 1906 г. по 1 января 1916 г. на Дону было образовано 12969 хуторских и отрубных хозяйств со средним наделом в 9,24 дес., причем темпы создания хуторов увеличивались ежегодно. За это время «укрепило землю» около 20 % крестьянских хозяйств региона.

Значительную помощь выделявшимся хозяевам оказывал Крестьянский поземельный банк. В отличие от других ипотечных банков, выдававших нецелевые ссуды, кредит Крестьянского поземельного банка имел строго определенное назначение – только на покупку земли. Средства для выдачи ссуд Банк аккумулировал за счет выпуска ипотечных облигаций. С началом проведения аграрной реформы на Крестьянский банк была возложена задача «оказывать крестьянам более широкую помощь как путем выдачи ссуд для покупки земли, так и усилением операции по приобретению земель за счет собственных средств Банка». Тем самым Крестьянский банк должен был способствовать «прочному насаждению в среде крестьянского населения единоличной собственности на землю, как основы преобразования хозяйственного уклада сельской России». Если прежде Крестьянский банк отдавал предпочтение коллективным покупателям земли, то с 1906 г. главной целью деятельности Банка в русле всей аграрной реформы стало насаждение прочных единоличных хозяйств. Приобретая землю единолично, крестьяне должны были оплачивать только 10 % от ссуды. В товарищеских покупках (и общинных) ссудная помощь ограничивалась 80 %. Безземельным и малоземельным крестьянам, не имевшим средств для внесения доплат к ссудам, выдаваемым в размере 90 % специальной оценки, была разрешена выдача ссуд в полном размере оценки [12, с. 333–351]. Однако это было скорее исключением. По мнению администрации Крестьянского банка, выплата части покупной стоимости приобретаемой крестьянами земли имела своеобразное «воспитательное» значение, так как укрепляла в крестьянах-покупщиках чувство собственности. «Необходимо, что-

бы покупатель раньше, чем превратиться во владельца приторгованной земли, покрыл известную часть покупной цены... Уплатив за землю из трудовых сбережений, крестьянин проникается сознанием, что эта земля его неотъемлемая собственность, и как бы роднится с нею» [9, с. 24].

В 1907–1916 гг. 86,8 % всей земли, проданной Донским отделением Банка, приходилось на долю хуторян и отрубников, на долю отдельных домохозяев приходилось 3569, товариществ – 9, сельских обществ – всего 3 [7, с. 301]. Причем основное количество сделок приходилось на зажиточных крестьян. О чем свидетельствуют данные об обеспеченности клиентов банка рабочим скотом. В 1909–1915 гг. через Крестьянский банк купили землю 229 домохозяев без рабочего скота, 597 – с одной лошастью, 1222 – с двумя лошадьми и 1521 – с тремя лошадьми [7, с. 302]. Превращение Крестьянского банка в наиболее крупного покупателя земли в стране, несомненно, повлияло на колебания земельных цен. В 1906–1907 гг. – в период массовых продаж помещичьих земель – банк не допустил обесценивания продаваемых частновладельческих имений. Им же был предупрежден искусственный подъем продажной стоимости земли, когда спрос на нее со стороны крестьян повысился. Кроме того, активная роль Крестьянского банка предотвратила скупку за бесценку земли разного рода спекулянтами. В среднем цены на землю, покупаемую крестьянами у банка, были на 23 % ниже, чем на земельном рынке.

Специфичным направлением деятельности Крестьянского банка стала скупка земель иностранных (прежде всего немецких) колонистов с началом Первой мировой войны. К 1914 г. немецким колонистам в Области войска Донского принадлежало от 124620–128441 до 186014 десятин земли [15, с. 22]. Власти рассчитывали, что немецкие колонисты, внесенные в ликвидационные списки, добровольно выставят на продажу свои имения. Однако такие случаи были единичны. К тому же стоимость приобретаемых банком земель не соответствовали реальным ценам. Крестьянский поземельный банк предлагал владельцам 162 руб. за десятину, а фактически цена снижалась еще сильнее [16, с. 27]. Например, жители колонии Никольская Донецкого округа предложили банку купить их имение, потому что благосостояние колонии упало вследствие неурожая в последние годы [3, л. 44об.]. В декабре 1915 г. Донское отделение Банка приобрело их имение за 145 тыс. руб., что было, как считал член Совета отделения А.П. Ошанин, очень выгодно. В 1909 г. колонисты за него заплатили

21 тыс. руб., а после 1909 г. цены на землю сильно выросли, да к тому же ценность имения увеличилась благодаря хорошо оборудованным постройкам. Всего к 1 января 1917 г. Донским отделением Крестьянского Банка было осмотрено 97 владений немецких колонистов площадью 96 323 дес. 244 саж., за которые банк предполагал заплатить немногим более 21,4 млн руб. Фактически были скуплены земли только 41 колонии площадью свыше 57 тыс. дес. за 8,2 млн руб. (в среднем по 144 руб. за дес.) [2, л. 6–7], что составляло примерно около 35 % от общей площади земель немецких колонистов. Таким образом, Крестьянский поземельный банк, участвуя в начатой правительством борьбе с «немецким засильем» в аграрной сфере, реально способствовал ликвидации землевладения немцев-колонистов.

Важным звеном в проведении столыпинской аграрной политики являлись переселенческие мероприятия правительства, целью которых было выселение на окраины России наиболее «беспокойных» элементов крестьянства. О масштабах переселенческого движения на Дону можно судить по следующим цифрам: с 1906 по 1916 г. в Сибирь было переселено 45889 крестьян (до 3 % всего крестьянского населения Дона), из которых 10069 (21,9 %) крестьян вернулись обратно. Особенно большой процент «возвращенцев» наблюдался в 1910 и 1912 гг. – 58,8 % и 57,6 % соответственно [7, с. 302].

Противоречивой (а где-то и негативной) чертой аграрной реформы следует признать быстрое имущественное расслоение крестьянства, так как наряду с зажиточными крестьянами из общины выделялись и бедняки, которые вскоре же лишались участков земли, закрепленных в их личную собственность, и разорялись. Только за семь лет (1907–1913 гг.) продали свои участки наделной земли 6759 домохозяев (около 40 % таких крестьян) [7, с. 291]. К примеру, землеустройство крестьян Кагальника на основании законов 9 ноября 1906 г. и 14 июня 1910 г. дало печальные результаты. Со дня разрешения крестьянам укреплять свои наделы в личную собственность (к 1911 г. – *И.Р.*) из 1844 дворов успели выйти на отруб 632 домохозяина с общим количеством в 3500 дес. наделной земли. Вышедшие на отруб вместо того, чтобы воспользоваться разрешаемым им кредитом под залог наделов для технического подъема производительности земли и улучшения своего хозяйства, просто распродавали их иногда по крайне низким ценам. Насколько успешно шла распродажа крестьянами села своих наделов, видно из того, что из вышедших первыми из общины на отруб 131 домохозяина 85 почти немедленно лишились

своих наделов, продав их по баснословно низким пенам – по 150 руб. за надел количеством земли свыше 3 дес. Крестьяне, продавшие свои наделы, вырученные деньги прожили... и теперь влачат нищенское существование... [8].

В итоге столыпинской реформы и на Дону не только не прекратилась, но еще более обострилась борьба против помещиков в сочетании с борьбой между беднотой и кулачеством. В 1915 г. в поселке Больше-Каменском Таганрогского округа имел место массовый погром кулацких хозяйств [4, с. 8–9]. Политика насильственного разрушения общины и насаждения хуторских и отрубных хозяйств наталкивалась на растущее сопротивление крестьян Дона. В ряде мест они не допускали землемеров к проведению землемерных работ, выступая против несправедливого выделения отрубов, которое лишило сельские общества лугов, водопоев, свободного проезда [14, л. 1–2]. Это вело к агрессии против отрубщиков и хуторян, в которых крестьяне видели источник своих бед.

Столыпинская реформа в полной мере не сгладила остроты аграрного вопроса. Около $\frac{1}{4}$ части всех хозяйств области не имела посевов, около трети не имела с.-х. инвентаря; примерно, $\frac{1}{6}$ часть не имела никакого скота. Казачество, в сравнении с крестьянами, находилось в лучшем положении, но и среди казаков было немало бедняцких хозяйств. Более того, 21 % крестьянских хозяйств принадлежало более 75 % всей надельной и купчей земли крестьян, тогда как на долю 79 % хозяйств приходилось менее 25 % всей земельной площади, принадлежавшей крестьянскому населению области. По данным переписи 1917 г., 15652 (10,23 %) донских крестьянских хозяйств были безземельными, 68 тыс. (44,44 %) имели менее 4 дес. земли, 39 тыс. (25,49 %) имели 4–10 дес., 30348 (19,83 %) – от 10 до 100 дес. земли [6, с. 264–265; 7, с. 302].

Профессор Л.И. Футорянский сделал вывод о том, что в волостях приписных крестьян без земли насчитывалось 13446, посторонних – 20320 хозяйств, а всего на Дону было 86590 безземельных хозяйств. Примерно половина из них не нуждалась в земле и давно занималась разными промыслами (43295 хозяйств) [18, с. 282]. Войсковая запасная земля составляла 12807101 десятин, или 15,1 % всей земли, чиновникам и офицерам принадлежало 1193316 десятин, или 9,3 %. И если разделить всю эту землю на количество нуждающихся в ней хозяйств, то получим по 45 десятин на хозяйство. Средняцким хозяйствам требовалось по 22,5 десятины на двор, поэтому земельный вопрос на Дону можно было решить без конфискации станичных земель.

Отношение самих крестьян к проводимой правительством аграрной реформе было неоднозначным. Как все новое, преобразования П.А. Столыпина встретили недоверчиво. Закон об общине не одобряли из-за опасения посторонней эксплуатации. Корреспонденты писали, что «крестьяне не верят правительству ни на грош и все эти банки и комиссии считают новой ловушкой для простака крестьянина. Банку не доверяли по причине высокой оценки и непосильной оплате. По этой же причине на начальном этапе реформы в 1906–1907 гг. переселения в Сибирь были единичными, так как льготной передачей удельных и казенных земель крестьяне интересовались мало. Часто ходоки возвращались безрезультатно, но «вследствие облегчения процедуры, а отчасти вследствие ежегодного возвышения арендных цен на землю у себя дома» многие крестьяне потянулись в Сибирь [10, л. 25–26]. Перелом в крестьянском сознании наступил с 1908 г., когда стало расти число переселений в Сибирь, на 1911 г. приходится пик выдачи ссуд Донским отделением Крестьянского банка, а в 1914 г. наблюдается всплеск создания хуторов и отрубов.

Концепция аграрной реформы П.А. Столыпина предлагала путь развития смешанной, многоукладной экономики, где государственные формы хозяйства должны были конкурировать с коллективными и частными. Составные элементы его программ – переход к хуторам, использование кооперации, развитие мелиорации, введение трехступенчатого сельскохозяйственного образования, организации дешевого кредита для крестьян, образование земледельческой партии, которая реально представляла интересы мелкого владения. Столыпин выдвигает либеральную доктрину управления сельской общиной, устранения чересполосицы, развития частной собственности на селе и достижения на этой основе экономического роста. По мере прогресса крестьянского хозяйства фермерского типа, ориентированного на рынок, в ходе развития отношений купли-продажи земли должно произойти естественное сокращение помещичьего фонда земли. Будущий аграрный строй России представлялся премьер-министру в виде системы мелких и средних фермерских хозяйств, объединенных местными самоуправляемыми и немногочисленными по размерам дворянскими усадьбами. Однако в ходе революции 1917 года и гражданской войны общинное землевладение одержало решительную победу над частным. Десятилетие спустя, в конце 1920-х гг., вновь вспыхнула острая борьба теперь уже между крестьянской общиной и государством. Итогом этой борьбы стало

окончательное уничтожение общины и начало сплошной коллективизации деревни.

Библиографический список

1. Вронский О.Г. Государственная власть Российской империи и проблемы формирования перспективного аграрного курса на рубеже XIX–XX вв. М., 1999;
2. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 213. Оп. 3. Д. 53.
3. Там же. Ф. 232. Оп. 1. Д. 6397.
4. Золотов В.А. Аграрный вопрос на Дону перед Великой Октябрьской социалистической революцией. Ростов-на-Дону, 1950.
5. Корелин А.П. С.Ю. Витте и аграрный вопрос в России в конце XIX–XX вв. // Экономическая история России XIX–XX вв.: Современный взгляд. М., 2000.
6. Лунин Б.В. Очерки истории Подонья-Приазовья. Кн. 2. Ростов-на-Дону, 1951.
7. Наш край: Документы по истории Донской области XVIII – начало XX века. Ростов-на-Дону, 1963.
8. О продаже крестьянами с. Кагальник своих наделов и скупке их сельскими кулаками // Приазовский край. 1911. 30 ноября.
9. Обзор деятельности Крестьянского поземельного банка за 1906–1910 годы. СПб., 1911.
10. Обзор крестьянского движения по Донской области за 1905–1906 гг. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 91. Оп. 1. Д. 803.
11. Пролетарий. 1905. 13 октября.
12. Проскуракова Н.А. Земельные банки Российской империи. М., 2002.
13. ПСЗ III. Т. XXVI. № 28528.
14. Рапорт землемера Ц. Траутсольта о волнениях крестьян пос. Больше-Каменского в связи с межеванием земель. Июль 1915 г. // ГАРО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 152.
15. Роот Е.В. Немецкие колонии Области Войска Донского (последняя треть XIX в. 1914 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 2003.
16. Соболев И.Г. Крестьянский Поземельный банк и борьба с «немецким засильем» в аграрной сфере (1915–1917 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Сер. 2. 1992. Вып. 3.

17. Столыпин П.А. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете: 1906–1911. М., 1991.
18. Футорянский Л.И. Подворное обследование всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи на Дону в 1917 г. // Взаимодействие народов и культур на Юге России: история и современность. Ростов-на-Дону, 2008.

С.Л. Мерзляков

*Поволжская академия государственной службы
имени П.А. Столыпина*

ЭВОЛЮЦИЯ ОЦЕНКИ РЕФОРМАТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ П.А. СТОЛЫПИНА

Высоко в исторической памяти стоит Петр Аркадьевич Столыпин. Ныне это имя окружено величайшим уважением, безусловным признанием. А знакомство с биографией этого человека, его делами, поступками, с его блистательными речами в Думе подтверждает, что России выпала удача иметь во главе деятеля исключительного калибра, знавшего, что делать для страны, и имевшего мужество осуществлять задуманное (чего стоит один его ответ на вопрос: «Не боитесь ли, Петр Аркадьевич?» – «Я уже считаю себя убитым и потому ничего не боюсь»).

Однако это мы высоко оцениваем П.А. Столыпина, и история. А современники судили жестче. Ругань со всех сторон была постоянным аккомпанементом его деятельности. Для монархистов П.А. Столыпин был дьяволом во плоти, они полагали, что своей земельной реформой он рушит традиционную Русь, дополнительно впускает язву частного предпринимательства, а с ним и «западный дух», который все погубит в России.

Для левых – противников самодержавия революционного либо конституционного толка – П.А. Столыпин также был не реформатором, а негодяем: он ведь работал на самодержавие, пытался укрепить «основы». Так, кадеты А.И. Чупров и А.А. Кауфман, являвшиеся сторонниками частной собственности на землю, высказывались против поспешного разрушения крестьянской общины, усматривая в этом продукт бюрократического творчества, способный породить лишь революцию [См.: 9, с. 82–83; 20; 34]. Другой член кадетской партии

А.П. Изгоев в очерке, посвященном жизни и деятельности П.А. Столыпина, обвинил его в стремлении держаться за власть даже ценой отказа от собственной программы. Что, по его мнению, и привело к краху преобразований [13, с. 3–4, 127–130].

Даже гибель П.А. Столыпина никого не опечалила. При назначении В.Н. Коковцова председателем Совета министров, последовавшего в день смерти Петра Аркадьевича, Николай II произнес: «Надеюсь, что Вы не будете заслонять меня, как Столыпин». А императрица добавила: «Вы очень чтите память Столыпина и придаете слишком много значения его деятельности, его личности. Не надо жалеть так тех, кого не стало... Он уже окончил свою роль и ему нечего уже было более исполнять. Опирайтесь на доверие государя... Столыпин умер, чтобы уступить место вам, и это – для блага России» [21, с. 66]. Радовались не только в придворных кругах. «Широкая общественность» также считала, что сгинул еще один сатрап [7, с. 284–285; 36].

Власть нигде особенно не любят. И везде смотрят на нее с долей недоверия и пристрастности. Бесчисленные опросы на этот счет общественного мнения в США показывают, например, что большинство американцев считают: власть притягивает к себе не лучших людей, а политика – грязное дело. Известный американский социолог Ирвин Кристолл вычеканил фразу, ставшую популярнейшей в стране: «Политическая деятельность – это удовлетворение собственных амбиций за счет общества».

Общечеловеческой является и неспособность сразу и верно оценить реформаторов и реформаторские усилия. Во всех странах у преобразователей нелегкая жизнь. Во всех странах их критикуют и в них разочаровываются. Это только глядя из исторической ретроспективы, обществу следовало им аплодировать. На самом деле успешность преобразований была всегда неочевидной, появлялись непредвиденные и неприятные побочные результаты, чьи-то интересы болезненно задевались реформами, обществу приходилось нести жертвы и т.п. Если кто-то думает, что, например, деятельность Ф. Рузвельта, Дж. Кеннеди, Ш. де Голля проходила под неутрачивающие аплодисменты, то это грубая ошибка. Значительная часть общественного мнения была настроена решительно против них.

Но в России отворачивание общества от власти часто носило характер настоящей эпидемии. И причин тому, на наш взгляд, несколько. Во-первых, сказывалась такая известная черта русского общества, как податливость к общераспространенному мнению, склонность к

конформизму. Российское общество до революции было и продолжает быть до сих пор обществом чрезвычайно внушаемых людей, которое привыкло шарахаться из крайности в крайность, а не коллективистское. Искони русское общество было коллективистским, отсюда и тяга к конформизму. А она исчезает лишь тогда, когда складывается общество индивидуумов. Индивидуум же становится типичной фигурой общества лишь в условиях экономической независимости и демократии – когда человек, хочешь не хочешь, должен быть независим, самостоятельно судить и принимать решения, чтобы жить. Среднему российскому человеку поэтому всегда было свойственно, вынося собственную оценку, прислушиваться: а как думают другие? Какое сложилось мнение? И чаще всего примыкать к нему – под видом принятия самостоятельного решения.

Во-вторых, среди россиян распространена черта, которой удивлялся еще французский посол в дореволюционной России. Морис Палеолог: мгновенно верить плохому о своих вчерашних кумирах. Причем неправдоподобно плохому [24, с. 158].

Существует целая литература о том, отчего в России так плохо удавались реформы, отчего страна невероятно трудно преобразовывала себя. Указан целый ряд причин: громадное сопротивление незаинтересованных в преобразованиях сил (легко прослеживается в связи с любой реформой, начиная от петровских и кончая созданием Думы в начале нынешнего века или совсем недавней демократизацией политической жизни); инертность, безразличие значительной части общества, созданные веками жизни по принципу «Моя хата с краю» (единственный принцип, позволявший выжить в условиях деспотизма); неумелость власти (что мы очень хорошо чувствуем сейчас); неспособность реформаторов объединяться с умеренными в противостоянии консерваторам. Наверное, есть еще какие-то.

Но вот, что в этом перечне отсутствует, так это упоминание того обстоятельства, что сами прореформистские силы и круги в обществе оказывались, как правило, ненадежными в смысле поддержки реформ. Разъедаемые все тем же синдромом подозрительности, видящие преобразованный процесс как простенький, легкий для осуществления, они быстро отшатывались от него, как только он являлся перед ними во всем своем реальном – трудном, медленном, «грязном» – виде. Не было прочной опоры для реформаторства даже на самом реформаторском фланге общества. Реформаторский фланг де-факто «сдавал» реформы. Полностью или в значительной части.

Уходу с политической сцены П.А. Столыпина очень поспособствовала его травля либералами-реформистами. Убит он был не из-за земельной реформы. Точка зрения, что революционеры убили его за то, что предвидели стабилизирующее воздействие реформы на общество, тоже не заслуживает доверия. Ведь реформа поначалу шла так плохо, что выглядела больше как дестабилизация, а не стабилизация. Его убили, скорее всего, за контртеррор. За знаменитое «не запугаете». Однако факт и то, что П.А. Столыпин был уже намечен к отставке царем под давлением правых сил. А одним из доводов было: им все недовольны, включая либералов.

Реформизм – это очень тяжелая, очень трудная политика, в которую входят и неудачи, отступления, повороты назад, некоторые сдачи позиций, как ее неизбежная составная часть. Если иметь в виду крупные преобразования, меняющие всю жизнь, уклад общества, то они нигде в мире не шли ровно, гладко, безусловно успешно. И они везде порождали новые проблемы. Но российское общественное мнение тяжелый, несовершенный ход реформы неизменно принимало за отсутствие реформы или отказ от нее. Жаждающее реформ, это мнение просто не узнавало их в их реальном виде.

Торможение – компонент глубокой реформы. Как можно было ждать быстрой отдачи от столыпинского аграрного преобразования? Сам он полагал, что отдача будет через двадцать лет, она могла быть и через сорок.

Приходится констатировать, что российским реформаторским силам – всегда достаточно крупным хотя бы по причине очевидной необходимости многих преобразований в любой период существования страны – по сути дела, не была присуща реформистская позиция. Она лишь выглядела таковой. Жажда видеть нереально быструю отдачу, требование во всем идти до конца, слепота к реальным трудностям и неизбежным издержкам преобразований, вообще громадная нетерпеливость во всем делали эту позицию, по существу, революционной, а вовсе не реформистской. Реформизм, преобразования, перемены: упорядоченное созидание новой жизни – это были чаще всего лишь пустые слова. То, что таилось за ними, было жаждой переменить все быстро, круто, результативно. Стопроцентно революционная, а не реформистская установка. Вместо реформистской выносливости общество проявляло революционное нетерпение.

Самодержавие не могло проводить реформы общества, опираясь на традиционные его сословия – крестьянство как класс, стоявший вне

политики, и дворянство как класс, органически связанный с данной системой. Основной причиной срыва всех попыток реформ, начиная с 1861 г. и кончая преобразованиями С.Ю. Витте и П.А. Столыпина, была общая неготовность народа к их восприятию. Поэтому реформы оказались невостребованными обществом, что также повлекло за собой резко негативное отношение к личности их автора у основных социальных групп, которые так и не смогли интегрироваться в новые социальные и правовые структуры [4, с. 15].

Для советских историков тон ругательный, даже оскорбляющий личность реформатора задал еще В.И. Ленин. П.А. Столыпин объявлялся им вешателем, крепостником, реакционером, слепым и послушным слугой самодержавия и т.п. [22].

Данные оценки легли в основу советской историографии, посвященной столыпинской реформе. В работах В.С. Дякина, К.Ф. Шацилло, А.Я. Авреха и других указывалось на пороки реформаторского курса. Исследователи обвиняли реформатора в стремлении проводить политику вне демократии и вопреки ей, сохраняя самодержавие и помещичье землевладение [1, с. 265; 8, с. 19; 35, с. 360].

Только в конце перестройки традиционный для советской историографии образ Столыпина-вешателя уступил место почтительному взгляду на него как на мудрого государственного деятеля, девизом которого были: сильная власть, разумные реформы, мощная имперская Россия, национальные приоритеты, зажиточный народ [33].

Особую точку зрения высказал А.И. Солженицын. Он превратил П.А. Столыпина в символ загубленных возможностей великой страны, в героя, вершителя судеб [29, с. 198, 223 и др.]

Наиболее сбалансированный подход к оценке Столыпина-политика, твердой рукой пресекавшего любую крамолу и вместе с тем убежденного в необходимости скорейшего проведения целого комплекса экономических, социальных и политических реформ, нашел отражение в серии работ П.Н. Зырянова. Исследователь довольно подробно осветил и деятельность П.А. Столыпина сначала на посту саратовского губернатора, а потом министра внутренних дел и председателя Совета министров в период первой российской революции [11, 12].

Среди исследований научного характера, по-новому трактующих реформу, нам хочется отметить поволжских историков [2; 3; 5; 6; 10; 14; 15; 16; 19; 26; 30; 31].

В конце 1990-х г и в начале XXI в. в публицистической и реже – в научной литературе получили распространение положительные

оценки столыпинской политики [25; 27; 17; 32]. Сторонников современных радикальных реформ, поднимающих П.А. Столыпина на щит, привлекают три аспекта, актуальных, по их мнению, и для нынешней России: во-первых, попытка создания рыночной экономики и насаждение частной собственности на землю; во-вторых, опора на порядок и диктатуру в осуществлении целей и реформ; в-третьих, создание великой России.

Конечно, имеются в научной литературе и критические оценки. Так, С.С. Секиринский в статье «Российские реформаторы: сюжет и книга в контексте научной литературы последних лет» дал обстоятельный анализ критических оценок деятельности П.А. Столыпина, содержащихся в научной литературе [28].

Публицистика также по-прежнему представлена полярными оценками. Например, известный публицист Сергей Кара-Мурза даже назвал П.А. Столыпина отцом русской революции [18].

Но, на наш взгляд, наиболее удачную и научно аргументированную оценку деятельности П.А. Столыпина, вызвавшую положительную оценку научной общественности, дал С.Ю. Наумов в своем докладе «П.А. Столыпин и современность» на Столыпинских чтениях в Поволжской академии государственной службы, посвященных 140-летию со дня рождения П.А. Столыпина [23].

Подводя итоги историографического анализа, хочется подчеркнуть, что и ныне среди исследователей есть как восхвалители, так и критики преобразователя. Но, давая противоречивую оценку его реформам, авторы сходятся в главном: признании у П.А. Столыпина недюжинного ума, знаний, воли, твердости, личной порядочности и смелости, т.е. качеств, без которых он не состоялся бы как реформатор.

Библиографический список

1. Аврех А.Я. Петр Аркадьевич Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991.
2. Азанов В., Ванеева В. П.А. Столыпин в Саратове // Столыпин. Жизнь и смерть. 1862–1911 гг. Саратов, 1991.
3. Быкова В.А., Коновалов Г.А. Столыпинская аграрная реформа и некоторые проблемы ее реализации в Саратовской губернии // Балашовский исторический журнал. 1994. № 1.

4. Власть и реформы в России. Материалы «круглого стола», посвященного обсуждению коллективной монографии петербургских историков // Отечественная история. 1998. № 2.
5. Воронежцев А.В. Столыпин и земство // Земское обозрение. 1995. 17 марта.
6. Герасименко Г.А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. Саратов: Изд. СГУ, 1985.
7. Гучков А.И. Речь, произнесенная 3 октября 1911 г. в Петербургском Клубе Общественных деятелей // Убийство Столыпина. Свидетельства и документы. Рига, 1990.
8. Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство. 1907–1911. Л., 1978.
9. Егоров Ю. Чупров против Столыпина. Аграрные преобразования в России // Свободная мысль. 1993. № 4.
10. Запорожцев А. П.А. Столыпин: Саратовский период // Большая Волга. 1991. 12 января.
11. Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М., 1992.
12. Его же. Петр Столыпин: Политический портрет. М., 1992.
13. Изгоев А.П. Столыпин: Очерк жизни и деятельности. М., 1912.
14. История Саратовского края: учебное пособие. Саратов, 1996.
15. Кабытов П.С. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982.
16. Его же. Русское крестьянство в начале XX века. Саратов, 1990.
17. Казарезов В.В. Петр Аркадьевич Столыпин и аграрная реформа начала века // Сибирские огни. 1991. № 4.
18. Кара-Мурза С. Столыпин – отец русской революции. М., 2002.
19. Катков С. Кресло № 5. Штрихи к портрету П.А. Столыпина // Годы и люди. Саратов. Вып. 6. 1992.
20. Кауфман А.А. К вопросу о происхождении в России общины. М., 1906.
21. Коковцов В.Н. Из моего прошлого. М., 1992. Т. 2.
22. Ленин В.И. Полное собрание сочинений.
23. Наумов С.Ю. П.А. Столыпин и современность. Саратов, 2002.
24. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991.
25. Петров Р. Петр Столыпин: одиночество реформатора // Россия. 1990. 22 ноября.
26. Пиреев А.И. П.А. Столыпин – Саратовский губернатор (1903–1906 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1997.
27. Поляков Ю., Шмелев Н. Здравый смысл // Литературная газета. 1989. № 30.

28. Секиринский С.С. Российские реформаторы: сюжет и книга в контексте научной литературы последних лет // Отечественная история. 1997. № 3.
29. Солженицын А.И. Красное колесо: повествование в отмеренных строках. Узел 1. Август Четырнадцатого. М., 1990.
30. Столыпин. Жизнь и смерть (1862–1911): сборник / сост. Г. Сидоровнин. Изд. 2. Саратов, 1997.
31. Столыпин: жизнь и смерть. Сборник публицистики / сост. А. Серебренников, Г. Сидоровнин. Саратов, 1991.
32. Сытин А. Петр Аркадьевич Столыпин // Московский журнал. 1993. № 12.
33. Тютюкин С.В. Первая российская революция в отечественной историографии 90-х годов // Отечественная история. 1996. № 4.
34. Чупров А.И. Мелкое земледелие и его основные нужды. М., 1918.
35. Шацилло К.Ф. Николай II: реформы и революция // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России. IX – начала XX в. М., 1991.
36. Шубинский И.П. Памяти П.А. Столыпина // Правда Столыпина. Т. I. Саратов, 1999.

Е.А. Кирьянова, Э.С. Лобода

Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ БУЛЫГИН: СУДЬБА ТИПИЧНОГО МОНАРХИСТА

Среди существующих в истории нарицательных названий («потемкинские деревни», «стольпинские виселицы») есть одно, которое нельзя не вспомнить, размышляя о бурных и трагических событиях начала XX века. «Булыгинская дума» стала так и нереализованным проектом весьма ограниченного народного представительства, а сам Александр Григорьевич Булыгин, волею судеб очутившийся в водовороте революционных событий 1905 года, оказался совсем не готов к той роли, которая была ему отведена.

Александр Григорьевич Булыгин родился в 1851 году в Рязанской губернии. Он происходил из старинного дворянского рода, родоначальником которого являлся Гавриил Васильевич Булыгин, служивший в 1628–1648 годах городовым дворянином в Рязани.

Александр Григорьевич окончил Императорское училище правоведения с золотой медалью (1871). И в этом же году начал службу в ведомстве Министерства юстиции при Тамбовском окружном суде в должности кандидата, но вскоре был переведен следователем в Киевскую губернию. В 1873 году перешел на службу в Министерство внутренних дел, был назначен чиновником особых поручений при саратовском губернаторе. «Спустя год на него было возложено рассмотрение представляемых губернатору волостными правлениями приговоров крестьянских обществ по учету должностных лиц и сборщиков податей, наблюдение за своевременным доставлением уездными исправниками и полицмейстерами ведомостей о делах, возбужденных полицией у мировых судей, исполнение обязанностей делопроизводителя в собраниях сельскохозяйственного съезда в г. Саратове» [1, с. 158].

В 1876 году Александр Григорьевич был командирован в Ригу для знакомства с приемами осмотра и сортировки лошадей, после этого назначен членом и председателем Петровской уездной приемной комиссии по поставке лошадей в армию и одновременно почетным мировым судьей Петровского уезда Саратовской губернии. Активно работал в земстве, был гласным Петровского уездного и Саратовского губернского земств, почетным мировым судьей Зарайского уезда Рязанской губернии. В 1877 был председателем комиссии для приведения в порядок саратовского губернского архива, в следующем году стал почетным блюстителем саратовской Мариинской женской гимназии. В 1879 году Булыгин был назначен инспектором 6 класса Главного тюремного управления, почетным членом саратовского Губернского попечительства детских приютов.

В 1881 году Булыгин был откомандирован «для занятий в Главное тюремное управление Министерства внутренних дел» [2, с. 204]. В 1881–1889 годах был предводителем дворянства в Зарайском уезде Рязанской губернии. Современники высказывались о нем как о «прекраснейшем и честнейшем человеке» [3, с. 78].

Убежденный монархист, Булыгин успешно делал карьеру, последовательно занимая посты от судебного следователя до министра внутренних дел. С конца 80-х годов начинается его губернаторская карьера. В 1886 году Булыгин становится тамбовским вице-губернатором. В феврале 1888 года вступил в управление Калуж-

ской губернией, официально назначен калужским губернатором 1 января 1889 года с производством в действительные статские советники.

При Булыгине было улучшено освещение Калуги, начал работать водопровод, обсуждался вопрос о строительстве в городе конно-железной дороги. В 1891 году в Калуге была открыта общественная библиотека, в 1892-м – завершено строительство здания управления Сызрано-Вяземской железной дороги.

В Памятных книжках Калужской губернии, начиная с 1888 и по 1914 годы, Александр Григорьевич Булыгин числится как почетный член Общества помощи бедным. 28 января 1891 года была образована Калужская ученая архивная комиссия, членом которой он был много лет. Комиссии было вменено в обязанность составление губернского исторического архива.

По инициативе Булыгина и на его средства в Калуге на Соборной площади (у Троицкого собора) была заложена аллея лиственниц и разбит сквер, названный Владимирским в честь посещения Калуги великим князем Владимиром Михайловичем. Сейчас – это часть парка культуры и отдыха.

В 1889 году Булыгин запретил празднование 500-летия Калуги на основании договорной грамоты Дмитрия Донского 1389 года: «А Колуга и Роща сыну же моему Князю Андрею...» [4, с. 156]. И он оказался прав. Уже в середине XX века историки обнаружили послание литовского князя Ольгерда Гедиминовича, датированное 1371 годом, с жалобой за взятие у него ряда городов, в том числе и Калуги.

3 июня 1893 года Булыгин оставил пост калужского губернатора в связи с назначением его губернатором Москвы. В 1895 году был назначен гофмейстером Двора¹.

С образованием в 1902 году должности помощника московского генерал-губернатора Булыгин занял ее и стал деятельным помощником великого князя Сергея Александровича. В этой должности Александр Григорьевич был покровителем и поощрителем начальника московского охранного отделения Зубатова и зубатовского по-

---

¹ Гофмейстер – управляющий двором, стряпчий, придворный чин III класса в Табеле о рангах. Управлял дворцовым хозяйством и штатом придворных.

лицейского социализма. 1 января 1905 года Булыгин был назначен членом Государственного совета.

Начавшаяся революция означала крушение политики князя П.Д. Святополк-Мирского, и с 20 января по 22 октября 1905 года место министра внутренних дел занимал Булыгин. Назначение Булыгина в определенной степени свидетельствовало о повороте от политики «доверия» Святополк-Мирского к политике репрессий эпохи Плеве.

Положение Булыгина было трудным. Неудачи в войне с Японией и рост общественного и рабочего движения дестабилизировали ситуацию в стране. При этом Булыгин, занимавший высший пост в администрации государства, не пользовался особым доверием правящих сфер и не имел достаточного авторитета. Почти одновременно с ним на пост петербургского генерал-губернатора с особыми полномочиями был назначен генерал Д.Ф. Трепов, который фактически лишал Булыгина значительной доли власти. Не только местные меры чисто полицейских репрессий, но и общие меры против печати, при Святополк-Мирском пользовавшейся относительной свободой, а теперь вновь крайне стесненной, исходили в действительности от Трепова, а не от Булыгина.

18 февраля 1905 года был опубликован Высочайший манифест, в котором «все русские люди, верные заветам родной старины», приглашались сплотиться вокруг престола, а на имя Булыгина дан Высочайший рескрипт, которым учреждалось особое совещание для обсуждения выраженной в рескрипте Монаршей воли «привлечь достойнейших доверием народа облеченных, избранных от населения людей в участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений» [5, с. 235]. В течение трех последовавших за изданием рескрипта месяцев министерство внутренних дел было занято рассмотрением предложений о составе и компетенции упомянутого особого совещания, но до 15 мая результаты этих работ не были еще опубликованы и состав особого совещания не определен.

При Булыгине многие местности России были объявлены на положении чрезвычайной или усиленной охраны. В видах самодержца и его ближайшего окружения было поручить Булыгину сосредоточиться в работе над проектом учреждения в России Государственной думы. И хотя министр внутренних дел занялся этой проблемой, он, однако, не сочувствовал самой идее Думы и сделал для возложенного на него проекта очень немного. Бесцветный Булыгин не был ни

реформатором, ни сильной личностью, он не соответствовал в столь сложный момент возложенной на него должности. Ближайшее окружение Николая II также не было уверено в том, что Булыгин проявит достаточно твердости и энергичности для подавления «беспорядков», поэтому большую часть фактической власти предоставило петербургскому генерал-губернатору Д.Ф. Трепову. Булыгина освободили от управления полицией, возложив подавление беспорядков на более твердого и энергичного Трепова, который в мае 1905 стал товарищем (т.е. заместителем) министра внутренних дел с оставлением в генерал-губернаторской должности. Это еще более ослабило влияние Булыгина.

События тем временем нарастали. 17 мая 1905 года в Петербург пришла весть о Цусимской катастрофе. Надо было что-то предпринимать и делать это быстро.

Практически всю работу по составлению проекта Государственной думы А.Г. Булыгин свалил на помощников. К середине июля проект «Булыгинской думы» был готов. 19–26 июля его обсуждали на совещаниях в Петергофе. Участвовавшие в них представители дворянских обществ охарактеризовали булыгинский проект как измену. Е.В. Богданович заклинал царя: «...вся Россия в огне. Ей нужна мощная карающая власть» [6, с. 424]. Тем не менее проект был одобрен. Царским Манифестом 6 августа было объявлено об учреждении Государственной думы – представительного законосовещательного органа. В тот же день правительство опубликовало «Положение о выборах в Государственную Думу», но в действие оно так и не вошло.

По этому проекту большинство населения не получило избирательных прав, крестьянству устанавливались четырехстепенные выборы, а для землевладельцев и городских избирателей – высокий имущественный ценз. Булыгинская дума никого не удовлетворяла. Вместе с тем опубликованный проект утратил по прочтении всякую актуальность. По выражению П.Н. Милюкова, «Булыгинская дума перестала стоять в центре интереса, отодвинувшись куда-то в туман» [7, с. 305].

Булыгинская дума так и не была созвана. Начавшаяся в октябре 1905 года Всероссийская забастовка привела к появлению Манифеста 17 октября с обещанием законодательной Думы. Роль Булыгина,

открыто тяготившегося своим положением, была сыграна. Булыгин был отправлен в отставку сразу же после 17 октября 1905 года. После этого был организован Совет министров под председательством С.Ю. Витте, в состав которого Булыгин не вошел; на посту министра его заменил П.Н. Дурново. Булыгин остался членом Государственного совета.

После преобразования Государственного совета в 1906 году Булыгин ежегодно призывался к участию в работе в Совете, принадлежал в нем к крайним правым, но до 1912 года не произнес ни одной речи и фактически сошел с политической сцены. В 1912 году Булыгин был назначен председателем «Комитета для устройства празднования 300-летия Дома Романовых», после чего занимал еще несколько придворных, мало значимых постов.

В 1917-м Булыгин отошел от политической деятельности, уехал в свое рязанское имение. В конце лета 1919 года, когда во время наступления А.И. Деникина решалась судьба советской России, А.Г. Булыгин был арестован и 5 сентября постановлением Рязанской Губчека расстрелян «за деятельность в 1905 году». Место захоронения Булыгина неизвестно.

Библиографический список

1. Булыгин Александр Григорьевич // Государственные деятели России XIX – начала XX вв.: биогр. справочник. М., 1995.
2. Булыгин Александр Григорьевич // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года. Энциклопедия. М., 1994. Т. 1.
3. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000.
4. Иванов В. А. Булыгин Александр Григорьевич // Калужская энциклопедия: сб. материалов. Калуга, 1994. Вып. 1.
5. Государственная дума в России: сб. документов и материалов. М., 1957.
6. Политическая история. Россия – СССР – Российская Федерация. М., 1996. Т. 1.
7. Милюков П.Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 1. М., 1990.

СОДЕРЖАНИЕ

Межрегиональная научно-практическая конференция «Власть и общество в России – жизнь и государственная деятельность П.А. Столыпина»	3
--	---

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

П.С. Кабытов	
П.А. Столыпин и программа реформирования России	8
К.И. Могилевский	
Фонд изучения наследия П.А. Столыпина	16
А.А. Иванов, А.Г. Иванов	
Мобилизация земельной собственности в деревне Среднего Поволжья и Приуралья в годы столыпинской аграрной реформы по данным анкетирования первых лет Советской власти	27

СЕКЦИЯ I. ПЕТР АРКАДЬЕВИЧ СТОЛЫПИН И АГРАРНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

О.А. Сухова	
Аграрная реформа П.А. Столыпина как вызов крестьянской ментальности	36
О.А. Прилуцкая	
Историко-правовые аспекты столыпинской аграрной реформы	42
Д.В. Сидоров	
Земский корпус и деятельность землеустроительных комиссий в российской провинции в период реализации столыпинской земельной реформы (на материалах Костромской губернии)	48
Р.В. Шайдуллин, Р.Р. Батыршин	
Деятельность землеустроительных комиссий в России в 1906–1909 гг. (по материалам Казанской губернии)	53
В.А. Ахметханова	
Столыпинская аграрная реформа в реализации сельскохозяйственной деятельности казенного ведомства Самарской губернии начала XX столетия	59

Н.Н. Кабытова

Судьба «стольпинских выделенцев» в Российской революции 1917 года 66

М.И. Роднов

Х.Ф. Усманов – исследователь стольпинской реформы на Южном Урале 76

Н.А. Курсков

Самарские хуторяне и отрубники в условиях новой аграрной политики комитетов народной власти в 1917 году 80

А.А. Мякотин

Общественно-политическая и хозяйственная самоорганизация крестьянства в начале XX века (некоторые аспекты историографии) 90

Н.Н. Зоркова

Отношение к стольпинской аграрной реформе местных органов власти, земских, общественных деятелей и крестьян (на примере Мордовского края) 96

Н.В. Гурская

Положение крестьян-переселенцев на территории Уральской области и Уральского казачьего войска в начале XX века 102

О.Н. Иванова

Прерывистая судьба российского фермерства в XX веке 106

**СЕКЦИЯ II. ПЕТР АРКАДЬЕВИЧ СТОЛЫПИН
И РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС НАЧАЛА XX ВЕКА**

М.И. Леонов

П.А. Столыпин: среда реформ 114

Е.П. Барина

П.А. Столыпин и объединенное дворянство о финляндском вопросе 121

Р.С. Асташкин

Книги из библиотеки М.В. Родзянко – политического союзника П.А. Столыпина – в фонде отдела редких книг СОУНБ 129

С.Г. Сиротина	
Попытка самодержавия совершенствовать государственный строй Российской империи (От Манифеста 17 октября к Конституции)	136
В.А. Тюрин	
П.А. Столыпин и реформирование системы губернского административного управления	144
А.В. Сыпченко	
Народные социалисты и Государственная дума Российской империи	149
Ю.В. Варфоломеев	
П.А. Столыпин и III Государственная дума: прерванный диалог власти и общества (по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства)	156
А.В. Лопухова	
П.А. Столыпин и Всероссийский национальный союз	162
О.А. Чернов	
П.А. Столыпин и Н.В. Чарыков в период Боснийского кризиса	170
Г.Н. Шумкин	
Планы реконструкции военного производства на казенных горных заводах в 1910–1912 гг.	175
Н.К. Змиренкова	
Правовой статус Государственной думы по законодательству Российской империи	181
Р.В. Пазин	
Обсуждение вопросов о терроре, амнистии и смертной казни в I и II Государственных думах: позиция либералов	188
В.С. Миняшев	
Обсуждение законопроекта о реформе местного суда в III Государственной думе	196

СЕКЦИЯ III. ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ИСТОРИИ РОССИИ XVII – СЕРЕДИНЫ XX ВЕКОВ

Э.Л. Дубман

Власть и местное общество в формировании сельскохозяйственной
округи понизовых городов в XVII – начале XVIII вв. (на примере
Самары) 204

Л.М. Артамонова

«Прежде должно учинить свободными души, а потом уже тела»: пред-
ставления государственных деятелей 1780-х годов о просвещении как
условии освободительных реформ 211

Ю.Н. Смирнов

Обострение взаимоотношений властей Оренбургской губернии с на-
селением Заволжья в 1764–1768 гг. 218

О.Б. Леонтьева

«Властитель слабый и лукавый»: образ Александра I в российской
исторической культуре конца XIX – начала XX в. 227

С.В. Белоусов

Столыпины в Отечественной войне 1812 года 234

Ю.Н. Гусева

«Пробуждение ислама» в конце XIX – начале XX в. в средневожских
губерниях: к постановке проблемы 243

Е.В. Буланкина

Причины революции 1905–1907 годов в оценке П.А. Сорокина 246

Е.И. Сумбурова

Учителя Самарского края в годы первой русской революции 251

З.М. Кобозева

«Мирная жизнь в тылу»: самарское мещанство в годы первой русской
революции (1905–1907 гг.) 257

А.А. Воеводина

Мещанство в русской общественной мысли периода революции 1905–1907 гг. 267

А.В. Мендюков

Православная церковь и общество в годы первой русской революции 273

Е.Е. Шеремеев

Путь на «Голгофу», или «Надклассовая» эквилибристика Конституционно-демократической партии на примере Поволжья в 1905–1907 гг. 279

В.Н. Парамонов

История столыпинской модернизации на страницах вузовских учебников 288

Е.А. Калеменова

Скандал в «благородном семействе»: дискуссия вокруг сборника «Вехи» в 1909 году 296

А.В. Ермошин

Религиозное обучение в светской школе в контексте вопроса о реформировании среднего образования в Российской империи в начале XX века 304

**СЕКЦИЯ IV. ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

С.В. Корновенко

Мероприятия Правительства Юга России по обеспечению сельского хозяйства Таврии техникой 312

М.Э. Кавун

Город как эпицентр социальной напряженности в Российской империи начала XX века: Екатеринослав 1905 г. и феномен «Чечелевской республики» 317

В.Б. Безгин

Аграрное движение начала XX века в губерниях Центрального Черноземья 324

- Е.К. Минеева**
Национальный вопрос в России на рубеже XIX–XX вв. (на материалах народов Среднего Поволжья) 331
- В.В. Кудряшов**
Политические ссыльные об избирательной системе и политике правительства Российской империи накануне выборов в IV Государственную думу 339
- Н.А. Алексеев**
Взгляды Ф. А. Щербины на проблему законодательного регулирования найма в сельском хозяйстве 344
- Н.Б. Хайлова**
Партия демократических реформ о преобразованиях П.А. Столыпина 349
- Л.А. Муравьева**
Полемика по аграрному вопросу кадетов и П.А. Столыпина в Государственной думе второго и третьего созывов 356
- А.Н. Долгих**
Политика и законодательство в отношении арендных крестьян в России при Павле I 362
- Р.Р. Вильданов**
Выборы в Государственную думу в Уфимской губернии 367
- И.А. Ревин**
Столыпинская аграрная реформа в Области войска Донского 373
- С.Л. Мерзляков**
Эволюция оценки реформаторской деятельности П.А. Столыпина 381
- Е.А. Кирьянова, Э.С. Лобода**
Александр Григорьевич Булыгин: судьба типичного монархиста 388

Научное издание

К 150-летию со дня рождения П.А. Столыпина

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В РОССИИ
ЖИЗНЬ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
П.А. СТОЛЫПИНА

Межрегиональная научно-практическая конференция
(Самара, 21 апреля 2011 г.)

Материалы и доклады

*Фотографии предоставлены Фондом
изучения наследия П. А. Столыпина*

Публикуется в авторской редакции
Художественный редактор *Л. В. Крылова*
Корректор *Т. А. Мурзинова*
Компьютерная верстка, макет *А. А. Касатиковой*
Обложка *Ю. А. Буяковой*

Подписано в печать 15.06.2011

Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 25 усл.-печ. л., 25 уч.-изд. л. Тираж 300 экз. Заказ № 571.

Издательство «Самарский университет»
443011, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1
Тел. (846) 334-54-23

Отпечатано в типографии ООО «Книга»
443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1
Тел. (846) 267-36-82. E-mail: izdatkniga@yandex.ru